

ЛЕВ ПРЕЙГЕРМАН

ГОДЫ МОИ ...

Израиль, 2022

Прейгерман Лев.
Годы мои...
Мемуары. Израиль, Хайфа. ., издание ИНАРН, 2022. -
.450 с.

Текст опубликован в авторской редакции.

Отпечатано в типографии
Gutenberg
Хайфа, Израиль

ISBN 978 - 965-598-196-4

© Прейгерман Лев, 2022 год

ОБ АВТОРЕ

Профессор Лев Прейгерман. Доктор Физики. Занимается проблемами теоретической физики и физической космологии. Автор ряда инновационных идей и теорий, в том числе теории идей и механизмов мыслительной деятельности, программной эволюции Вселенной и жизни, виртуальной Вселенной и космологической сингулярности, двухполярного мира и пр. В соавторстве с доктором Марк Бруком разработал новую дедуктивную методику преподавания физики и в том же соавторстве выпустил новый учебник по физике «Курс современной физики», изданного московским научным издательством «Ленанд» тиражом 600 экземпляров. Он получил высокую оценку российских, украинских и израильских ученых, рекомендован Институтом философии РАН и Академией имени Маймонида в качестве учебного пособия для высших учебных заведений. В настоящее время переводится на английский язык. Автор многочисленных статей по теоретической физике и четырех монографий «Вселенная и Разум», «За пределами реальности». «Наука и религия», «Неизвестная Вселенная», а также литературного сборника «Птица Феникс». Президент Израильской Независимой Академии развития науки, руководитель Дома Ученых и специалистов г. Ришон ле Циона. Член Правления форума Ученых репатриантов Израиля, член Правления Хазит Акавод, гл. редактор журнала «Ученые записки» и сайтов академии, член редакционного Совета российских журналов ВАК, гл. редактор журнала Хайфский ветеран,

зам гл. редактора литературно-публицистического журнала молдавского землячества «Дороги», член Союза русскоязычных писателей Израиля.

ЧАСТЬ 1

ОТ НУЛЯ ДО 10

Романовка довоенная

1.1. Романовка.

Я родился в сентябре 1931 года в ортодоксально верующей семье хасида в еврейском Бессарабском местечке, Романовке. Здесь, к началу войны, проживало около 1200 еврейских, где-то 100-150 молдавских семей, с десятков семей оседлых цыган и небольшое число русских семей. Кроме того, к Романовке относилась также и немецкая колония Гейнрихдорфе, которая состояла из нескольких десятков аккуратных беленьких домиков, крытых красной черепицей. В соответствии с секретным договором, приложенным к пакту Молотова-Риббентропа, все ее жители в 1940 году уехали в Германию.

Мой отец (Янкель - Мойше, Яков - Моисей) был родом из Белоруссии. После окончания Йешивы, он выучился на Шохета, мозеля, получил диплом кантора, женился, и в качестве шалиаха (посланника) с женой и двумя детьми, мальчиками – шесть и восемь лет – приехал в еврейское Бессарабское местечко Калараш, где начал свою трудовую деятельность. Здесь, от несчастного случая, погибла его жена, и он посватался за маму (Симу Гольдберг), у которой к тому времени был любимый парень и без двух минут жених. Маму выдали замуж за отца против ее воли, но, несмотря на это, она всю жизнь любила отца и была ему бесконечно предана. В 1920 году, поженившись, они переехали в Романовку, еврейское местечко на юге Бессарабии.

Бессарабия – это историческая область в юго-восточной Европе между Черным морем и реками «Дунай», «Прут» и «Днестр». Ее основал валашский воевода Бессараб, живший в 1254-1352 г.г. В середине XIV века она вошла в состав Молдавского княжества, соседнего с Валашским княжеством. Ее население – молдаване. Они, как и румыны, – валахи, т.е. романоязычный народ. Молдавский язык – это диалект румынского (валашского) языка, а культура молдаван – это часть валашской культуры. В 1504 г. ее завоевала Османская империя, но в XVIII веке она снова стала частью Молдавского княжества, хотя на нее по-прежнему претендовала Турция, как наследница Османской империи. В 1812 г., в результате русско-турецких войн, она отошла к России с условием, что ее граждане не будут служить в Российской армии. С 1918 года до 1940 года Бессарабия входила в состав Румынии. Однако,

небольшая ее часть, со столицей в г. Тирасполе, Приднестровье, граничившая с Одесской областью, осталась в составе СССР, который в 1940 году оккупировал всю Бессарабию и провозгласил создание МССР (молдавской союзной Республики). После распада СССР, в 1992 году, она провозгласила себя независимой Республикой «Молдова».

Евреи появились в Бессарабии в XVI веке, но основная масса евреев поселилась там только в XVIII- XIX веках. Они сюда бежали из Польши от кровавой бойни, которую учинил Богдан Хмельницкий, а затем, – из Подольской губернии, спасаясь от антисемитской политики императора Николая I. Согласно его указу, евреев с 1827 года не только стали брать в рекруты, от чего они были до сих пор освобождены, но они должны были также проходить службу кантонистов, начиная с 11-ти летнего возраста. На самом деле, во время часто устраиваемых облавов, в кантонисты попадали также восьми - десяти летние дети. При достижении 18 лет кантонисты автоматически становились рекрутами и должны были служить еще 25 лет. Кантонистов изолировали от их семей, подвергали насильственному крещению. И только в Бессарабии, где по договору с Турцией воинская повинность была запрещена, евреи спасались от этого издевательства.

Николай I продолжил также политику земледельческой колонизации евреев, начатой Александром I. С 1836 по 1853 годы в Бессарабии были организованы 17 земледельческих колоний. Колонисты выращивали пшеницу, кукурузу, подсолнухи, табак, виноград, производили кошерное масло и вино.

Романовка оказалась одной из первых колоний. Она возникла в 1846 году на земле помещика Романенко и в основном специализировалась на выращивании винограда и виноделии. В 1859 г. в Романовке уже функционировало 86 фермерских еврейских хозяйств (512 человек). В их распоряжении находилось 1750 десятин пашни. Несмотря на то, что в 1866 г. Александр II отменил земельческую колонизацию евреев и право аренды ими земельных участков, 25% евреев Бессарабии вплоть до 1918 года продолжали нелегально заниматься сельскохозяйственными работами. Этот факт разоблачает антисемитскую ложь А. Солженицына, который писал, что российские евреи, якобы, отлынивали от работы на земле. В 1897 г. в Романовке уже проживало 1150 (71%) евреев. В 1930 году количество евреев в Романовке возросло до 500 семейств (2026 душ).

Развитию Романовки в значительной степени способствовало строительство в начале 20-го столетия рядом с ней большой железнодорожной станции «Бессарабская». Со временем она стала самой большой, узловым станцией Бессарабии. В 1910 году в богатых домах некоторых жителей появились телефоны.

В 1899 году в Романовке открылась первая школа с одним классом, в которой учились 12 мальчиков и 2 девочки. Ее учительницей была Анна Шидловская. В 1923 году эта школа была преобразована в начальную школу. В 1922-23 годах в Романовке начала работать одна из немногих в Бессарабии семилетняя еврейская школа «Тарбут» (школа №1), в которой все предметы, кроме первого класса, преподавались на иврите. Эту школу окончили

мои старшие братья и сестра. После ее окончания они свободно говорили на иврите. Я успел окончить в 1940 году первый класс этой школы на идиш.

Еврейская школа Романовки

Кроме еврейской школы, с 20-ых годов работала также общая семилетняя школа, в которой преподавание проводилось на румынском языке. После войны начала работать средняя железнодорожная школа №8 на станции Бессарабская. Эту школу я окончил в 1950 году с серебряной медалью.

В начале 20-го столетия в Романовке были построены склад для сельскохозяйственной продукции и лесобаза. В 1908 году вступила в строй большая паровая мельница с использованием французского оборудования. С 1913 года начала работать еще одна мельница, ветряная, Лемке, которая была расположена напротив нашего дома. В 1923 году появились бойня, аптека, работало 15 торговых точек, несколько позже открылся большой универмаг. Его хозяин, Дорфман, был впоследствии избран примаром

(мэром) Романовки. В 1940 году он вместе с другими зажиточными людьми Романовки был репрессирован советской властью. Его семья была сослана в Киргизию, а сам он сгинул в ГУЛАГЕ.

В 1947 году открылось первое промышленное предприятие – артель «Новый труд», которая в 1959 году была преобразована в пищевой комбинат, затем в 1962 году – в бытовой комбинат. В 1972 году начала работать ковровая фабрика.

Вплоть до 1940-го года все население Романовки обслуживал 1 врач с фельдшерским образованием. Работали небольшая больница и аптека.

Аптека Романовки

Между Романовкой и станцией была построена грунтовая дорога. В 30-ых годах начала работать электростанция. Электричество было проведено в большинство домов, но оно включалось изредка, только в шабат и праздники. Для освещения использовались в основном керосиновые лампы. Отопление было печное. В качестве топлива использовались дрова, кизяк, кочаны от кукурузы.

Для приготовления пищи применялись примусы и керогазы. Внутригородской транспорт – исключительно гужевой. Межгородской – гужевой, а также поезд Кишинев - Галацы. До 1940 года в Романовке не было ни радио, ни кино, ни автомобилей, о самолетах даже не слышали. Помещение театра открывалось только для редко посещавших Романовку артистов-гастролеров, в основном еврейского театра «Сиди Таль». На лето приезжал цирк «Шапито», который разбивал свою палатку недалеко от рыночной площади.

В 1897 году в Романовке была одна синагога и хедер. В 1912 г. открылась еще одна большая синагога, которую возглавил рав Борис Свердлов. В двадцатых годах в Романовке работали уже 3 синагоги. За каждой синагогой была закреплена соответствующая община. Одну из них возглавлял мой отец.

Почти все евреи Романовки придерживались еврейского образа жизни – соблюдали кашрут, святость субботы, по субботам и праздникам ходили в синагогу и пр. Однако в тридцатые годы в Романовку, как и в другие еврейские местечки, стала проникать хаскала, появились молодежные ячейки сионистов и коммунистической партии, а среди нееврейского населения росло число кузистов, железногвардейцев (нацистов, сторонников Гитлера). В конце 30-х годов их влияние резко увеличилось, а в 1940 году они пришли к власти, их главарь Антонеску возглавил Румынское Правительство, в воздухе запахло еврейскими погромами.

Поэтому евреи Романовки, как и всей Бессарабии, встречали в 1940 году Красную Армию, как освободительницу. Вскоре уехали в «фатерланд» немцы из немецкой

колонии, а евреи Румынии, у которых были родственники в Бессарабии, по разрешению советского Правительства, переехали в Бессарабию. К нам тоже переселилась семья моего старшего брата Мотла (Марка), которая до этого жила в румынском городе Бакэу (румынской Молдавии). Они сбежали от начавшихся еврейских погромов в Румынии, чтобы через год, в начале войны, погибнуть от рук погромщиков-молдаван.

Евреи Романовки и немцы колонии жили очень дружно. Все немцы колонии говорили на идиш, обеспечивали население молоком и молочными продуктами. Многие немцы и евреи, расставаясь, плакали.

Советская власть принесла большие изменения в патриархальную жизнь Романовки. С первого же дня по вечерам стали демонстрироваться кинофильмы. О кино большинство жителей Романовки до этого даже не слышало. Кинотеатров у нас, конечно, не было. Поэтому по вечерам возникал импровизированный кинотеатр под открытым небом. Здесь расставлялись деревянные скамейки, на специальный каркас или на стену большого дома натягивалась простыня, приезжала крытая машина, из которой выгружали киноаппарат, приходил киномеханик, и волшебство начиналось. Все фильмы шли на русском языке, но это никого не смущало. Мы, дети, на один и тот же фильм бегали по «100» раз. Особенно запомнились фильмы «Трактористы» и «Веселые ребята». Каждый новый фильм мы ждали с большим нетерпением, как некое чудо.

На улицах повесили громкоговорители. Они начинали вещать уже в 6 часов утра, с пения интернационала.

А вскоре радио провели во все дома, и репродукторы, которые работали от походной радиостанции, появились в каждом доме. В богатых домах стали появляться радиоприемники. За околицей выровняли поле, и там начали садиться кукурузники (У-2), которые прокатывали всех желающих детей. Сделает 2-3 круга, садится и сажает следующего храбреца. Еще одно чудо принесла с собой советская власть – наручные часы. Карманные часы до этого были у богатых романовцев, но наручные – мы увидели впервые. Почти все командиры щеголяли в наручных часах, многие стали их продавать нам по нашим понятиям за бесценок.

Нельзя сказать, что до установления советской власти романовские евреи жили богато. Была, конечно, пара десятков семей, считавшихся, по масштабам того времени, зажиточными. Символом их богатства служило, например, то, что, как шептались, в этих семьях пили настоящий кофе, в то время, как все остальные довольствовались ячменным кофе и цикорием. Еще говорили, что они едят кашу из настоящей гречневой крупы, а мы даже не знали, что это такое. Нам игрушек не покупали. Мы мастерили их сами. У всех были самодельные коньки и саньки, футбольные мячи мы шили из тряпок, а у их детей все было настоящим. Кроме того, это уже рассматривалось нами как недоступная роскошь, у них были еще и настоящие велосипеды. Однако все, познается в сравнении. При всей нашей бедности мы выглядели богачами по сравнению с семьями высокопоставленных советских чиновников и командиров Красной Армии среднего звена, расквартированных среди местного населения.

Наши женщины и девушки, например, воспринимали, как дикость, парусиновые туфли на каблуках, ситцевые платья, сарафаны и кофты, часто мрачных цветов, в которых щеголяли советские дамы. Об этом же свидетельствовал и тот факт, что из магазинов исчезли все товары и продукты, в том числе и продукты первой необходимости, такие, как, например, керосин, соль и спички, а полки магазинов, которые раньше ломились от изобилия самых разных товаров, вдруг опустели. Только маслины во многих магазинах еще не успели раскупить, и большие банки с маслинами по-прежнему стояли на полках в гордом одиночестве.

Запомнилась в связи с эти такая трагикомическая история. Зашел как-то в магазин большой командир расквартированной в Романовке воинской части, увидел пятилитровую банку с маслинами и решил, что это чернослив, так как о маслинах он понятия не имел. Объясниться с хозяином магазина он мог только на пальцах. Поэтому он знаками показал продавцу, что хочет купить всю банку. У того глаза на лоб полезли. Маслины обычно покупали 100 или 200 г, а тут сразу 5 кг. Это же целое богатство! Командиру же, наоборот, показалось, что написанная продавцом на бумаге цена за 5 кг чернослива – это сущий пустяк. Он расплатился. Принес домой и говорит жене:

- Вот, купил по-дешевке чернослив. Свари компот. Вечером придут гости, будет, чем угостить.

Жена вывалила добрую четверть банки в большую кастрюлю, добавила необходимое количество сахара и, сварив, не попробовала, оставила «компот» остывать. Вечером, когда пришли гости, каждому налили по большой

кружке. Легко понять, что произошло, когда гости хлебнули это варево.

Советскому командиру, как положено, везде мерещились диверсанты. Поэтому он, решив, что продавец задумал его отравить, схватил пистолет и побежал в магазин, благо магазины у нас по старой привычке, хоть и продавать нечего было, работали до 12 ч. вечера. Хозяин встретил его широкой улыбкой, подумав, что этот сумасшедший командир еще что-то решил у него купить. Но увидев перед своим носом револьвер, страшно испугался и нырнул под стойку. Чем бы кончилась эта история, трудно сказать. Хотя на кону стояла человеческая жизнь, но командиру ничего не стоило пристрелить этого злого диверсанта. Наоборот, ему за проявленную бдительность, разоблачение врага и героизм светила награда.

К счастью, в этот критический момент в магазин зашел покупатель, еврей, который оказался советским чиновником и владел как русским языком, так и идиш. Это был человек не из трусливого десятка. Поэтому, увидев эту картину, не сбежал, а попытался разобраться, что здесь происходит. С огромным трудом, выслушав обе стороны, ему удалось предотвратить неминуемую трагедию.

Впрочем, это сейчас мы кормимся продуктами из магазинов. В те старые времена в магазинах покупали только какие-то мелочи, а кормились продуктами, купленными на базаре. Поскольку в Бессарабии колхозов еще не было, они были только в проекте, то базары по-прежнему поражали своим изобилием. Голод пока никому не угрожал. Он в Бессарабию придет позже, в послевоенные страшные 1946-1948 годы. А пока, по договору о дружбе СССР и гитлеровской Германии, поезда, ходившие по железной

дороге, расположенной на окраине Романовки, днем и ночью везли зерно, продовольствие, нефть, стратегическое сырье в Германию.

Уже через несколько месяцев начались репрессии. В списки репрессированных попали хозяева крупных магазинов, торговцы зерном, владельцы виноградников, других сельскохозяйственных земельных участков. Никто, конечно, тогда не подозревал, что репрессированным, вывезенным более или менее организованно в Казахстан и Сибирь, повезло больше, чем остальным, даже беженцам, не говоря уже о тех, которые не успели убежать, и погибли в погромах, гетто и лагерях смерти.

С началом войны организованной эвакуации населения не было. Каждый решал свою судьбу самостоятельно, по своему усмотрению. Все население было брошено на произвол судьбы, хотя власти не могли не знать, что ждет евреев и цыган, оставшихся под оккупацией. Да и не все евреи хотели бежать. Многие евреи, насмотревшись за год на прелести советской власти, решили остаться, не доверяя слухам об убийствах евреев немцами и румынами. Все евреи, которые остались, были убиты. Так, например, богатая община молодого рава, убежденного в том, что немцы и румыны культурные люди и что разговоры о том, что они убивают евреев, – это пропаганда большевиков, осталась, и все погибли. Не дождавшись прихода немецких или румынских войск, но полностью уверенные в своей безнаказанности, молдаване еврейских местечек и окрестных сел сразу, после того, как части Красной Армии, покидали поселение, устроили погромы. В погромах участвовало почти все нееврейское население, кроме цы-

ган, которые также пали жертвой погромов. Ни один погромщик после войны не понес наказания. Потом мы узнали, что погромы прошли во многих молдавских селениях. В одном из таких погромов в Килии погибла вся семья моего старшего брата Мотла (Марка).

После войны большинство евреев, оставшихся в живых, вернулись в родную Романовку. Но вследствие охватившей Советский Союз урбанизации, постепенно стали разъезжаться. С началом перестройки и открытием границ, они репатриировались в Израиль, или эмигрировали в другие страны.

В 1957г. Романовка была объединена с бывшей немецкой колонией и станцией в один город Бессарабка (Бессарабьяска) из четырех микрорайонов – Романовки, Флемынды, Станции и Совхоза.

В 2012 году в городе Бессарабка проживало 12400 человек и только две еврейские семьи. В настоящее время здесь работает одна средняя школа, 1 гимназия, 3 лицея, 2 больницы, одна поликлиника, станция скорой помощи, 4 библиотеки, 2 спортивных клуба и несколько промышленных предприятий. Ученики 12 класса средней школы под руководством своего классного руководителя Ольги Шевченко, заинтересовавшись историей Романовки, создали очень интересный Фильм «Бессарабка. По рельсам сквозь истории». Прадедушка Ольги, кстати, жил на нашей улице. Он был столяром. Проходя мимо его дома, мы всегда видели новенькие предметы мебели, выставленные на продажу.

Ольга Шевченко, в центре первого ряда (стоит) и ее двенадцатый класс – авторы фильма
«Бессарабка. По рельсам сквозь истории»

1.2.Детство

К моменту моего рождения у меня было 4 брата [два сводных от первого брака отца, Арон и Мотл (Марк), их фото у меня не сохранились], Иосиф, Исраэль (Срулик), и сестра, Сарра (Сарика).

Сарика.

Слева направо – Срулик, Иосиф

Вторая сестра умерла до моего рождения. Да и я появился в этом мире досрочно, семимесячным. Видимо, зря поторопился, так как наш врач, он же и акушер, принимавший роды, увидев меня, заключил:

- Не жилец! Медицина тут бессильна!

В прямом и переносном смысле он умыл руки и отказался хоть как-то пытаться лечить меня. У меня, по его словам, не было никаких шансов. Но я, наперекор ему и вопреки всем законам Природы, выжил. Это, конечно, было заслугой мамы, которая лечила меня только ей известными способами.

Символично также то, что я появился на свет не только досрочно, но и неожиданно, ровно в вечер эрев Йом Кипура, в тот самый момент, когда отец, будучи кантором, исполнял в синагоге знаменитую молитву «Кол нидрей».

По рассказам мамы, я, до трех лет, находился между жизнью и смертью. Переболел так же, как и все дети того времени, корью, коклюшем, дифтерией, свинкой. Прививок от детских болезней тогда еще не было. Я себя, правда, больным не помню.

Из своего раннего детства я запомнил, что отец всегда меня брал с собою в шабат и на праздники в синагогу. Читать и писать я, конечно, не умел, но большинство молитв запоминал на слух. Помню, что отец с гордостью демонстрировал мои знания. Есть, например, в сидуре Йом Кипура большое количество молитв «Слихот», в которых евреи просят у Всевышнего прощения за всевозможные действительные и мыслимые грехи. Я их все запомнил и бегло «читал» наизусть, хотя их, конечно, не понимал.

Соблюдая еврейский закон, отец никогда не фотографировался. Единственное его фото на паспорте пропало вместе с ним. В моей памяти он сохранился пожилым, высоким, плечистым человеком, с большой окладистой бородой. Когда я родился, ему было уже 51 год, и он очень этим гордился. Хотя мама была моложе его на 15 лет, ей было тогда 36 лет, но она, по тем временам, тоже уже считалась немолодой.

Мама, 1970 г (Здесь ей 75 лет)

С 4-х лет я начал учиться в Хедере. Там я научился читать и писать на идиш. В школу пошел в 1939 году, успел окончить только первый класс. В 1940 году наша школа стала советской, и иврит в ней запретили, а нас всех пересадили на класс ниже, т.е. опять в первый класс. Так что до 10 лет я знал только идиш. Но знал неплохо. Помню, что бегло читал Шолом Алейхейма в подлиннике. В 1941-1942 г.г. не учился. В последствие, перепрыгнув через 2-ой класс, пошел сразу в третий.

Уже здесь, в Израиле, я встретил своего соученика по первому классу, Аарона Рабиновича. Он мне об этом напомнил. Я это время помню очень смутно. Единственное светлое воспоминание – это девочка в белом платье с огромным белым бантом, с которой меня посадили за одной партой. Это была моя первая детская влюбленность.

Из своего довоенного детства я запомнил какие-то лишь небольшие эпизоды. Со своими сверстниками я в это время почему-то мало общался. Значительно чаще я увязывался хвостиком за старшим братом Сруликом и неразлучным с ним двоюродным братом, Беней. Мне очень нравилось участвовать в их играх, хотя они меня гоняли и всегда норовили спрятаться от меня. Правда, к игре в футбол с тряпичным мячом они меня милостиво допускали. Я всегда стоял в воротах, которые сооружались нами с помощью двух кучек щебня, а они, исполняя роль двух команд, боролись между собой за мяч и забивали его всегда в одни, т.е. мои, ворота, а я, как голкипер, должен был его перехватить. Гол засчитывался тому, конечно, чей заброшенный мяч я пропускал. Они очень любили строить домики из песка. У них это неплохо получалось. Я был у них чернорабочим – «Поддай!», «Принеси!». Помню, я как-то очень рассердился на них, вечером тайно проник во двор и разрушил целый построенный ими городок. После этого они почти месяц меня близко к себе не подпускали.

И еще. Я запомнил, что у нас был большой дом и очень большой двор. В конце двора был забор, за которым жили наши соседи, Кригманы. Их сын, Яша Кригман, любил всякие технические новинки. Сейчас его бы назвали радиолюбителем. Но тогда, когда о радио никто в Романовке понятия не имел, его занятия казались всем каким-то чудачеством, а Яшу считали человеком не от мира сего. Он собрал первый в Романовке детекторный радиоприемник, усовершенствовал его, и каждый день слушал новости и концерты на идиш из Советского Союза, а потом под большим секретом с нами делился. Именно

от него мы первыми узнали об ультиматуме Советов Румынии, в котором Румынии предлагалось в течение 24 часов убраться из Бессарабии. Другой достопримечательностью Яши была его собака, очень злая, ее цепь позволяла ей подойти близко к разделявшему нас забору. Эта собака притягивала меня как магнитом. Я часто подходил к забору и дразнил ее. Как-то раз она сорвалась с цепи, погналась и укусила меня. Хорошо помню, что она очень долго гналась за мной, прежде, чем догнала. Отсюда у меня осталась уверенность, что у нас был огромный двор. Когда мы приехали в Романовку после войны, мы обнаружили, что от нашего дома и двора осталось лишь пустое место. Но не это меня поразило. Больше всего я был шокирован мизерными размерами нашего бывшего двора и домика. Я специально измерил место, оставшееся от дома и двора шагами. Оказалось, что его размеры всего $\approx 15 \times 20 \text{ м}^2$.

Отец с началом войны организовал выезд своей общины гужевым транспортом. Сейчас мне часто приходится слышать и читать, что, советские власти, якобы, организовали эвакуацию населения. Это большая ложь. Организованная эвакуация происходила, но она касалась только партийных и советских организаций, а в больших городах – предприятий. Население же было брошено на произвол судьбы, и каждый решал этот вопрос сам. Нас никто не эвакуировал. Мы были обыкновенными беженцами. На одну подводку приходилось несколько семей. Так, под непрерывными бомбежками и пулеметным огнем немецких самолетов, мы доехали до Запорожья. Мы, – это отец, мама и я. Сестра, Сарика, работала в райпотребсоюзе и пересела на подводку сослуживцев. Они

успели проскочить в направлении Никополя, а нас пере-
направили на запорожское направление. Так мы ее
надолго потеряли. Она нас, т.е. меня и маму, разыскала
только в конце 1943 года. Срулик, из-за отсутствия места,
пересел на подводу соседа. Их подвода, сразу же после
выезда, поломалась, они вернулись и выехали на второй
день, после починки, пытались нас догнать, но их напра-
вили в сторону Одессы. Поняв, что они нас потеряли, со-
сед сдал брата в Одесский детдом. Буквально в последние
часы детдом успели эвакуировать морем и перевезти в
Казахстан. Вплоть до 1944 года мы ничего о нем не знали.
Он нас сам каким-то чудом разыскал и приехал к нам в да-
лекую Сибирь.

Старшие братья, Мотл и Иосиф, были мобилизованы
и служили в трудармии, т.к. бессарабцам советская власть
не доверяла, и в боевые части они не направлялись. Мотл
погиб, а Иосифа мы отыскивали уже после войны. Другой
брат, Арон, жил в Черновцах, и ему удалось еще в 1939
году с семьей нелегально перебраться в Эрец Исраэль.

Кормились мы по дороге овощами, фруктами, мо-
лочными продуктами, яйцами, рыбой, которые мы поку-
пали у колхозников. Мясо и мясопродукты мы, конечно,
не покупали, т.к. они были некошерными. Помню, что в
Херсонской и Николаевской области нам по дороге встре-
чалось много еврейских колхозов. Все колхозники в них,
евреи и неевреи, говорили на идиш, названия улиц, вы-
вески тоже были написаны на идиш. Мы останавливались
в них на отдых, они выставляли столы и кормили нас бес-
платно, причем специально для проезжающих беженцев
из Бессарабии они готовили кошерную пищу.

Отец интересовался у еврейских колхозников, почему они не уезжают? Они неизменно отвечали:

- Мы тоже все время спрашиваем в райкоме Партии и райисполкоме:

- Почему нас не эвакуируют?

Они нам объясняют, что нет такой необходимости. Немцы, уже выдыхаются, а Красная Армия готовит мощное контрнаступление, которое начнется буквально днями. Это звучит странно, т.к. они сами в спешном порядке уезжают. А мы без их разрешения уехать не можем.

Иосиф, Сарика и я, 1975 год

ЧАСТЬ 2

АНГЕЛ

Воспоминания военного детства

Моей дорогой и незабвенной маме посвящаю

2.1. Дорога.

Дорога уходила вдаль на восток бесконечной лентой, то вытягиваясь в прямую линию, то извиваясь и петляя, то разветвляясь или разбегаясь многочисленными просёлочными ручейками. По всей длине, сколько видел глаз, вплоть до горизонта, она была до предела загружена:

повозками, обозами, машинами, пешеходами, командами солдат, шагающих в ногу, или бредущих без всякой команды, ранеными, передвигающимися с палочкой или на костылях. Всей этой непрерывно движущейся массе то и дело преграждали путь стада коров, отары овец или

коз, погоняемые чаще всего малолетними пастухами, табуны лошадей, охраняемые растянувшимися вдоль них верховыми.

Повозки были забиты доверху нехитрым домашним скарбом. На самом верху большинства из них сидели или лежали, Бог весть, каким образом забравшиеся туда люди, чаще всего старики и дети. Мужчины и женщины, сидели на облучках, управляя лошадьми, или двигались пешком вслед за своими повозками. Большинство повозок были запряжены парой, реже тройкой добротных лошадей. Попадались и такие повозки, в упряжках которых шли быки, а также одноконки с клячами в упряжках, которые тянули свою ношу, выбиваясь из последних сил. Реже шли повозки, крытые брезентовым верхом и уставленные клетками с домашней птицей или кроликами. Иногда

мимо глядевших на них с завистью уставших путников, сильно громыхая, на большой скорости, пронеслись повозки, которые шли порожняком. Часто их занимали девушки и парни, которые даже в этой суматохе не отказывали себе в удовольствии позубоскалить, оглашая дорогу громким смехом, криками и песнями. На некоторых повозках рядом с людьми мирно дремали кошки, за другими без устали семенили собаки, часто схватываясь между собой, визжа и лая. Между повозками сновали, пытаясь их обогнать, легковушки с открытым или закрытым верхом, полупторки или трёхтонки, гружённые овощами или фруктами, громко фырча, пронеслись мотоциклы, за ними тянулись велосипедисты, ползли трактора. Пешеходы несли груз на себе в рюкзаках, чемоданах или корзинах. Дети разных возрастов беспечно бегали между повозками и машинами, умудряясь в этой неразберихе и не без риска оказаться под колёсами, самозабвенно предаваться своим незамысловатым бесконечным играм. Женщины зорко следили за своими чадами, непрерывно на разных языках бранились, истерически кричали, успевая в то же время переговариваться между собой, даже в том случае, если они были разделены одной или двумя повозками.

Всё это громыхало, гудело, мычало, бляло, истошно кричало, смеялось, визжало. То и дело слышалось:

- А ну, родимые, пошли, нооо!
- Шо, у тэбэ очи повылазило? Куда прэшь?
- Цоб-цобэ, ну давай!
- Эй, разойдись! Болтаются тут всякие под ногами!
- Хаим, куда ты смотришь? Глянь-ка, что твой байстрюк выделывает!

- Мойше, а макэ дир ин бух!* Куда ты залез? А ну, назад! (*язви тебе в душу)

- Суркалэ, майн мэйдалэ, с зол мир зайн фар дир**.
Ах ты моя красавица! (**Суркалэ, моя девочка)

- Эй, хлопцы, гляньте, какая краля!

- Девушка, а ну быстрее признайся, где ты такие глаза достала?

Всё это временами приправлялось смачным русским матом, цветастыми непристойностями на идиш, хохлацкой бранью...

Дорога гудела, колыхалась, волновалась и, как некий монстр, жила своей собственной, особенной жизнью, которая не прекращалась ни на минуту, ни днём, ни ночью. На ней царила, непонятным образом совмещаясь, и страшная неразбериха, и установленный кем-то невидимым чёткий порядок. То она, подчиняясь неизвестно откуда поступившей команде, раздавалась, уходя на обочины, пропуская вперёд: колонны танков, кавалеристов, отряды пехоты, командирские легковушки. Также внезапно она останавливалась, по ней туда-сюда пробежали какие-то военные люди, устанавливалась непривычная, звонкая тишина, нарушавшаяся громко и отчётливо отдаваемыми командами. После этого она поворачивала вспять, или разветвлялась на отдельные ручейки, беспрекословно подчиняясь воле регулировщиков, реже продолжала своё движение вперёд, то резко ускоряя свой бег, то замедляя его.

С двух сторон дороги распластались бесконечные, ровные пшеничные поля, перемежаясь ковровой желтизной подсолнухов или кукурузной зеленью. Поля сменя-

лись аккуратными ухоженными деревеньками с белоснежными игрушечными домиками, крытыми белой или красной черепицей, а то и соломой, утопавшими в зелени фруктовых деревьев. Деревни чаще всего со всех сторон были обсажены фруктовыми садами или виноградниками. Изредка на полях и в садах можно было увидеть людей, занятых своими обычными делами. По обе стороны в два, а то и в три ряда дорога была засажена абрикосовыми деревьями или яблонями. Это были, правда, не те крупные, душистые, сладкие и сочные абрикосы, которые росли в садах и на приусадебных участках. Их даже называли по своему, жаржавелями. Урожай в этом году выдался отменным, ветви деревьев, отяжелевшие от плодов, почти касались земли. Созревшие или перезревшие плоды покрывали обочины дороги, образовывали завалы и гнили, так и не удостоившись внимания людей, которые уже давно пресытились ими и не могли даже смотреть в их сторону.

Природа, явно не успевая за заботами, которыми жила дорога, вошла с ней в диссонанс, ликуя и благодатно раздавая свои щедроты людям и животным. Над дорогой разливался особый аромат, который создавали цветущие и плодоносящие сады, терпкие запахи зреющих хлебов, благоухание трав и полевых цветов. Синее небо, без единого облачка, тёплое не очень жаркое солнце днём или

яркое звёздное небо и волшебный лунный свет по ночам, порхание, щебетание и пение птичек. Всё, казалось, дышало миром и покоем. Живи и радуйся! Но это было обманчивое впечатление, иллюзия. Красота и волшебство природы больше не привлекали людей, а, наоборот, раздражали. Всего лишь за один месяц непонятной им войны они настолько успели отдалиться от прежней жизни, что ушедшие куда-то в небытие мирные дни казались им сновидением, которому уже никогда не суждено стать реальностью. Домашний уют, радость общения, любовь и дружба, устремлённость в будущее, ежедневные маленькие и большие заботы, потерянный привычный быт – всё это заменили им дорога и неизвестность. И если они ещё о чём-то мечтали, то только о том, чтобы выжить.

Дорога чутко улавливала настроение людей и жила их новой жизнью. Очень часто она вдруг настораживалась, живо реагируя на появляющиеся то с запада, то с востока гулкие звуки. По мере того, как гул увеличивался, озабоченность дороги повышалась. По ней проносилась нервная дрожь, возникало состояние безысходности. Внимание людей приковывалось к этим звукам, стараясь быстро и безошибочно распознать их характер. Если гул по мере его приближения оказывался ровным, они, вздыхая, быстро успокаивались.

- Наши, – сообщали они друг другу радостную весть, и дорога шумно, подчиняясь настроению людей, продолжала свой бег, ничем не омрачаясь.

Но если, что происходило значительно чаще, гул оказывался прерывающимся, ухающим, все проникались чувством надвигающейся опасности. Казалось, что даже животные научились распознавать эти звуки и разделять с

людьми надвигающийся на них чёрной тучей липкий страх и ужас неизвестного.

Дорога, как по команде, останавливалась, и все люди и животные, кроме тех, которые были связаны упряжкой, быстро рассыпались по окружным полям, прячась в высокой, превышающей рост человека пшенице или кукурузе, распластывались, по возможности, на земле и крепко прижимались к ней. Вражеские самолеты, между тем, а это им принадлежали эти вызывающие панику противные звуки, переходили на бреющий полёт, спускаясь так низко, что даже можно было различить лающую речь переговаривающихся между собой пилотов, и поливали дорогу и её окрестности пулемётным огнём, сбрасывали не-израсходованные в «деле» бомбы.

Только что выглядевшие беззаботными поля и сады оглашались стрекотнёй пулемётов, взрывами бомб, криками и плачем людей, рёвом животных. Благоухающие ароматы, издаваемые деревьями и травами, смешивались с запахом гари разгорающихся пожаров.

Иногда по самолётам начинала бить неизвестно откуда взявшаяся зенитка, солдаты беспорядочно палили по ним из своих трёхлинеек, и уже совсем редко над стервятниками появлялись наши ястребки, заставляя их убраться восвояси. Случалось, что подбитый кем-то случайно самолёт загорался ярким пламенем и, отчаянно дымя, с грохотом, под общие ликующие крики людей, падал где-то поблизости. Иногда от самолётов отделялись чёрные точки парашютистов. На место падения самолёта или приземления парашютиста быстро отправлялись спецкоманды, которые выныривали неизвестно откуда.

После налёта люди и животные привычно возвращались на дорогу к оставленному ими скарбу. Но ещё не менее получаса слышались стоны раненых людей, жалобные крики животных, плач или причитания женщин, разыскивающих своих близких или обнаруживших их мёртвыми. Раненых и мёртвых людей подбирали санитарные машины и обозы, которые чаще всего оказывались среди обитателей дороги, увозя их и плачущих родственников в ближайшие медпункты. Раненых животных пристреливали и убирали с дороги, и она, постепенно оправляясь от шока и только что пережитых ужасов, продолжала свою, уже ставшую рутинной жизнь.

Во время таких налётов самолёты вместе с пулями и бомбами опрокидывали на головы людей пачки листовок. Из них «голосом» Геббельса неслась пропаганда нового образа жизни, порядка, которые «освободители» обещали поработавшим советским людям. Эта пропаганда под аккомпанемент пулемётного огня и бомбовых взрывов звучала издевательством и вряд ли способна была кого-либо обмануть. Иногда среди обитателей дороги появлялись подозрительные типы. Они рвали на себе одежду, орали, что немцы уже рядом, картинно заламывали руки, бились в истерике, хватались за голову, истерически кричали:

- Всё, всё пропало! Люди остановитесь, бежать уже поздно! О горе, горе!

Но уже через несколько минут их хватали здоровые мужики и тут же, вместе с ними, исчезали в зарослях окружающих полей. Вслед за этим раздавались хлопки, похожие на удар бича, и всегда всё знающие люди шёпотом сообщали:

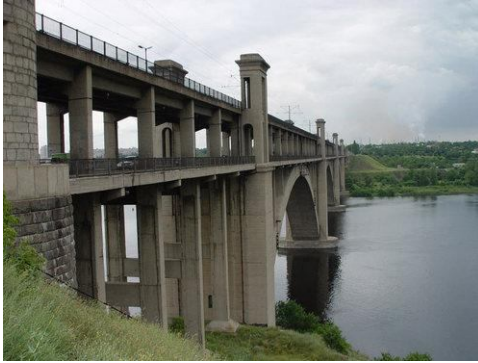
- Всё, пустили в расход!

А дорога, словно ничего не замечая, продолжала свой бег в неизвестность...

2.2. У Обрыва.

Длинный, как еврейский галут, двух-этажный мост через Днепр. По воде ходят катера и баржи, нижний этаж занимает автотрасса, а по верхнему этажу – днем и ночью грохочут железнодорожные составы. Над мостом непрерывно кружат немецкие самолеты, бомбежки почти не прекращаются. От высокого берега реки разбегаются во все стороны домики, которые там, вдали, постепенно сливаются в большой промышленный город. Берег круто обрывается к Днепру. На облучке одной из повозок, запряженной парой добротных откормленных лошадей, сидят и тихо беседуют двое мужчин. Один из них, долговязый сухощавый, в черной бархатной ермолке и белоснежной рубашке, держит в одной руке вожжи, а в другой – кнут. Держит для порядка, так как дрессированным лошадям ни то, ни другое не требуется. Они и без них отлично понимают обращенные к ним ласковые слова хозяина, произносимые им с такой нежностью, будто они предназначены любимой женщине. Он в том неопределенном возрасте, который можно с одинаковым успехом определить и в 40, и в 50, и даже 60 лет. Его рыжая с проседью борода торчит лопатой и колыхается в такт его словам. Несмотря на свою флегматичность, он любит поговорить. Своего соседа он непрерывно донимает каверзными вопросами

- Вот Вы, рэб Янкель, ученый человек, объясните мне, простому, малограмотному еврею, который всю жизнь при лошадах. Чем это мы, евреи, так прогневали Всевыш-

него? Что там десять египетских казней по сравнению с двухтысячелетним галутом, заполненным горем, страданиями и слезами? Нас жгли на кострах инквизиции, уничтожали в погромах, гноили в тюрьмах и на каторгах по диким наветам, изгоняли из наших домов, сел, городов и стран проживания, запирали и морили в гетто, насильно отлучали от нашей веры, унижали, оскорбляли... Разве это еще недостаточное наказание за наши грехи?

Его сосед, судя по одежде, хасид, широкоплечий, несколько грузноватый, но еще довольно энергичный мужчина лет шестидесяти, сохранивший молодой задор, который высвечивал из его глубоких задумчивых глаз, выдающих философский склад ума и склонность к размышлениям, не торопится с ответом. Он ограничивается лишь замечанием:

- Не богохульствуйте, Вэлвалэ, это Вам не идет!

Потом он замолкает, ожидая, что Вэлвалэ по своему обыкновению сам сейчас ответит на свой вопрос. Ему очень интересно мнение этого человека из народной глубинки. Вэлвалэ, конечно, кокетничает, когда называет себя глупым и необразованным. Янкелю особенно импонирует то, что, благодаря своему природному уму и не

столь уж плохому знанию священного писания, даже талмуда, Вэлвалэ умеет взглянуть на многие вещи совсем с неожиданной стороны. И он не ошибся. Через несколько минут, сделав вид, что он пропустил замечание своего соседа мимо ушей, Вэлвалэ, с запинкой, как бы ища ответ на свой вопрос, произносит фразу, удивившую даже Янкеля.

- Да конечно, Творцу в мудрости не откажешь. Относьсь одинаково ко всем народам, он предъявляет своему народу особо высокие требования. Это нас закаляет и делает бессмертными. Несмотря ни на что, наш народ вновь и вновь, как птица Феникс, возрождается из пепла. Я всей душой верю, что мы и на этот раз не сгорим дотла. Но сколько людских жизней за этим стоит! Как же тяжело нам нести это бремя!

Что касается Янкеля, то его вопросы Вэлвалэ не застанут врасплох. Взять хотя бы последний вопрос. Он, Янкель, давно предвидел такой поворот событий. В своих субботних и праздничных беседах в синагоге он неоднократно предупреждал, что массовое отступничество немецких евреев, их гордыня и заносчивость, фанатичное стремление считать себя немцами, большими, чем сами немцы, – все это, рано или поздно, приведет к неизбежному взрыву и навлечет беду на голову всего еврейского народа. К сожалению, его прогноз сбывается ...

На самом верху груженной повозки сидят две пожилые женщины, жены наших собеседников, и я, десятилетний мальчишка. В отличие от взрослых, я не ощущаю трагизма происходящих событий и не испытываю леденящего страха. В значительно большей степени, чем страх, меня охватывает острое любопытство, возбуждающее мои фантазии.

Когда мы подъезжаем к мосту, отец обращается к маме:

- Сима, тут очень крутой обрыв, смотри за ребенком, и сама держись покрепче, а то, не дай Бог, еще свалиться можно.

- Не беспокойся, Янкель, отвечает мама. Мы очень удобно сидим, и нам ничего не грозит... Она хочет еще что-то добавить, но вдруг громко вскрикивает и мгновенно куда-то исчезает. Дальнейшее развивается стремительно, как в калейдоскопе. Почти одновременно с тем, как исчезает мама, я обнаруживаю себя под копытами лошадей и интуитивно понимаю, что я здесь не один. Все это сопровождается истерическими криками людей, громким, паническим ржанием лошадей, разрывами бомб, свистом осколков ...

А произошло вот что. В тот самый момент, как мы приблизились к мосту, на него со свистом и грохотом вступил очередной состав, сопровождаемый немецкими пикировщиками. Длинный душераздирающий гудок паровоза, грохот вагонов, противный вой пикирующих самолетов, разрывы бомб, крики людей, рев животных, – все это слилось в единый нестерпимый гул. Обезумевшие лошади рванули в обрыв, потащив повозку вместе с нами в пучины Днепра. Трагедия казалась неминуемой. Однако судьба распорядилась иначе. Маму выкинуло из повозки, жена Вэлвалэ сама прыгнула с нее. Вэлвалэ, отец и я оказались под копытами лошадей и колесами повозки. Какие-то отчаянные мужики, мгновенно среагировав, изловчились и, схватив лошадей под уздцы, бешеным усилием остановили их буквально за несколько десятков сантиметров от реки.

Уже через несколько минут появилась машина скорой помощи, и санитары с носилками. Они извлекли из-под колес потерявшего сознание отца, с которого кровь хлестала, как из фонтана. Вслед за ним достали Вэлвалэ. Он был бледен, как смерть. Сделав попытку встать на ноги, он тут же свалился и закричал:

- Нога, моя нога! – Вокруг него захлопотала его жена, Циля. Я выбрался самостоятельно, целый и невредимый, без единой царапины. Несколько поодаль от всех, молча, еще не сообразив, что произошло, лежала мама. Придя в себя от перенесенного шока, она, застонав от страшной боли, начала звать сначала меня, а затем отца, около которого собрались санитары. Они привели его в чувство, остановили кровотечение, перевязали его раны. Вид у него был устрашающий и, увидев его, мама заплакала навзрыд. У нее самой оказался тяжелый перелом ноги. Наложив ей и Вэлвалэ шины, нас, то есть, отца, маму, Вэлвалэ и меня, затолкали в санитарную машину и увезли в ближайший военный госпиталь, который был тут же, на берегу Днепра.

У Вэлвалэ оказался легкий вывих, и Циля в тот же день забрала его из госпиталя. Они решили ехать дальше, обещав нам сохранить наши вещи в целостности и сохранности.

- Мы обязательно вас найдем, – сказала Циля на прощание. Увы, больше мы их уже никогда не видели. Они где-то сгнули на дорогах войны. Вместе с ними исчезли навсегда наши вещи, и мы остались голы и босы.

Оборвалась последняя ниточка, связывавшая нас с прошлым. Но главные несчастья ждали нас впереди...

2.3. Погромщики.

Беда никогда не приходит одна. В то самое время, когда мы оказались в двух шагах от смерти, и только чудом спаслись от неминуемой беды, там, в далекой Бессарабии, которую мы оставили чуть меньше месяца тому назад, погибала семья моего старшего брата Мотла (Марка).

Нас в семье, как я уже писал, было четверо братьев и сестра, Сарика. Я был самым младшим, как говорили, мизинцем. Мне в это время было неполных 10 лет, а моим двум старшим братьям было уже за 25. Они закончили Иешиву, обзавелись семьями. Кроме того, в отличие от моих братьев, высоких и стройных красавцев, я ростом не вышел и получил прозвище «Кутен», что на иврите (Катан) означает маленький. Два старших брата (Мотл-Марк и Иосиф) служили в армии, а третий (Арон) – с семьей жил в Черновцах, работал казенным раввином, у него уже было 2 детей. Он навещался к нам, в нашу Романовку, очень редко, чаще всего один, поэтому ни его жены, ни племянников, я не знал. Он со своей семьей, еще в 1939 году, когда в Румынии к власти рвались нацисты (кузисты), нелегально, с риском для жизни, перебрался в Эрец Исраэль. Жил в Бат Яме. От него перестали приходить письма, родители страшно переживали, не знали, что и подумать, но шли годы, в сороковом году поменялась власть, а через год началась война. Когда он, после долгих мытарств и невероятных страданий, добрался до земли обетованной, у нас уже была советская власть, и ему не удалось с нами связаться. В начале 70-х годов Брежнев, как известно, на каких-то переговорах с американцами

дал обещание, конечно, с большими оговорками, разрешить выезд евреев в Израиль. В результате в железном занавесе приоткрылась маленькая форточка, которая, однако, вскоре опять захлопнулась. Однако Саша (Срулик) с семьей успели проскочить через нее. Так они оказались в Израиле в начале семидесятых. Саша и разыскал Арона. Но, к сожалению, живым уже не застал его. Он как раз в это время погиб в ДТП.

Другой брат, Марк, жил в Румынии. По пакту Молотов-Рибентроп, все бессарабские немцы уехали в Германию, а в ответ Советская власть разрешила родственникам бессарабских евреев переехать из Румынии в Бессарабию. В Румынии в это время к власти пришли нацисты (кузисты), начались еврейские погромы, поэтому румынские евреи, кто имел на это право, буквально побежали в Бессарабию. Так в 40-ом году Мотл с семьей переехал к нам. Некоторое время они жили у нас, потом Мотл получил должность раввина (тогда еще Советы смотрели на это сквозь пальцы) в другом Бессарабском местечке, Килии, и они переехали туда. Началась война. Мотл был мобилизован в трудармию, служил под Одессой. Когда мы спешно собрались бежать, отцу удалось связаться с его женой, Аделой, предложил ей и ее сынишке поехать с нами. Но Адель отказалась, мотивируя этим тем, что командование разрешило Бессарабским солдатам вывезти из Бессарабии свои семьи, и она, поэтому, ждет, когда за ними приедет Мотл. А вот рассказ о том, что с ними дальше случилось...

Третью ночь Иона Крецу плохо спал. Вот и сегодня он уже битый час лежит с открытыми глазами, поворачивается с бока на бок, но сон не идет к нему. В голове какая-то каша. Он слышит тихое посапывание Марии, ощущает волнующее тепло ее рук, нежно обнимающих его. Временами его охватывает приятная истома и теряется реальность, но уже в следующее мгновение среди рваных бесвязных мыслей полудремотного состояния возникает одна и та же ясная, навязчивая и тревожная:

- Пропадет добро!

И Иона толчком пробуждается.

- Наваждение какое-то, – думает он...

У Ионы было нелегкое детство. Его отец, в молодости жгучий красавец, балагур, весельчак и драчун, сводивший с ума всех сельских девчат, работать не любил. Очень скоро он пристрастился к стаканчику и стал быстро опускаться. Женился на невзрачной безвольной девчонке, которая до конца жизни не могла поверить в свое счастье, и сохранила навсегда свое восхищение мужем-красавцем и полную покорность перед ним.

Хотя с каждым годом семья, живя в праздности и народив кучу детей, все больше погружалась в нищету, родители никогда не унывали. Целыми днями из их полуразвалившейся саманки доносились песни, смех, пьяные крики, шумные споры и драки, сменявшиеся столь же шумным весельем.

С тех пор, как Иона помнит себя, он всегда был голоден. Грязный, оборванный, он неприкаянно бродил по селу, рылся в помойках в надежде найти там что-нибудь съестное, пока какая-нибудь сердобольная женщина не

зазывала его к себе в дом, чтобы обмыть и накормить бедолагу.

Свою нищету Иона неистово ненавидел. Его снедала зависть к сытым и богатым. Но в отличие от своих родителей, которые во всех своих бедах винили кого угодно, только не себя, Иона уже с малых лет понял, что за хорошую жизнь надо «пуп надрывать». И он, как только немного подрос, стал с матерью поденничать в богатых еврейских домах. Заработанные трудовые деньги не транжирил, а складывал лей к лею и прятал их от родителей и безалаберных братьев в укромном, только ему одному известном месте, в дальнем углу огорода. Так он рос, обураваемый двумя страстями, – завистью к богатеям и мечтой самому разбогатеть.

У него, слава Богу, все сложилось. Отслужив в армии, он построил большой добротный дом, обзавелся хозяйством, удачно женился на красавице Марии, работающей, как и он, хозяйственной и расторопной. Мария родила ему двух крепких мальчишек, которыми он очень гордился и на которых возлагал большие надежды. Со временем он стал известным человеком в округе, был вхож к румынским и молдавским господарям, поддерживал хорошие отношения с представителями румынских властей. Казалось – вот- вот исполнится главная мечта его жизни, но все в одночасье рухнуло с приходом Советов.

Бедняцкое происхождение спасло его, правда, от раскулачивания, да и хозяйство свое он умудрился в основном сохранить, вступив одним из первых, вместе с голытьбой, в колхоз. Но что за жизнь такая, когда добро, нажитое тяжким трудом и потом, приходится прятать от людей, будто ты вор какой-то?

Начавшаяся скоро война вдохнула в Иону новые надежды. Чутьем он сразу же понял, что Советы войну проигрывают. Он еще раз в этом убедился, когда уже через месяц, спешно собравшись, уехали в Россию многие сельские жидяне и советские функционеры.

- Эти всегда чувствуют, что к чему, никогда не ошибаются! – думал Иона, торжествуя в душе.

А вот уже несколько дней, как образовалась пустота. Ни советских властей, ни даже следов Красной армии. Значит, вот-вот румыны вернутся, возможно, будут среди них и его старые знакомые. Своя власть, это своя власть! Не жидовская и не комиссарская. А то, что румын возвращают немцы, так что же в этом плохого? Немцы – культурные люди, не то, что эти жлобы-комиссары. Ему, крепкому хозяину, бояться нечего. Крепкий хозяин, он всегда в цене. Пусть трясутся эти оборванцы, которые лизали задницу комиссарам.

А то, что немцы взяли за одно место жидан и цыганье, так это очень даже правильно. Наконец-то нашлись умные люди. Он, Иона, с ними полностью согласен, и он даже готов помогать им, чтобы быстрее искоренить эту заразу. Цыгане, которые шумным табором каждое лето располагались в поле, около села, вызывали у него отвращение. Уж очень живо они напоминали ему его безалаберное семейство и нищее детство.

Жидане, хотя и являлись полной противоположностью цыганам, были ему не менее отвратительны. Больше всего его бесило их высокомерие, презрение к другим людям, как к более низким существам. Лично ему они ничего плохого не сделали. Он, вроде, должен быть им благодарен. Они ведь ему и матери хорошо платили за работу,

всегда его хвалили за смышленость и расторопность, дарили красивые, дорогие вещи. Но он не мог им простить их богатство, свое вечное унижение перед ними.

Вот и его постояльцы, бежавшие вместе с другими евреями из Румынии, люди вроде бы хорошие. Марк является его ровесником. Стройный, интересный мужчина, с черной, как смоль, бородой. Несмотря на свою молодость, стал раввином и главой еврейских общин всех окрестных сел. Он был вежлив, тактичен, хорошо платил за постой. Его жена, Адель, красивая, не по летам серьезная и очень скромная женщина, внушала людям симпатию. Их сынишка, Мошка, тех же лет, что и его Василь и Петря, был неразлучен с его босяками. Целыми днями они носились вместе по селу, поднимая тучи пыли, или бегали к речке, а то просто забивались в конец огорода, увлеченные своими бесконечными играми.

Иона был доволен своими постояльцами, но всем своим существом ощущал, что он был для них, тем же гоем.

С началом войны всех молодых мужиков мобилизовали, правда, не в действующую армию, а в трудармию, так как власти бессарабцам не доверяли. Иона, проявив, как всегда, немало смекалки, каким-то чудом отвертелся от этой «чести». А вот Марк и с десяток других евреев села служили где-то под Одессой. Сначала их семьи хотели уехать в эвакуацию вместе с другими евреями, но вскоре получили весточку от своих служивых, в которой те сообщали, что командование предоставило им краткосрочный отпуск и выделило несколько машин, чтобы они их сами вывезли.

Адель, как и другие, осталась ждать Марка, который мог приехать в любую минуту. Иона помогал ей собираться и упаковать вещи. От верных мужиков Иона узнал, что румыны и немцы уже на подходе. Он был уверен, что выехать оставшимся евреям уже не удастся.

- Да, думал он, столько добра, а в чужие руки попадет. И это не только в их селе. Вчера появился слухок, что во многих селах не стали дожидаться румын или немцев и сами порешили своих евреев.

- А что? – говорили мужики, их все равно румыны или немцы убили бы, а тут хоть добро удалось спасти...

Иона понял, что не удастся ему заснуть и вышел покурить. На завалинке сидел его сосед Лупу и тоже дымил махорочной закруткой.

- Не спится, сосед? – спросил Лупу.

- Да, что-то не спится.

- А как твои жидане?

- Ждут машину, вот- вот подъедет.

- Да, – крякнул Лупа, – сколько добра увезут.

- Увезут, Лупа, увезут. Разве только они? А главное – далеко не увезут. В чужие руки попадет. Вот, что обидно.

- Вечером встретил Михая Амброса, – осторожно заговорил опять Лупа. Да ты его знаешь, кузист*.

- Да, этот теперь в почете будет!

Помолчали. Посмолили закрутки. А Лупу, будто выдавливая из себя слова, продолжал:

- Так вот, Михай сказал, – кончать надо, как в других селах.

- Кончать! Где-то он уже слышал это словечко. Может оно ему являлось в его рваных мыслях, когда он тщетно пытался заснуть?

- Дурацкое словечко. Не убийцы же мы в конце-концов. А с другой стороны. Их, евреев, все равно убьют. Пропадет добро! А так...

- Вот мы и договорились. Сегодня ночью... ну, пока машины не подъехали. Сейчас мужики подойдут.

Первой мыслью Ионы было – зайти в дом. От греха подальше. Но какая-то неведомая сила приковала его к этому месту...

Раздались голоса. Стали подтягиваться мужики. Запахло перегаром. Иону передернуло.

- Бежать, опять подумал он, но так с места не сдвинулся.

А толпа загудела, зашумела. Окна домов начали вспыхивать ярким светом, захлопали двери, появились сонные женщины.

На улицу вышла и Адель.

-Что случилось бадя Иона? – спросила она его по-румынски. Немцы?

- Да, мужики говорят, – не то немцы, не то румыны на подходе.

- А как же наши?

- Бог даст, прорвутся. А вы идите в дом, мало ли. Видите, мужики хлебнули и злые какие-то.

Адель нерешительно топталась на месте, но в это время, плача, из дома выбежал Мошка. Адель взяла его за руку, стала успокаивать. Мальчик доверчиво протянул вторую руку Ионе, будто ища у него защиту. Иона нагнулся и взял мальчика на руки. Адель благодарно взглянула на него, но он зачем-то поднял его над собой.

- Ой, осторожно, бадя Иона, – вскрикнула Адель.

Мужики засмеялись, загалдели. Иона уже хотел отпустить мальчика на землю, но кто-то крикнул:

- А ну брось щенка мне. Поиграем в мячик.

Иона почувствовал, что не владеет собой. Какая-то бесовская сила, как бы помимо его желания, взыграла в нем, и он, вместо того, чтобы вернуть мальчика матери, повиновался дурацкому предложению поиграть в мячик и перекинул мальчика своему соседу.

-Что вы делаете? – закричала Адель, но ее уже никто не слушал. Мошка заходил по рукам. Адель, продолжая кричать, пыталась перехватить мальчика, но это ей не удавалось. Один из мужиков схватил Мошку за ногу, опрокинув его вниз головой. Другая нога мальчика оказалась в руках его соседа. Мальчик истошно кричал. Но вдруг слышался хруст костей, кровь брызнула фонтаном. Адель рухнула без чувств на растерзанное тело мальчика. Вид и запах крови опьянил мужиков, и они, затоптав Адель и останки мальчика, бросились, как дикие звери, в еврейские дома. Уже вскоре оттуда стали раздаваться крики ужаса детей и взрослых. Люди, спросонья, не успевали понять, что их убивают...

Толпа завладела и Ионой. Окончательно потеряв рассудок и волю, он сначала побежал вместе со всеми. Но потом вдруг остановился, повернул к своему дому, заскочил на половину Марка и быстро перенес все его вещи к себе. Марии в доме не было, и он, закрыв дом на замок, побежал в ту сторону, где слышались крики и стоны умирающих людей. Навстречу ему все чаще попадались мужики и бабы, тащившие барахло. Вдруг ему дорогу преградила какая-то женщина. Расставив руки, она пыталась остановить его. Присмотревшись, он узнал свою соседку, Ляну.

... – Люди! – кричала она. Нехристи! – Что вы делаете? Остановитесь! Подлые убийцы! За это несчастное барахло?! Бога побойтесь! Он ведь все видит! Гореть вам в аду вечным огнем! Остановитесь, изверги!

Трезвый голос Ляны тонул в диком реве толпы и криках истязаемых людей...

Иона, отбросив Ляну и отмахнувшись, как от назойливой мухи, от Марии, которая смотрела на него дикими глазами и пыталась ему что-то сказать, как и все, что-то кричал, бил и крушил все на своем пути...

Неизвестно, сколько времени продолжалась бы еще эта оргия озверевшей толпы, но вдруг на окраине села послышался шум моторов подъезжающих машин. Все, как крысы с тонущего корабля, разбежались по домам, село в одну минуту затихло, лишь кое-где слышался лай собак да слабые стоны умирающих...

Первая машина остановилась около Ляны. Из ее кузова выпрыгнул боец. Ляна сразу же узнала Марка, который направился к себе домой.

- Стойте! Не ходите туда! Там никого нет!

- Как это? – не понял Марк.

Ляна, молча, осветила фонариком тела Адели и Мошки...

Из горла Марка вырвался страшный, нечеловеческий крик. Он упал на колени и, продолжая кричать, пытался собрать все, что осталось от мальчика и любимой жены...

Подъехала вторая машина. Все выскочили. Один из них, с ромбами лейтенанта, скомандовал:

- В ружье!..

Первым опомнился Марк. Дико озираясь, он, пошатываясь, подошел к лейтенанту.

- Лейтенант! Бога ради! Не надо новой крови. Мертвых к жизни уж не вернешь.

Но лейтенант не слушал его. Он приставил пистолет к виску Ляны и требовал:

- Кто? Скажи кто?

- Все, – отвечала Ляна, все еще не веря тому, что произошло. Как люди, среди которых она прожила всю жизнь, в один миг превратились в шайку мерзких убийц? Кого они убивали? Своих же, односельчан, с которыми столько лет жили душа в душу, делили все горести и радости. Ради чего? Ради этого жалкого барахла! И еще потому, что были уверены в своей безнаказанности. Есть ли Бог на свете? Как он это допустил?

Лейтенант с пистолетом в руках побежал к ближайшему дому. Но Марк преградил ему дорогу.

- Не надо, лейтенант! Прикажи лучше бойцам собрать трупы. Их надо предать земле.

Однако команды не потребовалось. Бойцы и так уже делали свое дело. Ляна побежала в дом и притащила целый ворох белых простыней.

- Приготовила дочке на приданое, но сейчас они нужней.

Марк посмотрел на нее с благодарностью. Понял все и лейтенант. Трупы стали заворачивать в простыни и складывать в машины. Ляна откуда-то притащила лопаты.

Когда машины подъехали к еврейскому кладбищу, стало уже светать. Лейтенант взглянул на Марка и остолбенел. Он увидел перед собой глубокого старика. Его черная борода и волосы стали белыми, как снег.

Земля после дождя была мягкой. Яму под братскую могилу вырыли очень быстро. Но тут вдруг оказалось, что до миньяна не хватает одного еврея.

- Я буду десятым, – сказал лейтенант, одев пилотку.

Марк подумал и коротко бросил:

- Хорошо!

Он прочитал заупокойную молитву, кадиш. Все было кончено...

- А сейчас быстро по машинам, надо успеть смотаться пока немцы или румыны не нагрянули, – скомандовал лейтенант.

Марк подошел к нему и тихо сказал:

- Прости, командир, забери людей и езжай! Я останусь здесь, с ними, – показал он глазами на свежую могилу. Евреи его поддержали, тоже решили остаться.

- Вы что, с ума все сошли? Вы же себя обрекаете на верную смерть. Да и я не могу вернуться без вас. Меня тут же у стенке поставят.

- Ты прав, лейтенант, – сказал Марк, но мое решение непреклонно. Остальных попробуй уговорить. Я тебе в этом деле не помощник.

Лейтенант минуту подумал.

- Раз так, то и я остаюсь с вами. Ведь вы только что меня в евреи приняли, – горько пошутил он.

Он приказал всем бойцам, неевреям, немедленно погрузиться в машины и уехать.

- Так и скажите особистам, что мы остались для прикрытия.

Евреи вместе с лейтенантом вернулись в дом Марка. Они разорвали на себе одежду, посыпали головы свеже-

приготовленным пеплом, сняли обувь и сели на ковер, который принесла Ляна. Лейтенант, загодя выгрузив из машин винтовки с патронташами, уложил их около каждого бойца.

- Будем держаться до последнего патрона, который оставим для себя. Затем аккуратно снял обувь и сел вместе со всеми отсиживать шиву...

Румыны появились неожиданно. Кто-то услужливо привел их к дому Марка. Завязался неравный бой. Из дома вместе с выстрелами слышно было, как евреи непрерывно повторяли молитву « Шма Исраэль». Среди них звучал и голос лейтенанта...

Когда выстрелы прекратились, и румыны ворвались в дом, они обнаружили там десять трупов, девяти евреев и одного праведника....

Они были первыми. Впереди было еще шесть миллионов еврейских жизней, принесенных в жертву на алтарь Молоха, бога язычников двадцатого века. Но это было еще впереди.

Так погибла семья моего брата, но мы об этом узнали из рассказов односельчан только в 1946 году, когда вернулись в родную Романовку.

2.4. Роковые минуты.

Итак, мы оказались в госпитале...

Шел большой обход. Все было, как обычно. Возглавлял процессию из 12-15 человек полковник медицинской службы Владимир Иванович Концевой, большой, грузноватый, но с отличной воинской выправкой человек, начальник госпиталя.

С его лица не сходила лучезарная, обворожительная улыбка. Та самая, которая вместе с исходившей от всего его облика какой-то необыкновенной мужской силой привлекала к нему сердца людей и делала его любимцем женщин. Это не была специально натренированная улыбка, часто присущая людям его профессии. Она шла из самых сокровенных глубин его души, дышала необыкновенной добротой и дружелюбием, любовью и искренним состраданием к этим еще не познавшим жизнь, но уже искалеченным мальчишкам.

Подходя к очередному больному, и проводя его осмотр, он, как бы между делом, заговаривал с ним, но не о его недугах и ранах, а о личных делах, демонстрируя на удивление всем отличное знание не только истории болезни, но и истории жизни каждого пациента.

Сегодняшний обход был внеочередным. Однако, никто, кроме самого Владимира Ивановича и нескольких посвященных, не знал его истинной причины. Среди них были комиссар госпиталя, майор Васин, и начальник особого отдела капитан Ломовой. А причина была чрезвычайной.

Приехав вчера домой уже довольно поздно, где-то в первом часу ночи, и наскоро поужинав, Владимир Иванович попросил жену, Зиночку, разбудить его пораньше, часов в шесть. Он, по своему обыкновению, собирался просмотреть истории болезни поступивших за день раненых, количество которых с каждым днем увеличивалось настолько, что ознакомиться с ними в рабочее время он уже не успевал.

- Володя, милый, ну так же нельзя! - увещевала его Зиночка, – ведь так ты долго не протянешь, ты же не железный!

- Война, мать, на дворе, война, будь она трижды проклята! Она никому покоя не дает! Ну, ну, – проговорил он, ласково целуя ее и вытирая выступившие на ее глазах слезинки, Выстоим! Не было еще такого, чтобы слабосильная немчура русского богатыря одолела!

Почувствовав груз усталости и удовольствие от сладостно охватывающей его дремоты, он быстро разделся и, нежно обняв Зиночку, стал проваливаться в тяжелый сон. Именно в эту минуту раздался протяжный звонок телефона. Интеллигентная, гордившаяся изяществом своего слога, учительница русской словесности, Зиночка, неожиданно для самой себя, вдруг грязно выругалась, соскочила с постели, намереваясь заткнуть рот этому опостылевшему ей монстру, но вовремя спохватилась, заметив, что это прямой комдива. В полном отчаянии она повернулась, чтобы растолкать только что заснувшего мужа, но в этом не было никакой необходимости. Володя, давно привыкший к ночным звонкам начальства, уже взял трубку и, инстинктивно вытянувшись по стойке смирно, только успевал произносить:

-Есть!

Голосом, не допускаям возражений, комдив закончил:

“Об исполнении доложить!”

- Слушаюсь, – отчеканил Владимир Иванович, но, товарищ комдив, ...

- Исполняйте! – прервал его комдив, – и положил трубку.

Минут пять Владимир Иванович пребывал в оцепенении.

- Что же это происходит? Это же катастрофа! – проговорил он вслух.

Не то, чтобы он не знал о тяжелом положении на фронте. Но не до такой же степени! Еще несколько дней тому назад секретарь обкома говорил о том, что на всех фронтах наши войска переходят в контрнаступление и что о сдаче города не может быть и речи... И вот на тебе...

- Это катастрофа! – повторил он. Так и до Киева дока- титься можно.

Он даже подумать, об этом не смел. Но крамольные мысли сами лезли ему в голову. Нет, Тухачевский до этого не допустил бы! Подумав так, он невольно оглянулся, не подслушивает ли кто-нибудь его тайные мысли?

Постепенно к нему вернулась реальность. Его мысли вдруг приобрели совсем другое направление. Ах да, эвакуация! К эвакуации госпиталя Владимир Иванович был давно готов. Еще две недели тому назад он отправил в штаб фронта ее подробный план. Там было дано обоснование необходимых для этого сил и средств. И что же? Вместо предусмотренного планом десятидневного срока ему дают всего полтора дня, вместо требуемых шести санитарных поездов выделили два. У него, конечно, был и запасной вариант, которым предусматривалось максимально возможное уплотнение койко-мест. Но даже в самом оптимальном случае, при самой невероятной скученности, ему потребовалось бы не меньше четырех составов, а тут всего два... Выход один, половину больных немедленно выписать.

Кого? Логика подсказывала – местных, ходячих и гражданских. Он и не сомневался, что именно на этом варианте будет настаивать особист. Но вот беда! По его подсчетам больше половины из этого контингента – евреи. Оставить этих людей в городе – значит обречь их на верную гибель. Он врач! Он давал клятву Гиппократу! Наконец, он же просто человек! Допустить это невозможно! Но что делать? Разве у него есть другой выход?

На экстренно собранном им совещании, которое продолжалось всю ночь, он сражался как лев. Добился он только одного. Выговорил для себя право на список из 50 человек, в который он мог включить любого больного по своему усмотрению. Как и где он разместит этих больных, он еще не знал, но все-таки – это уже кое-что. Сейчас, на обходе, решалась судьба каждого из них... Решалась и наша судьба...

- Яков Соломонович! – обратился Владимир Иванович к отцу, сделав предварительно знак молодому лейтенанту, входившему в состав свиты, и сравнительно неплохо говорившему на идиш,

– Как дела? Разузнав с помощью лейтенанта у отца все о маме и обо мне, он спросил, нет ли у него каких-либо знакомых в городе. Отец ответил, что знакомых у него нет, но что, по его сведениям, в городе проживает много евреев, которые, несомненно, приютят его.

- Когда я в первый раз приехал сюда, это, правда, было давно, в 1915 году, добавил он, то меня встретили прямо у поезда и спорили, кто удостоится чести забрать меня к себе на постой.

Так что Вы не беспокойтесь, господин профессор, я еврей и поэтому я не пропаду. Я буду навещать жену и сынишку каждый день, а когда жена поправится, я их заберу к себе. А там, Бог даст, война закончится, и мы, с Божьей помощью, вернемся домой.

Как я теперь понимаю, детская наивность отца не могла не вызвать горькой улыбки у его слушателей.

Владимир Иванович задумался. Как быть?

- Владимир Иванович, – сказала подошедшая к нему из свиты молодая сестричка, – разрешите мне забрать Якова Соломоновича к нам. Мы тут недалеко живем, и он действительно сможет каждый день навещать свою жену.

- Подожди, Олеся, – вмешался в разговор лейтенант, – Яков Соломонович правоверный еврей, он может жить только в еврейской семье, а...

- А у нас что, не еврейская семья? – обиженно перебила его Олеся. У меня дед, между прочим, такой же верующий, он и в синагогу ходит.

Владимир Иванович невольно оглянулся на особиста, как он среагировал на крамольные речи комсомолки

Олеси, но тот, хотя его и немало покорило происходящее, сделал вид, что ничего не слышал.

- Спасибо, милая девочка, обратился он ласково к Олесе, ты сняла камень с моих плеч. Сделаем так. Я тебе на сегодня даю отгул, а завтра придешь на дежурство вместе с Яковом Соломоновичем ровно к 8 часам вечера. А теперь собирайтесь. Выписку вам подготовят.

План, с которым он поделился с мамой, был у него такой. Отца он в 10 часов заберет к себе в кабинет. А в 12 часов, когда начнется эвакуация, он его посадит вместе с нами в одну из первых санитарных машин, а там, в поезде, поселит его с персоналом.

Однако, все в одночасье рухнуло. К следующему дню ситуация резко ухудшилась. Ночью немцы неожиданно высадили большой десант, город оказался в окружении. Поступила команда – немедленно приступить к загрузке санитарных поездов, для выезда которых войсками сейчас пробивается “ окно “. Владимир Иванович послал одну из санитарных машин к Олесе с приказом привести отца. К несчастью машина попала под обстрел и в госпиталь так и не вернулась. Мама плакала навзрыд и наотрез отказывалась ехать без отца. Наконец, ее удалось уговорить, и нас отправили последней машиной, которая выехала в 7-35. Владимир Иванович ее клятвенно заверил, что в 8 часов, когда отец придет с Олесей, он его привезет на своей машине...

Больше мы не видели ни его, ни отца.

Нашим поездам под огнем и непрерывными бомбежками удалось прорваться, и через две недели нас привезли в один из городов Краснодарского края, Тихорецк. Следы отца и Владимира Ивановича затерялись навсегда.

На все наши запросы, как во время войны, так и после нее, ответ был один “Пропали без вести”.

Так, несколько десятков роковых минут решили судьбу отца. Мы и сегодня не знаем, как трагически она сложилась и где его могила. Хотя...

Прошло около полугода после описанных событий. Мы с мамой по-прежнему жили в госпитале. Нет, мама уже была вполне здорова, ходила даже без палочки, только еще чуть-чуть прихрамывала. Но ехать нам было некуда, не на что и даже не в чем, т.к., кроме больничной робы, у нас никакой одежды не было. Поэтому маму зачислили в штат, нянечкой. Она убирала, ухаживала за ранеными, в чем я ей, по мере своих сил, помогал, а в свободное от работы время, сидя в больничном садике, вязала для раненых теплые носки, варежки, перчатки и даже свитера. Откуда на больничном складе взялась шерсть в разноцветных мотках, для меня до сих пор остается загадкой.

Это было время, когда немцы рвались на Северный Кавказ. Они уже заняли Ростов, а нас бомбили, чуть ли не каждый день. Мы к этим бомбежкам настолько привыкли, что не обращали на них никакого внимания. Как только сирена извещала нас об отбое, мы снова выходили в садик и занимали там свое место. Место это было знаменательно тем, что прямо около него расходились две тропинки – одна вела в приемный покой, а другая – в морг. Поэтому около нас проносили на носилках и раненых после бомбежки, и мертвых. Это тоже было привычно и не вызывало у нас никаких эмоций. Тем более удивительным было то, что однажды, после очередной бомбежки, когда около нас проносили, уже не помню по

счета, какого мертвеца, мама вдруг вскочила со своего места и стала кричать, что это отец. Труп, как это положено, был закрыт со всех сторон и с головой, так что это не могло быть видением. Странно, но, когда она, плача, попросила снять с него покрывало, ей в этом категорически отказали, хотя дежурный врач морга был ей хорошо знаком, т.к. она часто убирала в морге. Ее очень долго успокаивали, доказывали, что по документам там числится молодой боец. Тем не менее, она до конца своей жизни не сомневалась, что это был именно отец, хотя не могла объяснить, каким образом он туда попал. И вдруг, это уже было после войны, когда мы вернулись в свое родное местечко, и туда после эвакуации вернулся наш односельчанин, он, встретив маму, страшно обрадовался и сразу же спросил, нашел ли ее отец. Когда мама выразила недоумение, он рассказал, что зимой 1942 года он, якобы, встретил отца в Армавире и что тот ему, якобы, сказал, что ищет здесь свою жену с мальчиком.

Вот такая почти мифическая история.

Я все-таки думаю, что он остался в оккупации и разделил трагическую судьбу сотен тысяч украинских евреев, брошенных властями на произвол судьбы.

Совсем недавно я обнаружил в интернете рассекреченную информацию о трагедии, которая произошла 18 августа 1941 года. Оказывается, в этот день по приказу сверху в связи с отступлением наших войск был взорван ДнепрогЭС. Почему-то никому из тех, кто отдал приказ, или из тех, кто его выполнял, в голову не пришло не то, чтобы эвакуировать людей, живших в опасной зоне, а хотя бы предупредить их. В результате взрыва прорвало плотину, и мощной волной смыло все побережье. Погибло

100 тыс. человек горожан, беженцев, в том числе 20 тыс. военнослужащих, выполнявших необходимые работы в городе в связи с отступлением наших войск. Я сидел и думал о том, сколько мы еще не знаем об ужасах войны. Вдруг меня, как обухом стукнуло по голове.

- Да нет, - подумал я, - не может быть! ...

- А с другой стороны, описанные мною события, это я точно помню, происходили как раз в середине августа, в день отступления наших войск из города.

Я схватил карту города и к своему ужасу убедился, что госпиталь находился в опасной прибрежной зоне. Значит, и Владимир Иванович с семьей, и милая девочка Олеся, и ее бабушка, и отец, все они могли оказаться среди этих 100 тыс. погибших людей. И это очень многое объясняет.

Вот уж поистине, – пути господние неисповедимы!..

2.5. Беженцы.

Летом 1942 года началось стремительное наступление немецких войск на Северный Кавказ, и наш госпиталь стал готовиться к срочной передислокации. Всем вольнонаёмным работникам было предложено уволиться в течение двух недель. Нас с мамой кое-как приодели, снабдили хлебными карточками, проездными документами, небольшой суммой денег и отправили, как говорится, в свободный полёт. После долгих мытарств мы попали вместе с основным потоком беженцев в Махачкалу, а затем, с большим трудом, через Красноводск, – в Узбекистан. Здесь царил полный хаос. Вся Республика была забита беженцами, и нас нигде не принимали. В течение месяца мы болтались по её дорогам, объездили ее вдоль и поперёк,

побывали в Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Коканде, в других больших и малых поселениях. В конце - концов, нас выгрузили в каком-то захолустном городке с маловыразительным названием. Его эвакуопункт размещался на окраине в большом старинном особняке, сохранившем ещё следы своей былой красоты. Дом, как оно водится в южных городах, был ограждён высоким каменным забором. Позади дома, в нескольких глинобитных сарайчиках, находились баня с санпропускником, парикмахерская, прачечная, комната скорой помощи, небольшая аптека, умывальник и туалеты. Огромный двор был до предела забит людьми. Они расположились прямо на земле, покрытой скудной растительностью. Каждая семья со своими узлами и чемоданами ютилась на крохотной площадке величиной от восьми - десяти до двадцати квадратных метров. Многие, тем не менее, умудрялись достаточно сносно обустроить своё временное жилище. Новички, которым, как правило, не хватало места во дворе, размещались во дворах соседних домов. Готовить еду здесь было строго запрещено. Всех кормили с общественного котла походной военно-полевой кухни, которая появлялась три раза в день. Каждый получал свою порцию строго по списку.

Утром это были дневная хлебная пайка, знаменитые 300 грамм, которая больше напоминала комок глины, стакан чуть - чуть подслащенного чая, манная каша на воде и стакан молока для детей до шести лет. Далее, обеденная похлёбка, в которой при большом старании и с не меньшей фантазией можно было отыскать прожилки мяса, и, чаще всего, рисовая каша. Вечером опять каша и чай.

Непреходящий голод был нашим вполне естественным состоянием, но, во много раз сильнее, люди страдали от жажды. В доме был водопровод, но он предназначался только для сотрудников. Остальные пользовались водой, которая иногда скудно текла из крана умывальника. Однако чаще всего кран только капал, и воду выдавать упрямо отказывался. Люди часами простаивали около него с кружками, надеясь по капле набрать чуть-чуть для детей.

Во дворе господствовала тошнотворная вонь, и какой-то невыразимой громкости давящий гул. Это было нечто среднее между шумом восточного базара, балаганом цыганского табора и гвалтом местечковой сходки.

В нём собрались все звуки мира – плач детей, истерические крики и переключка женщин, стоны больных, напевы молитв хасидов, сквернословие, залихватские грустные песни и перестук бубен, хохот, многоязычный говор...

Дети, занятые своими нескончаемыми играми в войну и шпионов, носились по всему двору, поднимая тучи пыли, непрерывно ссорились и устраивали потасовки. От них не отставали и взрослые. Женщины, визжа, таскали друг друга за волосы, разборки среди мужчин часто заканчивались мордобоем и непристойной бранью.

Днём все разбредалось по городу. Кто-то, найдя благодатную тень, сладко дремал, другие, забившись в укромное местечко, били вшей, дети плескались в грязной воде арыков, некоторые ходили по домам, пытаясь обменять вещи на еду и воду, или слонялись по базару, что-то продавая или покупая, а то и просто так. «Дома» оставались только немощные старики и тяжелобольные,

мечтавшие о смерти, способной их избавить от невыносимых страданий.

День для всех начинался в шесть утра торжественными звуками интернационала, которые раздавались из репродукторов и громкоговорителей, разбросанных по двору. Вслед за тем, как репродукторы левитановским голосом сообщали последние известия и тревожные сводки Совинформбюро, появлялись санитарные машины. Врачи и медсёстры обходили просыпающихся людей, разыскивая мёртвых и тяжелобольных. Они увозили от трёх до четырёх десятков людей, кого в морг, кого в больницы. Детям и старикам раздавались витамины. Однако, ни витамины, ни дезинфекции, ни санобработки не спасали от свирепствующих смертельных болезней – сыпняка, брюшного тифа, дизентерии, малярии. Они разносились вшами, полчищами мух, комарами и другими насекомыми, а также заразными больными. Смерть стала настолько привычной, что на неё уже не обращали никакого внимания.

Если бы статистика того времени задалась целью посчитать число беженцев, ежедневно умиравших от голода и болезней (в эвакупунктах, на вокзалах и портах; в теплушках эшелонов и на судах; на дорогах Кавказа, Средней Азии, Поволжья, Урала и Сибири), то получились бы огромные цифры. Они вполне могли конкурировать со сводками о гибели солдат, поступавших с фронтов войны. Но статистика такой целью не задавалась, и вряд ли вообще велась среди беженцев. Сводки информбюро обходили молчанием их катастрофическое положение.

Кроме нас, беспризорных, существовали также изгнанные из своих мест проживания миллионы чеченцев,

немцев Поволжья и пр., а также организованные переселенцы. Они в планово-принудительном порядке вместе со своими предприятиями, партийно-комсомольскими и советскими организациями были депортированы или эвакуированы на Восток из городов и посёлков, мест своего проживания, а также из Москвы и Ленинграда и т.д. Вся эта масса людей, образовавшие вместе с тружениками тыла, вынесшими на своих плечах все тяготы войны, оказалась в ужасных нечеловеческих условиях и умирала с голода, холода и болезней, однако жертвами войны она не считалась и в сводках информбюро не фигурировала...

Уже через две недели мама заболела сыпным тифом, и меня вместе с ней положили в больницу. Почти полтора месяца мама находилась между жизнью и смертью. Был и такой день, когда она прощалась со мной.

- Сыночек, – сказала она тогда, – может так случиться, что Всевышний призовет меня к себе. Запомни, ты остаёшься не один, с тобой наш Всемогущий Бог, и он тебя не оставит. Тебя ждёт большая и интересная жизнь, не забывай ни на минуту, ты еврейский мальчик (а идиш kind), и ты, как твой отец, должен прожить свою жизнь достойно...

Судьба, однако, была милостива к нам. Миновал кризис, и мама быстро пошла на поправку. В тот светлый и радостный день, когда мы выходили из больницы, наши сердца были наполнены надеждой. Увы, мы ещё тогда не знали, что этот замечательный день станет не концом, а только началом наших невероятных страданий и отчаянной борьбы за выживание.

2.6. Голод.

Лето 1942 года было в разгаре. После кратковременной эйфории, вызванной поражением немцев под Москвой и первым в истории войны наступлением наших войск, страна снова впала в глубокое уныние. Немецкие войска победным маршем прошли через весь Кавказ, приблизились к Волге и Бакинской нефти. Казалось, нет такой силы, которая могла бы их остановить. Самое страшное было в том, что под оккупацией оказались все

продовольственные районы страны: Украина, Молдавия, Кубань, Белоруссия. Поволжье, Урал и Сибирь, несмотря на свои огромные, но в большей своей части низкоплодные территории, даже самих себя не могли прокормить. А ведь еще надо было накормить Московскую и Ленинградскую области, армию, миллионы эвакуированных, а также согнанных с своих земель чеченцев, народы Кавказа, немцев Поволжья. Сейчас бы сказали, что над страной разразилась экологическая катастрофа. Тогда таких слов никто не знал, да и кто бы решился произнести их вслух? Костлявые руки голода цепко обхватили шею страны и начали неотвратимо сжиматься. Никто не подозревал тогда, что страну спасли от голода, как и армию от полного поражения продовольственная и техническая программы Ленд-лиза, “проклятые” капиталисты, которых мы только в конце войны стали именовать союзниками. Пока же вся страна с надеждой смотрела на республики Средней Азии, и, главным образом, на благодатный Узбекистан. А эмиссары колхозной продраз-

верстки, которые и раньше не отличались особой щепетильностью, теперь развернулись во всю и чистили закрома до ниточки...

После трех месяцев скитаний по дорогам Узбекистана нас, наконец, определили в заброшенный хлопководческий колхоз. Это был сплошь глинобитный аул, состоявший из нескольких десятков домиков, пристроившихся в самом малолюдном и Богом забытом месте Ферганской долины. Не пустыня, но далеко не оазис. Можно было пройти десятки километров, не встретив по дороге ни кустика, ни деревца, ни даже пожухлой пожелтевшей травки. Звонящую тишину однообразного пейзажа не нарушали ни пение птичек, ни рокот текущего ручейка, ни шум подувшего ветерка. Казалось, что земля и небо, слившись воедино, расплавились в палящем зное раскаленного добела солнечном диске. Не то, что люди, но и птицы, и звери, и даже неприхотливые жучки и мушки обходили стороной эти непригодные для жизни места.

Мы, разумеется, всего этого не знали, и, когда в эвакопункте нам сказали, что нас направляют в колхоз “Заветы Ильича”, мы даже обрадовались. В нашей памяти были еще живы воспоминания о богатых украинских колхозах, где нас встречали пышными хлебами, кринками молока, обилием яиц и фруктов. Откуда нам, наивным, еще верящим каждому слову советской пропаганды, было знать, что это изобилие у украинских колхозников возникло потому, что тогда, в первый год войны, власть не успела их еще ограбить? Не до того было.

*Скульптура Э.Бардаха
«Голод»*

Нас, и еще две семьи, а также двух сопровождающих молодых парней, уполномоченных эвакуационного пункта, посадили в небольшую повозку, в которую была запряжена старая худая кляча, и мы потряслись по бесконечно длинной и нескончаемой проселочной дороге.

- А где ваши вещи, мамаша? – спросил у мамы один из уполномоченных.

- Какие вещи? Нет у нас вещей. Мы же в колхоз едем, там нам и выдадут, все, что нужно.

Парень удивленно посмотрел на маму, поцокал языком, покачал как-то странно головой и в течение всей дороги больше не проронил ни одного слова, хотя мама несколько раз заговаривала с ним.

- Вы меня, почему про вещи спросили? – пыталась она его разговорить.

Парень вместо ответа начинал насвистывать какую-то песенку, отвернувшись.

Мы думали, что нас всех везут в один и тот же колхоз, но по дороге наших соседей высадили в каком-то селеении, а мы поехали дальше. Мама очень расстроилась. Женщины, ехавшие с нами, ей понравились, но делать

было нечего. В колхоз приехали поздно вечером, сторож открыл нам контору, там переночевали. Я проснулся от страшного шума, это о чем-то ругались уполномоченные с мужчиной, который оказался председателем колхоза. Говорили они по-узбекски. Потом оказалось, что председатель колхоза решительно отказывался принять нас.

- Неужели не понимаете, – увещевал он ребят, нет у меня ни грамма муки, ни зернышка, как они дотянут до зимы?

- Мы ничего не знаем, у нас приказ, с райкомом, между прочим согласованный. Разбирайтесь тут сами, а муку найдете, знаем мы вас.

Так началась наша жизнь в колхозе. Впервые мы не на словах, а на деле увидели, как живут советские колхозники. Мы буквально были ошеломлены. Колхозники выглядели, как сборище полунищих, изможденных непосильным трудом и хроническим голодом людей. По-русски они говорили еле-еле. Нас они всячески избегали. Тогда ведь все боялись не только друг друга, но даже собственной тени.

Нам выдали полмешка отрубей и немного муки.

- Это вам до января-февраля, сказал председатель. Понимаю, что больше месяца вы на этих харчах не протянете, но ничем помочь не могу. Остальное – добывайте сами. Кое-что, там молочко, яички, сладости, фрукты вы сможете выменять на свои вещички у колхозников. Все. Сейчас бригадир отведет вас в ваш домик, а потом поведет в поле и покажет вам вашу работу. Мы не стали объяснять ему, что, кроме того, что на нас надето, у нас никаких вещей нет и менять нам нечего. Впрочем, похоже, что

председатель, как ни странно, не очень-то знал, как бедствуют его односельчане и что даже, если бы у нас были какие-то вещи, то менять их все равно было не на что.

Рабочий день начинался в 4 часа утра и заканчивался с перерывом на обед в 8 часов вечера. Обеденный перерыв продолжался с 12 до 16 часов. Так каждый день, без выходных. Работа была физически не очень тяжелой, но ее монотонность и то, что все время на ногах, вместе с жарой и голодом изнуряли настолько, что к концу рабочего дня мы еле-еле доползали до дома. Нам исправно записывали трудодни, но предупредили, что выдадут их только зимой. Мы просили аванс в счет заработанных трудодней, но нам категорически отказали.

Наша ежедневная еда состояла из тарелки затирухи, утром, днем и вечером. Я хорошо помню, что для изготовления затирухи мама брала одну часть муки, две части отрубей и одну часть съедобной травы, которую мы собирали, научившись этому у колхозников. Из этой смеси изготавливалось полужидкое тесто, которое в виде крошки варилось в пустой воде в течение 10 мин. Уже через неделю мне затуруха страшно надоела, и мама силой, чуть не плача, заставляла меня съесть всю порцию.

Время шло, наши припасы катастрофически убывали, и, чтобы их растянуть, мама каждый день убавляла содержание муки и отрубей и увеличивала содержание травы в порции. Неотступный голод все больше изнурял нас. У мамы от голода стали опухать ноги, и она еле передвигалась с моей помощью. Я тоже слабел изо дня в день, хотя мама старалась мне подсунуть большую порцию. Угроза дистрофии стала реальностью. Мама пыталась протестовать. Рискуя жизнью и свободой, она пришла со мной в

контору, села на пол у порога и заявила, что не уйдет, пока нам не выдадут немного продуктов. Не помогло. Пришел милиционер и буквально унес нас домой. По вечерам мама брала меня за руку, обходя один дом за другим и выпрашивая для мальчика, то есть для меня, хоть какой-нибудь еды. Мы видели, как у людей от бессилия наворачивались слезы на глазах. Чем они могли нам помочь, если сами голодали? Смерть шла по пятам. Удивительно, что наше медленное умирание происходило на глазах у начальства, местного фельдшера, партийной и профсоюзной организации, но никто из них никак на это не реагировал. Сколько мы могли еще протянуть? Неделю, две? Не больше. Я не сомневаюсь, что мы умерли бы с голода, если бы мама не приняла вдруг неожиданное и мужественное решение.

2.7. Ангел.

Как-то ночью мама разбудила меня и тихо, но тоном, не допускающим возражения, сказала:

- Собирайся, сынок, мы уходим.

- Уходим? Куда, мам?

Мама в ответ приставила палец к губам и, ничего не объясняя, взяла меня за руку, повела в сторону дороги. Крадучись и стараясь не шуметь, мы быстро вышли на дорогу. Я все еще ничего не мог понять, хотя уже догадался, что мы уходим из аула тайком, так, чтобы никто не знал. Я тогда еще не понимал, насколько наше бегство из колхоза опасно и что по законам военного времени приравнивается к дезертирству. Нет сомнения в том, что, обнаружив наше исчезновение, власти очень быстро могли нас до-

гнать. Но это было не в их интересах, а царивший беспорядок позволил им легко скрыть наше бегство. Так это или не так, но нас никто не стал разыскивать, и мы беспрепятственно покинули аул. Когда мама поняла, что за нами нет никакой погони, она успокоилась, но все еще шепотом рассказала поразившую меня историю:

- Мне приснился сон, – начала она свой рассказ. Сижую будто бы и, как всегда думаю, где бы достать хоть пару киллограм муки или отрубей. Ведь вчера я вытряхнула из мешка все оставшиеся в нем крохи. В это время в нашу кибитку вошел мужчина средних лет, по личности то ли узбек, то ли еврей. Посмотрев на меня, он властным голосом сказал:

- Возьми мальчика и уходи в город!

Я хотела возразить, что до города далеко, мы не знаем дороги. Он, однако, не дал мне даже рот открыть.

- Идите, – повторил он. – Всевышний Вас не оставит.

Сказал и исчез так же неожиданно, как появился.

И вот мы стоим на дороге, не зная, в какую сторону двинуться. Через каждые несколько километров дорога разветвлялась, и нам приходится гадать, по какой из них дальше идти. Но мама каждый раз безошибочно выбирала нужную дорогу, и ни разу не ошиблась. Позже, рассказывая об этом, она, с некоторым удивлением, говорила, что не задумывалась, куда идти.

- Такое впечатление, – уверяла она, – что нас за руку вела некая высшая сила.

До города было далеко, где-то порядка 30 км. Мы шли всю оставшуюся ночь и почти весь следующий день. Я, ослабевший от голода одиннадцатилетний ребенок, и

мама, уже пожилая женщина, изможденная дистрофией, с опухшими от голода ногами. По сорокоградусной жаре, без еды и воды (воду, которую взяли с собой, мы уже к утру выпили), практически без отдыха. Ни кустика, ни даже слабой тени. Могло ли такое быть? В это невозможно поверить! Но так было, и откуда мне знать, как мы выдержали, почему не погибли от зноя и жажды?

Мы потеряли чувство времени и двигались почти, как заведенные. Когда стало темнеть, вдруг, как по волшебству, где-то там, впереди, замаячили огни большого города. В это же время мы услышали шум приближающегося мотоцикла. Сколько было по дороге повозок, всадников, машин, перегонявших нас, но никто из них, несмотря на наши отчаянные мольбы, изможденный вид, ни разу не остановился, не предложил глотка воды или немного подвезти. А мотоциклист, хоть мы его не просили, вдруг остановился. Мама взглянула на него и ахнула. Она потом уверяла, что узнала в нем ночного гостя, который явился ей во сне.

- Откуда и куда идем? – спросил мотоциклист.

Мама, вдруг проникшись к нему доверием, коротко, без всякого страха, рассказала ему, чужому человеку, нашу историю – и о том, как мы голодали, и о том, как бежали из колхоза.

Мотоциклист внимательно ее выслушал и, ни слова не говоря, вытащил блокнот, быстро что-то написал и протянул маме вырванные из него листки:

- Здесь 2 адреса. По первому вас накормят и дадут ночлег, а второй – это адрес горисполкома. Подходите к 9 часам и отдайте записку секретарше. Она поможет вам найти меня. А теперь извините, я спешу. До завтра.

Дальше все было, как в сказке. По первому адресу, который мы легко разыскали, нас напоили, накормили, помыли. Сняли с нас всю старую грязную одежду и заменили чистой. Уложили спать в чистую постель, о существовании которой мы за время наших скитаний успели позабыть. Утром хозяйка дома отвела нас в горисполком. Прочитав записку, секретарша помогла нам найти нашего незнакомца, который, судя по табличке на дверях его кабинета, работал заместителем председателя горисполкома. Он уже ждал нас. Без лишних слов он вручил нам три документа на бланках председателя горисполкома с подписями, печатями, по всей форме.

- Это направление в детский дом для мальчика, отведишь его туда прямо сейчас. Это тебе направление на работу, в отдел кадров хлопковой фабрики. Работа не тяжелая, но главное, тебе выдадут сразу хлебные и другие продуктовые карточки и денежный аванс, на месяц вперед. А вот это ордер на комнату. Не Бог весть, какие хоромы, но жить там можно. Это все, чем я могу вам помочь. А сейчас извините, у меня совещание.

Мы поблагодарили нашего спасителя и ушли. Все дальнейшее произошло, как он сказал. Мама чувствовала себя неловко, что не могла сразу же еще раз навестить его, чтобы сказать ему об этом и еще раз поблагодарить за все. Через несколько дней, отпросившись на час с работы, мама пришла в горисполком, но, к своему удивлению, ни комнаты с запомнившейся ей табличкой, ни нашего незнакомца она не нашла. Не было и той секретарши, которая отвела нас к нему. Более того, все работники горисполкома, к которым она обратилась, заверяли ее, что человек, соответствующий ее описанию, никогда у

них не работал, а заместителем председателя горисполкома и вовсе является женщина. Вечером того же дня мама бросилась разыскивать людей, которые нас приютили в первую ночь. Она отлично помнила их адрес и дом, но он, как сквозь землю провалился, а номер дома, который, как уверяла мама, она хорошо помнила, вообще на этой улице не значился.

Скажите мистика! Может быть. Однако все рассказанное здесь, не выдумка, а абсолютная правда, в чем я могу поклясться. Что касается мамы, то она до конца жизни была убеждена в том, что ее ночной гость, посетивший ее во сне, мотоциклист и благодетель из горисполкома, одно и то же лицо, ее ангел-хранитель, посланный ей Богом за ее страдания.

Да так ли это уж важно – был ли наш спаситель бесплотным ангелом или обыкновенным человеком? Важно, что он был и что наверняка к каждому из вас, мой дорогой читатель, он хоть раз в жизни приходил, когда вам бывало очень тяжело. Разве, нет?

2.8. Детдом.

Детдом, в котором я прожил почти два года, был эвакуирован из Ворошиловграда. Он собрал под одной крышей детей «врагов народа», детей воров и убийц, попавших в тюрьмы еще до войны, местных, а также привезенных с Украины сирот и беспризорников. Из всей этой гремучей смеси образовался некий однородный сплав законченных бандитов.

Директор детдома Яков Натанович Эйдельман, по прозвищу «Хромой Янкель», сам бывший детдомовец,

был, по-видимому, неплохим организатором. Вот уже почти 10 лет, как он бесшумно руководил этой разношерстной публикой. Он был инвалидом с детства, его левая нога была значительно короче правой. Кличка “Хромой Янкель” прилепилась к нему давно, еще с детских лет. Он, однако, никак не реагировал не только на кличку, но и на свою хромоту. Казалось, что она нисколько не мешала ему жить. Как это часто бывает, судьба наделила его весьма импозантной внешностью. Высокий, широкоплечий красавец, с карими горящими глазами, черной, как смоль, копной кучерявых волос. Он не был женат, хотя женщины были от него без ума. Нравился он многим, не только женщинам, а наши воспитанники его буквально боготворили. И было за что. В нелегкие тридцатые годы, тяжелые годы войны и даже в голодные 42 и 43 год наш детдом, который он бесшумно возглавлял все эти годы, ни в чем не нуждался. Кормили и одевали нас довольно прилично, так, как-будто никакой войны и не было. Сливочное масло, сметана и яйца на завтрак, манная, пшенная, рисовая или гречневая каша и обязательный стакан молока на ужин, мясной или рыбный обед из трех блюд на обед, овощи, фрукты.

Ему удалось создать видимость порядка с линейками, подъемом флага, докладами командиров и пионервожатых. Но все это было больше показное, для проверяющих его работу инспекторов. По-настоящему жизнью детдома управляли не наставники, воспитатели или учителя детдомовской школы, а его великовозрастные воспитанники. Во главе самоуправления стояли старшие ребята, подростки от 13 до 16 лет, которых все уважительно называли огольцами. Это была детдомовская

элита. Все знали, что они связаны с криминальными авторитетами города. В основном они «чистили» квартиры, а, по совместительству, занимались тем, что сейчас бы назвали рекетом. Некоторые из них, особенно старшие, появлялись в детдоме изредка, главным образом, чтобы собрать дань, творить суд, переспать со старшими девчонками или даже с молоденькими воспитательницами, красавицами, как на подбор.

В их отсутствии всеми делами заправляли младшие воспитанники, которых уважительно называли пацанами. В отличие от огольцов-домушников, пацаны были высокопрофессиональными карманниками. Мы, то есть самые маленькие, или по детдомовски «мальки», страшно завидовали им и мечтали о том, чтобы скорее вырасти и тоже заняться пацанским ремеслом. Оно нас манило не только своей романтикой, но и перспективой вырваться из-под затерроризировавшей нас пацанской опеки. А пока мы довольствовались отведенной нам ролью хапошников.

Каждое утро курировавшие нас пацаны отправляли нас на «дело». Я входил в группу, которая занималась добычей прославленных узбекских лепешек. Делалось это так. Мы выходили небольшой группой на дорогу, которая вела на базар. Там, в укрытии, мы поджидали свои жертвы. Когда появлялась «апа», узбечка с солидным столбиком лепешек на голове, двое из нас, выскочив из засады, внезапно ложились ей под ноги, а третий – толкал ее. Она падала, лепешки разлетались. Мы их быстро подбирали, рассовывали по пазухам и разбегались в разные стороны. В условленном месте нас уже ожидали стоявшие на стреме пацаны, и забирали у нас доставшуюся таким

трудом добычу. Нам же от наших трофеев, в лучшем случае, доставался небольшой кусочек лепешки. Но мы были и этому рады.

При своем поступлении в детдом я оказался почему-то единственным еврейским мальчиком.

- Дывысь, хлопцы, к нам жидовчика приперли! – закричали пацаны при моем появлении.

Приветствовали они меня, однако, не только криками. Как только представившая меня воспитательница удалилась, ко мне подошел белобрысый паренек, который был выше меня почти на две головы, и, не говоря ни слова, под общее одобрение и смех отвесил мне такую оплеуху, что я едва удержался на ногах.

Так и пошло. Каждый из ребят при встрече со мной считал своим долгом, молча дать мне «поддых», расквасить нос, лягнуть ногой или просто ущипнуть. Но это были еще только «цветочки». Меня поселили почему-то не с мальками, а с пацанами, в которой по закону подлости оказался и мой белобрысый палач. Дело шло к сентябрю. Ночи становились прохладными. Мои пацаны где-то раздобыли «буржуйку». Тлеющие древесные угли поддерживались дежурным всю ночь, и спать было тепло. После отбоя пацаны усаживались вокруг «буржуйки», травили байки, громко гоготали, отчаянно матерились. Я, разумеется, очень часто становился объектом их зубоскальства. Но белобрысого парня это издевательство надо мной не устраивало. Следуя своим садистским наклонностям, он предложил пацанам игру, которая сразу же пришлось им по душе. Игра состояла в том, что они доставали из буржуйки раскаленную головешку и, соревнуясь на точность, бросали ее в меня, как в живую мишень. Я вился ужом,

пытаясь увернуться от летящего «огненного» снаряда, что вызывало у них бурю смеха. Когда же они попадали в меня, то их восторгу не было предела. Я от боли, ожогов, обиды плакал, униженно просил пощады. Но чем больше я унижался перед ними, тем изощреннее становились их издевательства. О том, чтобы пожаловаться кому-то не могло быть и речи. Ябедничество в пацанской среде считалось страшным преступлением. Дело не только в том, что они бы меня после этого со свету сжили, а в том, главным образом, что у меня самого даже мысли не возникало, чтобы опуститься так низко.

Не знаю, чем бы это все кончилось, если не – случай. Через некоторое время после меня в детдоме появился еще один еврейский мальчик, Аркашка. Мой одноклассник, он был, однако, полной мне противоположностью. Отчаянный забияка и драчун, он никому не давал спуска. Поселили Аркашку вместе со мной. Так мы и спали на одной кровати, в вале. В первый же день он показал свой характер. Когда пацаны, как обычно, бросили в нас раскаленную головешку, он изловчился, поймал ее и бросил обратно, в пацанов. Пацан, в которого он попал, истошно завыл и бросился на Аркашку с кулаками, но сразу отпрянул, получив удар в зубы. Я забился в угол кровати, весь дрожа и ожидая, что на нас пацаны набросятся и сотрут в порошок. К моему удивлению, получивший по зубам пацан, отчаянно ругаясь и угрожая, отступил, а остальные, отвернувшись, сделали вид, что ничего не произошло.

- Вот так дела! – подумал я.

С этого дня игра в головешки прекратилась, и пацаны больше нас не трогали. Не успокоился только белобрысый. Он, когда ему удавалось перехватить меня одного,

по-прежнему зверски избивал меня. Эти экзекуции я старательно скрывал от Аркашки, так как мне было ужасно стыдно за свое бессилие.

В свободное время мы с Аркашкой уединялись и вели с ним нескончаемые, далеко не детские разговоры.

- Ты не бойся этих недоумков, – внушал он мне. Они все трусы! Получив отпор, сразу хвосты поджимают.

- Да, тебе легко говорить. Ты вот какой сильный и драться умеешь! А я, сам видишь, хилек. Где уж мне?

- Чудак, ты, Левка! Сильный – это тот, кто не трусит. Тот, кто боится, и есть слабак. Вот его и бьют.

- А почему они нас так ненавидят? Почему издеваются?

- Потому и издеваются, что мы, евреи, всегда им уступаем. Мы, мол, умнее их. Дескать, если уступим, отойдем в сторону, они и отстанут от нас. Но нет! Чем больше уступаем, тем больше бьют.

- И правда! Мой отец так и учил меня:

- Драться стыдно, недостойно для еврейского мальчика, – говорил он. Это большой грех – поднимать руку на человека! Наша сила не в кулаках, а в нашей вере. Надо всегда верить, что Всевышний нас не оставит, поможет в беде.

- Ну да, жди от него помощи. Вон фашисты убивают евреев пачками. Где же он, твой Всевышний?

- Грех так думать, Аркашка. Отец мне объяснял, что мы страдаем за наши грехи.

- Нет уж, дудки! Мой отец меня не этому учил. С волками жить по-волчьи выть! На Бога надейся, но сам не плошай! Так он говорил. Ты, Аркашка, никогда никого не бойся! Иди по жизни с гордо поднятой головой. Помни, ты

еврей, и тебе есть чем гордиться. Беда, если ты усомнишься в себе, проявишь слабость, нерешительность. Тогда тебя затопчут...

То ли под влиянием разговоров с Аркашкой, то ли потому, что преследования белобрысого становились нестерпимыми, но вскоре случилось вот что.

Как-то раз, перехватив меня одного, белобрысый позвал меня:

- Эй, жид пархатый, иди-ка сюда!

Я подошел. Вокруг нас собрались пацаны.

- А ну, жид, скажи «На горе Арарат растет крупный красный виноград»

Это было для меня приговором. Я безбожно картавил и даже под дулом пистолета не стал бы при всех произносить эту проклятую фразу с множеством буквы «р». Я упрямо набычился, и только, молча, сверлил глазами своего палача. Поняв, что он из меня ничего не выжмет, он размахнулся и, расквасив мне нос, злобно закричал:

- На, ешь, жид лупоглазый! Счас еще добавлю!

Он опять размахнулся, но я на этот раз каким-то чудом увернулся от удара и совершенно неожиданно для себя с неизвестно откуда взявшейся у меня силой дал ему поддых. Белобрысый согнулся в три погибели и, лоя ртом воздух, хотел что-то сказать. Однако из его горла вырвалось только шипение. Пацаны загудели, но строгие пацанские правила не позволяли им вмешаться в драку. Они только вдохновляли белобрысого:

- Дай ему раза! Во-во, дави, дави!..

Мы с белобрысым схватились не на жизнь, а на смерть. Захлестывавшие меня злость и ненависть удесятирили мои силы. Мы катались по земле, пинали друг друга,

бились кулаками, кусались, царапались... Белобрысый был, конечно, намного сильнее меня. Его удары заставляли меня сильно страдать. Но я запретил себе стонать, кричать или плакать. Ведь по правилам драки это означало бы признание своего поражения.

И тут случилось невозможное. К всеобщему ужасу, белобрысый вдруг истерически заплакал. Это была Победа! Трудно передать те чувства глубокого удовлетворения, захлестнувшего меня счастья, заглушившие мучительную боль от полученных увечий и ран, из которых кровь хлестала ручьями. Гордо подняв голову, я двинулся вперед. Пацаны, молча, расступились передо мной.

- Молодец, Левка! – услышал я голос Аркашки. Так их! Знай наших!

Белобрысый в течение нескольких дней обходил меня стороной. Но как-то раз он неожиданно при всех подошел ко мне, протянул руку и громко спросил:

- Мир? Пацаны, – обратился он к ребятам. Кто Левку хоть пальцем тронет, будет иметь дело со мной. Он теперь мой кореш по гроб жизни.

Покоршаться с белобрысым мне не пришлось. Его, как и многих других, самых заядлых пацанов, увез воронка. Никто толком не знал, куда, но был слухок, что их увозили в детские колонии. Уехал и Аркашка. Его родители разыскали его и увезли. В детдоме появилось много новеньких. Молва о той драке, обрастая подробностями, еще долго гуляла по детдому. Потом и она стала забываться. Кое-кто стал опять прикалываться ко мне, но я уже стал другим и заставил всех уважать себя. А Аркашку я помню и никогда его не забуду.

2.9. Насильники.

Моя жизнь в детдоме была насыщена многими событиями. Расскажу только об одном из них, которое врезалось в мою память навсегда. Я уже говорил, что нас кормили неплохо. Но мама еле сводила концы с концами и, навещая меня в выходные дни, пыталась еще мне какой-нибудь гостинец принести. Чтобы не обижать ее, я всячески расхваливал ее скромное подношение. Зная, что она голодает, я со своей стороны тоже готовил для нее какой-нибудь подарок. А что я мог? Преподносил я ей главным образом то, что мы добывали на стороне. Когда лепешку, когда фрукты какие. Она допытывалась, откуда это все у меня. Я ей говорил, что нас здесь кормят очень хорошо, и это нам дают на кухне, чтобы мы могли угостить своих гостей. Не мог же я ей признаться, что мы наладились и часто совершали набеги на поля и сады, покушаясь на колхозную собственность. Где морковочки добывали, где картошку, где сладкую репу. А большей частью мы опустошали сады.

Занятие это было далеко небезопасное. Действовал жестокий закон. Пусть лучше урожай сгниет, но за колосок, подобранный на поле, 10 лет тюрьмы давали. Это, конечно, взрослым. Детей же судить не будешь. Поэтому против детских «мародеров» создавались отряды объездчиков, вооруженных нагайками. Пока другие воевали с нацистами, эти, в основном молодые бугаи, воевали с детьми защитников Родины. Поймают, забьют почти до смерти. Многие, из наших ребят, уже отведали их нагайку, о чем красноречиво свидетельствовали незаживающие

шрамы на загорелых детских телах. Меня как-то Бог миловал. Бегал я шустро, и пока удавалось выходить сухим из воды. Но всему, как видно, приходит конец...

Пошли мы как-то с ребятами по абрикосы. Они к тому времени уже поспели, и сами в рот просились. Вкусно-тище! Только тот, кто пробовал узбекские абрикосы, меня поймет! У нас была отработанная технология. Один оставался на земле, на шухере (с ним потом все по справедливости делились), остальные залезали на деревья и набивали пазухи. По сигналу снизу, мы с деревьев прыгали и разбегались в разные стороны, ставя объездчиков в тупик. На этот раз я взобрался на самое высокое дерево, уже успел набрать полную пазуху. В это время я услышал – пацаны, шухер! Я машинально стал спускаться с дерева, так как со своей высоты прыгать не рискнул. Сделал какое-то неосторожное движение, ветка, за которую я схватился, сломалась, и я кубарем полетел вниз, рассыпая по пути абрикосы. Ударился я сильно, но вскочил на ноги и стал убежать. Однако драгоценные минуты были упущены, и объездчики меня настигли. Один из них уже поднял нагайку, но второй его схватил за руку и по-узбекски, который я неплохо тогда уже понимал, сказал.

- Ахмед! Подожди! Смотри, какой красивый пацанчик! Давай мы его отвезем на нашу поляну и там поимеем. Он применил, конечно, другие, более грубые слова, которые повторять не стану. Я сразу все понял. Рассказов о том, как узбеки охотятся за мальчиками, я наслушался довольно. А они тем временем меня положили поперек коня и поскакали куда-то в поле. Привезли в без-

людное место, укрытое со всех сторон обрывистыми берегами оврага. Тот, которого звали Ахмед, миролюбиво обратился ко мне по-русски:

- Ну, малыш, снимай трусы, мы с тобой поиграемся! Я «набычился» и даже не пошевелился.

- О! Саид! Смотри, какой зверек нам попался! Вот насладимся! Тот, которого мы на той неделе имели, был рухлядь. Хилый какой-то! Сразу дух испустил!

- Ахмед, не вспоминай, боюсь, что мы Аллаха прогневаем.

- Да брось, Саид! Они же неверные! Аллах будет нами доволен!

- Давай кутак, обратился он грубо ко мне и стал с меня трусы стягивать.

Я изловчился и укусил за руку. Он заорал, как бешеный. Ему на помощь бросился Ахмед. Я брыкнул ногой и каким-то чудом попал ему в детородный орган. Он согнулся в три погибели. Разъяренные они вдвоем набросились на меня. Я крутился ужом, кусался, брыкался, щипался, орал, как бешеный. Они бы, конечно, меня одолели, слов нет. Я чувствовал, что я выдыхаюсь, силы были на исходе. Но вдруг Ахмед, взглянув на часы, закричал.

- Саид, намаз! Он тут же расстелил коврик, и, успев крикнуть, свяжи его, бросился ничком, произнося слова молитвы. Но Саиду уже было не до меня. Какой ужас! Он опоздал на намаз! Я же воспользовался их замешательством и пустился наутек...

Так я впервые, в те далекие детские годы, познакомился с религиозным лицемерием исламских фанатиков.

2.10. Прощай, детдом.

Я успел настолько вжиться в детдомовский быт, что уже другой жизни себе не представлял. После той знаменитой драки пацаны меня окончательно признали своим и стали обучать пацанской профессии карманника. Я оказался очень способным учеником, быстро втянулся в свое новое ремесло и, должен, к сожалению, признаться, занимался им не без удовольствия. Сегодня, вспоминая это время, я часто думаю о том, что, если я бы прожил в детдоме еще год-два, то мог превратиться в профессионального вора, и один Бог знает, как бы сложилась моя дальнейшая судьба. К счастью, этого не произошло.

Обычно, после тихого часа, каждый из нас отправлялся по своим делам. Ворота закрывались только после ужина, а до этого мы могли гулять, где угодно. “Дома” в это время оставались чаще всего одни дежурные. В тот день, я, как-будто что-то предчувствуя, никуда не пошел, сидел один в спальне и читал какую-то захватившую меня книгу. Я настолько углубился в чтение, что не услышал, как дежурный по спальне пацан подошел ко мне и стал что-то громко мне говорить:

- Эй, услышал я вдруг над своим ухом его шипение, переходящее в крик, ты что оглох? Говорю же тебе, тебя хромой Янкель вызывает!

- Опа! Что за дела?

Я уже говорил, что детдом жил по жесткому режиму. Утренний и вечерний горн, игравший подъем и отбой. Линейки, поднятие и спуск флага, доклады командиров отрядов, разборки проступков провинившихся на общих собраниях, одежда строго по форме. Обязательный труд для

старших воспитанников и выпуск продукции в детдомовских специализированных мастерских,

Много лет спустя, когда я впервые прочел “Педагогическую поэму” и “Флаги на башнях” Макаренко, я был поражен, насколько порядки в нашем детдоме, по крайней мере, внешне, почти в точности повторяли порядки колонии имени Горького. Я вспомнил, что Хромой Янкель как-то нам рассказывал про Макаренко. Кто такой этот Макаренко, я, конечно, тогда не знал, но запомнился мне этот рассказ по тому восторгу, с которым он о нем говорил.

На утреннюю линейку и праздники нам всегда выдавали почти новую форму. Когда появлялась комиссия с проверкой, а появлялась она довольно часто, нам еще выдавали и новую постель. После линейки, праздничных торжеств или отъезда членов комиссии мы были обязаны все сдать обратно. Только после этого открывались ворота и снимались посты, которые тщательно следили за тем, чтобы кто-нибудь что-нибудь не унес на толкучку. Был один случай, когда не уследили. И уже через полчаса вся новенькая одежда была спущена на рынке за бесценок. Хромой Янкель сделал тогда вид, что ничего не произошло, но бдительность с тех пор усилил вдвое.

На утренней линейке он всегда перед нами выступал. Эти выступления полюбились воспитанникам, так как были напроць лишены казенщины и, скорее, носили характер задушевных бесед и интересных рассказов. С другой стороны, администрация детдома закрывала глаза на царивший в нем криминал. Более того, если воспитанник попадался с поличным, то по указанию хромого Янкеля его заместитель по хозяйству, дядя Паша, каким-то одному

ему известным способом выручал бедолагу. Поговаривали, что дядя Паша работает в органах и специально приставлен к хромоту Янкелю, чтобы с помощью наших воспитанников выходить на более крупную рыбешку, которая орудовала в городе. Это, однако, не мешало наиболее опасных рецидивистов-детдомовцев периодически отправлять в колонии для малолетних, откуда они уже к нам больше не возвращались.

Провинившихся воспитанников часто вызывал к себе дядя Паша. От него они выходили с неизменной улыбкой, хотя шептались, что это была улыбка сквозь слезы. Что же касается хромого Янкеля, то он почти никогда никого к себе не вызывал и лично ни с кем не общался. Поэтому, когда дежурный сообщил мне, что меня вызывает хромым Янкель, я был страшно изумлен и, конечно же, здорово напуган. Такого ЧП за все полтора года моего пребывания в детдоме со мною еще не случалось. Я стремглав помчался в администраторскую. Тело мое билось мелкой дрожью, а зубы в такт ей отстукивали какую-то дробь. Вставшей вдруг ватной голове копошилась одна и та же назойливая мысль:

- Что это такое я наделал, что удостоился вызова к самому? Может быть дело в кошельке, который я накануне стащил у расфуфыренной в пух и прах молодки? Вот дела! Уж лучше бы меня вызвали к дяде Паше.

Когда я открыл дверь и увидел прямо перед собой сидящую за столом хромого Янкеля маму, у меня вдруг от страха отнялись ноги, и я остановился, как вкопанный.

- Вот как! Даже маму пригласил! Что теперь будет? Все эти бессвязные мысли пронеслись в моей голове, и от неимоверного горя и полной неизвестности я чуть не

расплакался. Но озадачила поразившая меня странность. Они оба – хромой Янкель и мама – смотрели на меня и ласково улыбались. Вслед за этим случилось то, что просто показалось мне невысказанным. Хромой Янкель вдруг обратился ко мне, назвав меня уже позабытым мною еврейским именем «Лэйбалэ», и на чистейшем языке идиш произнес:

- Вус ост ди зих, Лэйбалэ, убгештелт? Об ништ мойрэ! Дус бын их, дер криммер янкель, ын дус из дайн момалэ! Ди ост индз ниht деркент? (Почему ты, Лэйбалэ, остановился? Не бойся! Это я, хромой Янкель, а это твоя мамочка! Ты нас не узнал?).

Продолжая разговаривать со мной и с мамой на идиш, хромой Янкель мне сообщил, что мама, в добрый час, забирает меня из детдома, и что мы сегодня же уезжаем к моей сестре, Суралэ, куда-то очень далеко, в Сибирь.

- Вот так новость! Конечно, я очень хочу поехать в эту незнакомую мне Сибирь, где, как сказал хромой Янкель, нет и в помине нашего пекла. Там много- много снега, дети катаются на саночках, коньках и лыжах. Что такое санки и коньки я знал. У меня раньше, еще до того, как мы уехали из дому, были и самодельные санки, и такие же самодельные коньки. Мы их вместе с братом всегда сами мастерили из куска дерева, обхваченного толстой стальной проволокой. Но вот что такое лыжи, я понятия не имел. Распространяться об этом, конечно, не стал, а подумал совсем о другом.

- Наконец-то я снова буду жить в семье, с мамой и любимой сестрой. Жаль только, что не будет с нами отца и братьев, я ведь так по ним соскучился! И все же мне

было чуть-чуть грустно и очень жаль расставаться с детским домом, к которому я уже привык. С пацанами, с которыми я уже успел подружиться, вот с этим, родным, улыбающимся мне хромым Янкелем, с красавицами воспитательницами, в которых я влюбился с первого же дня и во всех сразу и даже с дядей Пашей.

В кабинет вошли кастелянша и сестра-хозяйка, принесли теплую одежду для меня и мамы, много всякой еды на дорогу. Мы посидели еще с полчаса, выслушивая наставления хромого Янкеля. Меня же тревожила мысль о том, что я уеду, и ни с кем из пацанов не попрощаюсь.

- Ну, – сказал, наконец, хромой Янкель, давайте прощаться. Он пожал маме руку, а затем крепко обнял меня, ткнулся в мое лицо, и я почувствовал на своей щеке его скучную слезу, которую он тщательно старался скрыть. Он открыл дверь, и о, чудо! Во дворе, как на утреннюю линейку, выстроились все воспитанники, в парадной одежде, по отрядам, со своими командирами и воспитательницами. Оркестр заиграл какие-то торжественные марши. Мы, то есть я, мама, хромой Янкель и дядя Паша прошли перед строем, и все нам отдавали салют. Прощай детдом, здравствуй новая жизнь на земле Сибирской! Нас с мамой посадили в личный экипаж хромого Янкеля, в который была запряжена пара добротных лошадей. Сам хромой Янкель использовал его только для парадных выездов. Оркестр заиграл тушь, и мы двинулись в неизвестность.

Казалось, что наступила новая жизнь, и нашим бесконечным мытарствам и страданиям пришел конец. К сожалению, наш оптимизм оказался несколько преждевременным. Все главные сюрпризы, которые уготовила нам наша судьба, еще коварно поджидали нас. То, что далее

произошло с нами, может показаться невероятным. Мне даже иногда самому не верится, что так могло быть. Однако так было, и от этого никуда не уйдешь. Из песни, как говорится, слов не выбросишь.

2.11. Ташкент, Ташкент...

До Ташкента мы доехали без всяких приключений. Если, конечно, не считать, что дорога, которую пассажирские поезда преодолевают сегодня за 8-10 часов, заняла у нас более двух суток. Мы приехали около пяти часов вечера, и с удовольствием узнали, что поезд Ташкент - Новосибирск, который ходил по расписанию один раз в неделю, на наше счастье будет уже завтра утром, где-то около 10 часов. Все складывалось наилучшим образом. Мы расположились на привокзальной площади, которая сплошь была занята пассажирами. Октябрь. В Ташкенте, как и у нас в Израиле, в это время ночи еще теплые, а днем жарко, поэтому мы устроились прямо на земле. Когда-то здесь, похоже, были газоны, но сейчас вся травка вылиняла, и ее место занял слой пыли толщиной почти в два пальца. Поезда ходили редко и нерегулярно, многие пассажиры здесь прописались надолго. Большую их часть составляли местные узбеки, общаться было не с кем, поэтому мы стали готовиться ко сну. Чемоданов у нас не было. Весь наш скарб разместился в трех узлах. В одном из них, небольшом по размеру, лежала сумка с билетами, документами и деньгами, всякими нужными и не очень нужными бумагами, письмами, фотоальбомом и другими мелочами. Мама соорудила из этого узла нечто вроде подушки, рассудив, что, если вор попытается вытащить ее из-под головы, то он этим самым разбудит спящего.

- Будем дежурить по очереди, сказала мама. Ты сейчас ложись, поспи, потом я тебя разбужу, и ты меня сменишь.

Я долго ворочался, в голову лезли всякие дурацкие мысли. Как я заснул, я не помню. Мама разбудила меня уже под утро. Я сходил в туалет, помылся прохладной во-

дой из крана и приступил к своему дежурству.

Почти сразу же я обратил внимание на плюгавого мужичка, который непрерывно шастал между пассажирами. На такие типы у меня был

наметанный глаз, и я решил не выпускать его из виду. Но тут случилось непредвиденное. Мой детский организм не выдержал, по-видимому, напряжения, и я, как мне потом казалось, отключился буквально на одну минуточку. Так это было или не так, но очнулся я от страшного маминого крика и сразу же, поняв, что случилось, увидел убежавшего от нас мужичка.

- Вот он, вот он! – закричал я и стремглав бросился за ним. В ту же минуту я почувствовал, что лечу куда-то в пропасть. Уже потом я понял, что споткнулся о чью-то ногу, и со страшной силой грохнулся на землю. Споткнулся ли я, или это была подножка подельника вора, я до сих пор не знаю. Меня спас толстый слой пыли, который самортизировал удар при падении. Я быстро поднялся на ноги и

сразу же сообразил, что вора мы опустили. Его и след простыл. Пока я приходил в себя и собирался, тем не менее, пуститься ему вдогонку, подбежала побледневшая перепуганная мама. Тут же, как из-под земли, вырос милиционер. Убедившись, что со мной все в порядке, мама, причитая, быстро рассказала ему, что вор стащил у нас узелок с сумкой, с деньгами и документами. Я также кратко описал вора, и милиционер, велел нам пройти на участок, который оказался неподалеку, двинулся на поиски. Дежурный милицейского участка успокаивал маму.

- Деньги, конечно, ухнули, но документы, билеты обязательно найдутся. Думаю, что Марат уже их нашел. Вот увидите. У него нюх, знаете какой – любовно добавил дежурный.

Действительно, минут через 40 вернулся Марат. В руках у него была наша сумка, но увы, абсолютно пустая.

- Вот – сказал он в сердцах, бросив сумку на стол. Сто очков ставлю, что это опять чижик, его почерк. А вот попробуй к нему подобраться! Пустой номер!

Я, как никто другой, хорошо знал. Не попался с наличкой, пиши пропало. Дело не пришьешь.

Наше положение было отчаянным. Город, как и все города Союза, был на военном положении и кишел слухами о диверсантах и их хитроумных проделках. По вечерам действовал комендантский час. Оказаться на улице в любое время дня без документов было опасно. Марат написал маме справку о том, что у нас документы украли, но его начальник, этакий вальяжный холеный узбек с капитанскими погонами, категорически отказался ее подписать.

- Откуда я знаю, может быть вы подосланные диверсанты, и всю эту кутерьму специально подстроили?

Это звучало очень смешно. Мама, и я, ребенок, к тому же евреи, диверсанты! Но нам было не до смеха. Мама навзрыд заплакала. У меня тоже глаза оказались на мокром месте. Капитан, не глядя в нашу сторону, несколько раз шмыгнул носом, нервно прошелся по комнате, махнул рукой, как бы разговаривая сам с собой, и обратился к Марату.

- Давай бумагу, возьму грех на себя, подпишу, но только сроком на 5 дней. За это время ты разберись с этим чижиком-пыжиком, и, чтобы документы легли мне на стол. А Вы, уважаемая, сказал он маме, должны обратиться в паспортный стол и получить временный паспорт. Для этого Вам надо будет найти трех свидетелей, которые подтвердят, что вы именно те, за кого себя выдаете. Все. Нет у меня больше времени заниматься вами.

Найти трех свидетелей! Легко сказать! Мама, правда, знала, что здесь живет несколько семей из нашей Романовки, но попробуй их найди в таком большом городе. Выход один, обратиться в справочное бюро. В милиции нам дали адреса бюро, паспортного стола, горисполкома, накормили, дали немного денег. Марат сказал, чтобы мы наведывались к нему каждый день, может быть, у него появятся какие-нибудь новости для нас.

Так начались наши скитания в Ташкенте. Они могли затянуться надолго. Как бы ни решились вопросы с документами, временной работой и пристанищем, оставался нерешенным главный вопрос, о нашей дальнейшей поездке. Трагедия заключалась не только в том, что у нас не было денег на билеты, а в том, что без вызова, который у

нас украли, мы не могли их купить. Сообщить же Сарре, моей сестре, что с нами случилось и попросить выслать повторный вызов, у нас не было возможности.

Дело в том, что письма с ее адресом были в злополучной сумке, я адреса не знал, а мама его начисто забыла. А теперь представьте положение Сарры. Она получила нашу телеграмму, что мы выехали, оформила отпуск, но шли дни за днями, недели за неделями, она ходила каждый день на вокзал, встречала все пассажирские поезда с юга и запада, но нас не было и не было. Она была в отчаянии и решительно не знала, где и как нас искать.

2.12. Фантастика.

Сегодня, с расстояния многих лет, ситуация кажется несколько комичной, но тогда она стала для нас настоящей драмой. Хотя через горисполком был сделан запрос, но нам объяснили, что даже при самом благоприятном стечении обстоятельств, раньше, чем за три месяца, ничего не решится. Три месяца! Кошмар! Даже задержку на одну неделю мама считала недопустимой. Что делать? Денег нет, есть нечего, билетов нет. Сарра нас ждет, а мы не в состоянии ей сообщить, где мы застряли. А тут еще, к несчастью, мама тяжело заболела. Ее непрерывно рвало желчью. Это лишь потом мы узнали, что ей грозила смертельная опасность. Как это ни парадоксально, но ее спасло именно то, что мы в эти дни жили впроголодь.

Положение, уже не в первый раз, казалось отчаянным и абсолютно безвыходным. Но в этой маленькой мужественной женщине был заложен такой запас жизненных сил, что все препятствия, которые возникали на ее пути, она сметала своей решительностью и силой своего

духа. То, что она задумала на этот раз, может показаться невероятным, просто невозможным, какой-то фантастикой. Но для человека решительного и настойчивого нет в мире ничего невозможного. Из милицейского участка мы отправились в эвакупункт, разыскав его по адресу, которым нас снабдил Марат. Еще находясь на участке, мы услышали объявление, что поезд Ташкент-Новосибирск задерживается по техническим причинам на сутки. Впрочем, казалось, какое нам было теперь до него дело? Однако, услышав это объявление, мама почему-то обрадовалась и произнесла загадочную для меня фразу:

- Вот и хорошо. Значит, Бог еще не совсем нас оставил!

На следующее утро мама подняла меня очень рано, и мы пошли в столовую, благо она была открыта уже с 7 часов. Нехитрый завтрак состоял из маленького ломтика хлеба, пары ложек пшенной каши и стакана жидкого чая с одним кусочком сахара. Мама заставила меня съесть и ее завтрак, убедив меня в том, что ее опять тошнит, и ей кусок в горло не лезет.

- Кушай, сынок, – сказала она, нам сегодня предстоит тяжелый день.

Отвечая на нарисовавшийся на моем лице немой вопрос, она объяснила, что мы должны любыми путями сегодня уехать.

- Я уже все продумала, – сказала она. Надо только во время пробраться на перрон и успеть залезть на крышу вагона.

-Залезть на крышу! Вот здорово! Как я сам до этого не додумался?

На перрон можно было попасть только по перронному билету. Купить его можно было, предъявив украденные у нас проездные билеты. Поэтому мы занялись

обследованием забора. Мы обошли его по всему периметру и убедились, что в нем нет лазеек. Как быть? Мама решила, что надо попытаться выйти на перрон вместе с толпой, которая возникала у выхода каждый раз, когда начиналась посадка на очередной поезд. Эта ее мысль оказалась вполне здоровой. Известно, что толпа – это страшная сила, которая сметает все со своего пути. Так оно и было. Толпа нас буквально вынесла на перрон. А вот залезть на крышу вагона было решительно невозможно. Для этого надо было сначала пробраться в его тамбур, а затем, если до этого тебя не высадили, уже на ходу поезда из тамбура залезть на крышу. В вагон опять-таки можно было пробраться с толпой. Однако, еще до отправки поезда, с двух сторон вагона начинали двигаться навстречу друг другу ревизоры, сопровождаемые милицией, и проверяли билеты. Безбилетников высаживали на этой или следующей станции, предварительно отправив их в милицейский вагон на допрос. Этот допрос для многих кончался каталажкой. Нас же неизменно спасала справка Марата. Я говорю неизменно, так как в подобную передерягу мы попадали много раз. Ведь каждый день из Ташкента на Восток уходило 5-6 поездов и почти с каждым из них мы пытались уехать. Нас уже знала вся милиция Ташкента

и ближайших к ней станций, знали многие ревизоры. Вместе с этим с каждым днем наши надежды на то, что мы сможем уехать таяли, как туман. В один из таких дней мама сказала.

- Нет, так нам не уехать. Надо придумать другой способ.

Тут меня осенило. Зачем мы сразу лезем в вагон? Надо выждать какое-то время, пока ревизоры пройдут, и только затем пробраться в тамбур, а уже оттуда на крышу. Мы еще, правда, не знали, что и на крышах вагонов проводятся облавы, и мало кто может от них уйти. Было ясно, что садиться в вагон надо на ходу поезда, и только после того, как проводники закроют его двери. Это сейчас, при закрытии дверей вагона, лестничный трап автоматически убирается. Тогда конструкция трапа была жесткой, и, изловчившись, можно было на ходу поезда схватиться за его поручни и стать на лесенку трапа.

Смертельный акробатический номер! Представьте себе эту картину! Я, 12-летний мальчишка, хотя довольно шустрый, но со слабыми нерабочими ручонками, и мама, больная, хромящая пожилая женщина с опухшими ногами. Мы заходим с обратной стороны поезда, так как с парадной стороны много милиции. Отходим от поезда так далеко, чтобы нас никто не мог ни в чем заподозрить. Ждем, пока поезд наберет скорость, и все двери вагонов закроются. Только после этого бежим с большой скоростью вместе с поездом. Изловчившись, я хватаюсь за поручни, подтягиваюсь и становлюсь на лесенку. Крепко держась одной рукой за поручень, я другую руку подаю маме. Она, вместе со своими котомками подпрыгивает и

тоже хватается за поручень, а затем, с моей помощью, забирается на лесенку. К этому времени поезд набирает полную скорость, но нам уже не страшно. Мы летим вместе с ним в нужном нам направлении.

Скажу правду. Я до сих пор не верю, что мы проделывали эти акробатические номера. Прodelывали не раз, и не два, а много, много раз. Ну ладно, я мальчишка! Детям обычно чуждо чувство страха. Они не ощущают опасности. Но мама! Она рисковала не только собой, но и своим любимым сыном. Достаточно было одного неосторожного движения, и конец. Однако она дышала такой уверенностью, которая передавалась и мне, что у нас не возникала ни капля сомнения. Мы делали свою работу и думали только о том, как сделать ее лучше.

Впрочем, вся эта акробатика не приносила успеха. Ведь на очередной станции проводница открывала дверь и обнаруживала нас. Сначала мы еще до остановки поезда, на ходу спрыгивали, а потом снова забирались. Но поезд шел на Восток и на Север. Становилось все холоднее. Мы так замерзли, что, не ожидая очередной остановки, стучали в дверь и просили, запустить нас, погреться, уже не думая о последствиях. А последствия были всегда одинаковыми. Нас снимали и возвращали обратно.

Не знаю, чем бы это все кончилось, если бы ни помог случай. Как-то раз проводница то ли забыла закрыть дверь, то ли плохо ее закрыла. Мы тихонько вошли в тамбур и увидели, что встроенный в вагон ящик, его иногда называют «собачий ящик», где хранятся уголь, инвентарь и прочие вещи, приоткрыт. Долго не раздумывая, мы нырнули внутрь. Через несколько минут мы услышали, как

проводница вышла в тамбур и закрыла наш ящик на замок. Так мы оказались в западне. Мы забились в самый угол, чтобы проводница, открыв ящик, не могла нас там обнаружить. За время поездки, а она длилась трое суток, проводница открывала ящик несколько раз, чтобы набрать уголь, поставить ведро и метлу и пр. Мы на это время замирали, и все, слава Богу, обходилось.

Трое суток, без еды, без питья, без возможности справить туалет, мы тихо сидели в нашем добровольном заточении. Но вот, наконец, мы прибыли в Новосибирск. Мы легонько толкнули дверь нашей тюрьмы, и она, к нашему счастью, оказалась незакрытой. Пулей мы выскочили из вагона, радуясь тому, что нашим мучениям пришел конец.

И только тут мы заметили, что вокруг нас собралась толпа и, показывая на нас, дико хохотала. Мы не могли понять, в чем дело. Подошел милиционер и забрал нас в участок. И только тут, взглянув в зеркало, мы сами зашлись от смеха. Оказалось, что мы были черными от угольной пыли, как негры.

Я не стану рассказывать, как мы на открытой площадке товарняка, чуть не замерзнув (ведь здесь, в Сибири, уже царила зима) добрались до места. Расскажу лишь вот о чем. Уже через 2 часа после приезда, когда, видимо, спало напряжение, у мамы начался жестокий приступ, и ее на скорой помощи увезли в больницу. После ее обследования вышедший к нам врач развел руками и произнес фразу, запомнившуюся мне на всю жизнь:

- Ничего не понимаю. Да этого не может быть! Какая-то мистика! У нее не меньше, чем две недели тому назад

(это как раз был день кражи), лопнул желчный пузырь. После этого она через 24 часа должна была умереть от перитонита. Не понимаю! ... Впрочем, через час в нашу больницу прибудет знаменитый ленинградский хирург. Он периодически объезжает все больницы Западной Сибири. Если она доживет до его приезда, мы ее немедленно ему покажем. Хотя, об операции не может быть и речи, чудес не бывает. Фантастика!

Ленинградский хирург ее прооперировал, и она после этого в полном здравии прожила еще 36 лет. Мама, правда, не сомневалась в том, что ленинградский хирург был тем самым ангелом, который уже не раз являлся к ней в самые трудные моменты ее жизни.

2.13. Обвал.

Наша жизнь в шахтерском городке постепенно налаживалась. Мама еще, правда, лежала в больнице, но уже пошла на поправку. На третий день после нашего приезда Сарика отвела меня в школу, и я начал учиться в четвертом классе. Ребята приняли меня на ура не только, как новенького. Для них я был еще и жиденком, над которым, как они считали, можно и поизголяться. Но опыт, приобретенный в детдоме, не пропал даром. При первой же попытке приколоться ко мне я дал им такой отпор, что они меня сразу зауважали.

Все заботы о нашей маленькой семье легли на хрупкие плечи Сарики, которой самой-то только что исполнилось 20 лет. Симпатичная и, как бы сейчас сказали, очень сексуальная девушка, она всегда была окружена мужским вниманием и умело этим пользовалась, но, тем не менее,

никого близко к себе не допускала. Эти два года самостоятельной жизни нелегко ей достались, но она вышла из всех немислимых переплетов с достоинством и сохранила себя, не поддавшись на уловки и соблазны. У нее был парень, очень красивый молодой человек, из Черновца, который называл себя ее женихом. Но когда дело дошло до серьезного, он быстро слинял, женившись на особе некрасивой, но богатой, которая к тому же, была старше его лет на пять. Сарика этот разрыв сильно переживала, но виду не подавала и полностью отдалась семье.

К своей новой жизни я долго не мог привыкнуть. С самого начала я, конечно, знал, что мы едем в сибирский город, где живут шахтеры, которые занимаются тем, что добывают уголь. Мои знания о шахтах и шахтерах, как, впрочем, не только мои, ограничивались идиллическими картинками из фильма «Большая жизнь», который нам показывали в детдоме. Очень уж мне нравился Ваня Курский, и я был уверен, что все шахтеры похожи на этого симпатичного парня и что жизнь в шахтерском городе напоминает праздник, точь-в-точь, как в фильме. Но была война, и труд шахтеров, всегда и везде тяжелый, был вдвойне - втройне тяжелее и опаснее. Уже первые шаги по улицам шахтерского городка меня буквально ошеломили.

За прошедшие два года скитаний я повидал немало больших и маленьких городов. Родился-то я и вырос в маленьком бессарабском еврейском местечке, беленькие и аккуратные домики которого, утопавшие в зелени и цветах, оживляли его улицы. Люди в нем выглядели приветливо. Жили бедно, но радостно.

Здесь же нас встретили почти пустые унылые запущенные улицы, застроенные грязно-серыми и обветшалыми деревянными домами барачного типа. Гораздо позже я узнал, что этот типичный для русской глубинки рабочий поселок появился на карте Западной Сибири сравнительно недавно. В 1896 году проектировщики транссибирской железной дороги случайно обнаружили здесь богатые залежи каменного угля и в тот же год наспех построили бараки для первых шахтеров. Так возник этот поселок, который стал центром будущего Кузбасса. Он разросся настолько, что в 1931 году был объединен с несколькими другими поселками, разбросанными в округе, и громко назван городом. По количеству населения, около 100 тысяч перед войной, он может быть тянул на город, но по качеству – это была обыкновенная рабочая слобода, которых в России было много. Ни мощеных дорог, ни уличного освещения, ни тротуаров, ни городского транспорта, ни кустика или деревца, ни заметных общественных зданий, ни магазинов, ничего этого не было. Правда, в центре, вблизи шахтерского копра, было не-

несколько кирпичных трехэтажек, в которых размещались дворец культуры с кинозалом, дворец пионеров, школа, партийные организации, райсовет. Рядом был разбит небольшой парк с детскими площадками, аллеями, летним кинозалом и танцплощадкой. Метрах в двухстах от центра

дымила своими трубами недавно построенная ТЭЦ, а далеко за окраиной города, почти у горизонта, виднелись корпуса сравнительно большого для того времени фармацевтического завода. Над ним почти всегда стоял смог, и, когда ветер дул в сторону города, он нес с собой отравляющие воздух выбросы едких газов, от которых все задыхались. В центре царило оживление, которое резко возрастало к началу и концу смен, а также во время почти ежедневных похоронных процессий погибших шахтеров. Оживление возникало также во время бесконечных пьяных драк, с поножовщиной, свинчатками, когда шли стенка на стенку, улица на улицу, поселок на поселок. Крики дерущихся перекликались со свистками милиционеров, звуками рожков карет скорой помощи, плачем женщин и детей. Но уже в ста шагах от центра господствовала тишина, которая нарушалась только собачьим лаем, громоуханием проезжавшей изредка по дороге колымаги, ревом мотора неизвестно откуда взявшейся полуторки, поднимавшей вокруг себя тучи пыли, раздававшейся откуда-то издалика пьяной песней, сопровождаемой унылыми звуками гармошки. Хмурые, неулыбчивые черные лица мужчин и женщин неопределенного возраста с въевшейся в них угольной пылью, производили удручающее впечатление. Они, казалось, не шли по улице, а двигались неверной мешковатой походкой, как бы впотьмах, с отсутствующим, ничего не выражающим усталым взглядом, молча упершись им куда-то вдаль. Такими их сделали непосильный труд, безрадостное существование.

Работали шахтеры посменно, 12 часов в сутки. Проблемы возникали сразу же, как только шахтная клеть спускала их в околоствольный двор. Прежде всего, им надо

было добраться до рабочего места, в лаву (забой). Забой находился иногда на расстоянии нескольких километров от клетки. Транспорт подвозил их к этому месту, расположенному в лучшем случае на расстоянии одного километра от околоствольного двора. Дальше, до забоя, добирались ползком, по-пластунски. Чтобы выиграть время бригада часто спускалась в шахту на всю неделю или даже на месяц. Это называлось усиленной угледобычей. Еду им подвозили, спали на рабочем месте, где попало и как попало. Когда бригада, проведшая в шахте месяц, подымалась на-гора, ей устраивали торжественную встречу с духовым оркестром, накрытыми столами, поросенком и символическими 100 граммами.

Главной фигурой на шахте был забойщик. 12 часов подряд он методически врубался в угольный пласт тяжелой кайлой. Отбойный молоток, во всяком случае, в то время, был большой редкостью. Впрочем, он, конечно, увеличивал производительность труда, но не очень-то его облегчал. К тому же забойщики не жаловали его, так как опасались перемотра норм выработки. Каждую минуту они рисковали своей жизнью и могли погибнуть от обвала, от взрыва метана, от удушья газом или какой-либо другой напасти. Вслед за забойщиком шел крепильщик, который деревянными стойками укреплял вырубленное забойщиком пространство. Но обвалы происходили нередко и хоронили под собой оказавшихся рядом шахтеров. Еще хуже было положение женщин, большинство из которых тогда, во время войны, работали в шахтах, даже в качестве забойщиков. Кроме этого, на их плечах лежала еще забота о семье, муже (если он не был на фронте), домашнем хозяйстве...

Сарика, несмотря на свою молодость, быстро прогрессировала по службе и работала уже начальником бюро ОТК. В наше время ИТР направляли на овощные базы, на сенокос, посевную, уборочную и т.д. Тогда же, на шахтах, ИТР и служащих, спускали в шахту на неделю, две, а то и месяц. Это называлось ударной сверхдобычей. Они, как правило, работали в забое в качестве навалыщиков, то есть наваливали лопатами уголь, вырубаемый забойщиком, на конвейерную ленту.

Судьба так распорядилась, что уже через неделю после нашего приезда почти всех ИТР шахты, в том числе и Сарика, отправили в забой на неопределенный срок. За мной все это время, по просьбе Сарика, присматривала квартирная хозяйка, Тася. Она кормила меня, следила за учебой, ухаживала, а я за это помогал ей по дому.

Тася была настоящей сибирячкой. Ей было лет 25. Красивая, кровь с молоком, с длинной косой, в вышитой сорочке, высокой грудью, точеной фигурой. Мне ведь было целых 12, и я уже начал разбираться в женской красоте. У Таси был муж на войне, который чуть ли не каждый день писал ей письма. Получит треугольник и вслух нам читает. Показывает нам его фото. Парнишка так себе, не очень. Она нас уверяла, что любит его, хотя мы ее об этом не спрашивали. Это, однако, не мешало ей 3 раза в неделю принимать любовника, подстать себе, красивого стройного мужика, почти богатыря. Квартира у нее двухкомнатная, Комнаты проходные, разделяются проемом, закрытым шторкой, без дверей. Мама еще в больнице. Мы с Сарикой валетом спим в первой комнате, а они во второй, – всю ночь занимаются любовью. Для нас это настоящая пытка. Но что делать?

Через несколько дней, как-то поздней ночью, когда все уже давно спали, раздался стук в дверь. Тася, чертыхаясь, сонная, открыла дверь и вдруг дико закричала. Я подбежал к дверям и вслед за Тасей громко заплакал. У дверей стояла карета скорой помощи, и оттуда, на носилках вынесли Сарика. Ее голова была вся забинтована, а лицо было бледным, как смерть. Мы с Тасей решили, что она погибла. Но к нашему изумлению она вдруг заговорила:

- Левочка, милый, произнесла она слабым голосом. – Не плачь. Со мной ничего страшного не случилось. Несколько царапин, да перелом ноги. Меня везут в больницу. Санитары любезно согласились заехать за тобой и завезти тебя на Новую колонию к тете. Смотри, мама ничего не должна знать о том, что со мной случилось. Она еще очень слаба и может не перенести. Утром ты придешь ко мне в больницу, и я тебе подробно напишу, как себя вести.

Тасенька, а тебе большое спасибо. Выздоровлю, расплачусь с тобой сполна.

- Да что ты, Сарика, о какой расплате ты говоришь? Я с удовольствием ухаживала за нашим мальчиком, – сказала Тася и погладила меня по голове.

-Так жалко расставаться с Вами! Может быть, Левочка останется у меня? Мне не тяжело, ей Богу!

- Спасибо, Тасенька, спасибо, родная. Как хорошо, что на свете так много добрых людей! Но пока будет лучше, если он поживет у родной тетки.

- Поехали, сказала она слабеющим голосом.

Вот так, с очередного приключения с относительно счастливым концом началась моя жизнь на новом месте.

Оказалось, что на второй же день после спуска в шахту Сарика попала в обвал. Вся бригада, 18 человек, погибла. Чудом спаслась только она. Бог, как говорила мама, опять оказался на нашей стороне. Так получилось, что при обвале, в том месте, где Сарика работала, образовался свод. На ногу свалился тяжелый камень, с головы ручьем текла кровь, но верхняя половина туловища и руки оказались свободными. Кругом звенящая тишина, кромешная темнота, нестерпимо болит нога, но, слава Богу, в свод, откуда-то снизу, поступала тоненькая струйка воздуха. Хоть и тяжело было дышать, но воздуха хватало. Трое суток Сарика находилась под обвалом в полуобморочном состоянии, не раз теряла сознание, но спасла ее неукротимая воля к жизни. Даже в этой драматической ситуации она думала не о себе, а о нас, и это прибавляло ей силы.

- Я не могу умереть, – непрерывно повторяла она, когда приходила в чувство, – они без меня пропадут.

Она до конца верила в свое спасение. Когда спасатели до нее докопались, они были страшно удивлены и обрадованы. Хоть одну жизнь им удалось спасти.

В больнице Сарика оказалась в палате, рядом с маминной. Она умоляла сестер и врачей, ни под каким видом не говорить маме, что она здесь, и разработала тактику своего поведения. Она писала записку маме, как будто она пришла к ней с передачей. Эту записку, вместе с передачей от нас, сестры переносили маме в соседнюю палату.

Обман удавался в течение двух недель, потому что и Сарика, и мама были неходячими больными и не могли где-то случайно встретиться. Вся больница знала о закрутившемся детективе, но никто, ни разу не проговорился. Все помогали Сарике и с интересом следили за тем, чем

кончится эта захватившая всех игра. А кончилась она просто. Когда мама уже понемногу стала ходить, а Сарика прочно стала на костыли, она зашла к ней в палату.

Маму предварительно подготовили. Сказали, что врач разрешил Сарике ее навестить. Но самое интересное было в том, что мама, увидев Сарика на костылях, ничуть не удивилась. Она сказала, что, якобы, давно обо всем догадалась. Дескать, предчувствие. А может быть, ей все-таки кто-то шепнул? Кто?

2.14. Явление.

Наконец-то закончились наши скитания, которые продолжались долгих 2,5 года. Это сейчас 2.5 года воспринимаются, как один миг, а тогда, в далеком детстве, они показались мне целой вечностью. Мама и Сарика выздоровели. Давно уже дома. У нас своя маленькая ячейка, которую уже можно назвать семьей. Конечно, на ту нашу семью, которую разрушила война, она была мало похожа.

Не было больше с нами нашего дорогого блаженной памяти отца, строгого, но очень чуткого и любящего нас наставника. Где и с какими мыслями он встретил последние дни своей жизни? От него не осталось даже дорогой могилки, которой я бы мог, хоть изредка поклониться. Я, тем не менее, счастлив, что он передал мне свою великую веру и любовь к народу, неотделимой частью которого он являлся, и что я могу, пусть хоть на старости лет, выразить свою память о нем и о наших великих предках минимальным соблюдением еврейских традиций.

Не было с нами моих братьев, которых военная судьба разбросала по всему миру. Старший брат, Арон, с женой и двумя детьми, еще в 39 году перебрался, с огромным

риском для жизни, из Черновиц, где он жил, в Эрец-Исраэль. Он поселился в Бат Яме, где трагически погиб в 73 году в автотатастрофе. Его наследники – сабры. Я им по-хорошему завидую, так как они, в то время, когда я ковал советское оружие, которое еще и сейчас стреляет в евреев, участвовали в строительстве нашего еврейского дома.

Второй брат, Марк (Мотл), вместе с женой и маленьким сынишкой блаженной памяти погиб в начале войны от рук молдавских погромщиков.

Третий брат, Иосиф, был мобилизован в начале войны в трудармию, где обморозил ноги, был комиссован и направлен на работу в совхоз Шемахинского района Азербайджана. Здесь он проработал в течение всей войны сначала трактористом, затем счетоводом, бухгалтером, гл. бухгалтером. Нас он разыскал только в 46 году, когда мы вернулись из эвакуации в свою родную Романовку. Работал главным бухгалтером дор-ресторанов Одесско-Кишиневской железной дороги (они насчитывали около 150 ресторанов). Женился. Жил в Белгород-днестровские, несколько лет в Риге. Родил двух замечательных девочек. Одна из них, Яночка, живет в Израиле, в Акко, другая, Маечка, живет с семьей – в Германии.

Справа налево. Маечка, Яночка со своей дочуркой,
Леечкой, Этя, жена Иосифа

Брат Срулик (Саша) почти точь в точь повторил мою судьбу. Он, как и я, оказался в Средней Азии, только в Казахстане. Как и я, воспитывался в детдоме, вплоть до 44 года. Каким-то чудом он узнал, где мы живем. Его в детдоме одели во все новенькое, купили билеты и отправили в путь-дорогу. Вагоны в поездах были тогда набиты, как сельдью в бочке, духота неимоверная, поэтому своему месту в вагоне он предпочел крышу. Облавы, которые повторялись, чуть ли ни через каждый час, он не боялся, т. к. билет у него был, поэтому он в течение какого-то времени блаженствовал. Вдруг, на какой-то станции, на крыше нарисовался беспризорник, наметанным глазом обвел своих спутников. Заметив моего Сашу, он ухмыльнулся, пододвинулся к нему вплотную.

- Что надо? Спросил Саша. Детдомовец, он и не таких видал.

- Слышь, пацан, махнемся шмотками, не глядя!

- А ну вали отсюда, пока п... лей не получил!

Но он, вместо ответа, свистнул три раза, и, тут же, откуда-то вынырнули и вразвалку подошли еще три гаврика. Брат понял, что силы неравные. К тому же на крыше. Толкнут, и поминай, как звали. Делать нечего. Пришлось с себя все снять, даже трусы.

Мы тогда временно жили у тети Мейти, маминой сестры. Так получилось, что все были дома. Я, мама, сестра Сарика, тетя, двоюродный брат Беня и сестра Катя. Летний вечер. Только что выгнали мух. Каждый занят каким-то делом. Вдруг открывается дверь и без стука входит жалкий «оборванец».

Нечто вроде пиджака накинуто на его голое тело. То, что следовало бы назвать штанами, перепоясано грубым

шпагатом. На грязных босых ногах порванные галоши 45 размера, привязанные тем же шпагатом. Весь черный от грязи, как трубочист, волосы дыбом. Мы смотрим на это явление, которое к тому же улыбается, как замороженные. Первой пришла в себя тетя.

- Сима, обращается она к маме, там, в кастрюльке, еще осталось немного пшенной каши, дай ее этому «оборванцу», и пусть проваливает.

Но «оборванец» ведет себя очень странно.

- О, Бенья, произносит он, показывая рукой на брата.

И в тот же миг мама с криком:

- Сруликалы, майн зиналэ (мой сыночек) – бросается на шею «оборванцу»...

Но это было потом, в 1944-ом. А пока нас трое – я, мама и Сарика.

2.15. Кумир.

Как я познакомился с Яшкой, я уже не помню. Впрочем, дети быстро знакомятся. Так или иначе, но уж очень скоро мы с ним подружились и были почти неразлучны. В отличие от меня, Яшка был не очень разговорчивым, а всякие разговоры о жизни называл философией или бабской трепотней.

- Брось, Левка, останавливал он меня, в ответ на какие-то мои длинные рассуждения, – опять ты в философию ударился. Посмотри лучше, как ... ,и он демонстрировал мне свою очередную придумку, как лучше отнимать мяч или делать распасы. Вообще он был фанатом футбола. Знал наизусть игроков почти всех наших и не наших довоенных футбольных команд, кто, какими приемами владел, сколько, когда и кому голов забил. Сам он чуть ли

не целыми днями гонял мяч и меня вовлекал в свои бесконечные игры, хотя я был не большим их любителем. Но что нас действительно объединяло – это кино. Мы оба были заядлыми киношниками, и у нас, естественно, были свои киношные кумиры.

У каждого времени, как известно, свои кумиры. Нас, конечно же, привлекали отважные бойцы, бросавшиеся под вражеские танки, или герои-партизаны, наводившие ужас на немецких солдат и офицеров своими смелыми и неожиданными вылазками. Но больше всего мы преклонялись перед героями-разведчиками. Помню, как мы много раз бегали на фильм «Подвиг разведчика» и во всем пытались подражать его герою.

Но у нас с Яшкой были не только киношные, а свой, всамделишный, кумир, боевой разведчик, Яшкин брат, Фима. Он был командиром разведвзвода и слал домой, в далекий сибирский городок, письма-треуголки с неизменными рассказами о подвигах своих ребят, и даже со многими фотографиями.

Один залихватый вид Фимы, смотревшего на нас с многочисленных фотокарточек, не оставлял никаких сомнений, – перед нами смелый и очень мужественный парень. Высокий, стройный, косая сажень в плечах, с орлиным носом и ясным пронзительным взглядом, он производил на нас, мальчишек, неотразимое впечатление. Все наши разговоры и игры с Яшкой, помимо футбола, крутились вокруг разведчиков и, конечно же, Фимы.

Как-то раз, Яшка, размахивая треугольником письма, как знаменем, прибежал к нам домой, и уже с порога закричал:

- Едет! Едет!

- Кто едет? – не понял я.

- Да Фима, Фима же едет!

Из письма мы узнали, что Фимин взвод опять отличился, и Фиме, как командиру взвода, не только геройскую звездочку вручили, но, в порядке поощрения, дали месячный отпуск и право поехать и провести его дома, среди родных и близких. По тем временам это было, хоть и вполне заслуженно, но почти неслыханно.

С этого момента, не только взрослые, но и мы, дети, жили в ожидании дорогого гостя. Он появился как-то неожиданно и предстал перед нами в полном параде: вся грудь в орденах, среди которых сверкала «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

На несколько дней Фимой завладели взрослые, и мы здорово приуныли. Но вот улегся ажиотаж, и он вдруг, как-то неожиданно, обратился к нам:

- Что, чижики, носы повесили? А ну, рассказывайте, кто вы такие есть на свете.

С этого момента началась наша особая дружба с Фимой. Оказалось, что он очень любит детей, и мы с ним почти не разлучались. Он нас часто брал за руки, и мы ходили гулять, а он нам все рассказывал, рассказывал... На Фиму все оглядывались, а нас, с Яшкой, распирало от гордости. Нам очень хотелось, каждому встречному крикнуть:

- Смотрите, вот он какой, наш Фима, настоящий герой и разведчик.

Но тут случилось непредвиденное, и нечто ужасное.

Как-то раз, когда я пришел к Яшке, Фима вытащил из кармана какие-то бумажки и замахал ими перед нашими носами.

- Знаете, что это? А ну, догадайтесь! Эх, слабаки! Ладно, так и быть, раскрою секрет. Это, если хотите знать, чижики, билеты в театр.

- Ура! – Закричали мы с Яшкой.

- Вот это новость! Я ведь в театре никогда еще не был. Он мне представлялся каким-то загадочным, волшебным миром. Я посмотрел на Яшку. Он тоже весь сиял, как только что начищенный медный самовар. Казалось, счастливее нас не было никого на свете...

И вот мы в театре. Как сейчас помню. Шел спектакль с загадочным для нас названием «Коварство и любовь». Фима купил самые дорогие билеты, в первый ряд партера, и мы, не чувствуя под собой земли, прошли на свои места.

Вдруг к нам подошла кодла пацанов, и один из них, атаманистого вида, видать старшой, заорал на весь зал:

- А ну, жидовское отребье, убирайтесь! Вишь, расселись тут!

Нельзя сказать, что для нас с Яшкой эта выходка была уж очень неожиданной. Мы неоднократно сталкивались с грубыми антисемитскими наскоками ребят, но всегда им давали должный отпор. В наших районах нас знали, и с нами не только не связывались, а относились к нам даже с некоторым почтением. Здесь же район чужой, и пацаны, подошедшие к нам, были нам незнакомы. Но то, что их наскок был направлен против Фимы, героя, фронтовика, не укладывалось в нашей голове. Яшка, правда, улыбался, предвкушая тумачи, которые они сейчас получают от Фимы. Но к своему ужасу он увидел, как Фима, под обратившимися к нему взглядами всего зала, вдруг как-то съежился и чисто по-местечковски, повышенно вежливо и с некоторой заискивающей нотой, обратился к пацанам:

- Ребята, вы что-то перепутали. Это наши места. Он легонько подтолкнул их к дверям, к выходу. Старшой напрягся, хотел еще что-то сказать, но вдруг почему-то передумал, и вся компания ретировалась. Яшка злобно зашипел:

- Ты что с ними разговоры разговаривал? Надо было им дать раза, чтоб знали!

Фима заулыбался, но ничего не ответил.

В это время заиграла музыка, открылся занавес, и мы, забыв обо всем, устремили свои взоры на сцену.

Этот спектакль запомнился мне на всю жизнь, но не тем, что происходило на сцене, а тем, что произошло дальше.

Мы вышли из театра в приподнятом настроении, не замечая ничего вокруг. И вдруг меня поразила наступившая тишина. Я увидел себя чужими глазами в кругу каких-то людей и оглянулся. Яшки рядом не было, а Фима, стоял в центре этого круга, озираясь, видимо ища нас. К нему со всех сторон приближались давешние подростки. В их сжатых в кулаки руках просвечивал металл свинчаток. В наступившей мертвой тишине диссонансом прозвучал голос какой-то женщины:

- Ребята, что вы делаете? Ведь это же наш солдат, герой войны!

В ответ старшой злобно крикнул:

А ну, жидовская морда, расскажи, на каком ташкентском фронте воевал, где купил эти побрякушки? Бейте его, ребята! Не бойтесь! Никакой он не герой! Это жид! Это они, жида, нашу Россию фашистам продали! Спасайте Россию!

На Фиму со всех сторон посыпались удары свинчаток. Он покорно стоял под ударами, тихонько стонал и только голову закрывал руками. Кровь била фонтаном. Толпа улюлюкала, ревела, и у меня в голове гулко отдавалось:

- Бе- ее-й жидов, спасаа-аай России-ию!

Наконец, послышались свистки милиционеров. Мгновенно, как ветром сдуло, и истязателей, и зрителей. Остались только Фима, который держался за голову, мерно покачиваясь и тихо постанывая, да мы с Яшкой.

Я взглянул на друга. Он весь как-то странно побелел, а его губы гневно дрожали, шепча что-то.

Я разобрал:

- Дранный разведчик!

Не было в этом шепоте ни возмущения, ни сострадания к чудом выжившему брату, а было только одно, презрение.

Скорую помощь вызвать никому в голову не пришло, и наша маленькая группа, молча, двинулась в путь. Впереди шел Фима, закрывая голову руками. Капли крови отмечали каждый его шаг. За ним, бледный, как воск, Яшка, губы которого неустанно шептали –«Дранный разведчик!» Я замыкал шествие, и у меня в голове гулко отдавалось «Бей жидов, спасай Россию!»...

Через несколько дней Фима уезжал. Я пришел проститься. Мы втроем сидели молча, и чувствовали себя не очень уютно. Первым заговорил Фима:

- Ну что, чижики, молчите? Знаю, думаете. Вот Фима хвастун. Наговорил со сто коробов, как он, и его товарищи немчуру били. Вранье все! Что там немчура? Тут вот мальчишек, сопляков, испугался. Подло струсил. Как же нам стыдно за него! Угадал? Ведь так думаете?

- Да, так и думаем, – ответил Яшка. Какой же это герой, если он покорно под ударами стоит? Значит, правильно говорят. Евреи все трусы!

- Нет, неправильно! Я многих евреев на войне встречал. Не трусы, они храбро с врагом сражаются. Заметьте, без 100

граммов, которыми часто на фронте солдатский дух поднимают. И про Ташкент, это злобная клевета, в духе Геббельса. Кому-то выгодно ее распространять. Не знаю только кому. Вы еще, чижики, маленькие, не все понимаете. Вот там, на фронте, все очень просто. Перед тобою враг. Злобный, сильный! Он, или такие, как он, нашу мирную жизнь нарушили, разрушили наши города и села, стариков, женщин, детей в газовые камеры бросил только за то, что они родились евреями, цыганами, или думают не так, как он. Он же не человек, душегуб! Его надо уничтожать. Он сильный, но мы сильнее, потому что мы правы. Мы их убивали и будем убивать, пока не победим. Рука не дрогнет. А тут дети! Понимаете? Дети! Свои. Такие же, как вы. Правда, с отравленными мозгами. Они и вправду верят, что евреи продают Россию. Уж не знаю, какие идиоты внушили им эту дурацкую мысль. Не перевелась еще человеческая глупость...

Нет, я не струсил. Просто у меня на детей рука не поднялась. Да, они могли убить меня. Но я не мог, не имел права ответить им тем же. Я мог и должен был только защищаться от их ударов. Возможно, вы когда-нибудь, когда подрастаете, это поймете и скажете, что Фима был прав...

Таким он и остался в моей памяти. Храбрый еврейский парень, герой и человек, рука которого не поднялась на детей, которые его убивали. Ведь дети же!

2.16. Закончилось детство.

Заканчивалась война и вместе с ней заканчивалось мое детство. Так уж получилось, что оно стало ровесником войны. В нем было все. А главное, была опасность погибнуть, уйти из жизни, так и не став взрослым, не познав женской любви, не совершив ничего. Не посадив дерева,

не построив дом, не родив детей. Именно такова была судьба многих миллионов моих сверстников. Кто-то из них погиб от пуль, бомб, снарядов войны, кто-то от рук мерзавцев-погромщиков, кто-то от голода и болезней, кто-то был заживо погребен в расстрельных рвах бабьего яра и многих других таких же, кто-то заживо сожжен нацистскими извергами, кто-то задушен в газовых камерах. Ведь только один холокост унес миллионы жизней еврейских детей. А сколько всего погибло детей, еврейских и нееврейских, в этой бесчеловечной кровавой бойне? Кто их сосчитал? Кто сосчитал, сколько Эйнштейнов, Бетховенов, Королевых, Нудельманов, Левитанов – ученых, изобретателей, композиторов, художников, великих писателей и поэтов, просто хороших людей потеряло человечество, поддавшись в очередной раз своему безумию? И все ради чего? Стало ли человечество умнее? К сожалению, нет. Скорее наоборот...

Мне, во всяком случае, повезло. Миновала меня судьба миллионов безвинных жертв. Судьба моего племянника, которому было всего 6 лет, когда озверевшая толпа пьяных погромщиков из «мирного» молдавского села разорвала его пополам на глазах у матери, судьба моего старшего брата, попавшего в плен к румынам и убитый ими, судьба моего отца, сгинувшего в огне войны и покоящийся в безвестной могиле...

Всего пять лет, а сколько пришлось пережить! Я иногда пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь из моей прошлой десятилетней довоенной жизни, но ничего в голову не приходит. Жили мы бедно, но спокойно, не ведая того, что эта наша безоблачная жизнь и была настоящим счастьем. Потребовались лишь несколько лет войны, чтобы мы

вдруг поняли, что наша прошлая жизнь была похожа на сказку, в которую невозможно поверить...

Май сорок пятого. Ночью еще выпал снег, а к утру, он растаял, превратив дороги в сплошное грязное месиво. Раннее утро. Все еще спят.

И вдруг тишину ночи нарушил многоголосый крик. Победа! Мы сразу же проснулись и выбежали на улицу, которая, сколько я помню, не знала такого оживления и ликования. Кто-то пел, кто-то играл на гармошке, кто-то плясал, и все, никем не понуждаемые, с флагами, знаменами, наспех изготовленными транспарантами, несмотря на непролазную грязь, шли на площадь, откуда уже доносились звуки оркестра и где, может быть впервые за годы советской власти, проходил стихийный, никем не санкционированный митинг...

Ровно через год, день в день, мы уезжали, возвращались домой, в далекое бессарабское местечко. Нам, трем семьям, благодаря стараниям Сарики, выделили вагон-теплушку (так назывался товарный вагон, который обогревался буржуйкой).

Одна из этих семей, – киевляне, муж с женой, с которыми мы почти год прожили вместе на одной квартире. Они оба до войны работали на кондитерской фабрике технологами. Трудно поверить, но они организовали на дому подпольное производство конфет. Люди моего возраста еще наверно помнят довоенные конфеты-подушечки, которые имели форму обтекаемых кубиков и были перепопаяны разноцветными полосками. Дети их очень любили. Конфеты, которые делали наши «подпольщики», ничем не отличались от фабричных, ни по внешнему виду, ни по вкусу. А продавать эти конфеты на базаре подрядилась,

конечно, мама. Причем, что интересно, она их продавала не на вес, а поштучно.

Как первое, так и второе предприятие, были очень опасными. Милиция не бездействовала. Она каждый день проводила на базаре облавы. Поэтому надо было быть все время на чеку. Выручала коллективная взаимовыручка. Как только милиционеры появлялись, а их все знали, как облупленных, это немедленно передавалась по рядам, и все тут же из продавцов превращались в покупателей. Так что улов милиции был почти нулевой. Только изредка попадался в их руки зазевавшийся продавец. Впрочем, эта судьба с течением времени не миновала почти никого. Так в один прекрасный день попалась и мама. Ее «преступление» классифицировалось, как спекуляция, и дело было передано в суд. Конечно, мама могла облегчить свою судьбу, если бы она заложила наших соседей. Тогда это была бы не спекуляция, а просто незаконная торговля. Хотя за спекуляцию ей светили не меньше пяти лет, а за незаконную торговлю ей максимум могли дать условный срок, мама на подлость не пошла. Ведь соседи за подпольное производство могли бы загреметь на всю катушку, получить вышку, то есть 15 или даже 25 лет. Она пошла на риск и заявила, что покупала конфеты на том же базаре на вес, а продавала их потом поштучно, зарабатывая на этом копейки. У кого покупала? Да разве всех запомнишь?

- Нет, никого не помню, – все время повторяла она.

Что спасло маму трудно сказать. То ли женщина, судья, оказалась хорошим человеком и вошла в положение мамы, то ли помогла протекция начальства Сарики, которое от имени гл. инженера шахты обратилось в суд с

просьбой о снисхождении, то ли то и другое, но ей присудили всего 3 года условно, без поражения в правах. Мама же считала, что и здесь, без ее ангела, не обошлось.

Третья семья, тоже наши знакомые – молодые люди, муж, жена и девочка, Женя, моего возраста. С Женей мы сразу подружились. Ей было 13 лет, это возраст Татьяны Лариной из «Евгения Онегина», возраст пробуждающейся женственности. Она была изумительно хороша собою. Черные, как смоль, чуть курчавые длинные волосы, смуглая кожа красивого личика и оголенных до плеч изящных рук, контрастировали с голубыми, как два больших, озера глазами. Ее тоненькая, уже чуть округлившаяся по-женски фигурка и выразительный взгляд ее глубоких глаз, в которых я утопал без всякой надежды выбраться из их омута, заставляли мое сердечко быстро, быстро биться, а по телу пробегало какое-то еще незнакомое мне томление и дрожь. Голубоглазое чудо, как я ее называл про себя, сразу же разгадало мое состояние, хотя я по-мальчишески всячески пытался скрыть от нее мое замешательство в ее присутствии. Она, конечно же, наслаждалась этим. Впрочем, похоже, что я ей тоже понравился. Одним словом, наш роман, который обычно именуется первой любовью, закрутился. На людях мы удачно скрывали наши чувства, и взрослые, как нам казалось, ничего не подозревали. Но зато, когда я залезал на верхнюю полку, где она обосновала свое гнездышко, и брал ее теплую ладонь в свою руку, я был на вершине блаженства. Мне кажется, что впоследствии, в отношениях с женщинами, я никогда больше не испытывал ничего подобного. Разумеется, если бы мы были чуть постарше, у нас могло бы далеко зайти. Но мы

были еще в том возрасте, когда платоническая любовь казалась нам верхом возможного. У нас даже в мыслях не появлялось желание форсировать наши отношения. Впрочем ... Когда мы прощались, а они сходили где-то на Украине, раньше нас, Женя, загадочно улыбаясь, вдруг быстро-быстро поцеловала меня в губы. Вкус этого поцелуя я до сих пор чувствую на своих губах.

Так счастливо закончилось детство, и началась моя новая мирная жизнь. Но это уже, как говорится, слова из другой песни.

Я. 1946 год

ЧАСТЬ 3

Кишиневский университет. Главный корпус

3.1. Железнодорожная школа № 8.

Мы вернулись в Романовку весной 1946 года. Наш дом исчез, и мы вынуждены были снять комнатку в маленьком домике. Сарика по приезде сразу устроилась на работу бухгалтером столовой на станции, а мама – сначала официанткой, а затем поваром столовой в Романовке. Вскоре Сарика вышла замуж за Арона Фаерштейна и настояла, чтобы мама бросила работу, и мы переехали к ней, на станцию. Мама занялась домашним хозяйством, а я поступил учиться в 7-ой класс только недавно открытой новой средней железнодорожной школы №8.

За несколько месяцев до нас вернулась тетя с семьей. Тетя, мамина сестра, была младше мамы на 5 лет. Как тогда было принято, старшие дети участвовали в воспитании младших, и тетю воспитывала мама. Поэтому, ко-

гда мама вышла замуж и переехала из Калараша в Романовку, она взяла ее с собой. Здесь ее сосватали, и она через 2 года вышла замуж, переехала к мужу, у которого был собственный дом, в парадной комнате которого он открыл небольшой магазин типа «Макалета».

Интересно, что у мамы и у тети дети рождались синхронно. В 1923 году родилась Сарика, а у тети через месяц родилась ее старшая дочь, Хайкалэ (Клара). В один и тот же год и месяц родились у мамы Срулик, а у тети – Беня (Борис). В 1931 году родился я, а у тети – моя двоюродная сестра Гиталэ (Катя). Если бы я не родился досрочно, то мы бы с ней тоже родились в один и тот же месяц. Наши 2 семьи всегда жили очень дружно, как одна семья.

Стоят слева направо: Я; Срулик (Саша), Беня (Борис);
Сидят слева направо: Гиталэ (Катя);
Беба (жена Срулика), 1955 год

В 1941 году Хайкалэ сумела организовать эвакуацию тетиной семьи пассажирским поездом. Какими-то

неведомыми путями военного времени Сарика, которую мы потеряли на подъезде к городу Запорожье, неожиданно встретилась с ними в Саратовской области. Сарика и Хайкалэ мобилизовали в Кузбасс на шахты в г. Анжеро-Судженск, и вся тетина семья поехала с ними. Правда, дядю Иосифа успели мобилизовать до этого на Урал. Сарика направили на шахту 5/7 им. Кирова в город Судженск, где она работала в качестве контролера ОТК. Тетя и Хайкалэ работали в шахте, а Беня и Катя учились в школе. В 1944 г., когда нас разыскал Срулик, Беня и Срулик окончили 7 классов, и вдвоем поступили учиться в ремесленное училище. В 1945 г. отыскался и дядя Иосиф, и он забрал семью к себе, на Урал, в г. Алапаевск. Вместе с ними, не желая расставаться с Беней, уехал и Срулик. Беня (Борис) и Срулик (Саша) как раз в это время достигли призывного возраста и опять вместе, в течение 3 лет, с 1946 по 1949 год, служили в армии. Они очень удачно попали на службу в Евпаторию, так что для них служба стала настоящим курортом.

Романовский дом тети сохранился. Он, правда, имел, довольно облезлый вид, но жить в нем можно было. Пока Сарика не забрала нас к себе, мы с мамой сначала снимали угол в маленьком доме. Было очень тесно и неуютно, поэтому тетя меня забрала к себе и в течение какого-то времени я жил попеременно то у нее, то у Иосифа, который снимал квартиру рядом с тетиним домом.

Седьмой класс Катя окончила в Романовской семилетке, а затем перешла в нашу школу так, что, начиная с 8 класса, мы учились с ней вместе. Кроме нее, наш класс пополнился другими учениками Романовской семилетки. Среди них были Миша Гринберг и Юра Раппопорт. Мы

очень быстро сбились в отдельную компанию, к которой пристал также Леня Гехтман. Леня был не красивым, но очень остроумным парнем. С ним, как говорится, нельзя было соскучиться. Так образовалась в нашем классе маленькая еврейская ячейка. К нам, естественно, тяготела Катя Ливак. Но наша компания после 9 класса распалась, т.к. Юра Раппопорт и Леня Гехтман уехали на Украину. Еще в 7-ом классе меня избрали комсоргом. Так я им оставался все время до окончания школы.

Девочки в нашем классе были все, как на подбор, красивыми, но для нас они оказались слишком взрослыми. Нам было по 16 лет, а они гуляли с двадцатилетними парнями. Поэтому нам приходилось довольствоваться девочками младших классов. Я, в частности, страстно влюбился в семиклассницу Аллу Павлову. А познакомился я с ней не в школе.

Сарика начала свою карьеру до войны, в Романовке, счетоводом. У нее было семилетнее образование плюс профессиональная школа, которую она окончила в Кишиневе. Она была очень способная, любила учиться, но так сложились условия, ей надо было кормить семью. Очень ответственный человек, она естественно поступилась своими интересами ради нас. Тем не менее, еще там, в Сибири, она поступила в вечернюю школу. Работая начальником бюро ОТК шахты, она, зная, что по возвращении в Романовку, ей придется поменять профессию, окончила также курсы бухгалтеров, и поступила очень разумно. Выйдя замуж, она продолжала работать, и уже вскоре ее назначили главным бухгалтером «Общепита», в состав которого входили все столовые станции. Чтобы я во время

летних каникул не болтался без дела, она меня на 2 месяца устроила калькулятором в одну из этих столовых. Вот там я и познакомился с Алочкой. Ее мама была моим начальником, зав. столовой, и Алла часто приходила к ней. Она, конечно, сразу заметила мою влюбленность, у девчонок на это особое чутье, но делала вид, что ничего не видит. Впрочем, хоть я и был очень влюбчивым, но Дон Жуаном не был, с девчонками был застенчив, нерешителен. Она, может быть, и ждала моего признания, но я из-за ее показного безразличного отношения ко мне, так и не набрался храбрости. Миша надо мной подтрунивал, а я молчал. Наконец, он не выдержал и напросился к ней в гости. Мы у нее пробыли целый день. Но она все время кокетничала с Мишей, а на меня нуль внимания. Я страшно обиделся и стал, избегая ее, демонстративно ухаживать за ее подружкой. Чем бы это все кончилось, я не знаю, т.к. жизнь сама все решила за нас. Буквально через 2 месяца она переехала в Одессу, а через полгода выскочила замуж за бравого офицера, моряка, не мне чета.

Зато с ее подружкой я еще долго встречался, даже, когда я уже учился в университете и приезжал на каникулы в Романовку. Она это воспринимала серьезно, мечтала жениться, но я был очень далек от этого, тем более, что в Кишиневе у меня была другая подружка, Инна Захарова, а дома в Коломые, третья, Фира, с которой у меня тоже зашло очень далеко.

Учился я хорошо. С 8-го класса мы с Мишей и Катей стали официальными кандидатами на медали. У нас были замечательные учителя, особенно по русскому языку и литературе любимый нами всеми Иосиф Абрамович, по физике – Лернер. Не повезло нам только с математикой,

вернее, с геометрией, которую нам преподавал директор школы. Фронтоник, контуженный, он геометрию не знал, и уроки вел по бумажке. А мы, юные бандиты, вместо того, чтобы относиться к нему с уважением, всячески издевались над ним. Как только он заканчивал доказывать очередную теорему, мы с Мишей уже тянули руки, зная наперед, что на наши вопросы он не сможет ответить. Получив вопрос, он страшно терялся, краснел, бледнел, заикался, а мы безжалостные дураки получали от этого удовольствие. Так мы по своей глупости и самоуверенности, поставили под удар не только свои медали, но и благополучие своих семей. Он, директор то есть, конечно, нас возненавидел и воспользовался одним из наших хулиганских поступков (а таких было немало) и, когда мы уже учились в 10-ом классе, исключил нас из школы. Времена были сталинские. Железная дорога и станция были военонизированными. Вместо райкома Партии управлял на станции Политотдел. Меня, как зачинщика, вызвали к начальнику Политотдела с родителями. Он мог не только подтвердить мое исключение и, таким образом, искалечить мне всю жизнь, а еще упечь Сарика в ГУЛАГ. Вместо мамы со мной пошла, конечно, Сарика, а спас нас Арон Фаерштейн, муж Сарики. Он заведовал хлебопекарней, и от него зависело все начальство станции. Когда начальник Политотдела узнал, что Сарика жена Арона, он ограничился легкими упреками. На следующий день нас восстановили. И медали наши тоже не пострадали. Миша получил Золотую медаль, а я – серебряную.

Наш десятый класс. На второй день после выпускного вечера

1950 год. Конец школьным годам. После грандиозного выпускного вечера мы на следующий день всем классом поехали отдыхать на Природу. На фото, слева направо:

Мацарин; учился кое-как, но, как местный кадр, преуспел в жизни.

Катя Ливак, моя двоюродная сестра; окончила педагогический институт, преподавала в вечерней Романовской школе, а затем в одной из средних школ Кишинева русский язык и литературу; в начале восьмидесятых годов они всей семьей переехали в США, в Лос Анджелос; в позапрошлом году она, увы, в возрасте 88 лет умерла.

Рима Зимнухова; была влюблена в Мишу; особой красотой не отличалась, но, как рассказывают очевидцы,

претерпела, как гадкий утенок, метаморфозу, и превратилась в писаную красавицу; как сложилась ее судьба – не знаю.

Зоя Бондаренко, элитная девочка, дочь начальника Управления железной дороги, т.е. хозяина станции; отличалась смехотворной безграмотностью; в сочинении делала больше 180 ошибок; дальнейшая судьба неизвестна.

Миша Гринберг, мой лучший друг; мы с ним разделили медали; ему досталась Золотая, а мне – Серебряная. Он окончил Одесский политехнический институт. Жил сначала в Азове, затем в Кишиневе. В 1976 году репатриировался с семьей в Израиль (проскочил через ту самую форточку). Шестьдесят восемь лет тому назад мы расстались, ничего друг о друге не знали; встретились в 2018 году; живет с женой в Хайфе; его дети, внуки, правнуки тоже живут в Израиле.

Я. Мая Кубрицкая и Женя Комарова – сексуальные девочки, нас считали «молокососами», гуляли с взрослыми ребятами; Женя училась хорошо, а Майя кое-как; об их судьбе ничего не знаю.

Борис Гиссер; окончил историко-филологический факультет Кишиневского университета; умер в молодости. Да будет благословена его память.

Встреча с Мишей Гринбергом в 2018 году.
Справа налево. Миша, моя жена Сима, я,
Мишина жена – Сильвия

3.2. Миша Бурштейн.

С Кишиневским университетом я впервые познакомился летом пятидесятого, когда мы, то есть я, Мишка Гринберг, мой лучший школьный друг, и моя двоюродная сестра Катя Ливак, поехали в Кишинев, чтобы сдать документы в мединститут. Вообще о карьере врача из нас троих мечтала только Катя. Мы же с Мишкой, еще в восьмом классе договорились, что будем поступать в Одесский политехнический институт. Конечно, нашей голубой мечтой была Бауманка. Однако, несмотря на свойственную нашему поколению идеологическую зашоренность, мы понимали, что для нас, еврейских ребят, да еще к тому же с периферии, дорога в Бауманку заказана. Ну а Одесса, она, по крайней мере, рядом с домом. Мы не учли, однако, что мнение наших родителей не совпадает с

нашими устремлениями, и по своей полудетской наивности полагали себя достаточно взрослыми, чтобы самим решать свою судьбу. Но, разумеется, горько ошибались.

Мишины родители когда-то сами мечтали о профессии врача, но не сложилось, и они стали фармацевтами. С малых лет они пытались привить своему сыну любовь к медицине, желая реализовать в нем свою несбывшуюся мечту. После грандиозного семейного скандала, с криками отца и слезами матери, Мишка, будучи послушным мальчиком, клятвенно заверил родителей, что сдаст документы в кишиневский мединститут, который считался тогда достаточно престижным вузом.

Что касается меня, то моей судьбой руководила не мама, а сестра Сарика. Сарика почему-то тоже была уверена, что я должен стать врачом, и не просто врачом, а хирургом, и совершенно не прислушивалась к моим доводам и отчаянным попыткам заверить ее, что я не люблю медицину.

- Ты еще маленький, ничего не понимаешь – отвечала она.

Так наша тройка в один прекрасный день оказалась в приемной комиссии мединститута. Процедура сдачи документов была достаточно простой. Нас с Мишкой, как медалистов, сразу зачислили, а Кате предстояли еще вступительные экзамены при солидном конкурсе – пять человек на место.

До поезда, который уходил вечером, у нас оставалось еще много времени. Катя захотела навестить своих родственников. Мы договорились встретиться с ней вечером, а сами решили пройтись пешком по ленинскому про-

спекту (центральной улице тогдашнего Кишинева), а потом просто побродить по городу. По дороге мы познакомимся с местными ребятами, разговорились. Оказалось, что они учатся в университете, на геологическом. Когда мы проходили около парка Штефан чел Маре, один из них вдруг предложил:

- Здесь до университета недалеко. Вам все равно делать нечего. Хотите пройти с нами? Мы вам покажем нашу альма-матер.

Университет особого впечатления на нас не произвел, но когда, мы уже собрались уходить, Мишка вдруг сказал:

- Левка, а давай зайдем в приемную комиссию, просто так, интересно же.

В приемной нас встретили дружелюбно. Очереди на сдачу документов, как в мединституте, здесь не было. Мы не стали объяснять, что уже сдали документы, а сказали, что ходим, смотрим и пока еще ничего не решили. Члены комиссии, расхваливая университет, рассказали о блестящих перспективах его выпускников.

- Вот вы, ребята, медалисты, вам прямая дорога на физмат, сказал один из членов комиссии с достаточно хорошо выраженной еврейской физиономией. Вы же знаете, что страна сейчас очень нуждается в ученых физиках, продолжил он.

- Судя по вашим словам, – вступил в разговор Мишка, физмат – это один из лучших факультетов. Так? Но тогда, почему на всех факультетах большой конкурс, а на физмате недобор?

Как и положено еврею, наш собеседник, чуть улыбнувшись, ответил вопросом на вопрос.

- Вот в вашем десятом классе, сколько было ребят?

- Ну, 16, а что? – спросил я в свою очередь

- Просто интересно. А у скольких из этих 16 –ти в аттестате по физике и математике стояли 4 и 5?

- Ну, не более, наверно, чем у четырех, – неуверенно сказал Мишка.

- Так я ответил на ваш вопрос?

Переглянувшись, все засмеялись.

- Хорошо, мы подумаем. Походим по другим вузам, а потом, возможно, вернемся.

Мы попрощались с членами комиссии и направились к выходу. Но тут произошло непредвиденное. Раскинув руки так, как-будто он собирался обнять весь мир, широко улыбаясь, на нас стремительно надвигался небрежно одетый парень невысокого роста с огромной развевающейся шевелюрой черных курчавых волос.

Я остолбенел.

- Оля-ля. Это же Миша Бурштейн. Как я мог забыть о нем?

Мишу Бурштейна знал весь университет: преподаватели и студенты, от первокурсников до пятикурсников. Бессменный член Комитета Комсомола и профкома, дежурный оратор на всех собраниях, неизменный член президиумов, он вихрем носился по коридорам университета, успевал со всеми встречными переброситься парой слов, церемонно раскланивался с преподавателями, вечно весь в заботах, всегда решал какие-то проблемы, но при этом был круглым отличником и считался гордостью университета.

Таким знали Бурштейна все. Только я один знал совершенно другого Бурштейна. Во-первых, мы были с ним

земляками, романовскими. Общиной местечковой интеллигенции управлял дедушка Миши Бурштейна. Сам Миша был круглой сиротой и жил у бабушки. Он и мой старший брат Иосиф, а также сын молодого рава, Берл, были одногодками. Они дружили, вместе окончили Романовскую семилетнюю еврейскую школу Тарбут, вместе поступили и окончили Иешиву в Кишиневе в 39-м году. В течение года, то есть до того, как Бессарабия стала советской, работали казенными раввинами в разных городах Румынии.

Советская власть признала только их неполносреднее образование, и они, 19-летние парни, не имея никакой профессии, оказались безработными. Их судьба поразному сложилась. Берл был сионистом, и он еще до начала войны умудрился перебраться в Эрец Исраэль. Его родители, как и многие другие евреи, считавшие разговоры о зверствах немцев большевистской пропагандой и оставшиеся по этой причине в Романовке, погибли от рук местных погромщиков в первый же день после того, как Романовку покинули красноармейцы. Мой брат прослужил в трудармии до 43-го года, отморозил ноги, был демобилизован, и, как я уже упоминал, был направлен на работу в азербайджанский винодельческий совхоз, где, начав трактористом, дослужился до главного бухгалтера. А Мишу Бурштейна из-за зрения в армию не взяли, его дедушка и бабушка умерли где-то на Урале, а он, голый и босый, без профессии вернулся в 45-м в Романовку. Здесь его грязным, оборванным и вечно голодным подобрал Арон Фаерштейн.

Арон был уникальной фигурой. Столь же некрасивый, сколь обаятельный, остроумный, любимец женщин, с типичной еврейской хваткой, талантливый от бога, он в

свои тридцать семь не был женат и называл себя убежденным холостяком. Работал он зав. пекарней. Что означало быть зав. пекарней в голодные послевоенные годы объяснять, очевидно, не надо. Мишу он обмыл, приодел, накормил, взял к себе в пекарню разнорабочим, поселил с собою на квартире, устроил в вечернюю школу, но не в восьмой, а сразу в десятый класс.

В это время мы приехали. Увидев мою сестру Сарикку, Арон в нее страстно влюбился и, хотя он был старше нее ровно на 15 лет, так настойчиво за ней ухаживал, что она, не желавшая вначале даже смотреть в его сторону, в конце - концов, вышла за него замуж. Мишу же Бурштейна, после десятилетки, они отправили в университет, и в течение всех пяти лет его учебы поддерживали материально, ежемесячно отправляя ему определенную сумму, которая была неплохой добавкой к его стипендии отличника.

Жил Миша вместе с Хахамовым, личностью тоже довольно известной университетчикам, в маленькой полу-подвальной комнатухе одного из университетских корпусов. Они вели очень экономный образ жизни, сами готовили себе еду из закупаемых ежемесячно продуктов, избегая даже дешевую студенческую столовую. На сэкономленные деньги Миша, бывший страстным библиомагом, покупал книги и умудрялся как-то разместить их в своей тесной комнатенке.

- Ну, Левка, молодец, я надеюсь – на физмат, закричал он, обнимая меня и прижимая к себе одной рукой, а другой – подавая какие-то знаки членам приемной комиссии.

- Подожди, о чем это ты? Мы сюда зашли случайно, по дороге, а документы еще утром подали в мединститут.

Он отодвинул меня, пронзительно посмотрел отчужденным взглядом так, как-будто видит меня в первый раз.

- Это что, шутка? Ты хоть понимаешь, что натворил? И вы, – обратился он вдруг к Мишке, заодно с этим ненормальным?

- Да, я вас не познакомил. Это...

- Стоп, я, кажется, знаю. Вы не сын Гринберга, знаменитого романовского аптекаря? Да, угадал? Похожи на отца, как две капли воды. Я ваших родителей хорошо знаю, очень достойные люди. Значит, по стопам родителей? Правильно, молодец!

- Ну вот, он молодец, а я ненормальный, значит.

- Что-то не припомню в твоей родословной врачей или, скажем, самых захудалых фельдшершешек каких-нибудь.

- Ну, да врачей нет, а вот физиков – хоть пруд пруди, – съязвил я.

- А ты не иронизируй. Твой отец, да и мой дед, мудрые были старики. Сейчас таких днем с огнем не сыщешь. А физики? Это те же мыслители.

- Ладно, соглашусь, Но вот Сарра придерживается другого мнения. Она спит и видит меня хирургом. А ты знаешь, воля Саррики для меня закон.

- Все! Сарру я беру на себя. Я как раз на днях буду в Романовке и постараюсь поставить ее мозги на место. А с тобой разговор короткий. Ты сейчас немедленно едешь в мединститут, забираешь документы. Одна нога здесь, другая – там. Хотя нет. Тебе могут сразу не отдать доку-

менты, тем более, что, как ты говоришь, они тебя уже зачислили. Так. Я еду с тобой. Есть там у них в комиссии один человек, думаю, что договоримся. Подождите, я только отпрошусь на часик.

Оказалось, что он тоже член приемной комиссии. Ну да! Какая же это комиссия без Бурштейна?

Может быть, и ты заберешь документы и к нам? А?— обратился он к Мишке, перейдя на «ты». Нет! Тогда, вот самый свежий детектив. Только что купил. Садись вот сюда и читай, гарантирую, не оторвешься, а мы мигом.

- Подожди, мы еще не пообедали. Мы как раз собрались в столовку.

- Потерпите, сначала дело, а потом гуляй смело! Мы обязательно сегодня кутнем, за мой счет, разумеется. За такое дело не грех и выпить бутылочку Шардене! Я тут такое местечко знаю...

Так нежданно, негаданно, я оказался студентом физмата кишиневского университета. Вы посчитаете это мистикой наверно. Но Миша Бурштейн еще не раз и не два будет появляться в моей жизни в самые критические ее переломные моменты. Каждый раз он выскакивал как будто ниоткуда, как кролик из рукава фокусника, и мигом переворачивал мою судьбу на сто восемьдесят градусов. Но это уже из другого рассказа. А за физмат я ему безмерно благодарен.

3.3. Граф Гамазов.

Общежития у университета тогда еще не было, поэтому первокурсников, у которых не было родственников в Кишиневе, временно расселили в различных служебных помещениях университетских корпусов. Большинство попало в огромный университетский спортзал. Если мне не

изменяет память, там разместилось что-то порядка 80 ребят. Их кровати стояли настолько близко друг к другу, что оставалось лишь место для маленькой тумбочки и максимально узких проходов. Так как я, однако, приехал всего за день до начала занятий, то для меня уже и в спортзале места не было.

- Тебе повезло, поселим тебя на верхатуре, сказала комендант, показав взглядом на балкон, который высился в конце спортзала, там как раз одно свободное место еще есть. Видишь, какой там простор, не то, что здесь. Будешь жить, как граф.

Не знаю, то ли с легкой руки этой, не лишенной юмора женщины, то ли еще по какой причине, но это словечко «граф» прилепилось к нам, жильцам балкона, и стало неотъемлемой частью наших имен. Так и пошло. Граф Прейгерман, граф Петров, граф Гамазов... Аурел Маринчук, парень из параллельной группы, встречая меня и здороваясь, неизменно обращался ко мне всегда одинаково.

- Ааа, граф Прейчерман, привет! Ему почему-то нравилось произносить именно «ч», подражая майору военной кафедры, который за пять лет моей учебы в университете так и не научился правильно произносить мою фамилию.

Самым примечательным среди нас, балконщиков, был граф Гамазов, тоже с физмата, с которым мы оказались в одной группе. Долговязый, внешне угрюмый, молчаливый и малоконтактный парень, как говорят «всегда себе на уме», он оказался непревзойденным мастером на самые неожиданные выдумки и проделки. По сравнению с ними меркли все разнообразные приколы, от иголок в

матрацах жертвы до «велосипеда», когда между ног спящего клали несколько листов бумаги, вытянутых в виде фитиля, и неожиданно поджигали так, что тот, истерически голося, начинал работать ногами, как на велосипеде.

Что сделал Гамазов? Над входной дверью балкона он повесил ведро с холодной водой и так искусно его замаскировал, что его не было видно входящему. Ведро он соединил со своей кроватью, которая стояла в самом дальнем углу балкона, с помощью хитроумной системы. Она состояла из тонкого, но прочного шпагата, протянутого по потолку, и маленьких блочков. Система работала так, что, если открыть дверь балкона и одновременно с этим, на другом конце, слегка потянуть за конец шпагата, то ведро, не падая, опрокидывалось и выливалось холодным душем на жертву. Шпагатом управлял, конечно, Гамазов. А жертвой оказывался тот, кто приходил домой после 12 часов ночи.

Представьте себе эту картину. Парень поздно ночью возвращается домой в прекрасном настроении, чаще всего после свидания с девушкой. На лестничной площадке темно, хоть глаз выколи, так как все лампочки заблаговременно вывернуты. Все ждут, притаившись, будто спят. Найдя ощупью ручку двери, парень дергает с силой дверь на себя, идет в темноту, переступая через порог, и тут на него выливается полное ведро холодной воды. Весь продрогший, он бежит к своей кровати, чтобы сбросить с себя мокрую одежду и юркнуть под теплое одеяло, но к своему ужасу он обнаруживает вместо своей кровати пустоту. Темно, все, как он думает, спят. Он крутится, как юла, в надежде на то, что в темноте он что-то напутал, но

нет. Глаза, постепенно привыкающие к темноте, ясно подсказывают ему, что его кровать куда-то испарилась. Проходит 5, 10 минут, и весь балкон взрывается гомерическим смехом. А бедный парень еще долго разыскивает тщательно спрятанную кровать в одном месте, постель в другом месте. Свою постель я, например, обнаружил после часа поисков привязанной к спортивному канату под потолком спортзала. Так мало того, мне еще пришлось лезть по канату, чтобы ее достать.

Гамазов учился так себе, перебивался с четверок на тройки. Но был он не только изобретателен, а обладал особой способностью к пространственному мышлению, поэтому такие предметы как начертательная и аналитическая геометрия давались ему без труда. Помню, как сейчас. Семинар по математике, который ведет любимый всеми нами Фрейдкин.

- Так, – говорит Фрейдкин, – продолжим. Сегодня мы решаем задачи на поверхности высших порядков.

Далее он пишет на доске уравнение, чаще всего в параметрической форме.

-Ну, кто готов рассказать нам все о поверхности, которая описывается этим уравнением? Все глубокомысленно молчат. Только с задней парты тянется рука Гамазова.

- Ага, Гамазов! Идите к доске.

Гамазов сходу дает полную характеристику поверхности, жестикулируя руками, рисует ее конфигурацию и показывает, как она размещена в пространстве. Он почти никогда не ошибается. Фрейдкин только успевает поддакивать и иногда поставить уточняющий вопрос.

Кроме нас, физматчиков, и нескольких химиков на балконе в отдельной комнатке жили также ребята с истфака. Их было четверо, из окрестных молдавских сел. Вечером, после ужина, когда все возвращались домой, и спортзал оживал, наши историки выходили из своей комнаты и затевали спор, стараясь перекричать шум, исходящий снизу. Сначала они спорили между собой на молдавском языке, но постепенно переходили на русский, вовлекая в свой спор всех жителей балкона.

Один Гамазов лежал на своей коечке с отсутствующим лицом, давая понять, что предмет спора его не интересует. Тот, кто не знал Гамазова, мог подумать, что он просто боится, так как спор почти сразу принимал политическую окраску и становился очень опасным, но, по моему, эти высокие материи его действительно не интересовали.

Историки же, не стесняясь в выражениях, честили колхозы, коммунистов, всю советскую власть и не останавливались перед оскорбительными выпадами в адрес самого Сталина, причем кричали громко так, что их слышал весь спортзал. Я до сих пор не понимаю, как, среди более, чем 80 жильцов спортзала и балкона, не нашлось ни одного стукача. Поистине, пути господни, неисповедимы.

3.4. Первые знакомства.

Я по природе своей был не очень контактным юношей, поэтому долго и порой даже мучительно входил в новые коллективы. К тому же к началу занятий, в отличие от других своих сокурсников, перезнакомившихся между

собой во время сдачи приемных экзаменов, я почти никого не знал. Однако на этот раз мне здорово повезло. Получив железную с плоскими пружинами кровать и место для нее на балконе спортзала, я отправился на склад за постельным бельем. Здесь оказалась длинная очередь. Впереди меня стоял симпатичный парень, который сразу, с первого взгляда, мне очень понравился. У него, как и у меня, не было в очереди знакомых, и мы быстро разговорились. Правильнее будет сказать, что это он «разговорил» меня. Как только я занял за ним очередь, он сразу же начал меня расспрашивать, а, когда узнал, что я с физмата, страшно обрадовался:

- О, так мой лучший друг и соученик, Алик Маркус, тоже с физмата. Вот увидишь, он тебе понравится. Мы с Аликом, как и ты, медалисты, и поэтому пока еще никого не знаем. Он живет у своих родственников. Да, из Сорок из нашего класса, на химфаке учится также Оля, хорошая девочка.

- А ты где живешь, тоже в спортзале?

- Нет, в спортзал я не попал. И на балкон тоже. А ты на балконе? Я, к сожалению, вечером занят, но Алик обязательно к тебе зайдет. Как он тебя узнает? Допустим, он спросит, есть ли тут знакомые Миши Хазина? Миша Хазин – это я.

Так в первый же день меня судьба свела с замечательными ребятами – Мишей Хазиным с литфака, Олечкой, которая впоследствии вышла замуж за Фиму Ясского, одного из лучших моих будущих друзей, и Аликом Маркусом. С Аликом я всегда поддерживал довольно тесные приятельские отношения. Во время учебы мы часто встречались, одно время жили вместе на частной квартире, а на

старших курсах жили в общежитии в одной комнате. После окончания университета нас жизнь разбросала, но мы не теряли связи, поддерживая ее через письма. Сейчас, правда, когда мы оба живем в Израиле и к нашим услугам есть чудо-телефон и скайп, эта связь, к сожалению, ослабла. Видимо сказывается возраст.

Наши дороги, моя и Миши Хазина, тоже часто пересекались. Так получилось, что с моим поступлением в университет моя семья – мама, сестра Сарика и брат Саша, со своими семьями, переехали из Романовки в Коломыю Ивано-Франковской области, маленький городок Западной Украины, бывший при Польше наполовину еврейским. В Коломыи, по случайному стечению обстоятельств, жили дядя с тетей Миши Хазина, у которых он еще со школьных лет часто гостил во время каникул. Здесь у него, поэтому, было много знакомых ребят, своя компания, в которую теперь, приезжая на каникулы, и я вошел.

После окончания университета мы с Мишей, опять же совершенно случайно, получили назначение в одну и ту же школу села Маркауцы Единецкого района. Мы с Мишей сняли вместе квартиру у одинокой и, по нашим тогдашним понятиям, пожилой женщины. Это даже был не простой съем квартиры, а постой, т.е. квартира с питанием. Когда мы в первый день пришли домой, наша хозяйка сразу же с гордостью сообщила нам, что в молодости работала прислужкой в еврейской семье и поэтому будет нас кормить не хуже, чем нас кормили наши еврейские мамы. У нее был большой курятник, и она действительно нас часто потчевала куриным бульоном, которому было, конечно, очень далеко до настоящего, еврейского. Зато молдавские блюда, особенно голубцы и мамалыгу,

она готовила отменно. Сама она жила в первой, проходной комнате, и спала на печи, а нас поселила в «каса маре». Для тех, кто не знает обычаев молдаван, объясню, что каса маре есть почти в каждом молдавском доме. Это самая большая и красиво убранная комната – вся в роскошных молдавских коврах. Здесь же находится сундук, в который складывается приданное для девушек семьи, будущих невест, – красивое постельное и ночное белье, расшитые полотенца, новые платья, украшения и пр. Здесь также стоит большая двуспальная деревянная кровать с периной. Примечательно, однако, то, что она не отапливается, а ночи на Севере Молдавии в сентябре-октябре довольно холодные. Сначала мы с Мишей спали на единственной в нашей комнате кровати валетом, но по мере того, как становилось холодно, пришлось изменить диспозицию. Чтобы хоть немножко согреться, мы теперь спали рядом, тесно обнявшись, как настоящие “голубые”.

Михаил Хазин. Советский,
молдавский и американский писатель

Ко всем нашим «бедам», если их можно так назвать, добавилось то, что молодежи среди учителей школы почти не оказалось. Нет, были две девушки, одна русская, а другая молдованочка, так ничего, симпатичные. Миша их сразу окрестил – бледнолицей и темнолицей. Но они были старше нас, и нам они представлялись не девушками, а взрослыми женщинами. Впрочем, как известно, на безрыбье... Миша стал волочиться за бледнолицей, а мне досталась темнолицая. Когда, однако, выяснилось, что они наши ухаживания принимают на полном серьезе, пришлось ретироваться. Тем более, что Мишу ждала в Кишиневе его красавица Любушка, а моя темнолицая молдованочка вскоре куда-то исчезла. Уже через полтора месяца Миша сдал документы в вечернюю аспирантуру, и уехал сдавать экзамены, а я задержался в этом богом забытом селе до конца учебного года.

3.5. Орлы.

Первые дни и месяцы учебы как-то плохо задержались в моей памяти, все, как в тумане. Когда я прочитал воспоминания Шены, нашей сокурсницы, то был поражен, насколько детально она все запомнила, имена, фамилии. А еще говорят девичья память. Ничего себе. Мне бы такую. В мою память врезались лишь отдельные, видимо, наиболее яркие эпизоды. О некоторых из них, как мне кажется, интересных, я расскажу. Кстати, я читал некоторые воспоминания наших ребят, и мне они показались слишком лаконичными, суховатыми. Я сразу прошу прощения у всех за свое многословье. Кому станет скучно, ну так пусть не читает, или читает, как Алик, по диагонали. Мне очень понравились воспоминания Аурела, о наших

любимых еврейских преподавателей. По-моему так, как он рассказал о них, мы, я, во всяком случае, не сумели бы рассказать. Это замечательно, очень интересно. Но ведь, кроме учебы, кроме преподавателей, у каждого из нас была еще своя жизнь. Я думаю, что было бы очень неплохо, если наши воспоминания стали бы маленькой повестью о жизни нашего поколения. Это будет интересно не только нам.

Время шло, и нам предложили освободить спортзал. Смутно помню, что мы с Аликом поселились вместе, так как у родственников он себя чувствовал не очень уютно. Но кто из нас нашел квартиру, где она была, почему мы сразу разъехались, – все это выпало из моей памяти. Помню только, как мы втроем, я, Алик и Семка Стримблинг, парень из нашей группы, с которым мы как-то незаметно очень быстро подружились, жарили на этой квартире сало шпик, которое мне всегда присылали из дому.

Мы ведь к этому времени прошли через духовный голод и стали настолько советскими, что свиное сало уже не вызывало отторжения, даже у меня, сына ортодоксального еврея. Я до сих пор помню запах этого сала, и с каким аппетитом мы его уписывали. И еще помню, что сын хозяйки нам рассказывал смешные еврейские анекдоты про Берку. Помню также, что я часто бывал у Семки в гостях, и его мама, простая сердечная женщина, которая разговаривала с нами на идиш, угощала меня вкусным еврейским говяжьим бульоном, мясом с фасолью и чесноком. Обедение. Никогда такой вкуснятины не ел.

С Аликом было нелегко общаться. Интеллектуально он меня превосходил, отличался более широким кругозором, знаниями. Он на меня давил своим авторитетом и

безапелляционностью. Человек прямой и очень искренний, он, неизменно ощущая свое превосходство, никогда не скрывал, когда считал, что сказанное тобою является, по его мнению, откровенной глупостью.

- Ты, что, Левка, совсем идиот, – говорил он в таких случаях полувопросительно, полуутвердительно, и я, даже в том случае, когда полагал себя абсолютно правым, действительно ощущал себя идиотом.

Другое дело Семка Стримблинг. С ним я себя чувствовал всегда на равных, легко и просто, и это, как я думаю, сразу нас сблизило. Мы с ним часами могли обсуждать ту или иную проблему, спорить, или соглашаться, но всегда, как это модно сейчас говорить, приходили к консенсусу.

Сема со своей женой Женей

Наверно с этого начались и наши совместные занятия. В перерывах между сессиями эти занятия сводились

в основном к решению задач. Мы с этой целью отыскивали свободную аудиторию. Там к нашим услугам была всегда доска и мел. Никто нам не мешал спорить, доказывать во весь голос свою правоту, а Семе разнообразить свою речь смачным русским матом. Я, хоть бывший детдомовец и умел завернуть не такое, но мат не любил. Однако в устах Семки он был настолько естественен, что не оскорблял мой слух. Проблема была всегда в том, чтобы найти свободную аудиторию. Эти поиски занимали, как правило, много времени. Особенно было обидно, когда нас выдворяли из аудитории, которую мы находили с таким трудом после долгих поисков. И тут нас осенило. В первом корпусе была одна маленькая полуподвальная комната. Она была далеко некомфортабельной, там пахло сыростью, и царил полумрак, но зато она почти всегда пустовала и не привлекала ничьего внимания. После занятий, пообедав, мы забивались в нее почти на все свободное время. Так она постепенно стала нашим вторым домом. Семка сразу же нашел для нее, хоть и мрачное, но точное название – «гроб».

Если бы кто-то подслушал наши разговоры, он не только бы страшно удивился, но пришел бы в недоумение и наверно усомнился бы в нашей нормальности. А что еще можно подумать, услышав, например:

- Ну что, Фимка, сегодня в три встречаемся в гробу?

Фимка, это был Фима Ясский, о котором я уже упоминал выше. Вскоре в нашу компанию, кроме Семы, Фимы и меня, влились также Леня Котлярский и Муська Лехтман. Впрочем, Леня и Муська приходили к нам в гроб эпизодически. Большой частью они, заядлые любители баскет-

бола, пропадали на спортплощадке. Леня, однако, с течением времени все чаще задерживался и постепенно вовлекался в наши дискуссии. Муське же очень быстро становилось с нами скучно, и он, посидев с полчаса, испарялся.

- Ну что, орлы, встречаемся сегодня в гробу? – обращался к нам после занятий Семка. Кто придумал это прозвище, я уже не помню. Но оно стало позывным для нашей маленькой компании, и о нас часто говорили обобщенно, не выделяя каждого из нас персонально.

- Это сказали орлы, или – спроси у орлов и т. д.

Часть нашей группы. 1курс

Слева направо. Первый ряд. Саша Лапушнер, я, Кофман, Фима Ясский, Леня Котлярский. Второй ряд. Валя Гробман, Сима Файнберг, Зина Кеймах, Шена Клейнер

3.6. Наши занятия.

Сказать, что образовавшаяся таким образом наша мужская компания все время проводила в занятиях, трудясь в поте лица своего, было бы огромным преувеличением. Скорее занятия служили нам поводом для совместного времяпровождения.

Обычно после лекций мы расходились на обед и договаривались о встрече. Вместе нам было всегда интересно. Точные наблюдения и крепкие словечки Семки, многочисленные анекдоты или присказки Фимы, которые сыпались из него, как из рога изобилия, приколы Мусика, бесконечные споры по самым разным вопросам – от политики и идеологии, до любви и секса, – все это стало нашей второй жизнью.

Конечно же чаще всего в центре внимания наших дискуссий был еврейский вопрос, тем более, что действительность того времени его все время подпитывала. Именно на первые годы нашей учебы пришлось злостные сталинские антиеврейские акции – расстрел антифашистского комитета, космополитизм, травля генетиков, так называемых менделистов-морганистов, дело врачей и прочая антисемитская мерзость.

Справедливости ради следует, однако, сказать, что у нас в университете мы не ощущали или почти не ощущали того разгула антисемитизма, который свирепствовал в стране. Я сейчас затрудняюсь объяснить этот феномен. Возможно, это произошло из-за того, что многие ведущие преподаватели университета были евреями, и руководство отдавало себе отчет в том, что, если с ними расстаться, то университет окажется у разбитого корыта, то ли как-то повлиял человеческий фактор, то ли мы не все

знаем, что было на самом деле. Я даже иногда думаю, что на ситуацию в Молдавии сказался и известный «либерализм» его тогдашнего главы, Леонида Брежнева, в том смысле, что он сам, и вся его семья были насквозь коррумпированы, а кишиневские, да и не только кишиневские, евреи, умело этим пользовались. Конечно, на первый взгляд, если судить по прессе того времени и непрерывным разоблачениям космополитов и «убийц в белых халатах» сплошь с еврейскими фамилиями, антиеврейская вакханалия не обошла и Молдавию. Думаю, однако, что здесь было больше видимости, чем действительности. В любом случае мы, студенты евреи, и евреи преподаватели университета лично на себе практически не испытывали происходящего. Во всяком случае, обошлось без скандальных увольнений еврейских преподавателей или массовых исключений еврейских студентов, которые захлестнули вузы Москвы, Ленинграда, Киева и многих других городов.

Кроме еврейского вопроса, мы обсуждали и многие другие идеологические проблемы. Среди них – убийство Кирова, к которому, как мы считали, приложил руку сам Сталин, развернувшиеся в тридцатых годах репрессии, ошибки Сталина, как мы считали, связанные с коллективизацией и раскулачиванием и др. В целом можно, однако, сказать, что мы не были настроены антисоветски. Зомбированные умелой советской пропагандой и советской школой, мы сходились на том, что сама по себе марксистская идеология самая человечная, а социализм самый справедливый строй в мире. Мы нисколько не сомневались в гениальности и высоком гуманизме Маркса, Ле-

нина и их сподвижников, в честности и самоотверженности благородных рыцарей революционеров, величии октябрьской революции и пр. Мы искренне считали, что все проблемы связаны с ошибками, допущенными Сталиным и его окружением, их отклонением от заветов Ленина.

- Если бы Ленин неожиданно воскрес, – говорили мы, – и увидел, что натворил Сталин и как он исказил идеи марксизма, то он бы от расстройства и негодования снова умер.

Такому нашему настрою способствовали не только наше домашнее и школьное воспитание, внушенные нам с той и другой стороны противоположные идеи, но, как ни странно, чтение запрещенной и давно изъятой из всех библиотек и уничтоженной гражданами в личных архивах литературы. Многие, каким-то чудом, сохранилось в читальном зале университета. Достаточно сказать, что среди книг читалки, которые свободно выдавались студентам, была такая одиозная книга, как стенограммы (без изъятий) всех съездов, пленумов партии и партийных конференций. Из этих стенограмм мы узнали о скандальных заседаниях политбюро и ЦК, партконференциях и съездах, связанных с заключением брестского мира, обсуждением письма Ленина к съезду (так называемого завещания Ленина), проходивших в партии острых полемиках и дискуссиях, в том числе по НЭПУ, вопросам индустриализации, коллективизации и пр. Причем здесь были опубликованы не только выступления Сталина, но и выступления его противников, в том числе Троцкого, Каменева, Зиновьева, Бухарина. Кстати, именно в этих стенограммах мы впервые прочитали полный текст «завещания» Ленина задолго до того, как оно впоследствии было опубликовано

в сильно сокращенном виде при Хрущеве. В университетской читалке мы также впервые прочитали стенограммы нюрнбергского процесса и другие крамолы. Где-то мы также достали стенограммы процессов 1937 года, запрещенную книгу Фейхтвангера «Москва 1937-года» и пр.

Кстати, в связи с этим вспоминается один из немногих, а, точнее, единственный преподаватель марксизма-ленинизма университета, которому мы симпатизировали. Я имею в виду Царанова, который вел у нас семинар по марксизму- ленинизму и марксистской философии. В отличие от лекций партийной дамы с многозначительной фамилией «Романова», на которые мы ходили только для того, чтобы засвидетельствовать свое присутствие, поиграть в ручные шахматы или морской бой, семинары Царанова мы посещали с большим удовольствием. О Царанове шепотом говорили, что он раньше сидел в очень высоких креслах, но затем был репрессирован и в результате попал в третьеразрядные преподаватели. Особенностью его семинаров было то, что он не только не уходил от сложных вопросов, но всячески поощрял дискуссии, которые разворачивались вокруг них, хотя ни разу никого не заложил, несмотря на то, что многие наши вопросы и выступления на семинаре носили явный антисоветский и даже антисталинский характер. Среди них наиболее острыми были темы, которые касались так называемых троцкистов-бухаринцев, колхозного строительства и книга Сталина «Марксизм и национальный вопрос», особенно в той ее части, где Сталин доказывал, что евреи не являются нацией и народом.

По вечерам часто кто-нибудь предлагал:

- Ну что, орлы, прошвырнемся?

Это слово тоже придумал Семка, который был большим мастером на придумывание всяких, хотя не очень благозвучных, но точных словечек. Прошвырнуться в его лексиконе означало пройти прогуляться по ленинскому проспекту – на людей посмотреть, себя показать. Такие красивые парни из нашей компании, как сам Сема, Леня Котлярский, Фима заставляли девочек, также гулявших стайками по проспекту, часто оглядываться на нас, хотя мы их «гордо» не замечали.

Именно здесь Ленчик близко познакомился со своей суженной, красавицей Бусей. Но это, как ни странно, произошло уже на пятом курсе, хотя, как потом оба признавались, они заметили и понравились друг друга давно, чуть ли не с первого курса, во время наших гуляний по проспекту

К нашей компании примыкали иногда также Вова Шейнфельд с параллельной молдавской группы и, конечно, Алик Маркус, с математического отделения. Мы втроем, то есть я, Вова и Алик, на старших курсах жили в общежитии в одной комнате. Отношения у нас были приятельские, хотя время проводили врозь. Алик дружил со своим одноклассником Изей Фельдманом, а Вова дружил и занимался с Сережей Радоуцаном, тоже с молдавской группы.

Слева направо. Вова Шейнфельд, Фима Ясский, Изя Фельдман и Алик Маркус. 2000 год

Другим нашим немаловажным занятием был «шмон». Придется расшифровать и это изобретение Семы. Не в том смысле, что он его придумал, а в том, что удачно применил. Слово шмон, как известно, произошло от ивритского слова «шмона» – восемь. Придумали это слово одесские зэки, потому что именно в восемь часов во всех тюрьмах начиналась генеральная уборка.

Дело в том, что вследствие весьма грустных обстоятельств, наш Ленчик был единоличным владельцем огромной квартиры. Его отец, в бытность большой партийный босс, погиб на войне. Его мать, к несчастью, умерла в Кишиневе, куда их семья перебралась уже после войны, а Леня и его маленькая сестричка, которую забрала к себе бабушка на воспитание, оказались круглыми сиротами.

Леня продал всю мебель. Пустую квартиру запустил до такого состояния, что в нее страшно было войти. Не помню уже, по чьей инициативе, но мы решили навести в ней относительный порядок. Мы ее так тщательно отдраили, что ее стало не узнать. Не квартира, а картинка. На радостях мы закупили несколько бутылок отличного марочного вина, кажется Фетяску, закуски и на славу отпраздновали неожиданное для всех превращение трущобы в нечто близкое к «дворцу». Когда уже все собрались домой, Леня вдруг достал карты и предложил сыграть пару партий в покер. Выяснилось, однако, что ни в преферанс, ни в покер, мы не умеем играть, и Леня взялся нас обучить. Несколько партий затянулись до утра.

Так возникла наша новая традиция, которую Семка тут же назвал шмоном. В каждую субботу, после занятий, мы начинали генеральную уборку Лениной квартиры, а затем, после застолья, в течение всей ночи, пили доброе вино и играли в покер.

А вот еще один курьез, связанный с нашими занятиями. Обычно, по-настоящему мы начинали заниматься только во время сессий. Причем занимались мы, как правило, не по книгам, а по конспектам. Один из нас, у кого данная тема, была лучше законспектирована, излагал ее с мелом в руке у доски. Все слушали, поправляли, часто спорили, при необходимости пересказывали, и она, таким образом, врезалась в нашу память надолго. Это может показаться невероятным, но, работая над новым учебником по физике, который вышел 2 года тому назад, я почти все его разделы писал по памяти, только изредка прибегая к источникам, и то, только для того, чтобы уточнить какое-

нибудь сомнительное место. А ведь учебник не маленький, в нем более, чем 1100 страниц, очень много инноваций и новых толкований. Думаю, что этому, кроме постоянных размышлений, способствовали и наши тогдашние занятия.

Однако были и исключения. Одним из таких исключений оказалась общая химия. Не помню, кто нам читал лекции по химии, кажется Аблов. Не могу сказать, как он читал. Дело в том, что общую, то есть неорганическую химию, я никогда не любил, лекции Аблова не слушал и не конспектировал. Кроме отдельных разделов, связанных, например, с периодическим законом или с радиоактивностью, я знал ее очень плохо. К сожалению, конспекты Семы или Фимы тоже не отличались хорошим качеством, и нам было ясно, что готовиться к экзаменам придется по толстому учебнику Некрасова. Но как? Учебника ни у кого из нас не было. Кто был поумней, догадался заблаговременно взять его в библиотеке. А мы слишком поздно спохватились. Оставалась только читалка, но там группой мы не могли заниматься. Не привыкший к индивидуальным занятиям, я, начиная читать, тут же засыпал. В общем ситуация казалась безвыходной, хотя мы стали задумываться над ней заблаговременно, еще до сессии. И тут нам на помощь пришла Симочка Файнберг, с которой мы, видимо, поделились своими проблемами.

- У меня есть учебник, – сказала она. Давайте вместе заниматься у меня дома. Родители не будут возражать. И мне легче будет готовиться, и вам.

Мы, конечно, обрадовались и с удовольствием согласились.

Родители у Симочки оказались очень приветливыми и радушными людьми. Добавьте сюда традиционное еврейское гостеприимство и то, что Симочка была девушкой на выданье, а мы, – естественно, в их глазах были потенциальными женихами. Поэтому нет ничего удивительного в том, что после того, как мы пришли, познакомились с ними, и они с нами немножко поговорили, нас пригласили за стол, пообедать с ними, чем Бог послал. А Бог послал немало вкусных еврейских блюд, но самым главным его подарком для каждого из нас оказался бокал его, то есть божественного, вина. Что вам сказать? Никогда, ни до этого, ни после, я такого вкусного и живительного напитка не пил. От него мы не пьянели, но становились раскованными и разговорчивыми, оно разливалось по всем жилам такой радостью и эйфорией, что словами это передать невозможно. Откуда такое вино? Оказалось, что отец Симочки работал агрономом в винодельческом совхозе, который обслуживал высший партийный аппарат...

За застольем, разговорами, и приятным времяпровождением мы не успели заметить, как стемнело, и стрелка часов, минуя круг за кругом, стала приближаться к заветной отметке. Где-то часов в 10 мы, наконец, перешли в Симинову комнату, чтобы позаниматься. Здесь мы быстро пришли к согласию, что вроде уже поздно, и начинать сегодня заниматься не стоит. Времени у нас много, успеем. Посидели, поболтали и разошлись.

Все бы ничего, если бы изо дня в день не повторялся один и тот же сценарий. Когда мы, наконец, опомнились, то оказалось, что до экзаменов остались одни сутки, а мы еще даже книгу не открывали. Сема, будучи по природе своей неисправимым пессимистом, на этот раз изменил

себе и оптимистично заметил, что в сутках целые 24 часа и что нам надо вернуться в гроб. Возьмем сегодня вечером книгу в читалке, потихоньку вынесем ее, а вернем после экзаменов. Не повесят же нас за это.

- Вам хорошо говорить, - заметил я. Вы химию знаете, а я в ней полный профан.

За оставшиеся 24 часа мы, конечно, успели прочитать и то очень бегло только часть книги, но, разумеется, я все равно ничего не запомнил и чувствовал себя хуже всех. Теперь, решил я, меня может спасти только чудо.

Если я вам скажу, что я сдал экзамены по химии на пятерку, вы мне, конечно, не поверите, но это факт, вот она пятерочка в дипломе. Вы, конечно, спросите меня как. Ведь шпаргалок, как у Мусика, у меня не было, да и не умел я ими пользоваться. Но это уже другая история.

3.7.Экзамены.

О наших любимых преподавателях, Перлине, Ицковиче и Фрейдкине, очень хорошо рассказал Аурел. Не стану повторяться. Но я хотел бы в связи с экзаменами, во время которых мы ближе всего познакомились с нашими преподавателями, кратко рассказать и о некоторых других преподавателях, например, о Костюке, который читал нам лекции по матанализу, и Андрунакевиче, преподавателе аналитической геометрии.

Костюк не был ученым, в свои сорок с лишним лет он не поднялся выше старшего преподавателя, то есть должности, следующей сразу за должностью ассистента, которую занимали, как правило, вчерашние студенты. Он не был также и хорошим преподавателем. Лекции он читал

по бумажке, скороговоркой, нисколько не заботясь о том, как они воспринимаются студентами.

Это был болезненный, желчный и обозленный на весь мир человек, аскет, не располагавший к общению. Его суровое лицо, никогда не освещавшееся улыбкой, надменный вид и хмурый взгляд действовали отталкивающе. На студентов он смотрел свысока, как на быдло. Мне трудно судить, каким образом он оказался в роли преподавателя высшей математики университета да к тому же на физмате. То ли как бывший фронтовик, то ли как действительный или мнимый инвалид с тремя руками. Не знаю.

Уже на первой сессии он устроил нам настоящую бойню. Как это ни странно, но, несмотря на отталкивающее впечатление, которое Костюк оказывал на нас, как преподаватель, несмотря также на то, что мы, многое не понимая, не успевали за ним конспектировать, мы его лекции никогда не пропускали и старались его внимательно слушать и записывать за ним все, что могли. Это происходило отчасти от того, что он тщательно следил за посещаемостью, конспектированием. Против тех, кого он подозревал в недостаточном прилежании, ставил, как мы знали, особые значки. Все это не предвосхищало ничего хорошего. Кроме того, несмотря ни на что, мы его предмет, то есть матанализ, очень любили. Конечно, это была не его заслуга, любовь к предмету нам привил Фрейдкин, который вел у нас семинар по математике.

Андрунакевич был полной противоположностью Костюку. Человек открытый, очень дружелюбный, задушевный, влюбленный в математику, он с первого же слова полюбился нам, и на его лекции мы ходили, как на праздник.

Экзамен по матанализу и аналитической геометрии был один, общий, и принимали они, то есть Костюк и Андрунакевич, вдвоем. Костюк, как старший преподаватель, не имел права ставить оценку в зачетке. Общую оценку ставил Андрунакевич. Однако, как это ни странно, решающим в этом дуэте было слово Костюка. Он не просто предлагал, а диктовал Андрунакевичу свое решение, а тот, из-за своей деликатности, не решался его оспаривать.

После ответа студента между ними происходил чаще всего такой диалог:

- Андрунакевич. Хорошо, замечательно, думаю, заслужил положительную оценочку. Как вы считаете?

- Костюк. Нет, нет, он даже на тройку не тянет, придется ему прийти еще раз.

- Андрунакевич. Ах, как жаль! Как жаль! Ну, ничего, голубчик, приходите еще раз, не бойтесь.

Однако повторно мало кому удалось сдать на положительную оценку.

Это был настоящий разгром. После первого экзамена по математике многие ребята убежали на другие факультеты, и наш курс основательно поредел. Это, несмотря на то, что все мы по высшей математике были неплохо подкованы, правда, больше практически, чем теоретически. Что же касается теории, то, как я уже говорил, конспекты были отвратительными, и нам пришлось готовиться по учебникам, которые были написаны достаточно сложным математически формальным языком, к которому нас не приучили ни школа, ни практический семинар, ни, конечно, лекции Костюка. Чтобы срезать студента, особенно в том случае, когда против его фамилии стоял заветный значок в черной книге, Костюку не требовалось особой

изобретательности. Выслушав ответ, он всем подряд задавал один и тот же вопрос

- Сформулируйте (или докажите) теорему Ролля. Эта третьестепенная теорема матанализа была безобидной и, на первый взгляд, вполне очевидной, но ее формулировка и доказательство изобиловали большим числом формальных условий. Если при формулировке теоремы или доказательстве, вы упустили хотя бы одно слово из них, то вашему ответу можно было всегда придать неоднозначный смысл, чем и пользовался Костюк, окончательно запутав перепуганного, психологически неустойчивого и не до конца уверенного в себе студента.

Меня спасло лишь то, что я не побоялся спорить с ним. Ведь я отвечал не по его конспекту, а он глубоко предмет не знал. Поэтому при любом отступлении от его конспекта, он произносил убийственную фразу: - чепуха, неправильно!

А я отвечал.

- Нет, правильно.

Он тогда требовал доказательств. Я доказывал. Но логику моих доказательств, он отвергал, видимо, не всегда их понимая. Я тогда открывал учебник и показывал, что там все написано моими словами. Он свирепел, но сдавался. Так продолжалось около двух часов. В конце - концов он согласился на четверку, хотя Андрунакевич настаивал на пятерке. Это была моя первая победа. На второй сессии, он уже поставил мне пятерку, и Андрунакевич меня искренне поздравил.

Кроме экзамена по матанализу, я запомнил еще два экзамена, которые прошли благополучно, хотя могли сложиться для меня трагически.

Конечно, идя на любой экзамен, мы всегда испытывали некоторое чувство страха и неуверенности. Особенно это проявлялось у Семы. Он перед экзаменом становился невменяемым. Что-то бормотал себе под нос, ни с кем не разговаривал и всегда был уверен в том, что вот на этот раз он экзамен провалит наверняка. В отличие от него, хотя мне тоже было присуще некоторое чувство страха, я всегда испытывал перед экзаменами достаточно большую уверенность. Это чувство изменило мне всего один раз, на экзамене по злополучной общей химии, на который я шел, как на эшафот. Сема и Фима уже сдали экзамен, получив положительные оценки. А я все не решался заходить – и каждый раз уступал свою очередь.

Предчувствие меня не обмануло. Взяв билет, я чуть не грохнулся в обморок. Первые два вопроса билета я не то, чтобы не знал, я даже никогда слышал о том, о чем шла в них речь. Не взглянув на третий вопрос, я в полном унынии сел готовиться, хотя к чему и как готовиться я понятия не имел. Сначала я решил сдать билет и взять другой, хотя знал, что и другой вряд ли будет чем-то лучше. Однако победило чувство самосохранения, и я стал отчаянно сигналить, что нуждаюсь в шпаргалке. Мои сигналы были приняты. Но так как опыта у меня не было никакого, я и в школе никогда не пользовался шпаргалками, то все попытки мне помочь закончились полной неудачей. Время шло, подходила моя очередь и только тут, заглянув еще раз в свой билет, я прочитал третий вопрос. Хоть я, находясь в прострации, почти уже ничего не соображал, вдруг к своему удивлению понял, что речь в нем идет о радиоактивности, той самой, о которой я мог говорить часами.

Дальше я действовал, как автомат. На просьбу экзаменатора прочитать первый вопрос билета, я по какому-то наитию «сверху», прочитал:

- Радиоактивность.

- Ну, пожалуйста, сказал экзаменатор, даже не заглянув в мой билет.

И меня понесло. Сколько времени я говорил, уже не помню. Но, видимо, надоев меня слушать, экзаменатор сказал:

- Хватит...

Не знаю, то ли он устал, то ли спешил куда-то, то ли на него магически подействовали пятерки в моей зачетке, но когда я остановился, решительно не зная, что дальше делать, он мое состояние интерпретировал, как желание перейти к остальным вопросам билета, и вдруг, взяв мою зачетку, вторично произнес:

- Хватит, отлично. Поставил мне пятерку и позвал следующего.

А вы говорите, что чудес не бывает!

Второй экзамен был по общей физике. Здесь все было иначе. Физику я знал, был абсолютно спокоен, на экзамен зашел одним из первых. Как назло, так тоже бывает, мне попался вопрос, который, готовясь к экзамену, я почему-то пропустил. Как сейчас помню, в нем предлагалось вывести уравнение плоской волны. Я этот вывод не читал, хотя исходные положения и конечный результат хорошо себе представлял. Что делать? После краткого размышления я себе сказал:

- представь себе, что это задача, которую тебе надо решить.

Не глядя на остальные вопросы, которые я знал, я приступил к выводу. Вывод оказался длинным, но он у меня получился и, главное, понравился преподавателю.

3.8. Про это...

Рассказывая о себе и о нашем поколении, было бы неправильно, хоть очень кратко, не вспомнить о том, что, кроме учебы, у всех у нас была еще своя личная жизнь. Все мы были молоды, для всех нас светило солнце, волновал волшебный свет луны. Все мы влюблялись, бегали на свидания, целовались, увлекались. Если об этом умолчать, то над нами будут смеяться, как до сих пор весь мир смеется над той советской женщиной, которая в начале перестройки заявила, что у нас не было секса. Секса не было, а дети, и не только законные, рождались. Вспомним, сколько было матерей одиночек, сколько черненьких и беленьких детишек родилось в одной Москве после недельного молодежного фестиваля или после московской олимпиады. Статистика утверждает, что в результате почти трехгодичной оккупации советской территории у наших женщин родилось от немецких солдат около трех миллионов детей.

И все же та женщина, как это ни странно, была права. Секс у нас, конечно, был и еще какой, но, в отличие от Запада, где он выставлялся напоказ и стал почти публичным, у нас он был скрытым от глаз, тайным, и в какой-то мере в массовом сознании даже разговоры намеками о нем воспринимались как нечто постыдное. У нас, конечно, как везде, жены изменяли мужьям, а мужья – женам. Хотя комсомольцы и комсомолки, коммунисты и коммунистки

и просто беспартийные не писали в газетах, что ищут сексуального партнера для приятного времяпровождения и не снимали для этой цели номеров в гостиницах, но время с партнерами приятно проводили и находили для этого достаточно темных безлюдных уголков. Были ярмарки «невест» в местах дислокации воинских частей. Была масса бесплатных шлюх и женщин легкого поведения, «бани» и массажные для избранных, а также подпольные проститутки и бордели массового пользования. Во время войны формировались специальные части ВПЖ, которые обслуживали высший офицерский состав, а после войны для иностранцев открывались, хотя и засекреченные, но вполне законные и уважаемые публичные дома.

Однако, кроме натурального ханжества, весьма широко было распространено и пуританство. Сегодня, например, при любых отношениях между парнем и девушкой они сразу же переходят к сексу. Они живут вместе, часто даже в родительском доме, так называемым гражданским или товарищеским браком, который не предполагает обязательной женитьбы, создания семьи. Это уже стало привычным, нормой и не вызывает осуждения взрослых. Большое распространение среди молодежи получили групповые и беспорядочные отношения, смена партнеров по расписанию и т.д. Если девушка 15-16 лет еще сохранила девственность, она это считает для себя позором, а ее подружки и молодые люди могут ее за это просто заклевать.

В наше же время все было наоборот. Девушки, лишившиеся девственности до свадьбы, подвергались глубокому осуждению и отвергались обществом, браковались их потен-

циальными женихами. Падение девушки, а тем более ее беременность, становились трагедией, как для самой девушки, так и для ее родителей. Чтобы завоевать девушку, надо было долго за ней ухаживать, а, если возникали отношения, то они предполагали обязательную женитьбу. Хотя за женщинами легкого поведения (сейчас их называют сексуальными) все мужчины охотились, но они же их легкое поведение клеймили, как разврат, подлежащий общественному осуждению и отторжению.

Примером того, что «секса у нас не было» в указанном пуританском смысле, мог служить и наш физматовский курс. По слухам, на других факультетах университета, с этим было проще, а в женское общежитие мединститута в обход строгому надзору ребята к девчонкам ночью лазили через окна. Как меня заверял Мишка Плопский, студент медик, с которым я достаточно долго жил вместе на частной квартире, в этом общежитии можно было, не ошибаясь, повесить красный фонарь. Правда, надо сделать скидку на то, что Миша был помешан на девушках. Он мог часами со всеми подробностями мне рассказывать о своих многочисленных победах. Других тем для разговоров у него не было.

У нас же на факультете была тишь да гладь. Были девочки, были мальчики, были и ухаживанья, и флирт, но далеко заходящих романов, как, по крайней мере, казалось, почти не было. А то, что было, не афишировалось. Может быть единственным в нашей группе, у кого была постоянная девушка, которую он ни от кого не скрывал, был Саша Лапушнер. Но Саша или, как его образно прозвал Семка, Лапа, был другой, не такой, как все. Он, например, отваживался носить брюки в удочку, которые Сема назвал

швейцарскими, в то время, как все носили тогда брюки клеш. Одевался он не как хиппи, как скажем известный всему университету «козлик», но по-особенному и всегда, в отличие от нас, элегантно, с шиком. Его любимой поговоркой было:

- Я так сказал!

Все, спорить с ним после этого, было абсолютно бесполезно.

Немного другой в этом смысле была и Инка Захарова. Она была москвичкой, выросла в семье известного в Москве профессора, доктора наук. Их семья была близкой к верхам. По ее рассказам Василий Сталин и его друг, если не ошибаюсь, Артем Сергеев, часто бывали в их доме. Именно от нее я впервые узнал о тех художествах, которые позволяли себе эти недоросли, затерроризировавшие всю Москву. Инна выросла в совсем другой, отличной от нашей, элитной среде, и, наверно поэтому, была меньше закомплексована. Хотя в целом, она мало отличалась от нас и по взглядам, и по поведению. Ей, как и всем нам, было присуще определенное, хотя и заключенное в достаточно жесткие рамки идеологического официоза, свободомыслие, но она отличалась значительно большей информированностью и выходящими за пределы официоза связями.

Как-то, например, она мне рассказала о некоем Киме, студенте филологического факультета, с которым она была близко знакома. Этот Ким писал антисоветские, антисталинские стихи. Она их не записывала, но выучила наизусть, и мне их читала. Это было нечто. Кто-то, неизвестно кто, по ее словам, Кима заложил, и после обсуждения его стихов на закрытом комсомольском собрании он,

как это было тогда принято, бесследно исчез. Много лет спустя, мы встретились с Инной в Москве. Провели целый день вместе и не могли наговориться. Но когда я ей напомнил эпизод с Кимом и спросил, не знает ли она, как сложилась его судьба, она почему-то никак не могла вспомнить, о чем это я. Девичья память?

Впрочем, это я так, для затравки. Главное же было в том, что увидев Инну, я тут же, как мне тогда казалось, в нее влюбился. Как говорят, с первого взгляда. Инна отнеслась к этому весьма благосклонно, но предпочла меня некоему Роберту. Этот Роберт, если мне не изменяет память, был одним из первых перебежчиков с физмата на геологический факультет. Вообще ей всегда нужен был паж, который носил бы ее сумку, провожал домой, выслушивал бы ее бесконечные истории, ходил бы с ней в кино, близкий друг, который заменял бы ей подружку. Хотя, как я подзревал, ее отношения с Робертом носили более сложный характер, но тогда, на первом курсе, у них явно что-то не заладилось. И вдруг сенсация. В ее сети попался Алик Маркус. Алик, очень искренний, прямой и открытый парень не скрывал, что он в нее страстно влюблен и, видимо, в отличие от нее, достаточно серьезно принимал отношения с ней, что, скорее всего, и послужило причиной их разрыва, который он достаточно долго переживал. Следующим, к нашему удивлению, пал Семка, которого мы все считали очень устойчивым к романтическим приключениям. Впрочем, его увлечение тоже было недолгим. Я лишь стал четвертым по счету. Наша дружба с ней оказалась самой длительной и продолжалась вплоть до ее возвращения в Москву, не помню то ли с третьего, то ли с четвертого курса.

Я сказал дружба, так как любовью наши отношения никак нельзя было назвать. Инна была очень красивой девушкой. Большие искрящиеся глаза, миловидное личико с ямочкой, чарующая улыбка, красивые косички. На нее всегда было приятно смотреть любоваться ею, хотя макияз, как и многие другие девушки нашего времени, категорически отвергала. В то же время, к своим 22 годам она еще окончательно не сложилась, в ее фигуре и походке было еще много подросткового, и, как бы сейчас сказали, она не была сексуальной. С ней мне было очень приятно общаться, смотреть на нее, слушать ее разговоры, держать ее за руку, но и только. Я помню всего единственный случай, когда меня вдруг потянуло к ней. Это было так. Она болела, и я пришел навестить ее. Она лежала в постели, в нижнем белье, какая-то удивительно женственная и желанная. Интуиция у нее была сумасшедшая. Она сразу угадала мое состояние и так посмотрела, что я тут же остыл. Не знаю, может быть, если бы я тогда проявил настойчивость, все бы сложилось иначе.

Вообще я был очень влюбчивым, и мог увлечься одновременно не одной девушкой, хотя надо признаться, у девушек не пользовался большим успехом. Во-первых, я все время комплексовал из-за своего низкого роста. Во-вторых, если девушка мне нравилась, я в ее присутствии немел, становился неуклюжим и неинтересным. Так, например, произошло с Олесей, дочкой нашей квартирной хозяйки, девушкой ослепительной красоты. Легче было смотреть на Солнце, чем на нее. Она тоже училась, где-то в Киеве, и мы с ней познакомились во время каникул. Как только я оказывался в ее обществе, я бледнел, краснел и не мог двух слов связать. И, хоть живя в одном

доме, мы часто с ней встречались, наши отношения, кроме взаимных приветствий и обычных слов вежливости, дальше не шли. И вдруг, как-то, уже после каникул, я неожиданно получил от нее письмо. Она меня просила о какой-то услуге. Я ей ответил. Писал ей письмо на лекции по марксизму. На меня, видимо, нашло вдохновение, и письмо получилось интересным. Во всяком случае, она мне в ответ написала, что читала его своим девочкам, и все смеялись до упаду. У нас завязалась интересная переписка, и я уже представлял себе, как мы с ней будем общаться во время следующих каникул, но я сам все испортил. Вдруг решил ей признаться в любви. В ответ она написала всего несколько слов:

- Я думала, что ты другой, а ты оказался такой же, как все.

Все попытки после этого реанимировать наши отношения окончились полной неудачей. К тому же моя семья поменяла квартиру, и больше я с Олесей не встречался.

С другой девушкой, тоже дома, и в то же самое время, у меня отношения зашли слишком далеко, так, что возник вопрос о женитьбе. Она была из очень богатой семьи. Муж ее сестры был часовым мастером, но тайно занимался торговлей золотом и зарабатывал большие деньги. С их помощью он сумел нелегально перевезти всю семью в Израиль. Перед их отъездом я получил телеграмму, мол, срочно приезжай. Они готовы были взять меня с собой. О возможном отъезде в Израиль я тогда, по своей дурости, и слышать не хотел, и на телеграмму никак не среагировал. Так мы с ней расстались навсегда. Потом я узнал, что они благополучно добрались до Израиля и жили в Иерусалиме. Моя пассия быстро вышла замуж,

растолстела так, что еле в дверь входила. Так что моя судьба могла сложиться совсем иначе, но это был бы уже не я, а совсем другой человек...

На старших курсах я одно время был вхож в квартиру молодых ребят, молодоженов, Толи и Кимы. Эта квартира, как мне тогда показалось, была окружена некоторой мистической тайной. Во всяком случае, круг допущенных туда лиц, образовавших нечто вроде кружка, был достаточно ограничен. Кроме Алика и Мишки Хазина, которые привели меня туда, там бывала еще Шена. Возможно, они были как-то связаны с диссидентством, хотя, скорее всего, здесь собирались любители полузапрещенного в советское время декаданса.

Я вспомнил про эту квартиру потому, что там я встретился с Жанной, дальней родственницей хозяев квартиры, которая жила на периферии и в то время у них гостила. Жанна мне очень нравилась, и мы с ней близко подружились. Когда она уехала, мы еще достаточно долго с ней переписывались. Мне казалось, как всегда, что я в нее влюблен.

Кончилась учеба, и вместе с ней заканчивалась наша юность, начиналась еще незнакомая нам жизнь. Я уже говорил, что свои отношения никто из нас не афишировал, часто их скрывал даже от своих друзей, поэтому некоторые женитьбы на пятом курсе или после окончания университета мне лично показались даже удивительными. Не все, конечно. Алик, например, после разрыва с Инной Захаровой, некоторое время погрузился, но уже вскоре мы заметили, что он стал ухаживать за Ритой, студенткой физического факультета, старшей нас на один курс. Поэтому никто не удивился, когда они после учебы поженились. Не

удивил никого и Аурел, женившись на очень симпатичной и умной девушке с математического, Сандре, за которой он ухаживал с первого курса. А вот, когда я узнал, что мой близкий друг Фима, который как бы был все время у меня на глазах, женился на нашей общей знакомой Олечке с химического, я был поражен. Олю, как я уже говорил, я знал с первого дня, поэтому с ней была знакома и вся наша компания. Мы часто встречали ее, останавливались, разговаривали. И вдруг гром среди ясного неба. Фима женился на Оле. Когда же они успели? Удивила нас и умница Шена, выйдя замуж за несколько приплюснутого Вову Фаермана. Все знали, что Шена была влюблена в Сему. Одно время они даже дружили, но не сложилось, однако Фаерман – это было выше моего понимания. Как-то незаметно для нас женился и Муська, но это уже после окончания университета. Не меньше удивила нас Валя Гробман. Очень способная, очень умная девушка, Валя особой красотой не отличалась и вдруг, опять же неожиданно для всех, вышла замуж за красавца, математика Годика Лившина. Между прочим, они прожили долгую счастливую жизнь. Безумно жаль только, что Годик безвременно ушел из жизни. Еще раньше него нас покинул Ленчик. Он успел жениться на красавице Бусе, жил счастливо, но коварная болезнь убила его в расцвете лет. Сема женился уже после университета по великой любви, был несказанно счастлив, но его счастье тоже оказалось, увы, скоротечным. Хотя его незабвенная жена и друг вот уже много лет, как ушла из жизни, он до сих пор ее помнит и любит. Зиночка Кеймах, за которой я в течение какого-то времени даже немножко приударял, встретила свою судьбу

уже на пятом курсе, быстро вышла замуж, но также слишком рано отцвела. Да будет благословенна их память.

Ира – моя первая жена

Мы же, то есть я, Вова Шейнфельд и Саша Лапушнер, женились гораздо позже, уже живя в Сибири. Мы – в Омске, а Вова – в Тобольске. Саша, конечно, женился на своей Полине, а я – на Ире, ученице из десятого класса вечерней школы, в которой мы с Сашей в течение какого-то времени немного подрабатывали. Так я, сын ортодоксально верующего еврея, хасида, оказался женатым на девушке, происходившей по матери из старинной дворянской семьи, а по отцу – из семьи очень богатого корейца. Ее дедушка, полковник царской армии, воевал на стороне Колчака, заболел и умер сравнительно молодым в Улан-

Удэ. В результате большая часть их семьи оказалась в Харбине, а уже при Хрущеве они вернулись в Союз. Брат ее дедушки тоже был офицером царской армии, но под влиянием Троцкого примкнул к красным, сделал карьеру, чудом спасся и не разделил участи Тухачевского, с которым он был близко знаком. В наше время он уже был генералом в отставке и жил в Москве. Ее двоюродный брат, Юрий Савельев, тоже жил в Москве на Кутузовском проспекте, был заслуженным артистом СССР, работал в московском театре оперетты. Будучи в Москве, я часто гостил у него. Очень интересный человек, отличался высокой эрудицией, свободно владел английским, французским, немецким и многими другими иностранными языками. Отличался большим гостеприимством. У него часто оставались его знакомые со всех концов Советского Союза, а знакомых у него было неисчислимое множество. Из-за этой женитьбы у меня испортились отношения с мамой. Иру, мою жену, она хорошо приняла и, как мне показалось, даже полюбила ее, но со мной она не разговаривала целых 18 лет.

3.9. ВЭИ.

Я допустил немало ошибок, связанных с годами учебы в университете. но среди них – есть непростительные. Первая из них – это отношение к иностранному языку. И в школе, и в университете, особенно, когда возникли гонения на так называемых космополитов, нас убеждали, что Россия, а сейчас Советский Союз, во всех областях и, особенно в науке, всегда были впереди планеты всей. Кроме «гениального» Ломоносова, о котором мы и раньше знали, вдруг из небытия вынырнули сотни

имен «талантливых» российских ученых, правда, почему-то в большей части с иностранными фамилиями, якобы первопроходцев, которые как-будто и создали всю мировую науку. Отсюда у нас возникло убеждение, что русский язык – это самый главный язык науки. А иностранные языки так, между прочим, значит нам они ни к чему. Поэтому, когда дело дошло до выбора иностранного языка, мы стремились выбрать не то, что нужнее, а то, что легче. Так возникли на курсе две группы, которые формировались по изучаемому иностранному языку, немецкая, – состоявшая на 70 % из евреев, знавших идиш, и французская, состоявшая почти из одних молдаван. В нашей группе оказалось также и несколько русских ребят – Гамазов, Шурочка Дмитриевцева, конечно Инка Захарова, Дерид и др. Кстати, примечательной оказалась фамилия Дериды, которая переводилась на идиш буквально, как «этот еврей». В молдавской группе также было несколько евреев, среди них Вова Шейнфельд. С Вовой мы все были в близких отношениях, а мы троим, я, он и Алик, жили в общежитии в одной комнате. В течение какого-то времени мы вместе работали с ним на омском приборостроительном заводе, но потом он прошел по конкурсу в Тобольский университет и уехал в Тобольск, где он и женился на Наденьке. Дружил Вова все годы учебы в университете с Сергеем Радауцаном, парнем уже отслужившим в армии, очень прилежным и достаточно способным, из молдавской группы. Он вместе занимались, причем Вова немало помогал Сергею в учебе, и они все 5 лет были неразлучны.

Что характерно, кроме нескольких человек, среди которых оказались Муська и Ленчик, английский язык игнорировал практически весь наш курс, хотя, готовясь в будущем заниматься наукой, мы все должны были записаться именно на английский язык и настойчиво его изучать. Мы этого не знали, и никто нам этого не объяснил. Когда хватились, было уже поздно. Только Алик да еще Вова Шейнфельд проявили характер и серьезно занимались английским уже после окончания университета. Вова, например, штурмовал его до конца своей жизни. Я же, оставшись без английского, очень много потерял.

Другая моя ошибка, такого же характера. Хотя я природный теоретик, я, тем не менее, опять же, по инерции, идя по пути наименьшего сопротивления вслед за всей нашей компанией, выбрал специализацию физика-экспериментатора. В результате практически вся теоретическая физика, в том числе теория относительности, квантовая электродинамика и квантовая теория поля в целом и др, а также их специфический математический аппарат, были мною упущены. То, что я потом пытался исправить самообразованием – это бледная тень того, что я мог и должен был изучить, но не изучил, в стенах университета.

Все это я понял значительно позже. А тогда я радовался тому, что нас, экспериментаторов, отправляют на сорокадневную практику в Москву. Сама практика, по крайней мере, для меня, оказалась пустой формальностью. Мы проходили ее в московском институте ВЭИ. Она в основном сводилась к тому, что утром, в начале рабочего дня, и вечером, в его конце, мы должны были отмечаться. Остальное время мы были предоставлены самим

себе и занимались, чем хотели. Мы, естественно, использовали это время, чтобы знакомиться с Москвой. Где мы только не побывали? Мавзолей, в котором еще застали Сталина. Третьяковская галерея, политехнический музей, музей им Пушкина – это само собой, и не один раз. Это был 1954 год. Как раз тогда открыли для посетителей Кремль, Оружейную палату, и мы это, конечно не пропустили. Кроме того, тогда же открылась сельскохозяйственная выставка (ВСХВ), позже ВДНХ. Далее, конечно, мы посетили Ленинские горы, МГУ, зоопарк, измайловский парк и пр. Помню, что, когда мы были в гостях у тетушки одной из наших девочек, между прочим известной балерины, она сказала:

- Как я вам завидую, ребята! Вы за короткий срок успели познакомиться чуть ли ни со всеми достопримечательностями Москвы. А вот я, коренная москвичка, последний раз была в Третьяковской галерее в 1927 году. Представляете?

Мы жили в старом общежитии МГУ, на Стромынке, недалеко от парка «Сокольники», но очень часто, особенно, когда стали кончаться наши деньги, в центр Москвы и даже до работы, то есть в бауманский район, мы ходили пешком. Вечерами мы посещали театры, концерты, встречи с интересными людьми. Нам удалось, например, присутствовать на встрече литературной ответственности Москвы с Ильей Эренбургом, где, в частности, обсуждалась его новая книга «Оттепель», ставшая затем бестселлером и синонимом хрущевской перестройки, попали на джаз-концерт опального Эди Рознера и пр.

Наше времяпровождение в Москве омрачала лишь нехватка денег. Те деньги, которые нам выдали на поездку, мы быстро израсходовали. Последние две недели у нас уже не было денег даже на еду. Однако нам повезло. Ведь это был год, в котором началась революционная преобразовательская деятельность Хрущева. Я это, кстати, говорю без всякой иронии. Сейчас, вспоминая свое советское прошлое, многие говорят о том, что они были невыездными. Они забывают о том, что не только они, а буквально все, от уборщицы и ассенизатора до членов политбюро и ЦК КПСС, жили в мрачной тюрьме, огороженной колючей проволокой от всего мира, и не знали, что происходит за ее пределами. Даже сам Сталин за границу никогда не выезжал и судил о том, как там люди живут, по подносимой ему наверняка не очень правдивой информации. Его же поездки в конце войны в Тегеран и Потсдам заграничными вояжами нельзя считать, так как и там он себя отгородил от внешнего мира плотной стеной многочисленной охраны. Поэтому, когда Хрущев в качестве главы Правительства, стал выезжать за границу и, в отличие от других, не закрывая глаза, увидел настоящую жизнь людей в странах капитала, это стало для него настоящим шоком. Он решил позаимствовать все лучшее у капиталистов. Провел огромное количество реформ, больших и очень маленьких, ненужных и очень важных. Спасти социализм они, разумеется, не могли, но то, что они существенно улучшили нашу жизнь – это несомненно. Конечно, то холопское меньшинство, которое при Сталине подкармливалась объедками с барского стола, до сих пор не может простить Хрущеву, что он развенчал Сталина.

Они не простили ему и то, что он расшатал крепостническую державу, равную которой не знало человечество в течение всей своей истории. Они заплевали Хрущева и до сих пор его заплевывают. Смешно, но всячески обеляя учиненный Сталиным и Берией кровавый геноцид и безапелляционно оправдывая ГУЛАГ, учреждение, необходимость которого, якобы, диктовалась объективными условиями, они до сих пор не упускают возможности лишней раз лягнуть Хрущева, напоминая, что он тоже, дескать, причастен к развернувшимся в тридцатых годах репрессиям. Конечно, нет сомнения в том, что Хрущев, входивший в состав сталинской бандитской шайки и занимавший в ней в разное время довольно видное положение, не был ангелом с крылышками. Но ведь и разбойники разные бывают. Одни из них занимаются разбоем по природе своей, исходя из своих садистских наклонностей, а другие, – по жизненным обстоятельствам, как, например, любимые герои литературных произведений Робин Гуд или Дубровский. Разве, проклиная первых, мы не симпатизируем вторым?

Я вспомнил здесь о Хрущеве еще и потому, что его реформы спасли нас тогда от голода. По тем временам на Дзержинской площади, рядом с выходом из метро, была дешевая сосисочная, преобразованная впоследствии в закусочную-автомат. Мы облюбовали эту закусочную с самого начала, часто завтракали, ужинали и даже обедали в ней. Это пока у нас были деньги. Однако, когда деньги стали таять, мы начали сокращать ассортимент блюд. Одним из реформаторских чуть смешных деяний Хрущева, было то, что во всех столовых и закусочных столы тогда

сервировали, не только солью и перцем, но также большими хлебницами, заполненными всегда до краев нарезанным вкусно пахнущим свежим хлебом и батонами. Поэтому, когда у нас деньги полностью иссякли, а нам оставалось еще 2 недели до конца практики, мы утром, днем и вечером, покупали в автомате за копейку газированную воду, которую закусывали аппетитными свежесрезанными батонами, в которых недостатка не было, и мы могли объедаться им до полной сытости.

3.10. Дипломный проект.

То, что я, вопреки своему призванию, по глупости своей назвался экспериментатором, повлияло и на выбор темы дипломного проекта. Собственно говоря, выбора у нас, экспериментаторов, почти не было. Зав кафедрой экспериментальной физики, который составил перечень тем для экспериментаторов, был недавно появившийся у нас в университете новый человек, Козулин Юрий Николаевич. Он тогда еще был кандидатом физико-математических наук, по специальности геофизик и только приступил к подготовке своей докторской диссертации. В круг его научных интересов входили проблемы разведки полезных ископаемых с использованием физических методов. Это был совершенно незнакомый нам раздел физики. Он, естественно, все темы дипломных проектов экспериментаторов предложил нам по своей специальности. К счастью, среди них оказалась концептуальная тема, которую я выбрал, связанная с исследованием теоретической возможности использования электромагнитных волн для зондирования местности с целью определения возмож-

ного залегания в ней полезных ископаемых. Идея заключалась в том, что местность облучалась электромагнитными волнами, и по характеру распределения отраженных волн можно было судить не только о наличии в ней чужеродных для данной местности материалов, но и об их химическом составе, глубине залегания, количестве и пр. Мне предстояло не только вывести дифференциальное уравнение, описывающее распределение отраженных электромагнитных волн, но и решить полученную краевую задачу и исследовать ее решения. По сути дела мой диплом был важной теоретической частью будущей докторской диссертации Юрия Николаевича, и он ему, поэтому, придавал очень большое значение.

Первая часть диплома, связанная с постановкой задачи, далась мне сравнительно легко. Но когда дело дошло до решения полученного мною достаточно сложного дифференциального уравнения, я застопорился. Само решение оказалось непростым, но не это было главным. Чтобы довести его до конца, надо было взять интеграл, который, как мне показалось, совершенно вычислению не поддается. При очередной проверке хода выполнения дипломной работы, Юрий Николаевич мне сказал, что постановка задачи и полученный мною интеграл уже являются большим достижением и что вся проделанная мною работа, безусловно, тянет на пятерку. Что касается вычисления интеграла, то он попробует им заняться сам. Он попросил через неделю еще раз к нему подойти. Когда я к нему пришел через неделю, он подтвердил мое мнение, что напрямую взять этот интеграл невозможно и предложил прибегнуть к приближениям, которые позволят его

упростить. Его вердикт меня обрадовал, я решил отдохнуть и на пару недель съездить в свою Романовку.

Надо сказать, что за время своей учебы я очень часто навещал Романовку. Там, как я уже писал, жила любимая мною тетя Мейта. Она к этому времени сильно заболела, и я решил ее проведать. Кто знает? Может быть мне уже больше не суждено увидеться с ней. С Катей и Борисом (Беней) я был очень близок. Я их никогда не отличал от своих родных братьев и сестры. Наконец, в Романовке тогда еще жил Иосиф. У него как раз в это время родилась замечательная девочка, Маечка, которую я очень любил.

Но вернемся к моему диплому и интегралу. Говорят, что озарения всегда приходят неожиданно. Так это или не так, но ко мне оно вдруг явилось, когда я уже стал забывать о злополучном интеграле. Я прервал свой отпуск в Романовке и помчался в Кишинев.

Когда я показал Юрию Николаевичу полученное решение, он сначала не поверил и решил, что я где-то допустил ошибку. Долго проверял. Ошибки не было. Идея оказалась, как всегда в таких случаях, сравнительно простой.

Он, как руководитель, дал восторженное заключение по диплому, а рецензент предложил оценку пять с плюсом. Юрий Николаевич даже обещал способствовать тому, чтобы меня оставили в аспирантуре, считая, что мой дипломный проект легко продолжить и защитить в качестве диссертации кандидата наук. Однако, увы, его даже не включили в комиссию по распределению, а об аспирантуре для нас, евреев, хотя и краснодипломников, даже и думать невозможно было. За всю историю университета

вплоть до нашего курса был известен единственный случай, когда еврея – математика (о физиках и речи не было), очень талантливого парня, Алика Маркуса, оставили при аспирантуре.

3.11. Конец учебы.

Наша учеба подходила к концу. Подходит к концу и мое повествование о ней. Конечно, я не обо всем интересном в нашей студенческой жизни рассказал, ведь обо всем не расскажешь. Во-первых, потому, что многое забылось, во-вторых, многое из того, что мне кажется интересным, вряд ли может заинтересовать других. Например, М. Плопский, студент Медицинского института. О нем я уже упоминал выше. Я прожил с ним вместе на частной квартире почти 3 года. Я бы мог многое интересное рассказать о нашей совместной жизни. Сам Плопский никак не вписывался в нашу компанию, он был, с нашей точки зрения, довольно эксцентричным парнем, Бог весть, какой из него впоследствии получился врач. Опишу лишь один запомнившийся мне эпизод, который его очень ярко характеризует.

Нашей хозяйкой была добрая, но очень педантичная, уже пожилая по тогдашним нашим понятиям, женщина. Больше всего она панически боялась двух вещей – во-первых, что мы, вопреки ее категоричному запрету, станем водить домой девочек, а, во-вторых, что мы в дождливую погоду, проходя к себе в комнату, наследим в зале. Она так тщательно следила за тем и другим, что, говоря откровенно, здорово нас достала. Мой Миша долго терпел, но, в конце - концов, решил ей отомстить. Что он придумал? Надев медицинский халат и шапочку, и натянув на себе

для надежности белую простыню, он поздно ночью выскользнул незаметно из дому и стал ходить под окнами ее спальни, заунывно завывая – Ууууу! Наша хозяйка была очень суеверной женщиной и страшно боялась всяких привидений, чертей и прочей нечисти. Легко понять, какой ужас она испытала. Хорошо еще, что ее не хватил удар. Она так истерически кричала, что на ее крики сбежались все соседи, среди которых затесался и Миша, успевший заблаговременно снять с себя свои доспехи. Он ничуть не расстроился, а только долго, давясь от смеха, всем рассказывал о своей проделке.

Запомнил я также, несколько смешных эпизодов из наших армейских сборов. Нам почему-то попался совершенно безграмотный старшина, из рабочих. Он неплохо усвоил презрительное отношение советского общества к интеллигенции, которое выражалось известной формулой «А еще в шляпе!». Он буквально над нами издевался. Устраивал пробежки, которые длились часами. Сам натренированный, он не уставая, всегда бежал впереди нас. Мы валились с ног, но не дай Бог кому-то отстать. В послеобеденное, так называемое, личное время он заставлял нас переносить лежащую во дворе кучу угля с одного места на другое, а затем обратно. По утрам он устраивал подъем на время, по секундомеру. Если кто-то из отделения нечаянно замешкался, он тут же объявлял отбой, все раздевались и ложились в кровать, а затем снова одевались по команде подъем. Мало, что надо было одеться, навернуть тщательно обмотки, заправить постель, но все должно было выполнено идеально и без задержки, хотя бы на одну секунду. В конце концов, мы все научились выполнять команду подъем, кроме Саши Лапушнера. Поэтому

мы торопились сами все выполнить, оставляли время для того, чтобы затем одевать Сашу. Кто-то обматывал ему обмотки, кто-то натягивал гимнастерку, кто-то помогал надеть штаны и ботинки...

Отличался Саша и во время стрельб. Не знаю, как он умудрялся прицеливаться так, что его пуля ударялась сначала об землю, не долетая до мишени, а затем рикошетом уходила куда-то вверх.

Казусы случались не только во время сборов. Я, например, никак не мог сдать зачет по физкультуре из-за плавания. Проплыть то надо было всего каких-то 200 м. Кстати, к началу занятий никто из нашей компании не умел плавать. Но потом все, кроме меня, научились настолько, что спокойно переплывали комсомольское озеро. Я так и не научился.

Сейчас пять лет проскакивают мгновенно, не успеваешь и глазом моргнуть. А пять лет учебы тянулись, как вечность. Казалось, они никогда не закончатся. Но вот все позади. Лекции, занятия, экзамены, диплом. Все завершается выпускным вечером. Красиво накрытые столы. Преподаватели впервые за все время учебы потеряли свою мистическую неприступность. Мы еще не чувствуем себя равными с ними. Им наливают коньяк, нам – сухое вино, у них свои, отдельные столы. Но что-то невидимое нас уже сближает. Так получилось, что мое место за столом оказалось рядом с Перлиным. Начались тосты, вечер в разгаре. Я уже свою норму, пять стаканов вина, выпил, и чувствовал себя прекрасно. И тут Перлин, уже изрядно подвыпивший, наливает мне почти полный стакан коньяка и предлагает выпить за то, чтобы мы никогда не забывали друг

друга. Меня распирает от гордости. Сам Перлин, предлагает выпить с ним на равных. Выпили. Больше я ничего не помню. Говорят, что вечер прошел очень интересно, но меня к концу вечера ребята унесли на руках домой.

Нас на курсе было немало выпускников с красными дипломами. Но красный диплом не дал нам никаких привилегий при распределении. Я имею в виду нам, евреям. Все молдаване из параллельной группы и группы математиков с красными дипломами были оставлены в аспирантуре, а мы не получили никаких преимуществ. Более того, в дипломе нам записали учитель физики средней школы, как-будто мы закончили не физмат университета, а педагогический институт. Нашему возмущению не было предела. А что мы могли сделать? Но мы все-таки решились на неслыханный и очень опасный в советское время шаг. Мы, то есть все еврейские красно-дипломники, за исключением Алика, первого в истории университета еврея, оставленного в аспирантуре, отказались получать дипломы, которые вручались в торжественной обстановке в молдавском оперном театре. Это была по существу забастовка, которая, к счастью для нас, закончилась, если не полной, то частичной нашей победой. Наряду с первой записью в диплом ввели еще одну запись – физик-экспериментатор или физик теоретик.

Весь этот неприкрытый государственный антисемитизм именовался красивым словом – политикой национальных кадров. Нет, разумеется, ничего нельзя возразить против того, что таким способным ребятам, как например, Аузелу, Радауцану, Крецу или даже Амбросу, предоставлялась возможность работать в области науки,

способствовать ее развитию. Но ведь это нонсенс, что почти все ребята из молдавской группы, вплоть до таких, как Миргородский, Тэзлован и пр., которые в течение пяти лет еле-еле тащились на тройки, уже в ближайшие годы после окончания университета стали академиками, работали в ведущих вузах Молдавии, в то время, как нас всех, евреев, в том числе и краснодипломников, затолкали в Тмутараканью. В этом отношении показательным является следующий эпизод. Когда Вова Шейнфельд вернулся в Кишинев и обратился к своему другу, Сереже Радауцану, который стал видной фигурой, академиком, ректором вновь созданного политехнического института, депутатом, Председателем Верховного Совета и пр., с просьбой принять его на работу в политехнический институт, он ему сначала отказал. Сам Сережа был неплохим парнем, но, находясь в обойме, он, видимо, посчитал тогда, что не может поступить иначе. Впрочем, думаю, что это решение ему досталось нелегко. Это мое предположение подтверждается тем, что впоследствии он исправил свою ошибку. После того, как Вова защитил диссертацию, он сам, по своей инициативе, пригласил его на работу к себе, в институт, и Вова достаточно долго работал на факультете, деканом которого, кстати, был Аурел. Но все же факт остается фактом. Он, подчиняясь духу времени, сначала отказал Вова Шейнфельду, который с ним занимался все 5 лет и помог ему стать тем самым Радауцаном, каким он стал. Хорошо, однако, что он со временем преодолел этот охвативший в то время почти всех паралич. И ничего. Может быть, его за это где-то мягко пожурили, а может никто и внимания не обратил. Очень важно, что, несмотря на свирепствовавший тогда беспредел, люди часто оставались

людьми, а не простыми винтиками системы, и верх брали другие, человеческие чувства.

Мой университет – это время моего становления, созревания, как личности, время становления и созревания моего поколения. Да, мы не примкнули к шестидесятникам. Для этого мы были еще слишком молоды и неопытны. Наше критическое отношение к действительности оказалось не столь радикальным, чтобы принять какое-то участие в назревавшем в стране протестном движении. Мы слишком поздно, уже в конце жизни, вернулись к своим еврейским корням. Слишком поздно осознали свою неразрывную связь с исторической родиной еврейского народа, Израилем.

В этом смысле ребята из молдавской группы, насколько мне известно, проявили большую смелость и активность, за что подвергались преследованию советской властью. Пострадал и Радауцан, но не как участник, а как руководитель института, который по советским понятиям стал рассадником молдавского национализма.

Аурел впоследствии написал замечательную книгу, воспевающую исторический путь, пройденный молдавским народом. Это книга молдавского националиста, страстно влюбленного в свой народ, в свою землю, в историю Молдовы. Она примечательна также тем, что автор с большим уважением пишет в ней о других народах, населявших испокон веков Молдову, в том числе об евреях. Не проходит он мимо острых тем, – антисемитизма, еврейских погромов и тяжелой жизни евреев на земле его предков. Надеюсь, что эссе Аурела выражает не только его личную позицию, но близко к настроениям многих его сверстников.

Мы все вышли из советской действительности, зомбированы беспрецедентной коммунистической пропагандой. Именно она, эта пропаганда, ставила знак равенства между абсолютно противоположными понятиями – национализмом и нацизмом. Книга Аурела разоблачает эту марксистскую чушь. Ведь если ребенок любит своих родителей больше, чем остальных взрослых, то это же абсолютно нормально. Я тоже еврейский националист и горжусь этим. Мне кажется абсолютной дикостью и законченным идиотизмом демократов и либералов левого толка, а также различного рода ура-патриотов и исламских фанатиков, которые вслед за советской пропагандой говорят о сионизме, как о нацистской идеологии. Примечательно так же, что российская пропаганда сегодня называет нацистами не Богдана Хмельницкого, Гитлера №2, пролившего реки еврейской и польской крови, но стоявшего за вхождение Украины в состав России. Не российских нацистов № 1, Проханова, Шевченко и многих им подобных, духовных лидеров российских патриотов, убивающих сегодня украинских мирных жителей и выступающих за воссоздание советской империи, СССР. Нацистами они считают украинских, молдавских и других националистов, которых большинство и которые отстаивают независимость своих стран.

Нет также никакого сомнения в том, что евреев можно обвинить, в чем угодно, но только не в нацизме. Ивритское слово гой – это в переводе народ, а со временем, оно стало означать – не еврей. Оно возникло в глубокой древности, заимствовано евреями у финикийцев. Авраам, а вслед за ним Моисей, противопоставили моноте-

изм и еврейский закон, сделавшие евреев евреями, язычеству всех остальных нееврейских народов. У язычников не было никакой морали. Убийство и воровство, зависть и ложь, насилие, мужеложство, инцест, все то, что впоследствии было запрещено еврейским морально-нравственным законом, язычники, в том числе древние греки и римляне, считали нормой, частью своего образа жизни. Поэтому словосочетания, перешедшие со временем в идишский язык «а гой – а рецах», «а гой – а гонэв» и пр., связаны с осуждением противного для Бога образа жизни язычников. Народы, допускающие безнаказанное убийства других людей, насилие и жестокость по отношению к другим народам, безнравственное поведение, – это неполноценные люди, мерзость перед Богом. Является ли это проявлением нацизма или расизма евреев? Нет! По еврейскому закону, какими бы не были народы заблудшими овцами, их за это надо не истреблять, а, наоборот, просвящать; их надо не унижать и дискредитировать, а, наоборот, поднимать, приближать к Богу и его заветам. И именно евреи, верные этим заветам, сделали первый, огромный шаг в этом направлении, когда создали христианство и распространили его среди других народов мира. Они это сделали, жертвуя своим благополучием, вызвав к себе всеобщую ненависть. Чем бы ни мотивировали народы мира выходящую за всякие разумные пределы свою ненависть к евреям, – это было и остается мстью евреям «за их моральные ценности, препятствующие человеческому естеству», которые они, якобы, насильно навязали народам мира.

« В наш радостный мир (т.е. мир языческой культуры), – писал по этому поводу один из основоположников расизма, учитель и любимец Гитлера, Стюарт Чемберлен, – пришел еврей и испортил все своим зловещим понятием греха, своим законом».

Обвинение сионизма в нацизме, косвенно предложенное с позиций утопического интернационализма еще Лениным, – это чудовищная ложь, подлый навет, который, по своей абсурдности, может быть сравним лишь с кровавым наветом. Книга Аурела, повторюсь, одна из немногих, которая в лучших горьковских традициях, разоблачает этот злостный навет.

Я с большим пониманием и уважением отношусь к позиции Аурела и его единомышленников. В то же время у меня, как у еврейского националиста и просто человека, есть все основания предъявить счет не только идеологическим сторонникам Гитлера и его шайки, учинившим холокост, но конкретно и тем массам поляков, прибалтов, русских, украинцев, молдаван и пр., принимавших в нем самое активное участие. Мое право сказать об этом следует из того, что семья моего старшего брата – он сам, его молодая жена и их шестилетний сынишка – погибли в Молдове в первый же день, после того, как Красная Армия оставила их село. Они были зверски убиты не немецко-румынскими палачами-нацистами, а односельчанами-погромщиками, теми самыми мирными молдаванами, рядом с которыми они прожили всю свою жизнь и считали их добрыми приятелями. К сожалению, это не единичный случай. Еврейские погромы, учиненные местными жителями и отличавшиеся особой, неслыханной жестокостью, прошли тогда во многих

молдавских селениях, в том числе и в моей родной Романовке. Я об этом говорю не от злобы. Евреи, и я в том числе, не злопамятны. Мы давно всем простили и не только холокост. Но забывать о холокосте нельзя, чтобы не допустить его повторения. А ведь и сегодня многим по-прежнему нейдет. Четверть населения мира по данным статистики ненавидит евреев, хоть они и сами не знают, за что. Примечательно, что среди еврейских ненавистников немало людей, которые никогда евреев даже близко в глазах не видели. Хочется сказать всем нашим ненавистникам. Не обольщайтесь. Если вы до сих пор, вот уже в течение 4000 лет, не сумели осуществить свою мечту и уничтожить нас, то сегодня, когда всем нашим врагам противостоит маленький, но мощный Израиль и его свободолюбивый еврейский народ, это тем более вам не под силу...

Мы прошли большую жизнь, и, смею надеяться, оставили в ней заметный след, каждый свой. Новые поколения, которые придут вслед за нами, возможно, не вспомнят о нас, это ведь не так важно. Главное, чтобы то, что мы успели сделать за свою жизнь, не пропало впустую и пригодилось тем, кому суждено жить после нас.

Часть физиков и математиков нашего выпуска
Первый ряд – справа налево. Шена, Симочка Файн-
берг, Дедю, Рита Маркус (жена Алика), Санда (жена
Аурела, математик). Второй ряд – слева направо. Саша
Кофман, Сема Стримблинг, я, Сергей Радауцан, Тэзло-
ван, Вова Шейнфельд. Последний ряд – Леня Котляр-
ский, Саша Лапушнер, Миргородский, Фима Ясский. Фа-
милии парней перед Леней и после Фимы я не запомнил.

ЧАСТЬ 4

ПЕРВЫЕ ШАГИ

4.1. Маркауцы.

Я окончил физико-математический факультет Кишиневского университета с красным дипломом. Это был 1955 год. Хрущевская оттепель еще не начиналась, а антисемитская политика под названием «политика национальных кадров», запущенная Сталиным, не утихала. Поэтому всех ребят нашего курса, неевреев, даже троечников, распределили в вузы и научно-исследовательские институты, многих оставили в аспирантуре, а нас, евреев – красnodипломников, направили в самые глухие села Молдавии в качестве учителей физики и математики. И это несмотря на то, что вся программа преподавания на физико-математических факультетах университетов, которая стоила государству огромных денег, была построена

таким образом, чтобы подготовить научных работников. Ведь Советскому Союзу, наука и техника которого столь сильно отставала от мирового уровня, новые научные кадры были жизненно необходимы. Этот абсурд еще более усиливался тем, что ни педагогики, ни психологии мы не изучали, педагогической практики не проходили и понятия не имели, как вести себя с учениками, особенно старших классов, которые были моложе нас всего-то на несколько лет. Каждая профессия требует своей, специфической подготовки. Несмотря на полученное нами блестящее высшее образование, как учителя, мы были полными нулями. Мы пытались протестовать, даже забастовку устроили – отказались получать дипломы, но ничего не помогло, пришлось поехать по назначению.

Назначение я получил в село Единецкого района «Маркауцы». Село большое, но отдаленное. До ближайшего районного центра – Единцы или Бричаны – где-то километров 20. Транспорта – никакого. Как мы шутили, только 11 номер, пешком, значит. Добро, когда сухо и тепло. Что стоит молодому человеку прогуляться? 20-25 км – это для него не расстояние. Но, когда после дождя, или когда дождь? Дорога проселочная, не мощенная. Чернозем. Развозило так, что даже высокие резиновые сапоги не помогали. Или зимой – мороз градусов на 20. А ведь ходили. Каждую неделю – туда и обратно.

- Спросите, зачем?

- Ну, как зачем? Молодежи нашей ментальности в селе не было.

Нет, некоторые наши ученицы были ничего, симпатичные. Но между ними и нами была дистанция огром-

ного размера, стена. Мы ведь учителя! О местных девчатах я уже не говорю. Они были еще дальше. Кроме того, свяжешься с такой, и тебя сельские ребята так изукрасят, что забудешь маму родную. Могли и вовсе на тот свет отправить. Среди учителей тоже, как назло, молодых девчат не было. Если и были, то только семейные. Вот и шлепали каждую неделю в райцентр – на танцы сходить, с девчонкой познакомиться.

Да, я еще не рассказал о самой школе. Впрочем, школы, как таковой, не было. Были домики, разбросанные по кругу, диаметром где-то около полкилометра. Учительская в отдельном домике. А ведь – это была единственная в округе средняя школа. Из всех деревень вокруг ребята ходили пешком, в нашу школу. Чтобы не опоздать к началу уроков, некоторые из них выходили из дому в 5 часов утра. Уроки часто заканчивались около двух часов. Домой они приходили уже вечером. А ведь надо еще отдохнуть, поесть, по дому помочь, погулять. А когда уроки делать?

Помню свой первый день. Попал, как говорится, с корабля на бал, т.е. прямо с поезда на педсовет. Пришел, конечно, пешком. Больше всего в этот день меня впечатлили встречные селяне. Я, молодой паренек, вид у меня, думаю, был не очень привлекательный после 20 километрового марафона по пыльной дороге. А они люди солидные, что мужчины, что женщины, не доходя до меня шагов десять, здоровались, снимали шляпы, низко кланялись. Должен признаться, я даже растерялся, ведь первый раз в жизни попал в молдавское село, людей и обычаев села не знал, а тут такое уважительное отношение.

Зашел в село, ищу глазами школу, ничего не нахожу. И вдруг сзади себя слышу на чистом русском языке обращение женщины:

- Вы, наверно, молодой человек, новый учитель, школу ищете? Пойдемте, я вас отведу. Она меня подвела к домику, который по внешнему виду ничем не отличался от других.

Со словами – а вот и школа, – она открыла входную дверь и ушла. Я даже спасибо не успел ей сказать. Вошел. Конец августа. Север Молдавии. На улице прохладно. А в комнате меня сразу окутала духота. Шел, как я уже сказал, педсовет. Людей много, комнатка маленькая, протиснуться некуда. Когда я зашел, все, как по команде, повернули головы в мою сторону, дескать, что это за чудище пожаловало к нам. Директриса, которая в это время выступала, прервала свою речь, широко улыбнулась и объявила:

- А это наш новый учитель физики старших классов Лев Моисеевич. Прошу любить и жаловать.

- С ума сойти! Лев Моисеевич! Я даже не сразу понял, что это меня директриса так назвала, и невольно обернулся, инстинктивно ища глазами этого мифического Льва Моисеевича. Разве можно было допустить, что меня, еще зеленого юнца, почти еще мальчишку, пожилые люди вдруг начнут величать по имени отчеству? Впрочем, этим «пожилым людям, кроме 2-3 «стариков», вряд ли было больше 30-35. С этой минуты исчез Лева, Левчик или просто Прейгерман, исчез даже Прейчерман, как меня упорно величал майор Сидоров, преподаватель военной кафедры. Родился новый человек – Лев Моисеевич.

Еще до того, как я первый раз вошел в класс, на свой первый урок, у меня возник конфликт с завучем. Это произошло как раз после того педсовета, который продолжался еще не меньше часа. Я, правда, как ни старался, почти ничего не понял, о чем так горячо спорили между собой учителя. Когда все закончилось, и все, галдя, стали одеваться, ко мне подошла учительница, которая оказалась завучем, и мягко сказала:

- А вы, Лев Моисеевич, задержитесь.

Собственно я и так не собирался уходить. Надо же было отдать директрисе документы, а она должна была куда-то меня устроить, если пока не на проживание, то хотя бы на ночлег.

Я вопросительно взглянул на нее, а она продолжала:

- я завуч; меня зовут Валентина Ивановна; Клавдия Алексеевна еще не скоро освободится, – понятно махнула она рукой в сторону директрисы, а мы пока с вами поговорим. Она меня посадила за свой стол.

- Вы расписание своих уроков уже знаете?

- Нет, конечно, откуда мне знать.

- Так вот завтра у вас первые два урока с утра в девятом и десятом классе; я надеюсь, вы привезли с собой конспекты своих уроков и планы занятий?

Немая сцена! Я уставился на нее, ничего не понимая. Какие конспекты? Какие планы?

Мое молчаливое удивление было столь красноречивым, что на этот раз она на меня уставилась.

- Вы что-то не поняли, Лев Моисеевич?

Я, молча, кивнул головой, в знак согласия.

Вы же завтра с утра идет на уроки к старшеклассникам. Вы что собираетесь провести уроки без всякой предварительной подготовки?

Ко мне вернулся дар речи. И я, вполне уверенный в своей правоте, которую почему-то не могла уловить сидящая против меня опытная учительница, возразил:

- Я, Валентина Ивановна, 5 лет готовился, а вы говорите, что я, мол, не готов. Конспект, он у меня здесь, в голове. Мне не нужны конспекты или учебники, я и так все знаю.

- Да нет, мальчик, – ой, извините, спохватилась она, – Лев Моисеевич, вы 5 лет изучали физику. А как провести урок, это, дорогой Лев Моисеевич, вам не физика и даже не математика. Это наука, а. если хотите знать, искусство, куда сложнее физики. Вы хоть пытались продумать, что вы будете делать с того момента, как войдете в класс, до того, как прозвонит звонок. Как вы распределите свое время? Не получится ли так, что 45 минут пролетят, как один миг, а когда прозвонит звонок, вы с отчаянием поймете, что урок еще даже не начинали? А ведь ученики народ ушлый. Если с первого момента, они почувствуют вашу слабость, это конец. Они тут же сядут вам на голову, и потом, что бы вы ни делали, ничего уже изменить не сможете. Вы этого хотите?

- Ой, какую страшную картину вы нарисовали, Валентина Ивановна! Нет, я в себе уверен. Вот увидите, у меня все получится без ваших конспектов и планов, – заносчиво заметил я.

- Ну, ну, дай вам Бог. Я обязана вас предупредить, а вы, как знаете. Однако, будьте добры, конспект и план

проведения уроков вы мне завтра до уроков, пожалуйста, представьте. Все. Вас Клавдия Алексеевна ждет.

-Спасибо, спасибо, Валентина Ивановна! Впрочем, – спохватился я. Если не получится, вы должны будете меня уволить, как профнепригодного. Так? А я вам за это буду очень благодарен.

- Э, нет! Не уволим! Права у нас такого нет, молодых специалистов в течение трех лет увольнять. А вот вы, если меня не послушаетесь и поскользнетесь, эти 3 года промучаетесь. Знаете, вы, хоть и упрямый, но, как видно, хороший парень, и я вам этого не желаю.

В ее правоте я уже вскоре убедился. Но не сразу, а через некоторое время. Сразу же у меня пошло все хорошо, даже слишком хорошо.

Я решил, буду учить своих ребят так, как меня когда-то учили в старших классах. Своего учителя по физике мы очень любили именно за то, что он проводил занятия не по учебнику или по конспектам, от которых некоторые из наших учителей никак оторваться не могли. Он всегда вел урок в виде вольной интересной беседы, что заставляло нас думать на уроке. А сам урок мы так запоминали, что дома учить его уже не надо было. Готовились к урокам, только решая заданные на дом задачи.

И это сработало. Физику я знал и любил. И свои знания, свою любовь сумел передать своим ученикам, даже середнячкам. Пока я рассказывал, увлекаясь, в классе стояла тишина, даже слышно было, когда муха пролетала. Когда я начинал обсуждение, наоборот – шум, гам. Каждому давал высказываться, мягко его поправлял. Да, звонок нас действительно часто заставлял врасплох, но это ни-

кого не беспокоило. Меня, конечно, в первое время проверяли. Чуть ли не каждый день устраивали открытые уроки, зато потом даже стали хвалить. Валентина Ивановна больше не требовала конспектов и планов. Настоящим подарком для меня стало то, что учебный год почти все ученики, без всякой натяжки закончили с хорошими оценками по физике.

И все же в правоте Валентины Ивановны я уже очень скоро убедился. А дело было так. Заболел учитель физики младших классов. Меня пригласила Клавдия Алексеевна, директриса, и попросила его заменить. Я согласился. Опыт у меня уже был, и я не считал это для себя большой обузой. Но не тут-то было. Седьмой класс – это еще подростки, совсем другая публика, с которой надо уметь разговаривать и одновременно держать в ежовых рукавицах. Вот к этому я был совершенно не готов. Начал урок с беседы, как в своих классах. Тут же заметил, не слушают меня. Сидят, хихикают, переговариваются между собой, даже ходят по классу. Я растерялся, занервничал, перешел на крик, пытался нарушителей удалить из класса. Все. Как говорила Валентина Ивановна, сели мне на голову. На следующих уроках изменил тактику. Хмурил брови. Стал жестким. Бесплезно. Было стыдно, конечно, признаться, в своей беспомощности. Но делать нечего. Пришел к директрисе.

- Хоть режьте, хоть убейте – больше в 7-0й класс не пойду. Не могу, не получается! Валентина Ивановна, которая случайно оказалась свидетельницей этой сцены, только исподлобья на меня посмотрела, хитро улыбнулась, но ничего не сказала.

В Маркауцкой школе я проработал не три, а всего один год. Мы договорились, все наши ребята, после учебного года на лето поехать в Москву и добиваться открепления от школы, перераспределения. Как это ни странно, но, проявив волю и терпение, мы дошли даже до самого Суслова, и своего добились. Но это уже другая история. Однако, год работы в сельской школе не пропал даром, по крайней мере, для меня. После этого я проработал преподавателем в университете больше 20 лет.

4.2. Жребий брошен.

1956 год. Прошло всего 3 года со дня смерти тирана. Но уже состоялся знаменитый 20-ый съезд Партии. И хотя реформаторская деятельность Хрущева была еще впереди, но уже повеяли, правда, еще очень слабенькие, ветры свободы. То, о чем вчера еще нельзя было даже помыслить, сегодня уже казалось, правда, еще не совсем доступным, но в какой-то степени возможным. Это, конечно, было еще неосознанным, больше инстинктивным чувством, но оно уже давало как-то о себе знать. Мы были очень далеки от зарождавшегося в те годы диссидентства. Повязка с наших глаз начала потихоньку сползать, но это еще не сделало нас зрячими. Система попрежнему казалась нам одной из самых лучших в мире, хотя и не без некоторых серьезных недостатков. Мы еще не понимали, что живем в нищей крепостнической стране, отброшенной от развития цивилизации на несколько сот лет назад. Но порядок назначений молодых специалистов, закрепивший нас на три года, которые мы, по молодости лет, воспринимали, чуть ли не как вечность, считался нами несправедливым, и мы решили против него бороться. Мы,

это небольшая часть нашей группы в составе 7 человек (Леня Котлярский, Мусик Лехтман, Сема Стримблинг, Саша Лапушнер, Вова Шейнфельд, Фима Ясский и я), а также примкнувшего к нам Яшки (фамилию не помню). Бороться – это слишком громко сказано. Просто мы решили поехать в Москву добиваться справедливости, открепления и перераспределения. Идея, конечно, с сумасшедшинкой. Она могла прийти в голову только таким глупым юнцам, какими мы были. Да и что мы собой представляли? Выпускники провинциального университета. Не МГУ, не Бауманки, не МФТИ, не МИФИ... . Да к тому же евреи.

Приехав в Москву и устроившись в гостинице, мы, наконец, поняли, что даже не знаем, с чего начать. Мы ведь как рассуждали. Там, наверху, хорошо понимают, что правильно и что неправильно. Это чиновники злоупотребляют, поступают так, как бог им на душу положит. Значит, надо объяснить «там», что мы не свои интересы защищаем, а думаем о благе страны, советского общества. Объяснить, думали мы, это можно. Ведь все так понятно. А вот, кому объяснить? Да, мы знали, что на старой площади располагается здание ЦК. Но как туда попасть? Уже не помню, каким образом, но мы все-таки узнали, что у ЦК есть приемная, и что там принимает сам Суслов. Ни на что, особенно, не надеясь, мы пошли туда. К нашему удивлению вход оказался свободным, очереди к окошечку, где проводилась запись на прием, – никакой.

- Можно записаться на прием к тов. Суслову?– спросили мы.

- Да, пожалуйста, только тов. Суслов принимает один раз в неделю. Может записать вас сначала к его помощнику? Если он не сможет решить вашу проблему сам, то непременно запишет к тов. Суслову. А к помощнику я вас могу записать даже на завтра.

Нашему удивлению не было предела. Все так просто и, главное, быстро. Помощник оказался очень вежливым и внимательным человеком. Выслушав нас, он сказал:

- Вы, ребята, абсолютно правы. К тому же специалисты - физики нам сейчас действительно нужны. Вы лучше меня это знаете. У нас ведь на «дворе» век космоса и атомной энергетики. Без физиков, мы, как без рук. Но именно сегодня есть еще одна, не менее важная проблема, – подготовка кадров. Да, здесь, в Москве или в Ленинграде, большие конкурсы для поступления в вузы физико-технических профилей, зато у вас, на периферии, – недоборы. Поэтому нам просто необходимо привлекать в эти вузы сельских ребят. И вы должны помочь стране решить эту проблему. Мы очень на вас рассчитываем. Несколько лет отработаете в селе, а потом – в свободное плавание. У нас, как вы знаете, нет безработицы, а ваша специальность – буквально нарасхват. Вы же комсомольцы, без двух минут – коммунисты. Вот смотрю ваши дипломы и вижу – вы же все еще и отличники. Это просто ваш долг. Лучше вас эту работу никто не сделает. Поверьте мне.

Вот так вежливо, в двух словах, он просто выбил у нас все козыри. Что мы могли возразить? Что выпускников молдаван, даже троечников, направили в НИИ и вузы, а нас – красnodипломников в сельские школы? Он нам

опять будет доказывать, что это правильно, что в национальных республиках надо растить национальные кадры. Не станем же мы ему доказывать, что ленинская национальная политика ошибочна, так как она выделяет коренные национальности и предоставляет им все права, а нацменов, у которых нет своих республик, подвергает дискриминации, оставляя им только обязанности. Заикаться об антисемитизме тем более невозможно было.

Мы поняли, что права качать бесполезно и что надо искать какие-то обходные пути. Решили, что начнем ходить по министерствам и предлагать свои услуги. Надежды были мизерные. Министерства – не частные лавочки, и нарушать действующие законы они не станут. Да и как ходить?

Впрочем, надо к чести системы признать, что справочные бюро отвечали почти на все вопросы. Не то, что сейчас. Городских справочных бюро в Израиле, например, вообще нет. Интернет отвечает на многие вопросы, но не на все. Примитивные справочные бюро, которые знали все, были, значительно удобнее интернета. Мы там могли получить адреса любого министерства и его главков, кроме закрытых, конечно. Но министерств много. А в каждом министерстве десятки главков, многие из которых расположились по разным адресам. Поэтому мы пошли по другому пути. Купили телефонный справочник, запаслись двушками, а телефоны-автоматы были почти на каждом углу. Правда, не все работали. Но опять же, скажем, что дозвониться до абонента было очень легко. Это сейчас, когда научно-технический прогресс заменил всюду людей автоматами ответчиками, чтобы дозвониться до абонента надо набраться терпения и часами ждать ответа, а тогда,

практически всегда, ответ поступал сразу. Правда, долго занимать телефон-автомат нельзя было. Сразу же выстраивалась очередь, которая, если ты долго разговаривал, быстро тебя оттуда выпроваживала.

Теперь уже не могу вспомнить почему, но практически все переговоры с отделами кадров министерств и главков от нашего имени вел Яшка. А он безбожно картавил, поэтому там, на приемной стороне, сразу понимали, с кем они имеют дело. Яшка заходил в будку, вместе с ним заходили еще один-два человека, остальные оставались на улице. Яшка звонил по очередному номеру и всегда говорил примерно одно и то же. Привожу кажущиеся сейчас смешными его переговоры без правки.

- Алло, это отдел кадров Министехства такого-то? Я вас беспокою по поводу тхудоустхойства. Нас тут гхуппа из 8 человек. Мы физики - экспехиментатохы, выпускники Кишиневского унивехситета, по специальности «полупховодники» ... Там, на обратном конце провода, сразу понимали, что мы молодые специалисты и поэтому тут же задавали вопрос:

- а открепления у вас есть? Яшка отвечал: – откхеплений у нас нет, но...

Ему, как правило, не давали продолжить, поэтому до сих пор не знаю, что должно было последовать за многозначительным «но». Ответ был стандартным.

-специалисты нам нужны, однако без откреплений мы никого не берем; добейтесь откреплений и еще раз позвоните.

Закончив разговор, Яшка выходил из будки автомата. Результат переговоров был написан на его лице, и мы, не

задавая лишних вопросов, занимали очередь в конце хвоста, который успевал за время разговора вырасти до внушительных размеров, и спектакль повторялся один к одному. Так мы проводили у телефона-автомата целый день с перерывом на обед, чтобы на следующий день начать все сначала, теряя с каждым новым днем надежды на успех. Мы сделали несколько десятков звонков, но все они оказались безрезультатными. Кто-то из нас, не помню кто, предложил изменить тактику. Вместо того, чтобы заниматься бесполезными звонками – попытаться пройти по отделам кадров наиболее перспективных, с нашей точки зрения, главков, а, возможно, и московских заводов. Решили начать с главков. Пройти на территорию министерства или главка мы не могли, для этого нужен был специальный пропуск. Однако отделы кадров многих главков и заводов были вынесены за пределы их территорий, и туда вход был свободным.

Такая система оказалась более результативной. Здесь, по крайней мере, с нами разговаривали, иногда давали дельные советы. В результате выяснилось, что не все уж так безнадежно, так как некоторым предприятиям особо важных отраслей производства, на которых ощущался острый дефицит специалистов, удалось добиться правительственного решения принимать на работу молодых специалистов, не имеющих открепления. Именно таким образом нам удалось получить направления на Саранский завод полупроводников. Что это за город Саранск никто из нас не знал. Кто-то предположил, что он находится на Дальнем Востоке. Изучив, однако, купленную в каком-то киоске карту СССР, мы узнали, что Саранск – это город Поволжья, столица Мордовии.

Так как у нас оставалось еще несколько дней в запасе, мы решили еще походить по главкам. И нам опять повезло. В каком-то из главков, узнав, что мы физики, нам посоветовали обратиться в строящийся тогда Новосибирский филиал Академии наук СССР и даже дали его телефон. Там заинтересовались нашим звонком, записали все наши данные, но сказали, что филиал еще не действует и что, скорее всего, ближе к осени, они смогут нам дать более конкретный ответ. С этим мы решили уехать домой, чтобы еще раз в конце лета обратиться в Новосибирск, который нас, естественно, больше устраивал, чем Саранск. В крайнем случае, решили мы, еще один семестр или даже полгода поработаем в школе. Правда, на душе было не спокойно. Мы, таким образом, рисковали упустить Саранск и не попасть в Новосибирск. Но, как известно, человек предполагает, а Бог располагает. Все произошло совсем не так, как мы планировали. Первым уехал Яшка, а мы, не помню уж по какой причине, решили на пару дней задержаться. И именно они решили нашу судьбу. Проходя по Китайскому проезду, мы обратили внимание на многоэтажное угловое здание и обнаружили, что в нем размещается недавно созданное новое Министерство приборостроения и средств автоматизации. Как же мы могли пройти мимо него? До сих пор не было ни одного случая, чтобы нам разрешили пройти внутрь здания Министерства. А здесь нам выписали пропуски, и мы поднялись в первый подвернувшийся нам главк, Главэлектроприбор. Идем по коридору, читаем таблички на дверях и гадаем, куда нам лучше обратиться. И тут вдруг открывается дверь кабинета начальника главка, и оттуда выходит... Дорогой

читатель, помнишь мой рассказ о том, как я, собираясь поступить в мединститут, совершенно случайно зашел в университет, и встретил там...

Да, вы наверно уже догадались. Это опять оказался Миша Бурштейн.

- Ооо! Кого я вижу? Как вы здесь оказались?

Мы ему кратко поведали свою историю.

- Все! Я сейчас организую! Подождите меня ну... минут 10.

Ни минуты, не задерживаясь, забрав у нас наши документы, он тут же пропал за дверью начальника главка.

Напомню, что Миша Бурштейн был моим земляком и другом нашей семьи. К моменту нашей первой встречи он учился на пятом курсе физмата Кишиневского университета. Именно он заставил меня тогда забрать уже сданные мною документы в мединститут, и поступить на физмат университета. Окончив университет, он получил назначение на Омский приборостроительный завод. Там очень быстро оценили его организаторские способности, и сейчас, к моменту нашей второй судьбоносной встречи, он работал начальником центральной заводской лаборатории завода (ЦЗЛ) и был известным человеком в отрасли и главке. Не через 10 минут, конечно, а примерно через полчаса он с ликующей улыбкой вышел из кабинета начальника главка, размахивая, как знаменем, какими-то бумажками. Это оказались наши направления.

- К сожалению, направления вы получили на разные заводы. Здесь 3 направления на Краснодарский приборостроительный завод, 3 направления к нам, на Омский завод (Омзет), а одно направление – на Витебский приборный завод. Давайте решайте, кто куда, потому что надо

прямо сейчас эти направления заполнить. Лева не в счет. При любом раскладе он едет к нам, в Омск.

Не задумываясь, мы решили разыграть места по жребию. Мне, не только по желанию Миши Бурштейна, но и по жребию выпал Омск. Так второй и далеко не последний раз в жизни благодаря случаю, в котором решающую роль играл Миша Бурштейн, моя судьба сделала еще один крутой вираж. Я прожил в Омске всего 4 года, но этот город стал для меня истинно судьбоносным. Он мне дал путевку в жизнь, здесь я встретил свою любовь, которая принесла мне трех моих дочурок, трех внучек и трех замечательных правнуков, трех израильтян, которым суждено пережить меня и перенести мои гены в будущее, и вместе с другими способствовать расцвету моего любимого Израиля.

4.3. Как я стал инженером.

Обычно, получив высшее образование, человек вместе с ним получает и профессию. Окончив медицинский институт – становится врачом, педагогический – учителем, технический вуз – инженером и т.д. Однако в советской системе образования понятия узкой специализации не существовало или, если и существовало, то чисто формально. Человек получал широкое образование, но, как правило, не специальность. Конечно, выпускника медицинского института на завод инженером, не направляли, как не направляли выпускников технических вузов на работу врачами в больницу. Но, специализируясь во время учебы, допустим, в области хирургии, выпускник медицинского института мог на практике стать и невропатологом или гинекологом, психиатром и т.д. Чтобы стать специалистом

ему, в лучшем случае, требовалось не менее 5 лет, а чаще значительно больше. Окончив, например, институт по специальности «хирургия», он мог всю жизнь проработать терапевтом и наоборот. Попав, скажем, в село, где на всю округу он оказывался единственным дипломированным врачом, он становился универсалом. Обстоятельства заставляли его быть и окулистом, и акушером, гинекологом и хирургом, терапевтом, и педиатром или ревматологом и т.д. В каждой этой специальности он чуть-чуть смыслил, по каждой из них получил какие-то знания, но специалистом не был. Только лет через 5-10, в зависимости от полученной практики, способностей, наклонностей, других жизненных обстоятельств, он определялся со своей специальностью. Таким же образом выпускники технических вузов, независимо от полученной специальности, направлялись на заводы любого профиля в качестве конструкторов, технологов, организаторов производства, диспетчеров и пр. Поэтому советские специалисты отличались широким кругозором, но высококвалифицированными специалистами они, за редким исключением, большей частью, не становились, устоявшуюся специальность приобретали только через n -ое количество лет, причем она очень редко соответствовала полученному образованию.

Западная система образования, наоборот, готовит узких специалистов. Влево и вправо от своей узкой специализации они ничего не знают и ничего не умеют. Зато в пределах этой специализации они отличные высококвалифицированные специалисты, причем почти с первого дня своей практической деятельности.

Когда я приехал в Израиль, у меня как-то заболело колено. Я обратился к ортопеду. Он меня выслушал и сказал:

- Ты пришел не по адресу. Я специалист по голеностопным суставам, а у тебя проблемы в коленном суставе. Поэтому тебе надо записаться на прием тоже к ортопеду, но другому специалисту.

Я долго не мог понять, о чем это он. Как это может быть, что боль в суставах одной и той же ноги лечат ортопеды разных специальностей? Я даже посмеялся и рассказывал об этом, как об анекдотическом случае. Но мои слушатели почему-то не смеялись. Только со временем я понял, что это не так уж смешно. Определенная логика в этом есть.

Я учился на физмате университета, очень любил квантовую механику и готовился к научной работе, в голове даже уже крутились некоторые мысли. А меня по распределению направили учителем физики в сельскую школу. Нет, физику я знал почти наизусть, но одно дело знать, а другое дело передать эти знания своим ученикам, по существу еще детям. А меня этому не учили. Совсем. Я получил знания, а не профессию. Как ученикам рассказывать, чтобы они меня понимали, чтобы им было интересно меня слушать, чтобы они разделили мою любовь к предмету? Я ничего этого не знал. Я только помнил, как это делали мои учителя. Но ведь это помнят все люди, но разве все могут быть учителями?

Вспоминаю в связи с этим одного нашего молодого преподавателя по математике. Он был талантливым ученым. У него были колоссальные знания. Но как их передать студентам, его не учили. Он приходил в аудиторию,

поворачивался к нам спиной и начинал исписывать доску формулами, не объясняя, а просто комментируя их, причем говоря в сторону доски. Вопрос о том, понимают ли его студенты, его никогда не интересовал. А ведь никто из нас, даже самые лучшие студенты, ничего не понимали, а уж конспектировать его лекции никак не могли.

Поэтому, после первого года работы, многие из нас со школы сбежали. Вместе с другими сбежал и я. Но сбежали мы опять не туда, на производство, где нас называли инженерами, хотя в технике, производстве, инженерии разбирались еще меньше, чем в педагогике. И тут оказалось, что многие из нас попали «как кур во щи».

Расскажу о себе. За свои двадцать пять лет я никогда в жизни не был на настоящем заводе. Правда, напротив нашего дома в Романовке была ветряная мельница. Помню, как я, как на какое-то волшебство, всегда смотрел на вращающиеся большие и маленькие колесики, соединенные между собой паутиной кожаных ремней, которые, как я лишь через много лет узнал, называются красивым словом – трансмиссией. Вот таким мне представлялся любой завод. Добавьте к этому, что я родился и вырос в религиозной семье рава. Мой отец знал наизусть почти весь талмуд, но понятия не имел, с какой стороны забивается гвоздь. Чему он меня мог научить? А ведь в наше время в магазинах не то, что «конструктора», но даже детских кубиков не было. Труд, как предмет, появился в школах уже после нас, а в университете я изучал высшую математику и квантовую механику. Они имели такое же отношение к производству, как я, допустим, к папе римскому. У нас в программе не было ни одной инженерной дисциплины, кроме начертательной геометрии, которой

я, кстати, плохо владел, так как в школе ее не изучал. Я уже не говорю о сопромате, у нас даже ТОЭ (теоретической электротехники) не было, а электродинамика, которую мы таки да изучали, имела весьма отдаленное отношение к производству электротехнического профиля. Практика у нас была, но не производственная, мы ее проходили в научно-исследовательском институте. Образно говоря, когда я впервые переступил порог завода, я не отличал винта от гайки, а о работе инженера имел весьма смутное представление. Так я второй раз в жизни начинал все сначала, с нуля.

Я, правда, все это осознал гораздо позже, с годами. А тогда я был молод, полный сил, верил в себя, считал, что все мне по плечу, и подобные мысли мне даже в голову не приходили. Да меня это меньше всего интересовало.

Читатель наверно помнит, что многим из нас удалось после года работы в школе получить открепление и направление на заводы. Мне, Саше Лапушнеру и Вове Шейнфельду по жребию выпал Омский завод «Электро-точприбор». Итак, мы приехали в Омск поездом, который вез нас из Москвы в течение трех суток. Слово «Сибирь» меня, как некоторых, не пугало, так как я всю войну прожил в Сибири, даже значительно восточнее, в Кемеровской области.

Сейчас, когда человек выезжает на несколько дней отдыхать в другой город, он тащит с собой набитый какими-то вещами чемодан или рюкзак. Мы же приехали не отдыхать, а на постоянное место жительства, но с маленькими чемоданчиками, в которых лежали несколько пар белья, пара рубашек и носков, пара полотенец и еще какие-то мелочи. Остальное было на нас. Поэтому, хоть мы

знали, что до завода около часа ходьбы, решили пройти пешком, чтобы посмотреть город, тем более, что автобусы ходили очень редко. Мы же не знали, что это оклица города, и здесь нечего смотреть. Самым примечательным зданием в этой части города было «Управление железной дороги», которое почему-то оказалось не на вокзале, а в конце нашего пути, как раз напротив завода.

Город Омск, который в бытность свою был задуман как военная крепость с острогом для каторжан, расположен на плоской равнине по соседству с казахскими степями, открытый всем ветрам. Его жители буквально задыхались от пыли и грязи. До войны – это был небольшой сибирский городок. Только во время войны, когда вся промышленность была перебазирована на Восток, он стал крупным промышленным центром. Здесь расположился известный на всю страну авиационный завод, эвакуированный из Москвы в 1941 году. Этот завод знаменит тем, что сюда, в 1942 году, привезли, разыскав в разных уголках ГУЛАГА, самого Туполева, оставшихся случайно в живых его заместителей и авиаконструкторов по списку, составленному Туполевым. Как рассказала мне коллега, которая во время войны работала копировщицей в качестве вольнонаемной в ОКБ Туполева, его и всю его команду привозили утром на воронке под охраной, а вечером, после 12-часового рабочего дня, тем же порядком их увозили в тщательно охраняемое общежитие, фактически тюрьму. Именно ОКБ Туполева под охраной создало самолет-бомбардировщик ТУ2, а также первый в СССР реактивный пассажирский самолет ТУ-104. Завод Омэлектроточприбор был эвакуирован в 41 г. из Киева, танковый завод им. Ворошилова – из Ленинграда и т.д.

Однако, по настоящему благоустройство и озеленение города началось только в 1950 году, когда председателем горисполкома стал известный советский хозяйственный деятель Н.А. Рождественский. К слову сказать, я Рождественского не знал, как и он меня, разумеется, не знал, но в нашей судьбе есть нечто общее. Он, как и я, начал свою деятельность в Омске в пятидесятых годах. Когда я приехал, в 1956 году, он уже успел превратить Омск в город-сад, занявший 1-ое место по благоустройству и озеленению среди всех городов Российской Федерации. Он, как и я, по приглашению, в начале шестидесятых годов переехал из Омска в город Чебоксары, тоже бывший до него захолустным городком, хоть и столицей Чувашии. Там за несколько лет он совершил настоящее чудо. При нем город Чебоксары превратился в крупный промышленный центр, который по благоустройству тоже стал занимать первые места среди российских городов. К сожалению, он рано умер, совсем молодым, от инфаркта.

Добравшись до завода, мы, разумеется, пошли в отдел кадров. Не успели мы открыть дверь кабинета начальника ОК, как услышали его дружелюбный голос:

- Заходите, молодые люди. Вы, если я не ошибаюсь, приехали по направлению главка. Мы уже ждем вас. Все вопросы вашего трудоустройства решены нами. Вам придется только заполнить анкету и написать автобиографию. Вот вам бланки.

Александр Соломонович Лапушнер.

Саша встал.

- Сидите, что за церемонии? Вы с завтрашнего дня начинаете свою работу в ЦЗЛ в качестве инженера-исследователя. Оклад – 900 руб. Начальник ЦЗЛ – знакомый вам Михаил Соломонович Бурштейн.

То же он сказал мне и Володе Шейнфельду с той лишь разницей, что нас назначили в лабораторию СКБ. Начальником лаборатории был Чернин Михаил Матвеевич, а начальником СКБ – Зацеркивный Зиновий Алексеевич. Тот самый Зацеркивный, которого министерство в 1959 году перевело в Чебоксары главным инженером строящегося приборостроительного завода. Именно он в 1960 году пригласил меня на этот завод, в качестве начальника лаборатории СКБ. Но это было потом...

- Вы, ребята, как я знаю, еще не обзавелись семьями, – продолжал начальник ОК. Завод поэтому обязан вас обеспечить общежитием. Я, однако, вынужден извиниться перед вами. У нас общежитие забито под завязку. Мест свободных нет, они и не предвидятся в ближайшее время. Поэтому завод снял для вас комнату в частном доме, здесь недалеко. Мы полностью расплатились с хозяевами, вы им ничего не должны. Вот вам адрес. Идите, устраивайтесь. Завтра вы придете ко мне в 7-30. Я вас отведу на рабочие места.

Снятая для нас комната оказалась в добротной одноэтажной избе, почти рядом с заводом. Нас встретила хозяйка, дородная, я бы даже сказал, мощная женщина средних лет, этакая бой-баба. Звали ее, коренную русскую женщину, типичную сибирячку, как ни странно, почти что еврейским именем – Софья Абрамовна. Рядом с ней стоял ее муж, щупленький, маленький мужичишка, который еле дотягивался до ее плеча.

- Это Николай, – сказала она, – показав на мужа.

Голос у нее был громкий, командный, грубоватый, почти мужской.

-Ну, здравствуйте, ребята. Вот ваша комната.

Комната была большая, светлая. На полу – ковер, три кровати, аккуратно застеленные. Белье белоснежное. Кровати, конечно, железные с сеткой. Платяной шкаф с вешалками. Большой стол. Три стула и одно кресло. Радио-приемник. Около дверей – умывальник. Водопровода не было. Туалет – во дворе.

-Таперича слушайте. У меня для жильцов правила, которые нарушать нельзя. Вот кадка с водой. Вот ковш. Черпать воду только ковшом. Кадку надо каждый день наполнять. Николай у меня хиленький, уже старенький. Он не может. Это делать будете вы. Каждое утро воду вычерпать и заполнить кадку свежей водой. Ведро вот висит. Водопровод на улице, недалеко. В дождь и снег – только в галошах. Галоши снимать в сенях, сначала вымыть в корыте, потом начисто в тазу. Таз после этого чисто помыть. В обуви в комнату не входить. Гостей и девок не водить. Пьяными не приходить. Я вот вижу, вы явреи. А явреи люди аккуратные, водку не пьют допьяна. Не то, что наши пьянчуги. Но предупредить должна. Вот только девок ваши часто портят. Да ведь и девки хороши. Сами на шею вешаются. Явреи ведь все обрезанные, а наши девки это очень любят. Комнату убираю я. Вам только надо не сорить. Белье стираю тоже я, не только постельное, но и то, что вы носите. Радио после 11 вечера и утром до 6 громко не включать.

Правила жесткие, но правильные. Возразить нечего.

Со временем мы узнали, что Николай был полностью безграмотным. Ни писать, ни читать не умел. Если надо расписаться, ставил крест. Софья Абрамовна грамоту одолела. Когда писала, каждую букровку тщательно выводила, высунув язык. Читала по слогам. Она, как сама рассказывала, всю жизнь проработала в горисполкоме. Кем – не говорила. Это, как в том анекдоте.

Парень познакомился с девушкой. Спрашивает ее:

- А где вы работаете?
- В министерстве.
- А кем вы работаете там?
- Ну, я пишу.

На следующий день парень приходит в министерство по делу. Смотрит. Опа! Эта девушка намывает полы, и предстала перед ним в самой интересной позе. В это время она поднялась, узнала парня, вся засмушалась, покраснела!

- Ничего, девушка! Пишите! Пишите!

Каждый вечер Софья Абрамовна устраивала Николаю политзанятия.

Она усаживала его за стол, сама садилась против него, включала люстру на полную мощность, надевала очки и читала ему газету «Правда». От корки до корки. По слогам. Это надо было видеть и слышать. Настоящий спектакль. Николай все время клевал носом, но она ему не давала дремать, заставляла повторять почти каждый прочитанный абзац. А он боялся ее, как огня!

Вечером состоялось наше знакомство с краснодарскими девчонками (девками, как говорила Софья Абрамовна), которые жили недалеко от нас, но они нам не приглянулись, и наше знакомство не имело продолжения.

На следующий день начались наши трудовые будни. Чернин, начальник лаборатории, молодой человек, лет на 5 старше нас, несколько грузноватый и немногословный, человек себе на уме с немалой долей ироничности, познакомил нас с нашими будущими коллегами, тоже молодыми ребятами. Вдруг среди них я увидел знакомое лицо, сразу вспомнил, что он тоже наш выпускник, учился с Мишей Бурштейном. Я даже вспомнил, что его имя, Борис. Он, видимо, тоже меня узнал, улыбнулся и одобряюще кивнул мне. Оказалось, что он был заместителем начальника лаборатории. Чернин определил нам рабочие места. На вопрос о том, чем нам заняться, сказал:

- пока ничем определенным; знакомьтесь с нашей работой. Вот вам комплект Гостов, изучайте. Я пытался прислушиваться к разговорам ребят, их непрерывным спорам. В этих разговорах очень часто звучало загадочное слово ТУ. Что это такое, я никак не мог понять, и у меня сложилось впечатление, что наша лаборатория как-то связана с омским авиационным заводом, который, как я знал, выпускает самолеты ТУ-104. Лишь на четвертый или пятый день, я, наконец, узнал, что ТУ – это сокращенное название технических условий, хотя, что такое технические условия и чем они отличаются от государственных стандартов, я еще долго не понимал.

Тем не менее, за первый день я прочитал всю пачку стандартов, которую мне небрежно сунул Чернин, ничего в них не понял, и стал ждать, когда он даст мне, наконец, какое - либо задание. Шли дни за днями, но он на меня внимания не обращал, смотрел, как на пустое место. Подходить к нему самому с вопросами не хотелось, он казался мне совершенно неприступным. С ребятами понемногу

начал знакомиться, они сами иногда подходили ко мне, пытались заговорить, но отношения долго не складывались.

Впрочем, чем занимается лаборатория, я понял почти сразу, тем более, что от нечего делать я стал читать раскиданные по всей лаборатории книги, вернее учебники, по электроизмерительным приборам. Здесь для меня не было ничего нового, все это я знал из физики. Не помню – то ли на третий, то ли на четвертый день мне попала в руки книга незнакомого мне автора, в которой очень подробно описывались конструкции приборов магнитоэлектрической системы постоянного и переменного тока, технология изготовления каждой детали и приборов в целом. Я был поражен. Мне до этого казалось, что щитовые приборы, я их часто видел в автомобилях, автобусах – это не достойные моего внимания простенькие штучки, что-то вроде детской игрушки. А тут я узнал, что это сложнейшее изделие с разнообразной конструкцией, в которой не так-то легко разобраться. Сначала я плохо понял прочитанное. Особенно страницы с чертежами, которые были для меня темным лесом. Ведь читать чертежи нас никто не учил, черчения и начертательной геометрии я практически не знал. Я запаниковал. Куда я попал? Это же не мое! Я в этом никогда не разберусь! Но постепенно успокоившись, решил, что я столько раз перечитаю эту книгу, пока все не пойму, до мельчайшей детали, благо Чернин, как мне казалось, все равно не интересовался, чем я занимаюсь.

Как-то подошел ко мне Борис.

- Ну, как? Кивнул на книгу, которую я читал. Все понятно?

Я честно признался, что, наоборот, почти ничего не понял.

- Останься после работы, я тебе объясню.

- Нет, Борис. Лучше я сам до всего доберусь. Надеюсь, получится.

- Смотри, как знаешь. Ты хоть обращайся с вопросами, ко мне, к ребятам. Все обратили внимание, что ты какой-то нелюдим.

- Спасибо! Если возникнет необходимость, обязательно обращусь.

Я еще как-то вышел из стопора. Но Вова Шейнфельд совсем впал в депрессию.

- Не могу, не лежит у меня ко всему этому душа! И вот этой ерундой я должен буду всю жизнь заниматься?! И зачем я бросил школу? Там хоть было интересно. А тут скукота! Нет, я это не выдержу!

- Ну, всю жизнь нас никто не заставляет. Давай попробуем. Не понравится, бросим. Я тут газетку местную читал. Пишут, что при Новосибирском Академгородке заочная аспирантура открылась. Может быть туда документы подать?

- Левка, ты гений! Завтра же попытаюсь узнать, что и как.

Меня же, в отличие от Вовы, все больше увлекала моя книжечка. Через несколько дней я уже стал разбираться в ней, а еще через пару дней даже начал находить в описываемых конструкциях приборов изъяны, и мне захотелось, как можно быстрее приступить к практической работе.

Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. И я, преодолев некоторую робость, обратился к Чернину с просьбой дать мне, наконец, какое-то задание.

Он, почти не посмотрев в мою сторону, бросил на ходу:

- Подожди, не торопись, еще успеешь наработать.

Так прошел первый месяц. Сразу же возникли и некоторые бытовые проблемы. Примерно через неделю с начала трудовой деятельности, нас вызвали в какую-то контору, я тогда в них не разбирался. Там нам сказали так:

- ребята, как вы, вероятно, знаете, советский народ выступил с инициативой предоставления государству займа, и сегодня каждый советский труженик с большим воодушевлением добровольно подписывается на облигации займа, средства которого направляются на развитие тяжелой промышленности, основы нашего могущества. Вам также надо «добровольно» подписаться на сумму от 75 руб. или выше. Эти деньги вам государство вернет с процентами. Кроме того, каждый год производится розыгрыш по облигациям займа (за всю свою жизнь я не выиграл ни по одной облигации).

Заем по облигациям (а их накопилось у меня огромное количество) действительно вернули, но только после очередной денежной реформы так, что в результате я получил какие-то гроши.

Далее, мы встали на учет в комсомольскую и профсоюзную организации, заплатили членские взносы. Так же «добровольно» мы стали членами «Красного креста», «Освохима», еще каких-то организаций. Пытались нас еще застраховать, но тут мы решительно отказались, благо от добровольной страховки разрешалось отказываться.

Когда в конце месяца мы получили зарплату, то после вычета подоходного налога, налога за бездетность (хотя невозможно было понять, как у неженатых молодых людей, начиная с 18 лет, могли быть дети), отчисления всех взносов по взятым обязательствам, оказалось, что нам оставалось меньше 700 рублей. Много это или мало, мы еще не знали, так как до этого, за учительскую работу мы получали почти столько же, но мы жили на селе, где расходы были мизерными.

Первую зарплату мы решили, конечно, обмыть в ресторане, где мы рассчитывали, кроме того, познакомиться с девочками (как же без них?). На заводе пока не получилось. Основной контингент был сосредоточен в сборочных цехах, до которых мы еще пока не добрались.

Посещение ресторана сразу создало огромную дыру в нашем бюджете так, что, питаясь в заводской столовой, мы еле-еле дотянули до аванса следующего месяца. Мы сразу сообразили, что на нищенскую зарплату инженера долго не протянем, и начали искать приработку. Хотя реклама, впервые появившаяся тогда, во времена хрущевской оттепели, в газетах, была еще весьма скудной, мы стали покупать местные газеты и тщательно изучать рекламные рубрики. Мы с Сашей искали работу в вечерней школе, а Володя, молча, не делаясь с нами, так как боялся, что мы его будем отговаривать, искал вакансию по всем городам Западной Сибири. Как-то, по счастливой случайности, в один и тот же день, мы нашли объявление, что требуются учителя физики и математики для работы в вечерней школе, а Вова – объявление о конкурсе по замещению должности старшего преподавателя физики в То-

больском институте. Ни слова не говоря, он послал документы в Тобольск, прошел по конкурсу, уволился с завода, и только в последнюю минуту перед отъездом, объявил нам об этом. Было жалко до слез с ним расставаться, но мы уже не могли ничего изменить.

Володя не ошибся. Он быстро вошел в новый коллектив, познакомился со своей будущей женой, Наденькой, женился. Через несколько лет, уже семьей, переехал в Кишинев, защитился, работал преподавателем Кишиневского политехнического института, одним из первых всей семьей переехал в Израиль. Сегодня, увы, его уже давно нет, а его жена, Наденька Шейнфельд, живет в Пардес Хана в доме, который он построил в Израиле, его дети, уважаемые врачи, и внуки живут в Ашдоде.

Вечерняя школа тоже оказалась для меня судьбоносной. Там, я в первый же день запал на свою ученицу (как говорят, любовь по первому взгляду), которая считалась самой красивой девушкой школы. Любовь была взаимной и через год мы поженились. Так судьба свела меня, парня из далекой Молдавии, и ее, девушку из еще более далекого Китая (Харбина). Мы оба, по зову судьбы, съехались в Омск, расположенный почти ровно посередине между Романовкой и Харбином, чтобы встретиться и прожить вместе третью часть своей жизни. Как это всегда бывает при любви по первому взгляду, наши судьбы в дальнейшем разошлись, но у нас общие дети, внуки и правнуки.

Однако вернемся в лабораторию, к Чернину. Ровно через месяц, день в день, час в час, когда я уже отчаялся ждать, он вдруг пригласил меня к себе:

- Итак, с нашей работой вы уже знакомы, знаете, какими разработками каждый из нас занимается. Мне известно, что вы уже со всеми обсуждали разработки, которые они выполняют. Это хорошо. Пришло время и вам влиться в наш коллектив. Но сначала, прежде, чем поручить вам самостоятельную разработку, я извините, обязан проверить, на что вы способны. Я для этого решил вам поручить самую простую разработку, которую мы завершили еще в прошлом году (она уже освоена серийным производством). Я уже договорился со всеми, чтобы они вам не мешали, я вам тоже не буду мешать, консультироваться по своей работе вы можете, но только со мной. Всю необходимую литературу, приборы, оборудование вы получите у меня. У нас есть норматив. По нему вы получаете полгода. Ровно через полгода вы представите мне отчет о проделанной работе.

Так началась моя трудовая деятельность в абсолютно чуждой для меня области, инженерии. Работа оказалась очень сложной, ибо речь шла о серии высокочувствительных микроамперметров и вольтметров переменного тока высокого класса точности, требовавшие выбора оптимальной электрической схемы и параметров, массы расчетов. В это время наиболее распространенными были огромные медно-закисные выпрямители с очень низкими характеристиками. Только что появились еще находящиеся в опытном производстве термоэлементы и германиевые диоды. Уже через пару недель после огромной исследовательской работы мне стало ясно, что даже при оптимальных решениях поставленной передо мной задачи и правильно выбранной схеме решить невозможно. Спрашивать у Чернина, как они ее решили, было бесполезно.

Хотя он утверждал, что приборы находятся в серийном производстве, но я, проверив втайне от него, не нашел никаких следов этого. Изучив по литературе все возможные материалы, я напал на след кремниевых полупроводников. Попросился в командировку к разработчику в Горький. Получив необходимые полномочия, заключил договора. Короче, через 4 месяца, т.е. досрочно, я положил на стол Чернину отчет, 3 прибора, собранные под моим наблюдением в опытном производстве, и протоколы их испытаний, которые я провел в неурочное время.

Он прочитал отчет и, не говоря ни слова, ушел с моим отчетом и приборами. Он отсутствовал несколько часов. Я уже не знал, что думать. Зашел, широко улыбаясь, что для Чернина было большой редкостью.

Он подошел ко мне, протянул руку и громко, чтобы все слышали, сказал:

- Поздравляю, вы отлично справились с первым заданием. Теперь я могу признаться, что я немного схитрил, когда, давая вам задание, сказал, что по нему приборы уже разработаны нами и даже выпускаются в серийном производстве. На самом деле, вот уже год, как нам выдали задание на разработку этих приборов, в которых наша промышленность остро нуждается. Но, признаюсь, я не видел, как это задание выполнить, поэтому всячески оттягивал его включение в план. Башаев (главный инженер) даже перевернул известную поговорку «Боится, как Чернин Ладогу». Когда вы у меня появились, я сразу подумал. Университет. Физмат. Диплом с отличием. Знаю, что вы изучали там не электротехнику, а теорию относительности. Но подумал. Если человек разобрался с теорией от-

носительности, то наверно любая задача ему под силу. Борис, вот он стоит, улыбается, меня поддержал. Скажу правду, я ни на что не рассчитывал. Просто надеялся, что, посмотрев свежими глазами на проблему, вы, возможно, натолкнете нас на какие-то новые идеи. Однако, вы совершили почти невозможное. Я ведь специально сильно ужесточил задание. В результате мы получили прибор, которого нет нигде в мире. На Нобелевскую, конечно, не тянет, но статью в нашем отраслевом журнале гарантирую. А это для молодого специалиста тоже не мало. Зашел Зацеркивный и тоже поздравил нас, т.е. меня и Чернина. Все зааплодировали. А я стоял смущенный, не зная, куда деваться. Чтобы как-то разрядить обстановку, я в ответ только сказал:

- наверно это случилось потому, что я поверил Михаилу Матвеевичу, и не знал, какую сложную задачу он мне задал, а простую, как он меня заверил, просто стыдно было не решить.

Все засмеялись.

Но это было только начало. Надо было еще отработать конструкцию прибора, разработать технологию его изготовления, провести испытания, организовать и провести МВК (межведомственную комиссию), внедрить в серийное производство.

Через месяц действительно появилась статья в отраслевом журнале за моей и Чернина подписью, а через 6 месяцев меня повысили в должности, назначили старшим инженером с окладом 1200 руб. Через год уволился Борис, и Чернин меня назначил своим заместителем.

4.4.Квартирный вопрос.

*Люди, как люди, но их испортил
квартирный вопрос...*

Михаил Булгаков.

Советская система, принеся людям много слез и страданий, была в то же время самой смешной в мире. Думаю, что ни до, ни после советской эпохи ничего подобного не было и не будет. Возьмем, к примеру, самое массовое жилье населения СССР, коммуналки и бараки. Сколько человеческих трагедий они породили и в то же время – смешных до слез историй.

Вспомнил, в связи с этим, полуанекдотическую, но грустную, скорее всего придуманную, хотя очень похожую на правду, историю. Имя ее автора забыл, но он, надеюсь, не будет на меня в обиде за ее вольный пересказ.

В одной московской коммуналке жила фанатически религиозная женщина, тетя Нюра. Стену своей комнаты, напротив входной двери, она превратила в иконостас и несколько раз в день страстно молилась при открытой двери, сопровождая молитву глубокими поклонами. Столь же фанатично она ненавидела евреев. Правда, она признавалась, что прожила всю жизнь в деревне и никогда живого еврея раньше не видела, но была убеждена, что евреи – это сатанинское племя, которое надо давить, как тараканов. Надо же было такому случиться, что среди восьми семейств коммуналки оказалась и одна еврейская женщина, Бася, такая же одинокая, как тетя Нюра. Удивившись сначала, что Бася по наружности ничем не отличается от обычной женщины, тетя Нюра не сомневалась, однако, что она под одеждой тщательно скрывает хвостик, а

под головным платком – маленькие рожки. Так или иначе, она непрерывно терроризировала Басю мелкими придирками, которые сопровождала громкими рассказами, чтобы все слышали, как евреи убивают христианских детей и используют их кровь для приготовления мацы. Свои рассказы тетя Нюра сопровождала такими подробностями, будто она сама присутствовала при этом. А тут еще жизнь подкинула ей историю про убийц в белых халатах.

Одним словом, достала она Басю. Однажды Бася, которая обычно молча выслушивала ее разглагольствования, не выдержала и, к удивлению жильцов, вдруг заговорила:

- Слушай, тетя Нюра, если жида такие плохие, то почему же ты несколько раз в день кланяешься главному из них?

- Как это, побелев от злости, не поняла тетя Нюра, кому это я кланяюсь, паршивая жидовка?

- Как это кому? Своему Господу, Иисусу!

- Ааа! – закричала тетя Нюра, так ты еще нашего Господа, которого, вы, жида, распяли, оскорбляешь! Она бросилась на Басю, готовая ей вцепиться в горло мертвой хваткой. Но тут, к счастью, на шум вышла из своей комнаты Елизавета Ивановна, женщина интеллигентная и образованная, которая пользовалась всеобщим уважением жильцов, а для тети Нюры была непререкаемым авторитетом. Узнав, в чем дело, Елизавета Ивановна, обращаясь к тете Нюре, тихо сказала:

- Тетя Нюра, а ведь Бася правду сказала. Иисус и все его апостолы действительно были евреями, христианскую религию тоже создали евреи. Разве ты этого не знала?

Белая, как мел, тетя Нюра поджала губы и ушла в свою комнату. Целый день оттуда разносились звуки, похожие на всхлипывания. Когда на следующий день, а потом еще через день тетя Нюра так и не вышла из своей комнаты, жильцы заволновались, стали стучать к ней все громче и громче. Вдруг дверь открылась, и все замерли от удивления. Иконостас исчез, а иконы валялись в углу комнаты.

Тетя Нюра не только перестала молиться, но целыми днями бродила, как тень, и ни с кем не разговаривала. А когда появлялась Бася, молча уходила в свою комнату.

В изображении жизни в коммуналках в советской литературе или фильмах иносказательно, но очень выпукло и трагикомично сочетаются все круги ада, кошмар и дно жизни советского человека с жизнью семейного гнезда веселых иногда интеллигентных, но чаще грубых и малопривычных людей. Достаточно вспомнить пеналы из “Двенадцати стульев” Ильфа и Петрова, или смешную, но взбаламоченную жизнь обитателей коммуналки из “Покровских ворот” Михаила Казакова, “ад” героев коммуналки из фильма А. Германа “Хрусталева, машину!” и многих другие.

Где ваши вещи? Лично мне можно считать повезло. По советским меркам меня почти миновали квартирные штормы. Но именно почти. В первые три года моей семейной жизни они оказались настолько трагикомичными, что запомнились навсегда. Сейчас они мне кажутся смешными. Но тогда мне было не до смеха.

Встретившись со своей будущей женой на полдороге между Западом и Востоком, далекой Молдовой, и еще

более далеким Харбином, мы, тем не менее, оказались в чем-то очень похожими. Но, прежде всего, мы оба были одинокими, неимущими пролетариями. Как только мы поженились, перед нами во весь рост стал квартирный вопрос. Она, естественно, не могла переехать ко мне, в минобщезитие. В комнате, которую для нас, молодых специалистов снимал завод, нас было четверо ребят. Я в той же мере не мог переехать к ней, потому, что она снимала угол в буквальном смысле этого слова. Поэтому, выйдя из загса, мы отправились не на банкет, и даже не в ресторан, чтобы отметить столь знаменательное событие, а занялись поиском жилья. Пролетарское житье сыграло с нами и в этом случае неожиданную шутку. Все квартиросдатчики, как сговорившись, задавали один и тот же вопрос. Много ли у нас вещей? Мы сначала не сообразили, в чем подвох этого вопроса, и отвечали, что у нас вещей вообще нет. Тут же после этого двери перед нами захлопывались, и разговаривать было уже не с кем. Тогда, сообразив, в чем дело, мы стали, наоборот, говорить, что вещи у нас есть, но мы их привезем позже.

Наконец, нам повезло, и женщина, проживавшая где-то на краю города, согласилась сдать нам комнату, потребовав, правда, деньги вперед. К счастью, нам удалось наскрести нужную сумму. Она нас провела в абсолютно пустую комнату. Нас это нисколько не расстроило. Мы из верхней одежды соорудили нечто подобие постели и провели чудесную ночь на полу. Но хозяйка, заглянув к нам через 3 дня и убедившись, что у нас ничего не изменилось, испытала шок.

- А где же ваши вещи?!

- Привезем через неделю.

- Нет, или сегодня, или уходите. Мы, сгорая от стыда, быстро ретировались, забыв даже попросить эту женщину, вернуть нам, хотя бы часть наших денег.

Так мы в одну минуту снова оказались на улице, причем на этот раз еще и без копейки денег.

Кто здесь хозяин!? Мы были в отчаянии. После работы решили пойти в парк и там попытаться устроиться на ночлег, если милиция нас не прогонит. Но тут нам вдруг несказанно повезло. Когда мы недалеко от нашего завода вышли на улицу, которая вела в парк, я обратил внимание на пожилого мужчину и молодую женщину, которые, размахивая руками, о чем-то громко спорили. Подойдя поближе, мы остановились, как вкопанные. Мы не могли поверить своим ушам, услышав, что эти двое говорят на идиш. Решение у меня созрело мгновенно. Узнав, что мы евреи, они, возможно, не откажутся приютить нас, хотя бы на пару ночей, пока мы не найдем комнату. Подойдя к ним, я представился и тоже на идиш спросил, не знают ли они, кто здесь сдает квартиру. Мужчина на минуту задумался, а потом сказал:

- у меня сын служит в армии. Он должен скоро демобилизоваться. Его комната пока свободна. Я не собирался ее сдавать. Но вам, еврейским детям (он так и сказал – ди идише киндерлэх), я не могу отказать. Если вы согласны, я могу вам на восемь месяцев ее сдать. Дорого с вас не возьму.

Я не успел открыть рот, чтобы объяснить ему нашу ситуацию, так как он, перебив меня, продолжил:

- знаю, знаю. У вас сейчас денег нет, нет вещей. Сам когда-то был в таком положении. Не смущайтесь. Комната

у меня полностью меблирована. Есть электрическая печка. Есть посуда. А деньги подожду до вашей зарплаты. Ну, что, согласны?

- Согласны ли мы? Да мы были на «седьмом небе»! Вот как в жизни бывает. Только что были бомжами, и вдруг такое счастье привалило.

Мужчина оказался хозяином достаточно большой двухкомнатной квартиры. Одну комнату, самую большую и благоустроенную, он нам сдал. Он же вместе с дочерью инвалидом, и неизлечимо больной женой, которая даже с кровати не вставала, ютился в другой, меньшей, комнате.

У него был патент старьевщика, повозочка с лошадкой, и он неплохо зарабатывал. Первым во всем квартале он купил телевизор «Рекорд» с линзой. Вещало тогда только местное телевидение, каждый день, с 18 до 22 ч. К этому времени, также ежедневно, в комнату, где лежала больная женщина, и прямо около ее кровати стояло это диво под названием телевизор, набивались люди со всего квартала. Сидеть негде было, все стояли вплотную, прижавшись, друг к другу.

Когда поздно вечером, где-то в девятом часу, хозяин приходил с работы, усталый, голодный, он даже не мог войти в комнату. Бочком он еле протискивался сквозь загроможденную комнату толпу, забивался в ее угол, и там, стоя, согнувшись в три погибели, тихо дремал. Это продолжалось до тех пор, пока телевизор не отключался, и люди не начинали расходиться. Когда, все, наконец, уходило, он просыпался и начинал бушевать:

- Кто здесь хозяин?! Я здесь хозяин или эти незнакомые мне люди? Я прихожу домой усталый, голодный, но для меня даже места не находится.

- Ша, тихо увещевала его жена. Ты же сам их пригласил. Если ты прикажешь, мы с завтрашнего же дня закроем двери и никого не пустим.

- Прикажешь, – менял тон хозяин. Ишь чего выдумала? Все вы женщины такие. Люди приходят посмотреть телевизор, а мы, значит, их даже на порог не пустим? Ой, вэй! Вас, женщин, никогда не поймешь. Ты лучше прикажи своей дочери, чтобы она накормила своего голодного отца.

Он еще долго ворчал, пока, поев, тут же засыпал, сидя за столом, и дочке приходилось его раздевать и укладывать спать. А на завтра все повторялось по тому же сценарию.

Энгельс. Восемь месяцев быстро пробежали, как сон, кончилось наше благоденствие, и мы вот уже две недели каждый вечер отправлялись на поиски новой квартиры.

Наши поиски снова были безрезультатными, но спас случай. Как-то, проходя по заводскому двору во время обеденного перерыва, я остановился у беседки около группы рабочих, которые громко комментировали игру в «козла» своих товарищей. Остановился я потому, что услышал, как один из игроков, ударив костью, обратился к другому:

- ну, хана, тебе, «Энгельс», сдавайся!

- Энгельс, какое странное имя, – подумал я.

Я улыбнулся и хотел пройти мимо, как вдруг услышал, что кто-то спросил, как - будто подслушав мои мысли:

- Энгельс, а почему тебя так величать?

- А у меня батя старый большевик. Он всю жизнь при паровозе был, машинистом, значит, работал. С самим Кагановичем ручкался.

- А какой он, Лазарь, – спросил кто-то.

- А мне откуда знать, – отмахнулся Энгельс. Впрочем, батя о нем всегда очень хорошо отзывался. Крутой, говорил, мужик, но справедливый и с нашим братом, работягами, значит, вел себя всегда запросто. А главное, уж очень башковитый.

- Ну, евреи, они все башковитые, сказал кто-то, лукаво взглянув на меня.

- Слушай, Энгельс, а куда девался твой жилец? – спросил другой. Он ведь, кажется, тоже еврей, в отделе у технологов работал.

- Это Ленька Коварский, что ли? Да он уже пару месяцев, как уехал, в этот, как его, Кишинев. Там тоже приборный завод открылся, кажется Виброприбор. А он родом из тех мест. Вот он и поддался, ближе к своим.

Мне этот диалог, как молотком по голове ударил.

- А вы, – вмешался я в разговор, – вместо него еще никого не взяли?

- Нет. Да и никого брать не хочу. Комнатка маленькая. Проход в нее через комнату больного отца, который пластом лежит, подняться не может. Я и Леньку взял только потому, что за него мой начальник попросил.

Взглянув на мое расстроенное лицо, он почему-то вдруг спросил. А ты один, али как?

- Нет, нас двое. Я и жена.

- Детишков у вас нет? - Если детишки есть, не возьму. Батя шума не терпит. Ему и моих гавриков хватает.

Я заверил его, что детей у нас нет. Он сказал, что живет здесь поблизости, объяснил, как пройти. Договорились, что вечером встретимся.

Комнатка действительно оказалась малюсенькой. Там размещалась у окна одна железная односпальная кровать, да тумбочка. Все. Больше места не было. А у нас, что, был выбор? Мы, конечно, согласились. С женой его познакомились, хорошей женщиной оказалась. Стали жить. Сначала даже понравилось. Правда, как выяснилось, он, этот Энгельс, семь лет, просидел в тюрьме. Шептались, что по мокрому делу. Вроде ножом однокашника порешил. Только авторитет отца спас его от вышки. Впрочем, подумаешь, невидаль, какая! При советской власти, да еще в Сибири, кто не сидел? Хорошо, хоть алкоголиком, вроде, не был. Правда, чефирил, но не часто. Раз в месяц или реже, когда дружки по камере его навещали. Зато, после чефира он зверел, начинал избивать жену, детишек. Нас он не трогал. Наоборот, если он при нас начинал зверствовать, мы, как могли, пытались вырвать жертву из его рук. Потом, когда трезвел, он даже нас благодарил за это.

Все бы ничего, если бы он не начал подбивать бабки под мою жену. Я по роду своей работы часто время в командировках проводил, вот он и решил этим воспользоваться. Получив от ворот поворот, он попытался применить силу. Она закричала, ее крик услышал отец, и из своей комнаты громовым голосом крикнул:

- А ну, марш отсюда!

Отца он боялся, как огня. Не только потому, что он для него был высшим авторитетом, но и потому что они с братом претендовали на его наследство, которое, как они считали, было немалым, т.к. он, как машинист, зарабатывал большие деньги и наверняка накопил хорошую сумму. Хранил он их не в сберкассе, а в сундуке, рядом со своей кроватью.

С тех пор Энгельс перестал преследовать жену, но заатаил против нас злобу, проявляя ее непрерывными придирками.

Однажды у нас гостила теща. После очередного наезда на нас и возникшей по этому случаю ссоры, я, пошел на кухню, чтобы поставить на печку чайник и приготовить чай. Я стоял спиной к комнате Энгельса. Вдруг слышу страшный крик тещи, которая в это время вышла из нашей комнаты, желая мне помочь. Не успев сообразить, в чем дело, я, к своему удивлению, увидел около себя его больного отца. Какая сила подняла его с кровати невозможно понять, потому что он лежал неподвижно, парализованный после инсульта. В это время я оглянулся и увидел, что Энгельс занес над моей шеей топор, но ударить не успел, так как его руку схватил железной хваткой отец. Не хватило лишь нескольких секунд, чтобы моя голова слетела с плеч долой. Мы в панике бежали, в чем были, выпрыгнув через окно и оставив все свои вещи, которые приобрели в последнее время. Больше мы там не появлялись. Мы не стали подавать на него жалобу, просто побоялись. Однако, земля слухом полнится. Что-то на завод просочилось, и, чтобы замять это дело, его через несколько дней уволили. К счастью, он меня не преследовал. Думаю, что опять свою роль сыграло ожидаемое им наследство.

Певун. Так мы снова оказались на улице. Но на этот раз нас приютил мой приятель, а кроме того, нам бешено повезло. Уже на третий день после начала поисков мы нашли, как нам показалось, замечательную квартиру с отдельным входом, кухней и комнатой. Правда, наша комната была отгорожена от хозяйской не капитальной стеной, а большим ковром, и мы слышали все, что происходило в его квартире, а он слышал все, что происходило у нас. Но это нас вначале не очень беспокоило. Хозяин был интеллигентным человеком, средних лет, с высшим образованием, начитанный и корректный. С ним было очень интересно общаться. Не меньше, чем он сам, нам понравилась его сестра, которая часто его навещала. Самое главное – он, как нам показалось, не пил. За первые два месяца, которые мы у него прожили, мы ни разу не видели его пьяным или просто выпившим. Правда, кое-что нас настораживало. Ветеринар по специальности, он нигде не работал. Объяснял он нам это тем, что у него есть патент на право лечения животных на дому в частном порядке. От клиентов у него и, правда, не было отбоя, и поэтому он жил по тем временам на широкую ногу. У него был свой собственный дом, большой двор с огородом и садом, удобный гараж и новенькая машина. Все это охранялось огромной и очень злой собакой на цепи, и было отгорожено от внешнего мира высоким капитальным забором.

Однако в одночасье этот идиллический мир вдруг рухнул. Наш хозяин действительно как-будто не пил, но, как оказалось, страдал запоями, которые повторялись регулярно один раз в два месяца. Во время запоев, каждый

из которых длился от недели до двух, он полностью преобразался. В это время он не спал ночами, одевался кое-как, ходил грязный, взлохмаченный и больше напоминал бомжа, чем нормального человека, становился злым и страшно ругался по любому поводу, все время лез в драку. Сначала во время запоев он нас не трогал. Самым главным номером его запойного периода, были песни, в основном революционные, которые он исполнял часто круглосуточно речитативом с матерными словами, которые он сам придумывал.

Ситуация резко изменилась, когда жене больше не удавалось скрыть свою беременность. Трезвый, он по-прежнему к нам относился хорошо, но во время запоев начал нас буквально терроризировать. Когда мы приходили домой после работы, он часто закрывал калитку на замок и не впускал нас в дом, и мы часами простаивали на холоде. В доме он нас донимал своими песнопениями. Они изобиловали оскорблениями в наш адрес и подзаборным матом. Незаглушаемые ковром, они неслись всю ночь и не давали нам спать. Одним словом, в аду грешникам живется наверно лучше, чем нам жилось во время его запоев. После запоев он перед нами извинялся, говорил, что ничего не помнит и давал клятвенное обещание, что это в последний раз. Это обещание действовало ровно два месяца, до следующего запоя.

Узнав, что жена уже на третьем месяце, он даже в трезвом виде стал требовать, чтобы мы немедленно выехали. Дело было зимой, очень холодной, как обычно в Сибири, деваться нам было некуда. Мы отказались выехать, и он подал на нас в суд. Как ни странно это нам помогло, т.к. суд постановил, что до июня он не имеет право

нас выгнать с квартиры, но после этого суд нам давал две недели, в течение которых мы обязаны были съехать. Кроме того, он был предупрежден, что, если допустит оскорбления в наш адрес, то будет оштрафован на большую сумму. Это на него подействовало. Его матерные концерты, конечно, продолжались, но без оскорблений в наш адрес.

Самое главное. Я воспользовался решением суда и представил его директору завода.

Собственная квартира. Это было время, когда по инициативе Хрущева, директорам заводов впервые в истории советской власти, разрешили строительство жилых домов хозспособом, для своих работников. Нашему заводу выделили большой участок земли за пределами города, и там он начал строить поселок одноэтажных двухкомнатных домиков для многосемейных работников. В поселке, который назвали Амурский, насчитывалось где-то около 50 домов. Это была капля в море для такого большого завода. Мог ли я на что-то рассчитывать? Правда, с другой стороны, меня, как молодого специалиста, завод обязан был обеспечить жильем. Поэтому, когда я представил директору решение суда, он задумался.

- Хорошо, – сказал он. Жилье, к сожалению, я не могу вам предложить, но я вам помогу снять комнату за счет завода. Он снял трубку, кому-то позвонил.

- Сейчас же ко мне, – сказал он в трубку.

Минут через пять появился мужчина средних лет. Это был начальник АХО, т.е. отдела, который ведал всеми хозяйственными делами завода.

- Алексей Иванович, – знакомьтесь. Это Лев Моисеевич. Молодой специалист, инженер СКБ. У него проблема с жильем. Жена, она, кстати, тоже на заводе работает, беременная и поэтому хозяин квартиры, которую они снимают где-то на «Северных», через суд их выселяет. Даю вам и ему неделю отпуска за свой счет. Возьмите мою машину. В течение 3 часов в день она в вашем распоряжении. Объезжайте дом за домом, каждый день, но снимите ребятам комнату. Договор составьте от имени завода. Когда выполните задание, доложите. Все. Свободны.

Ни у Алексея Ивановича, который давно занимался съемом квартир для молодых специалистов, других нуждавшихся работников, ни у нас, даже мысли не было, что за предоставленную нам неделю, тем более при наличии машины, проблему не удастся решить. Но именно так и произошло. Мы объездили почти весь город. Дни шли за днями, наш оптимизм постепенно таял. Мы не успели заметить, как неделя прошла, но результат был нулевой. Не только мы, но и Алексей Иванович отчаялся.

Он как-то помрачнел, осунулся, боялся лишиться завоеванного им с большим трудом авторитета крепкого хозяина, а то вообще остаться без работы. Но нет худа без добра. По-видимому, он не первый раз сталкивался с этой проблемой. На заводе, кроме нас, было около десятка молодых специалистов, которые обзавелись семьями и тоже, как и мы, не имели своего угла и перебивались, как могли. Проблема назрела и требовала решения. Она достигла, благодаря происшедшей с нами истории, критической массы и грозила взорваться.

После того, как Алексей Иванович доложил Курочкину, директору то есть, о постигшей нас неудаче, он сначала выразил недоумение, в его реакции действительно промелькнуло, как и боялся Алексей Иванович, недоверие. Однако он не накинулся на него с упреками, а, наоборот, обратился к нему за советом:

- Так что будем делать? Давайте вместе подумаем.

То ли от того, что положение накалилось до состояния, казавшегося безвыходным, то ли Алексея Ивановича посетило, как это часто бывает в такой ситуации, озарение, но он на риторический вопрос Курочкина вдруг ответил:

- кажется, у меня появилась идея.

Курочкин поднял на него глаза, ожидая продолжения.

- Помните, на той неделе мы с вами решили, последние домики на Амурских временно не распределять, а приподдержать в резерве? Их всего пять, а у нас с вами вместе со Львом Моисеевичем 10 заявлений от молодых специалистов. Так?

- Да, ну и что? Вы предлагаете оставить поселок без резерва? Вы же сами в прошлый раз доказывали мне, что это недопустимо.

- Да, доказывал. И я сейчас в этом убежден. Но вы же знаете, что у нас, после того, как мы уменьшили дворики, остался еще небольшой участок земли. Я прикинул, там можно поставить еще 7-8 домов.

- Верно, но это еще, когда будет. Ребята не могут ждать.

- А им и не надо ждать. Давайте мы резервные дома переделаем. Вместо одной двухкомнатной квартиры в каждом из них сделаем две однокомнатные, совместив

сени и кухню, а резервные дома построим на оставшемся участке.

- Подождите, Алексей Иванович, но эти дома еще тоже не достроены.

- А мы их и не будем достраивать, только перепланируем, на это нам потребуется примерно две недели. Достраивать эти дома будут сами ребята, будущие жильцы. Так мы одновременно решим и проблему молодоженов, и резерва.

- Как Лев Моисеевич, вы согласны получить недостроенную квартиру на Амурских, – обратился вдруг ко мне Курочкин.

Согласен ли я? Да я о такой возможности даже мечтать не смел. Получить собственную квартиру! Возможно ли такое счастье? Достраивать, разумеется, согласен. Готов хоть с завтрашнего дня.

Так, казалось, решилась наша квартирная проблема в Омске.

Конечно, это только номинально можно было назвать квартирой. Домик на 2 семьи был насыпной, и, когда нам его выделили, были только стены и крыша. Квартиры были изолированы друг от друга капитальной стеной. Они состояли из сеней, совмещенных с кухней, и комнаты. Удобства на улице. Отопление печное. Водопровода и канализации не было. И все-таки это было жилье. Хотя оно принадлежало заводу, но оно принадлежало и нам, мы стали его хозяевами, в течение полугода мы его сами достраивали, но счастливее нас наверно в то время не было никого. А еще, кроме того, был маленький дворик, который впоследствии тоже сыграл свою роль.

Амурские. Так назывался наш поселок. От города его отделял пустырь, заросший бурьяном. До ближайшей остановки автобуса было где-то около 3 км. А до завода, еще километров 12. Прямого транспорта не было. Ехать надо было с пересадкой. Так что из дому до работы мы добирались 2-2.5 часа. Рабочий день начинался в 8 часов. Из дому утром мы выходили с запасом в 5 ч, а вставали в 4 часа утра. Запас был необходим, т.к. сесть на автобус, а потом, пересесть на другой – было непросто. Интервалы были большие, народу много, расписание движения транспорта никогда не соблюдалось. Автобус подходил на остановку уже битком набитый. Понятие очереди не существовало. Когда он подходил, толпа буквально штурмовала его. Мужчины, женщины, старики, дети... Никто преимуществом не пользовался. Точнее – преимущество было у тех, у кого были накаченные бицепсы и сильные локти. Автобус, набитый людьми под завязку, часто проходил остановку, не останавливаясь, или останавливался далеко от остановки только для того, чтобы выпустить приехавших пассажиров.

Примерно через полгода после нашего переезда построили наспех дорогу и пустили автобус, который, однако, подвозил нас только до города. Кроме того, в дождь дорогу развозило так, что автобус не мог проехать. То же происходило во время снегопадов, которые создавали завалы, недоступные для проезда. Часто в такую непогоду останавливался и весь городской транспорт, и мы до завода добирались пешком. Вместо восьми – приходили на работу в десять-одиннадцать. Слава Богу – сталинские времена, когда за 10-минутное опоздание человека от-

правляли в ГУЛАГ, уже миновали. Но это облегчало положение только нас, ИТР. Рабочим, особенно тем, кто работал на конвейере, было значительно сложнее. Их за опоздание, конечно, не судили. Но часто наказывали вычетом из зарплаты.

Жена училась на вечернем отделении политехнического института, поэтому я ее встречал на остановке автобуса, и мы приходили домой уже после 12 ночи. Летом нас одолевали мухи, комары, муравьи и прочая живность. Зимой – холод. К нашему приходу с работы дома зимой стоял колотун, вода в ведре превращалась в лед. Придем, печку углем растопим, ужинаем и – быстрее в постель, чтобы немного перед сном согреться. Уголь в печке тем временем накалялся, поэтому ночью становилось жарко, и мы сбрасывали с себя одеяло. Утром тепло еще сохранялось. Чтобы его удержать, ночью приходилось вставать и закрывать заслонку, рискуя угореть. Такие случаи тоже были.

Я уже говорил, что, когда мы переехали, жена была беременна. По нашим расчетам она должна была родить где-то в середине октября, но роды затянулись, и у нее схватки начались ближе к концу месяца. Надо же было такому случиться, что с утра в этот день пошел проливной дождь. Все небо затянуло, не было никакой надежды, что он остановится. Дороги развезло, ни проехать, ни пройти. Все на работе. Помочь некому. Время терять нельзя было. Я, преодолевая сопротивление ветра и дождя, открыл дверь и выглянул на улицу. Меня, как в душевой, накрыл дождевой поток. Я оделся сам и одел жену, сменил нашу обувь на резиновые сапоги, которые мы, к счастью, недавно купили, и мы двинулись в путь. Впрочем, двинулся

я, так как жена не могла даже ногами передвигать. Насквозь промокший от непрерываваемого хлеставшего холодного дождя, я ее всю дальнюю дорогу через месиво грязи тащил буквально на себе.

Если вы меня спросите, как это мне удалось, я вам не отвечу, так как сам не понимаю, ведь это было сверх человеческих сил. Я действовал почти неосознанно, как автомат, и опомнился только, когда я увидел себя у роддома и почувствовал вдруг, что дальше идти не могу. Слава Богу, успел. Жену тут же отмыли от грязи, переодели в больничную одежду. А я, грязный, и насквозь мокрый от дождя, продрог до посинения. Не помогли ни резиновые сапоги, ни теплая куртка. Я боялся даже переступить через порог приемного отделения. Но добрые люди есть везде. Нянечка помогла мне хоть немного отмыться от грязи, провела в теплую комнату, не стесняясь, раздела догола, одела в больничный халат, где-то подсушила мою одежду, напоила горячим чаем. Через пару часов я немного оклемался и отправился домой. А еще через пару часов судьба наградила нас чудесной девочкой, Майечкой. Придя домой, я машинально взглянул на календарь. 28 октября. Стоп! Не может быть. Ведь это день рождения Марины. Надо же, такое совпадение!

Несмотря на все трудности, мы были счастливы. Мы были молоды, любили друг друга, а теперь у нас появился четвертый человек, мы стали семьей. Вместе с этим появились новые заботы, новые трудности. В первый же день, после того, как я их забрал с роддома, надо было решить вопрос, где уложить малышку спать. Сами мы вдвоем спали на односпальной кровати. Нам тесно не было, но уложить малышку на эту кровать мы уже не

могли. И мы ей соорудили кроватку из той самой много-страдальной плетеной корзины, в которой мы вместо чемодана перевозили свои скудные вещи из одной квартиры в другую. В тот же первый день возникла проблема с купанием. Я уходил на работу, жена оставалась одна дома. Купать ребенка без меня она не рисковала, да и не справилась бы. Я приходил домой поздно вечером. Не успевали оглянуться, а уже 12 часов ночи. Так и повелось. К 12 часам мы разогревали нашу комнату до такой степени, что можно уже было раздеться догола. Вот тогда мы и устраивали малышке купание и, накормив, укладывали спать. Только после этого мы могли заняться домашними делами. А когда мы спали, трудно сказать. Ведь в 4 часа уже надо было вставать.

У жены кончился декретный отпуск. Надо было выходить на работу, продолжить учебу. О яслях мы даже не думали. Во-первых, потому, что устроить ребенка в ясли было практически невозможно из-за отсутствия мест в городских яслях. Заводских ясел и детсадов тогда еще не было. Кроме того, каждый день отвозить ребенка в ясли мы просто не успевали бы.

Родители жены жили в селе, Красноярске, километров 150 от Омска. Ребенка постарше можно было бы к ним увезти. Но такую малютку... . Пришлось бабушке, теще то есть, приехать на время к нам, оставив деда одного дома. К нам переехать вместе с ней он не мог, так как они приехали с Китая на целину и подписали обязательство в течение 5 лет работать и жить, куда направят. Пожила теща у нас 6 месяцев и заявила:

- Все. Больше не могу.

Тогда у нас возникла идея – нанять женщину, нянечку. К счастью, такая одинокая знакомая женщина была. Тоже из Харбина. Деньги платить мы ей не могли. Она просто стала с нами жить, как член семьи.

Но была еще одна бабушка, моя мама, и моя вторая мама, сестра Сарика. Они с самого начала требовали, чтобы мы привезли нашу крошку к ним. Жена была категорически против. Я ее все время уговаривал, и когда дочке исполнилось 10 месяцев, и жена отняла ее от груди, она, наконец, дала свое согласие. Я взял отпуск и полетел с малышкой в Украину, в Коломыю. Летел с пересадками – в Москве и Львове. В Львове нас встречала Сарика. Счастливая встреча, не могли наговориться и, конечно, прозевали свой самолет на Ивано-Франковск. Когда мы опомнились, самолет уже был в воздухе.

- Не расстраивайтесь, – сказала нам администратор. Через 2 часа будет еще один самолет. Но когда мы прозевали второй самолет, на нас уже смотрели, как на ненормальных. Добро бы, если мы были одни. Но ребенок. Одним словом, они специально для нас придумали еще один рейс, правда на кукурузнике, и успокоились только тогда, когда посадили нас и отправили в полет.

У Сарики не было своих детей, и наша дочурка стала для них, т.е. для нее, ее мужа, Арона, и моей мамы, отрадой. Она у них в счастье, неге и любви прожила до 8 лет, т.е. до школы. Мы, конечно, каждый год свой отпуск проводили у них, но мамой она называла Сарика, а на нас смотрела буквой. Время пролетело незаметно. Надо было им с ней расставаться. Это была настоящая трагедия. Арон, чуть ли не на коленях, умолял нас оставить ее:

-Пусть она у нас еще поживет. Окончит школу, и сама решит, с кем ей остаться.

Но мы были непреклонны. Увезли и фактически стали причиной преждевременного ухода Арона из жизни. Он был еще сравнительно молодым (69 лет) и крепким мужиком, никогда не болел. Хвастался тем, что за всю жизнь у него не было больничного листа. А тут перенес такой сильный стресс, который со временем не прошел, а только притупился. Через 2 года он слег с инфарктом. Не спасли...

Новый поворот. Мы уже стали потихоньку привыкать к нашей жизни на Амурской слободе, но вдруг неожиданно-негаданно судьба нас снова развернула на 180 градусов. Все началось с того, что нашей знакомой, сотруднице жены, очень понравилась наша квартира. К слову сказать, она действительно выглядела сравнительно неплохо. Впервые, за те 2 года, которые мы там жили, завод провел большую работу по благоустройству поселка. Были заасфальтированы дороги, проведено уличное освещение, в дворах и за их пределами были посажены кустарники, цветы. Началась посадка деревьев. Город запланировал построить недалеко от поселка спортивный комплекс с бассейном, саунами и пр.

Нашу знакомую пленил, однако, не столько поселок и наш домик, сколько двор. Она жила в центре города в большом многоэтажном доме, напротив авиазавода Баранова. Окна ее квартиры выходили на большую шумную улицу.

- Вы даже не знаете, в каком раю вы живете, – далеко от городского шума, его загазованности и сутолоки. Вы же

здесь приблизились к Природе, живете на земле, есть дворик, который можно превратить в маленький садик с огородом.

Ей так у нас нравилось, что она стала приезжать к нам в гости каждую неделю, на выходной день. Как-то раз она пригласила нас к себе. Она жила одна в небольшой комнате трехкомнатной квартиры. Другие комнаты, занимали две семьи – одна молодая пара с ребенком и семья, пожилых людей. Мы были в шоке. Ведь мы первый раз в жизни оказались в благоустроенной квартире – с теплым туалетом, ванной комнатой, большими светлыми жилыми комнатами, просторной оборудованной кухней. Нам все было вдиву. Лифт, который за считанные секунды поднял нас на седьмой этаж, где жила наша знакомая, холодильник на кухне, пылесос, большой коридор, в углу которого виселось трюмо», обставленные мебелью комнаты. В одной из комнат стояла даже только что входившая тогда в моду стенка, с сервантом и красиво расставленной в нем фарфоровой и хрустальной посудой.

Сегодняшний читатель нас не поймет, но мы смотрели на это, как на чудо, как на сказочный мир, который превосходил все наши фантазии, о котором мы даже мечтать не смели, так как у нас попасть в этот мир были просто нулевые шансы. И вдруг, через полгода наша знакомая буквально ошарашила нас вопросом:

- Вы не хотели бы со мной поменяться квартирами?

Мы не сразу даже поняли, о чем это она, а когда, наконец, до нас дошел смысл ее вопроса, мы решили, что это шутка и, как положено, при шутке, громко рассмеялись.

- Да нет, вы не поняли. Я же серьезно вас спрашиваю.

Тогда нам пришло в голову, что за подобный обмен она потребует от нас что-то невозможное.

Когда мы, наконец, сообразили, что это не шутка, а серьезное и бескорыстное предложение, мы, разумеется, дали свое согласие. Но у нас оставалось подспудно чувство неуверенности. Мы все время боялись, что завтра она, конечно, передумает. Но она не передумала, и обмен, в который мы до последней минуты, даже поверить не смели, состоялся.

Мы купили мебель. Конечно, не гарнитур и не стенку и даже не холодильник, а самые необходимые предметы, обставили свою новую комнату и еще долго наслаждались неожиданно свалившимся на нас счастьем. Кроме самой квартиры, здесь были и другие несомненные плюсы. Центр города, сравнительно недалеко от завода, в любом случае отпала необходимость в пересадке, рядом магазины, закусочные, недалеко – поликлиника, кинотеатр, городской театр, концертный зал и прочие удобства.

Но человек ко всему привыкает. С течением времени наша восторженность стала проходить, все вошло в норму, стало обыденным настолько, что мы начали замечать и недостатки. Главным недостатком было, конечно, то, что это была не отдельная квартира. В ней существовали многие ограничения, вокруг чужие люди. Ведь это была почти коммуналка. Ко всему этому надо было приспособливаться. Одним словом, мы здесь не чувствовали себя полными хозяевами, как на старой квартире. Ситуация ухудшалась тем, что наши соседи оказались не очень приятными людьми. а пожилая пара почему-то нас возненавидела с первого же дня знакомства. Мужик, увидев

меня, как бы тихо, но явно так, чтобы я услышал, проворчал:

- Вот еще, только жидов нам здесь не хватало!

Этим и многим другим наше новое жилье напоминало нам наши мытарства на старых, съемных квартирах. Мы иногда даже начинали жалеть, что поторопились с обменом. Но, к счастью, скоро, и также неожиданно все изменилось.

Начальник нашего СКБ, Зиновий Алексеевич Зацеркивный, был назначен Главком главным инженером строящегося завода в г. Чебоксары, столице Чувашской республики, на Волге. Я и еще несколько ребят СКБ, других отделов получили от него приглашение перевестись на новый завод. Бурштейна он пригласил в качестве зам. начальника СКБ. А меня начальником исследовательской лаборатории СКБ. Главное – Зацеркивный обещал нам не только должности, но и новую двухкомнатную квартиру.

Что это за город, Чебоксары, я понятия не имел. Решил, поеду в отпуск, заверну в эти Чебоксары, благо город почти по пути, чуть-чуть в стороне.

Квартирная эпопея продолжается. Шестидесятый год. В Омске в это время были пустые полки. Все магазины торговали только китайскими яблоками. Больше ничего не было. В 3 часа ночи надо было занимать очередь за хлебом. Иначе останешься и без хлеба. В Чебоксарах же, где совсем недавно был создан Чувашский Совнархоз, – настоящее изобилие. В магазинах не было разве что птичьего молока. Рынок – дешевый. Гусь – 5 руб., ведро ягоды – 1-2 руб. и т.д.

Пошел на завод. Меня принял директор, Сорокин. Пригласил Зацеркивного, секретарей партийной и комсомольской организации, председателя профкома. Тут же они мне выдали гарантийное письмо. Завод гарантировал мне двухкомнатную квартиру в строящемся доме, должность начальника лаборатории СКБ, оклад 1600 рублей. Дом, в котором нам обещали квартиру, уже был почти готов. Вечером нас Миша сводил туда. Это был очень красивый дом, так называемый сталинский планировки, крупногабаритный. Миша сказал, что это наверно один из последних таких домов. Первый подъезд, по решению Совнархоза, полностью предназначался для приглашенных заводом специалистов из Омска и Краснодара. Лифта еще не было. Мы поднялись на третий этаж, где предположительно, располагалась моя будущая квартира. Внутренняя отделка квартир уже завершалась. Я, как замороженный, смотрел на эту красоту и не мог поверить, что я буду жить в такой квартире. Я думал, что в таких квартирах живет только высокое начальство.

- Ну, что надумал? – спросил Миша с улыбкой.

- А что тут было думать?

Мы были легкими на подъем пассажирами. Через два месяца мы пополнили население Чебоксар. Дом уже был готов, комиссия его уже приняла, но прежде, чем заселить, его должны были выдержать на санитарном карантине в течение двух недель. Мне выдали ордер, сказали, что через две недели можно будет въехать. А пока временно, мы поселились у Миши Бурштейна.

Прошли не две недели, а три дня. Нас вдруг огоршили известием, что ночью все наши квартиры заняли (разумеется, незаконно) работники соседнего завода. По

советским законам их нельзя уже было выселить. Как говорится, что с возу упало... Начальство этого завода, вплоть до директора, сняли с работы, но нам от этого легче не стало.

Так неожиданно, нежданно продолжились наши квартирные приключения. Выяснилось, что наша квартира в другом строящемся доме, теперь, конечно, малогабаритном, будет готова в лучшем случае только через полгода, поэтому нам предложили пока за счет завода найти себе временное жилье. Помог Миша. Он договорился со своим соседом по площадке, и тот нам сдал на полгода угол в своей двухкомнатной квартире. Нашими новыми хозяевами оказалась молодая пара. Детей у них еще не было. Их место занимала огромная овчарка. Хозяин квартиры, Федя, чуваш, так себе мужичок средней руки. Он окончил строительный институт, работал мастером на стройке производственных зданий. Жена у него, Зоя, была, не в пример ему, блестящей красавицей, и он ее страшно ревновал, никогда от себя не отпускал. Но самое неприятное было то, что этот Федя, несмотря на свою молодость, оказался законченным алкоголиком. Правда, напивался только на выходные дни, но до поросьячего писка. Напившись, он становился невнеменяемым. Это проявлялось, во-первых, в том, что он издевался над собакой. Бедное животное не знало, куда от него деваться. Чтобы собака не убежала, не спряталась куда-нибудь, он ее привязывал и буквально истязал. Она лаяла, визжала, кусалась, царапалась, но, чем больше она злилась, тем больше он зверел. Зоя пыталась собаку как-то защитить, но у нее ничего не получалось. Федя был коренастым и очень сильным мужиком, а в пьяном виде его сила утраивалась, и с ним

невозможно было совладать. Это было днем, а ночью он не спал и зверски издевался теперь уже над Зоей. Чтобы она не убежала, он так же, как собаку, привязывал ее к кровати. Всю ночь из их спальни доносились ее крики, плач, попытки его урезонить, но тщетно. Как-то раз Зое удалось вырваться. Дело было зимней ночью, на улице снег, двадцатиградусный мороз. Она, как была, в нижнем белье, босиком, выскочила на улицу и побежала к родителям, которые жили за городом, на расстоянии около 3 км. В таких стрессовых ситуациях наш организм способен выдержать огромные нагрузки. Это факт, ведь она даже после такого марафона не простудилась. Федя не заметил, как она выскочила на улицу. Он ворвался в нашу комнату с криками:

« Где Зойка?».

Мы спросонья тоже ничего не могли сообразить, а он решил, что мы ее спрятали.

«Где Зойка?»

Мы ему говорим, что не знаем. Он схватил бутылку и со всей силой кинул в нас. Бутылка пролетела буквально на миллиметр от головы жены. Мы тоже больше не могли оставаться дома и выскочили на площадку. Он кинулся за нами. На шум выбежал Бурштейн, и мы успели к нему нырнуть в квартиру. А Федя не унимался. Всю ночь стучал и звонил в дверь квартиры Бурштейна с криками «Где Зойка». Конечно, можно было вызвать милицию, но Миша решил не усложнять ситуацию, ведь ему жить с ним по соседству, а он, когда свирепел, и убить мог. Мы, конечно, всю ночь не спали. К утру, он угомонился и затих. Больше мы к нему ни ногой. Позже мы узнали, что Федя

впал в белую горячку и повесился, а Зоя очень удачно вышла замуж за какого-то большого начальника.

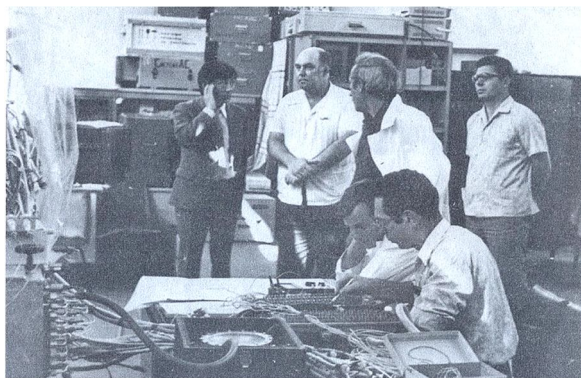
Завод снял для нас комнату в гостинице, где мы дождались, наконец, квартиры. Но на этом наши злоключения не окончились. Въехав в новую квартиру, мы, как это было принято, приступили к ее ремонту. Сделали из квартиры картинку. Купили очень модную в то время лакированную импортную стенку, все необходимое кухонное оборудование, ковер, спальню, новенький телевизор. Все еще стояло в упакованном виде, когда соседи сверху ушли на работу и не выключили горячую воду.

Мне звонят:

-Беги скорей домой, у вас пожар! Горячая вода хлынула сверху во все наши комнаты, залила настолько, что ящики с мебелью плавали, а вода поднялась до уровня окна и оттуда водопадом выливалась на улицу. Электрическую проводку замкнуло, и начался пожар. Пожарная команда нас опередила, добавила воды в квартире, но пожар потушила. Соседи и просто прохожие кран горячей воды отключили. Взломали замок в нашей квартире. Черпая воду ведрами, они ее выливали на проезжую часть. Движение остановилось. Когда мы прибежали, уже все кончилось. Это был последний аккорд в нашей трехгодичной квартирной трагикомедии.

ЧАСТЬ 5

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

5.1. Чебоксары.

Мой переезд в Чебоксары совпал с одной из крупнейших экономических реформ Хрущева, которая сводилась к децентрализации экономики, переходу от отраслевого принципа управления к территориальному путем замены отраслевых Министерств и их многочисленных Главков, сконцентрированных в Москве или в столицах союзных Республик, территориальными Советами народного хозяйства (совнархозами). Это была пятая экономическая революция, после военного коммунизма, НЭП, коллективизации и индустриализации. Разумеется, речь и на этот раз вовсе не шла о переустройстве, тем более демонтаже системы. Ни у Хрущева, ни у других деятелей его масштаба, например, Маленкова или Берии, не было никаких сомнений в преимуществе планового, командно - административного хозяйства по сравнению с рыночным. Конечно, пробитая после смерти Сталина брешь в железном занавесе и возникшая в связи с этим возможность

своими глазами увидеть «руины» так называемого «загнивающего» капитализма поразила и даже ошеломила их, но не переубедила. Они искренне верили, что, устранив некоторые наиболее одиозные промахи, ставшие следствием авторитаризма сталинской эпохи, можно в кратчайшие сроки ликвидировать совершенно очевидное отставание советской экономики и реализовать вековую мечту о коммунистическом рае.

Надо, однако, признать, что хрущевские реформы, ничего не меняя по существу, все же изменили советскую действительность в лучшую сторону. Реорганизация управления экономикой и создание Совнархозов, подчиненных сначала Союзно-республиканским властным органам, в частности, несомненно, способствовали новому скачкообразному подъему промышленного производства, градостроительства и экономики на местах. Это хорошо видно и на примере Чувашской Республики. Всего за 5 лет деятельности Чувашского Совнархоза, с 1957 года его создания до 1962 года его ликвидации, в Чувашии в целом и в Чебоксарах, в частности, произошли разительные перемены. До реформы Чувашия, как, между прочим, и другие регионы Российской глубинки, особенно Поволжья, Западной (за исключением Кузбасса) и Восточной Сибири, была типичным аграрным районом, а Чебоксары, столица Чувашской Республики, – маленьким захолустным городом. Некоторое оживление в развитии промышленного производства и экономики возникло лишь во время войны за счет эвакуированных предприятий Украины, Москвы и Ленинграда. Так, например, в Чебоксары был эвакуирован знаменитый Харьковский электромеха-

нический завод (ХЭМЗ) и Ленинградский завод «Электрик». На их базе заработал Чебоксарский электроаппаратный завод, по существу первое в Чувашии крупное промышленное предприятие, а также первое предприятие электротехнического профиля. Кроме того, в это же время вошел в строй завод резинотехнических изделий (РТИ), им. Чапаева, который во время войны выпускал боеприпасы.

Всего в Чувашии за годы функционирования Чувашского Совнархоза было построено 28 крупных предприятий Всесоюзного значения, половина из них – в Чебоксарах. Среди них следует назвать заводы электроизмерительных приборов и электроисполнительных механизмов, Чувашкабель, научно исследовательский институт релестроения, который стал головным институтом этой отрасли в Союзе, завод текстильмаш, один из крупнейших в Союзе текстильный комбинат, химкомбинат, завод тракторных запчастей и многие другие. Широко в эти годы практиковалась внутренняя кооперация, исчезли дефициты, развивались энергетическая база, транспорт, строились дороги. Рядом с Чебоксарами был построен город-спутник, Новочебоксарск. Вступили в действие Чувашский университет, новые театры и кинотеатры. Население города увеличилось почти в пять раз, со 100 тыс. в 1940 году до больше полумиллиона в 1965 году, появились новые районы, бурно развивалось жилищное строительство, магазины ломились от товаров.

В ноябре 1962 года был создан всесоюзный Совет народного хозяйства, СНХ, преобразованный вскоре в высший совет ВСНХ СССР, а в декабре началось укрупне-

ние экономических районов. Их число было, соответственно, сокращено со 105 до 43. Совнархозы были укрупнены. Чувашский совнархоз был ликвидирован, а экономические районы Горьковской, Кировской области Марийской, Мордовской и Чувашской республики вошли в состав Волго-Вятского Совнархоза с центром в г. Горький (Нижний Новгород). Кооперация была нарушена, вновь появились дефициты, издержки планового хозяйства, а после восстановления в 1965 г отраслевой системы управления промышленным производством полки в магазинах начали пустеть. Уже с 1970 г страна начала переходить на нормированное снабжение и талонную систему. Все, что производилось в стране, свозилось в Москву, другие центры Союза, а оттуда по нормам снабжения – на места. Кто-то стал кормиться с приусадебных участков, кто-то, у кого родственники жили в селе, создавали там подсобное хозяйство, а мы, ИТР, часто ездившие в командировки, кормились и одевались, везя домой все из Москвы.

То, что мы не знали чувашского языка – это было в порядке вещей, но то, что его не знали почти все коренные жители города, особенно молодежь, это казалось нам странным. Более того, они не афишировали свои чувашские корни, часто называли себя русскими. Наверно этому не следует удивляться, так как, в отличие от соседних татар, чувашаи, до советской власти, были полудиким народом. Как мне рассказывал мой сосед, чуваш, они раньше не умывались, белье не стирали, грамоты не знали. Среди них в течение веков были распространены такие болезни, как дизентерия, тифы, рахит, трахома, алкоголизм. Не случайно, в советское время скрывались не только еврейские, но и чувашские корни Ленина.

Чуваши – тюркский народ, в состав которого входили болгарские племена. Предки современных Чувашей кочевали в Центральной Азии, и во II-III веках осели на Северном Кавказе. Впоследствии, в IV веке, они вошли в состав огромного по тем временам Астраханского ханства. В VII веке под влиянием хазар Большая Орда (так именовалось Астраханское ханство) хана Курбата распалась. Одна его часть переместилась на Балканы в Поддунавье, и, смешавшись с местными славянами, в 681 году провозгласило Болгарское царство. Другая часть переместилась в среднее Поволжье и образовало Поволжское болгарское ханство, которое просуществовало до 1236 года. Интересно отметить, что Киевский князь Владимир, отказавшись от язычества, выбирал между исламом, который привезла к нему делегация Поволжского болгарского ханства, и иудаизмом, который привезла делегация хазар. От ислама он отказался сразу, когда узнал, что у них алкоголь под запретом. Склоняясь под влиянием своих еврейских корней к иудаизму, он, однако, принял православие, ибо таково было желание его жены, Ольги, фанатичной христианки.

Под ударами Золотой орды ханство распалось. Одна его часть, исповедовавшая ислам, соединившись с монголами, образовала Казанское ханство, а другая часть – языческая, сувары (чуваши), мари, финно-угорские племена вошла в последствие в состав России, и приняла православие.

Мы жили в центре города, в пятиэтажном доме (без лифта) на 4-ом этаже. От завода минут 12 ходьбы. Во всяком случае, мы всегда успевали во время обеденного пе-

рерыва сбегать домой, чтобы пообедать. Развлекательные передачи по телевизору начинались поздно вечером, а до этого мы почти каждый день ходили в кинотеатр, часто посещали концерты. В театр ходили очень редко, т.к. большинство спектаклей, как в драмтеатре, так и в театре оперы и балета, шли на чувашском языке.

5.2. Заводские будни.

Свою карьеру на Чебоксарском заводе электроизмерительных приборов (ЧЗЭИП) я начал в качестве начальника исследовательской лаборатории организованного на заводе незадолго до моего приезда Специального конструкторского бюро (СКБ). Начальником СКБ был Бурштейн, человек, который, как я уже писал, очень сильно повлиял на мою судьбу. Мой земляк и друг нашей семьи, он был старше меня ровно на 10 лет. Под его влиянием я поступил на физмат, он же способствовал моему назначению на Омэлектроточприбор. Там мы с ним работали в разных отделах, он был начальником центральной заводской лаборатории (ЦЗЛ), я же работал инженером СКБ. Мы дружили семьями. На работе, однако, сохраняли официальные отношения. А роднила нас одна и та же страсть – к новаторству.

Поскольку завод был новый, то, как было принято в Союзе, ему передали для производства давно освоенный производством прибор М358, который выпускался заводом электроизмерительных приборов г. Краснодара. Чтобы ускорить его внедрение в производство нашего завода, бригада наших рабочих прошла обучение в течение трех месяцев на Краснодарском заводе. С Краснодарского

завода на наш завод перевели несколько опытных технологов и производственников: Какуня, Ломова, Немчанинова, Чуприна, Циока и др. С Краснодарского завода был и директор нашего завода Арабянц Завен Амаякович,

Интересно, что назначение Арабянца З.А. директором завода вместо представителя местной элиты, Сорокина Г.Н., было связано с моим переездом в Чебоксары. Дело в том, что, несмотря на то, что гарантийное письмо было выдано мне полгода тому назад им же, Сорокиным, он, ссылаясь на известную политику Партии о привлечении местных кадров, как раз ко времени моего приезда подал жалобу в Обком партии на Чувашский Совнархоз. Совнархоз, по его мнению, установил на всех предприятиях Чувашии диктат и засилье приезжих кадров, которые, нарушая политику Партии, заняли круговую оборону и не допускают к руководству специалистов Чувашской национальности.

Поэтому, в день моего приезда, он вдруг назначил на зарезервированную за мной должность начальника лаборатории СКБ своего человека. В этот же день Зацеркивный и Немчанинов обжаловали этот произвол в Совнархозе и Обкоме Партии. Решение было принято молниеносно. К концу дня Сорокин был уволен и отправлен на пенсию, а на его место был назначен Арабянц, который до этого работал начальником технического отдела Совнархоза. Этот эпизод свидетельствовал, что в стране действительно началась оттепель. Интересно также, что буквально через месяц дочь Сорокина, Тамара, была направлена, как молодой специалист, в мою лабораторию, под мое руководство, мы с ней долго совместно работали и были в прекрасных отношениях.

Конструкция прибора М358 была типичной, принятой еще с 19 века для магнитоэлектрических систем. Система состояла из подковообразного постоянного магнита, между полюсами которого вращалась рамочка с медным проводником, по которому пропускался измеряемый ток. Противодействующий момент создавался специальной спиральной пружинкой. Две полуоси вращения рамочки (керны), как это было принято во всех подобных конструкциях, были выполнены из особо твердой стали и вращались в подпятниках, в качестве которых использовались, как правило, корундовые камни, которые также обладают высокой твердостью. Контактная поверхность керны имела сферическую форму, которая выполнялась с таким расчетом, чтобы она касалась поверхности сферического подпятника в минимальном количестве точек. Считалось, что трение керны в подпятнике в этом случае практически отсутствует и на показания прибора почти не влияет. Однако с течением времени, несмотря на максимально возможную твердость материалов керны и подпятника, происходило их срабатывание, в местах их контактов образовывалась мелкая пыль (крокус), которая повышала трение и погрешность показаний прибора.

В своей бытности на Омском заводе мы начали внедрять принципиально новую конструкцию с так называемым внутрирамочным магнитом и креплением подвижной части (рамочки) на растяжках. Магнит в этом случае выполнялся цилиндрической формы с выемкой в нейтральной части и вставлялся внутрь рамочки. Его полюса надежно скреплялись путем заливки конструкции силумином, Это позволяло существенно снизить габариты и вес магнита, повысить его индукцию, а также увеличить

чувствительность приборов. Полуоси вращения рамочки выполнялись в виде двух упругих тонких ленточек (растяжек) из медного сплава (специальной бронзы), которые, с одной стороны крепились к рамочке, а, с другой стороны припаивались к упругому элементу указательной части (стрелки) прибора. Это позволило удешевить приборы, уменьшить их вес, освободить пространство, занятое конструктивными элементами, и, за счет исключения трения в опорах, повысить их класс точности. Освободившееся место позволяло уменьшить габариты приборов, а также использовалось для размещения элементов преобразовательных и компенсаторных схем. В результате в состав серии были включены миниатюрные и субминиатюрные приборы, приборы переменного тока, расширены пределы измерения малых и больших величин тока и напряжения.

Вся тяжесть разработки новой серии приборов, потребовавшей полного перерасчета электрических и механических параметров, легла на нашу лабораторию, т.е. на меня, т.к. сотрудники лаборатории пришли к нам буквально со «школьной» скамьи, и им еще требовалось немало времени для приобретения необходимых знаний и опыта. Все учились на ходу. По действовавшим достаточно жестким нормативам для разработки и внедрения в производство новой серии приборов отпускалось 5 лет, нам дали 3 года, а мы справились с заданием за полгода. Таким образом, к производству приборов М358 завод фактически так и не приступил и начал свою деятельность с производства разработанной нами новой серии приборов М4200-М4203, решая все возникавшие проблемы на ходу. В 1959 году были сданы в эксплуатацию главный

корпус и корпус инструментального цеха. Завод начал функционировать. Когда я приехал, в конце 1960 года, завод стал выходить на проектную мощность.

Вот что об этом пишет сегодня Википедия.

10 февраля 1953 года Советом Министров СССР было принято решение о строительстве Чебоксарского завода электроизмерительных приборов (ЧЗЭИП). Первым директором строящегося завода был назначен Сорокин Георгий Никитович. Параллельно Всесоюзным научно-исследовательским институтом электроизмерительных приборов (г. Ленинград) велась разработка серии щитовых приборов для освоения на строящемся заводе. Было принято решение о временном внедрении в производство приборов типа М358, которые в это время выпускал Краснодарский завод измерительных приборов. В этом же году был начат набор рабочих и инженерно-технических работ. Для освоения новой специализации 25 будущих приборостроителей были направлены на учебу в Краснодарский завод измерительных приборов. Среди них была ветеран завода Дмитриева Галина Петровна, посвятившая заводу всю свою трудовую деятельность и работающая на заводе более 60 лет.

ЧЗЭИП г. Чебоксары. ЧАССР

Распоряжением совета народного хозяйства (СНХ) Чувашского экономического административного района №772-р от 24 декабря 1959 года с 1 января 1960 года ЧЗЭИП был частично введен в эксплуатацию. В сентябре 1960 года директором завода был назначен Арабянц Завен Амаякович, на долю которого выпала задача организации производства и создание работоспособного коллектива. К этому времени на заводе уже работала группа главных специалистов, приглашенных с родственных предприятий страны: Зацеркивный З.А. – главный инженер, Бурштейн М.С. – главный конструктор, Мисюк С.П., Хавронин Г.П., Конюхов Г.М., Прейгерман Л.М. – ведущие инженеры (с завода «Электроточприбор», г. Омск), Ломов В.М. – главный технолог, Немчанинов Н.И. – начальник производства, Какунин О.А. – начальник инструментального цеха (с Краснодарского завода измерительных приборов).

Слева направо: Какунин, Немчанинов, Бурштейн.

Часть одного из конвейеров 10 цеха.

В июне 1960 года на ЧЗЭИП было создано специальное конструкторское бюро (СКБ), которое приступило к разработке приборов собственной конструкции типа М4200 - М4203. Приборы успешно прошли испытания и стали базовой конструкцией для целой серии щитовых электроизмерительных приборов, выпускаемых заводом на протяжении многих лет. За этот период было выпущено 3664 прибора. Это был первый успех, который в

1961 году помог принять окончательное решение о введении в производство на ЧЗЭИП приборов собственной разработки, признанных более технологичными по сравнению с приборами, разработанными ВНИИЭП (отраслевым НИИ **электроизмерительных приборов**)...

M358, M4202

Начальником лаборатории я проработал недолго, около года. Мне повезло с молодыми ребятами, составившими инженерный костяк лаборатории. В Чебоксарах, кроме пединститута и сельскохозяйственного института, других вузов тогда еще не было. Поэтому абсолютное большинство инженеров лаборатории были выпускниками Чебоксарского электротехнического техникума. Высшее образование было только у Свешниковой, пожилой, с нашей точки зрения, женщины (ей было где-то за тридцать пять), и у Коли Исаева, окончившего физмат Казанского университета. Все ребята оказались способными учениками. Исключением из этого правила составил, пожалуй, только Леонид Яковлев, появившийся у нас при-

мерно через полгода. У него и образование было непрофильное, и знания – ниже среднего. Это был молодой человек, как потом оказалось, из элитной клановой деревни (деревни, из которой родом было большинство партийных и советских работников Чувашии). Его направили на завод с дальним прицелом, в качестве будущего номенклатурного кадра, а для выучки и получения опыта прибориста, – в мою лабораторию. Он, в отличие от других ребят, оказался малоприятным человеком, и у меня с ним отношения с самого начала не сложились.

Через год Бурштейн пошел на повышение, его назначили заместителем главного инженера, а меня – начальником СКБ. Яковлева, как ожидалось, назначили начальником цеха спецпродукции.

Оттуда, через несколько лет, в связи с увольнением и переездом Зацеркивного на Украину, он прыгнул в кресло главного инженера, а еще через полтора десятка лет стал директором завода.

С моим назначением возникла, правда, небольшая заминка. Дело в том, что моя жена тоже работала в СКБ. Она возглавляла опытно- сборочный участок. Получилось так, что она стала моей подчиненной. Зацеркивный закрыл на это глаза, и мое назначение состоялось. Теперь у меня в подчинении оказались два КБ, три лаборатории: моя бывшая лаборатория по стрелочным приборам; лаборатории по цифровым приборам и по спецтехнике (микродвигатели и шаговый искатель для космических аппаратов). Таким образом, под мое руководство попали все мои вчерашние однокашники и приятели, в т.ч. Омичи Геночка Конюхов и Сергей Мисюк. Добавлю, что Зацеркивный и

Бурштейн тоже были всего лишь чуть-чуть старше нас. Образовался этакий молодежный творческий коллектив единомышленников, генераторов идей, специалистов своего дела. В состав нашей группы входил также и Володя Зимин, тоже Омич, слесарь-механик высочайшей квалификации. Официально он числился в инструментальном цехе, но работал исключительно на нас, делал инструмент для изготовления всех деталей опытных образцов и партий приборов.

Мы все работали самозабвенно, понимали друг друга с полуслова, не прибегая к субординации и командованию. На работе забывали обо всем – домашних делах, семейных и бытовых проблемах. Спыхватывались часто, когда часы отбивали десятку, и чувство голода напоминало о себе. Конечно, нашим женам это не всегда нравилось, но я не помню, чтобы возникали по этому поводу какие-либо семейные сцены или неурядицы. Как это ни парадоксально, но мы находили время и для отдыха, часто совместного, и для времяпровождения с семьей и детьми. Впрочем, я в этом смысле находился в более привилегированном положении, т.к. Ира, моя жена, находилась со мной в одной упряжке.

Главным выпускным цехом завода, от работы которого зависели выполнение плана и, соответственно, судьба всего заводского руководства, был десятый цех. Но ему не повезло с начальником, Павлинским, бывшим работником Краснодарского завода. Он был неплохим организатором, но выпивал. Сначала он возглавил прессовочный цех. Цех работал неплохо, а 10 цех с самого начала буксовал. Поэтому Арабянц переместил его и назначил начальником 10 цеха. И очень здорово просчитался. Там,

в прессовочном цехе, Павлинский был как бы на своем месте. Инженер-механик по специальности, он и в Краснодаре возглавлял механический цех. Работа знакомая. Опыт большой. Кроме того, рабочие, технологи цеха, где-то общим числом не более нескольких десятков, сплошь мужики, такие же, как и он, любители выпить. Вместе пили, поэтому он с ними быстро нашел общий язык.

Другое дело – 10 цех. Женский коллектив, 1100 молодых девушек и женщин. У них ведь все, не так. Декретные отпуска, болезни детей, проблемы с детскими садиками, жильем. Кроме того, конвейерная технология, электротехническое оборудование, которое он не знал, полная зависимость цеха от работы других цехов и отделов. То магнитопроводы поступали не вовремя, то не хватало крепежа, то не поступали провода нужной номенклатуры, то возникал дефицит комплектующих изделий и т. д.

Ювелирная чистота в цехе, высокие требования к качеству, причем не только со стороны контролеров ОТК, но и еще в большей степени со стороны военпредов, – это все было непривычно для Павлинского. Тем более, что технологи, мастера, экономисты, диспетчера – молодые образованные женщины.

Командовать таким коллективом и работать в таких условиях он не был приучен. И цех начал месяц за месяцем проваливать план, а у Арабянца появились выговора по партийной линии.

Себя, разумеется, Павлинский виноватым не считал. Виноваты, с его точки зрения, были всегда цеха-поставщики, снабженцы, технологи. Но главным виновником он считал СКБ.

- «Понаразработали приборы, которые даже самая лучшая бригада в цехе не умеет собирать».

Мне приходилось каждый раз защищать наши детища.

Чуть ли не на каждом диспетчерском совещании повторялся один и тот же диалог.

- Арабянц. 10 -ый опять сорвал план по выпуску новых приборов переменного тока.

- Павлинский. За это я не в ответе. Приборы нетехнологичны, конструкция не отработана. Поторопились с постановкой на производство. Пусть СКБ отвечает. Тем более, что автором разработки является сам начальник СКБ, Прейгерман.

- Арабянц. Лев Моисеевич, что скажете?

- Скажу то же, что всегда. Приборы прошли испытания и МВК (межведомственная комиссия) с участием военпредов с оценкой «отлично». Разговоры о недоработанности конструкции, как мы неоднократно это доказывали, не имеют под собой никаких оснований. Простые отговорки. Наши сборщицы, с опытного участка, подтверждают, что это очень технологичный прибор. Напоминаю, прибор чрезвычайно нужный стране. Заказчики довольны. Военпреды настаивают на увеличение объемов выпуска. А цех не справляется даже с этим мизерным объемом. Конечно, конструкция этих приборов более сложная, требования повышенные. Есть операции непривычные, более трудоемкие. Это как раз то, что не устраивает начальника цеха. Как всегда, при внедрении в производство новой техники, работу тормозят психологические барьеры. От начальника цеха – до сборщиц. Больше – начальника. Он под любым предлогом отодвигает выпуск

этих приборов на конец месяца. А потом пытается в режиме штурма вытащить план. В этом все дело.

- Арабянц. Зиновий Алексеевич, ваши предложения.

Зацеркивный, разумеется, всегда меня поддерживал. Тем более, что в то время, как Арабянц, за срыв планов выпуска и поставки получал выговора, да еще по партийной линии, он за разработку новых приборов, особенно переменного тока, получал благодарности от заказчика, т.е. от руководства ВПК (военно-промышленный комплекс). Однако с некоторых пор он изменил свою позицию. И я знал почему. Вина на 100% была моя. Как говорится, молодо - зелено. У нас с ним были некоторые организационные разногласия. Это нормально. Но я, «ратуя за справедливость», вместо того, чтобы попытаться разобрататься с ним и пойти на определенные компромиссы, по молодости и глупости своей, накатал на него «телегу» в партком, с которым у него и так были натянутые отношения. Это, естественно, привело его в ярость. Я, задним числом, понял, что сглупил, забрал свое заявление из парткома, но трещину в наших отношениях уже невозможно было заделать. Ситуация, тем более, усугубилась тем, что, назначив меня начальником СКБ, он допустил, как я уже писал, семейственность, которая в советское время порицалась. Этим, разумеется, воспользовались его противники, а их, среди местных, было немало. Он, – считали они, – подвергал их дискриминации. К месту и не к месту они ему напоминали об этом. Эта тихая «война» длилась уже более двух лет. И вот теперь у него появились соображения, как одним махом разрешить все проблемы и в то же время мне «отомстить». Поэтому на просьбу Арабянца дать свои предложения, он ответил:

- У меня есть идея. Павлинский в десятом цехе не справляется. И это немудрено. Там нужен грамотный приборист. Его дальнейшее пребывание в роли начальника выпускного цеха считаю недопустимым. Поэтому предлагаю его переместить на другое место, а начальником цеха назначить Льва Моисеевича. Пусть он докажет не на словах, а на деле, что разработки СКБ жизнеспособны. Я не сомневаюсь, что в этом случае мы решим эту проблему в кратчайший срок.

Через несколько дней после этого разговора меня пригласил Арабянц.

- Положение на заводе сложное, – сказал он. Я еще раз советовался с Зиновием Алексеевичем, и мы с ним пришли к общему мнению. Просить вас возглавить 10 цех. Вообще я вам должен раскрыть секрет. Нам дали еще одну штатную единицу заместителя главного инженера, и мы с Зиновием Алексеевичем планировали вас назначить на эту должность. Но меня Зацеркивный убедил, что, кроме вас, никто не сможет изменить ситуацию в 10 цехе. Вы проявили себя, как очень грамотный инженер и хороший организатор. Вся продукция, выпускаемая цехом, – это ваши разработки. Кроме того, в цехе нет порядка, все пущено на самотек. Я сейчас обращаюсь к вам не, как директор завода, а, как человек, который, кстати, вместе с вами, создавал этот завод, У нас, не без вашей помощи, был замечательный старт, и мы не можем допустить, чтобы сегодня завод на наших глазах начал разваливаться. Но, если вы рассматриваете мое предложение как понижение в должности, то вы, конечно, можете отказаться. Признаюсь, я сам долго сомневался. Отправляя вас

на производство, мы существенно ослабляем техническую службу завода. Поэтому, вы меня знаете, я на ветер слова не бросаю. Как только положение в цехе исправится, а я вам обещаю всю необходимую помощь в этом, мы вернем вас на то место, которое вы заслуживаете и которое мы для вас планировали. С другой стороны, вы молодой человек, у вас все впереди, и несколько лет практической работы в условиях производства станут очень важным подспорьем для всей вашей будущей карьеры. Подумайте, и дайте мне свой ответ.

- Завен Амаякович, вы знаете, что у меня нет производственного опыта и необходимых знаний для работы в качестве начальника цеха. Я по природе своей теоретик, а не практик. Конечно, мне, как и вам, безразлична судьба завода, и я, безусловно, готов попробовать, а вдруг получится. Разумеется, я не смогу обойтись без вашей помощи, ведь как производственнику, мне придется снова начинать все с нуля. Я боюсь только одного, что не сумею оправдать вашего доверия. Мне не требуется времени на обдумывание. Я сразу даю свое согласие. Вы только должны мне дать несколько месяцев фору. Если вы увидите, что у меня ничего не получается, вы мне, не стесняясь, об этом скажете, и я вернусь на прежнее место. Да, и если не секрет, что будет с Павлинским? Он не подумает, что это я столкнул его с этого места?

- Отлично!

А с Павлинским я уже говорил. Он все правильно понял и решил вернуться в Краснодар. Кого бы вы хотели видеть в качестве своего заместителя?

- Я думаю Вадима Бурского. Я с ним несколько раз сталкивался. По-моему, толковый парень.

- Хорошо. В добрый час!

Так, после двух лет работы в качестве начальника СКБ, моя судьба еще раз неожиданно совершила крутой вираж, и я опять (уже в который раз) должен был начинать все с нуля. Ведь, когда я объяснял Арабянцу, что в производстве я понимаю столько же, сколько свинья в апельсине, я не кокетничал. Это была чистая правда.

Действительность, с которой я столкнулся, оказалась значительно хуже, чем я предполагал. Заканчивалась первая декада, а месячный план цеха был выполнен всего на 3%. И это считалось в порядке вещей. Я выразил недоумение, но мне объяснили, что план выполняется в основном в третьей декаде, когда цех переходит на двенадцати часовой рабочий день и круглосуточную работу.

Я решил начать свою работу в цехе с его обхода и знакомства с людьми и производством. Увидев, что некоторые конвейеры простаивают, я подошел к одному из них. Все работницы сидели на своих местах, но занимались личными делами или просто болтали. На мой вопрос, в чем дело, мне бригадир ответила, что кончились магнитопроводы. И добавила. В начале месяца у нас всегда простои. Подводят цеха-поставщики.

- Позвольте, – не понял я, – вот рядом, параллельная бригада, выпускает такие же приборы, как вы; но они работают. Значит, у них есть магнитопроводы, а у вас их нет. Почему?

В ответ – молчание. Подзываю бригадира параллельной бригады. Спрашиваю:

- Как у вас с магнитопроводами?

- Пока есть.

- Что значит пока? На час работы или на всю смену?

- Сейчас выясню.

Пошла узнавать у работницы. Мастер участка тоже не может ответить на этот вопрос.

Возвращается бригадир.

- Ну что?

- Да, дней на десять хватит.

Я от неожиданности растерялся и буквально онемел. Мое замешательство не осталось незамеченным и могло плохо закончиться для меня. Это видно было по почти нескрываемой злорадной реакции окружавших меня сотрудников. Здесь были и мастера участков, диспетчера, экономисты, технологи, и, конечно, мой заместитель Вадим Бурский. У них за плечами – большой опыт, я был уже у них третьим начальником, мальчишка в их представлении. Многие из них считали себя обиженными моим назначением и не сомневались в моем провале. А для меня это был первый экзамен. Именно здесь и сейчас reshалась моя судьба.

То, что обнаружилось, для них было привычным делом. У каждого работника бригады был свой шкафчик со своим секретным замком. Там работницы хранили неучтенные детали. Как они образовывались, толком никто не знал. Это уже потом я разобрался в этой кухне. Способов было много. Во-первых, плохой учет, обусловленный издержками планирования. Цеху, как и заводу, спускался план в нескольких показателях. По валу (т.е. по количеству приборов), по товару (в денежном выражении). Отдел сбыта под запланированный вал и товар заказывал приборы соответствующей номенклатуры согласно заявкам потребителей. Цех заказывал детали в соответствие с но-

менклатурой, по той же схеме составлялись планы бригад. Но цехам-изготовителям тоже планировали вал и товар, и им часто было выгоднее для выполнения своих планов заменять одни детали на другие. Поэтому – по одним деталям были большие излишки, по другим – недостачи. Каждые несколько дней бригадам в связи с этим меняли план по номенклатуре и выдавали детали под эти изменения. Возникла путаница, которая широко использовалась бригадирами и мастерами. Выданные раньше, но неиспользованные детали, не изымались, учитывались не строго по счету, а приблизительно, принимая на веру данные бригадиров. Процветала система приписок, по деталям в минус, а по выпущенным приборам в плюс. На эти приписки все, как цеховые, так и заводские управленцы, смотрели сквозь пальцы, так как именно они позволяли цеху и заводу отчитываться в выполнении плана. Это все усугублялось неравномерной работой заготовительных цехов. В начале месяца шла раскочка, а в последнюю декаду начинался шторм. Вести надлежащий учет в условиях «штормовщины» не было никакой возможности. Использовались также такие факторы, как естественная убыль, сокрытие списанных, но не сданных деталей бракованных приборов, а также деталей от разобранных приборов, полученных по рекламациям и пр.

Интуитивно, еще не понимая, как работает этот механизм, я как-то мгновенно сообразил, что речь идет не о каких-то упущениях, что это некая система, о которой все наверняка знают, но закрывают глаза.

Я уже говорил, что производство для меня было темным лесом, еще меньше я разбирался в плановой си-

стеме. Только чисто теоретически, еще со школьной скамьи, усвоил, что – плановая система – это огромный шаг вперед по сравнению со стихией рыночного производства, с его хронической безработицей и периодическими кризисами.

Но это я сейчас так расцениваю возникшую ситуацию. Тогда же, подавив в себе желание устроить немедленную разборку и разнос, выявить и наказать виновных, я, придя в себе от изумления, неожиданно для самого себя и для окружающих, спокойно спросил у бригадира, которая, кстати, поразила меня не только своей молодостью, но необыкновенной красотой:

- Как вас зовут?

- Лариса, – ответила, – чуть смутившись, девушка.

- Так вот Лариса! Это не приказ, а просьба. Пересчитайте свои магнитопроводы и разделите их на две равные части. Одну часть одолжите своей соседке.

- Алексей Николаевич, – обратился я к старшему диспетчеру, – когда ожидается очередная поставка магнитопроводов?

- Цех обещал послезавтра. Могут на день-два задержать.

- Пометьте себе, – сразу же вернуть долг Ларисе.

- Так, все свободны.

- Вадим Иванович, а вы обойдите цех и по той же схеме организуйте работу всех конвейеров, в том числе и второй смены. И так каждый день. Запомните, вы лично отвечаете за простои бригад. На этом я свой первый обход цеха закончил и, весьма довольный собой, развернулся, чтобы уйти. Но тут меня резанули слова, нарочито громко брошенные кем-то мне вслед, в спину:

- Новая метла!..

Вернувшись в свой кабинет, я вывесил на дверях табличку. « Занят. Прошу не мешать!», и глубоко задумался.

Так оставлять нельзя! Надо все ломать! Но как? Одно дело отдать распоряжение, принять какое-то временное решение, пусть и, на первый взгляд, удачное. А другое дело коренным образом изменить ситуацию, нарушить устоявшийся порядок, а, точнее, беспорядок. Руководить ситуацией, а не работать спасателем.

По сути дела, – думал я, – цех – это механизм, который должен работать, как часы с автоматическим регулированием. Любое вмешательство извне в состоянии только разупорядчить его работу. Моя задача, начальника цеха, заключается в том, чтобы вовремя заводить эти часы, а не подводить каждый раз стрелку, ликвидируя то отставание, то излишнюю спешку.

Конечно, надо посоветоваться с персоналом, выслушать предложение каждого. Но это потом. Сначала необходимо самому во всем разобраться, принять для себя решение, только тогда можно будет оценить любые другие предложения.

Прежде всего у меня начали созреть предложения, как покончить с штурмовщиной. Перебрав все возможные варианты, я пришел к выводу, что для этого надо заранее месячный план равномерно распределить по всем рабочим дням и не допускать ни срыва, ни перевыполнения суточных планов. Первое было совершенно очевидно. Но как объяснить всем, что перевыполнение плана также недопустимо, так как оно приводит к нарушению ритма и не в меньшей, а иногда даже в большей степени, чем его

недовыполнение, делает штурмовщину неизбежной и периодически повторяющейся? Ведь это противоречило основам советской плановой системы, которая любое перевыполнение плана, в том числе на государственном уровне, всячески поощряла.

Мне было понятно, что задуманная мною реформа при существующем положении вещей, невыполнима, так как поставка деталей заготовительными цехами происходит неравномерно. Свои месячные планы они, как и мы, тоже выполняют в основном в третьей декаде. Конечно, можно было и их перевести на суточное планирование. Но для этого, они должны были равномерно снабжаться сырьем и материалами, что в условиях хронических дефицитов, характерных для социалистической экономики, было категорически невозможно.

Оставалось лишь одно. Сознательно допустить невыполнение месячного плана, создать соответствующие заделы по деталям и комплектующим изделиям, с помощью которых подпитывать недостачу, связанную с недопоставками, а перепоставки цехов и снабженцев третьей декады опять использовать в качестве задела для следующего месяца и т. д.

С этим я и пошел к Арабянцу, наивно надеясь на его поддержку. Я тогда не понимал, что это грозит ему не только увольнением, но и исключением из Партии, т.е. полным разрушением его карьеры.

Он, разумеется, не только не поддержал меня, но запретил мне даже об этом думать:

- Я вам обещал помочь. Поэтому я обратился вчера в профком с просьбой перевести цех на круглосуточную ра-

боту уже с 15 числа. И вот еще что. Я знал, что ваше назначение вызовет у многих недовольство. Ждал, что посыпятся анонимные жалобы, у нас это принято. Особенно после эпизода с магнитопроводами, о котором наслышан, и одобряю. Но пока тишь и гладь. Это говорит в вашу пользу. Но не обольщайтесь. Будут недовольные, будут жалобы. Мой вам совет – не обращайтесь внимание. Этим вам придется переболеть.

Арабьянец оказался прав. Но он не предусмотрел, что жалобы на этот раз придут не к нему, а уйдут наверх...

Я уже говорил, что в цехе работало 1100 молодых девушек и женщин. Работа в цехе считалась привилегией. Чистота идеальная. Условия комфортные. Работа, конечно, требовала высокой квалификации, внимания, но физически была легкой, даже приятной. Зарплаты были неплохие, особенно за счет сверхурочных часов, работу в выходные дни в конце месяца и т.д. Поэтому среди работниц было немало дочерей, жен и родственниц высокого начальства, и все, что у нас происходило, им становилось известно.

Нарушений у нас было немало. Во-первых – подростки. По закону у них был сокращенный рабочий день. Но конвейерная работа не допускала их преждевременный уход с работы, а за переработку им доплачивали. Это было незаконно, но широко практиковалось. Во-вторых, двенадцати часовой рабочий день и работа в выходные дни категорически запрещались. Об этих нарушениях знали все – от заводского начальства, заводской профсоюзной и партийной организаций до городских и республиканских организаций, в том числе и в совнархозе, горкоме и обкоме профсоюзов и даже в обкоме Партии.

Знали, но закрывали на это глаза. Однако, если поступала жалоба, именная или анонимная, они были вынуждены реагировать.

Кроме того, в облсовпрофе сидели люди, которые до сих пор не простили руководству завода Сорокина и ждали удобного случая, чтобы расправиться с Арабьянцем. А тут Арабьянец сам полез в петлю. Хотя переход на двенадцатичасовой рабочий день в третью декаду месяца, не им было придумано, практически все заводы этим пользовались, аллергию в облсовпрофе вызывал, однако, только наш завод. Я даже подозреваю, что Арабьянец в свое время поставил начальником выпускного цеха Павлинского не случайно. Ведь он умел с инспекторами облсовпрофа и с другим высоким начальством находить общий язык, используя для этой цели спирт. Как начальник цеха, он обладал в этом смысле большими возможностями, так как распоряжался высококачественным спиртом, предусмотренной технологией сборки приборов, и мог с его помощью купить любого проверяющего. Назначая меня, Арабьянец, вероятно, полагал, что я воспользуюсь опытом Павлинского, но тут он просчитался. Моя доведенная до глупости наивная честность не позволяла мне пойти по данному скользкому пути, и это сразу сказалось.

Переходя на новый график работы, мы с Вадимом разделили обязанности. Я работал в первую смену, а он выразил желание работать ночным директором. В первый же день этой новой реальности разразился скандал.

Оставив цех на Вадима, я был не спокоен, долго ворочался, не мог заснуть. Смена заканчивалась в 7 часов, мы договорились, что я приду в 6, но я не выдержал. В 3

часа я уже был на ногах и пошел на завод, благо я жил недалеко от него. Подходя к заводу со стороны центральной проходной, я обратил внимание, что рядом с ней стоят какие-то незнакомые мне машины, около которых копошались люди.

-Так рано, – подумал я, – что они тут делают?

Не желая испытывать судьбу, я обошел завод, прошел через дальнюю проходную и вошел в цех черным ходом, благо его ключ оказался у меня в связке. Вадим увидел меня, очень обрадовался.

-Примерно в час ночи раздался стук в дверь, – рассказал он мне, – Я, конечно, подозревал, что туда, наверх, уже доложили. У них ведь в цехе давно есть свои глаза и уши. Ночных гостей я ждал. Не в первый же раз. Но такая оперативность удивила меня. Я понял, что от этого визита хорошего нечего ждать, ведь «расплачиваться» с ними вы категорически запретили. Поэтому я решил двери не открывать. Мол, нет никого. Там долго стучали, но поняли, что двери им не откроют и ушли. Однако намотчицы вдруг в полном составе остановили работу и заявили, что они уходят домой. Скорее всего, это тоже было неспроста, а заранее организовано. Я их долго уговаривал, не помогло. Тогда я закрыл все двери на ключ. Поняв, что это серьезно и что я не отступлю, они вернулись на участок, продолжили работу, но заявили, что завтра обжалуют мой производ.

- Что делать?

- Значит так. Смену закончить не в 7 часов, а для разных бригад в разное время – с 5 до 6. Выпускать людей постепенно, черным ходом, через дальнюю проходную. Отправьте туда кого-нибудь из ребят, чтобы он направлял

на автобусы людей не со стороны центральной проходной, а в обход. Да, бригадирам объявите, что с сегодняшнего дня мы возвращаемся к обычному графику и что они обязаны обеспечить для подростков сокращенный рабочий день. Пусть проведут соответствующие перемещения на конвейерах. Подготовьте приказ по цеху, что сверхурочная работа и работа по выходным дням строго запрещена. Убедить в необходимости этого шага Арабянца я беру на себя.

- А как же с планом? Без сверхурочных часов мы его провалим.

- План остается по-прежнему основным законом для всех. За невыполнение плана – строгие наказания мастеров, вплоть до увольнения, смещение бригадиров, наказание рабочих рублем. Мастерам и диспетчерам поддерживать непрерывную связь с цехами-поставщиками. Планирование проводить не по валу и товару, а по номенклатуре, обеспечивающее одновременно выполнение всех плановых показателей цеха.

Я, конечно, не подозревал, что к подобным решениям в масштабе всей страны через много лет придет Косыгин, отменит пресловутый вал и введет планирование по поставкам, т.е. по номенклатуре. В советской плановой системе это было самое удачное решение, хотя спасти провальную командную экономику, пусть даже социализма с человеческим лицом, ничто не могло.

Рано утром меня вызвал Арабянец.

Он уже все знал. У него успели побывать намотчицы.

- Вадим Иванович, хотя и грубовато, и вы в целом поступили правильно. Одобряю. У проверяющих явных доказательств нет. Но это пока. А как быть дальше?

- Завен Амаякович, я должен у вас попросить прощения, но я уже отменил ваше распоряжение о переходе на 12-часовой рабочий день, приказом по цеху запретил все сверхурочные, работу по выходным дням. Мы примем все меры, чтобы обеспечить выполнение плана, хотя в течение первых двух месяцев не обещаю. В последующие – гарантирую. Если мы в третьей декаде увидим, что дело идет к срыву плана, мы вас официально поставим об этом в известность, мотивируя это объективными данными по недопоставкам материалов и комплектующих смежниками и непокрытия ими дефицитов. Это даст вам основание выйти в облсовпроф с просьбой о разрешении организации сверхурочной работы. Разрешат – хорошо. Не разрешат – можно будет вину за невыполнение плана переложить на них. Понимаю, что вас не похвалят за это в обкоме Партии. Но я вину возьму полностью на себя. Официально заявлю, что к цехам-поставщикам и круководству завода у меня претензий нет и что, несмотря на это, я сумел организовать выполнение плана. Если вы одобрите эти меры, я их сегодня доведу до всего коллектива. Подозреваю, что будет много недовольных, ведь сверхурочные – это дополнительный заработок, в котором наши работники, безусловно, нуждаются. Но есть альтернатива – повышение производительности.

- Хорошо. Решение приму через несколько дней, когда все уляжется. Я думаю, что долго не придется ждать. А вы пока работайте по обычному графику.

Вопреки нашим ожиданиям, последующие три дня прошли спокойно. Казалось, что гроза миновала. Но вдруг – гром и молния. В центральной газете «Советская Чува-

шая» появилась разгромная статья одного из наших мастеров, в которой была воссоздана картина той злополучной ночи. В статье, автор, ссылаясь, якобы, на требования рабочих, предлагал Вадима за попытку обмана контролеров облсовпрофа и проявленный произвол привлечь к уголовной ответственности, начальника цеха немедленно сместить и на его место поставить опытного, грамотного, политически зрелого специалиста с большим стажем работы в цехе. Нет сомнения, что статья была организована.

Арабьянца вызвали на ковер, сначала в облсовпроф, затем в обком Партии. Он себя повел очень благородно, взял всю вину на себя, сказал, что мы с Вадимом действовали по его приказу, заявил, что план этого и следующего месяца из-за срыва своевременных поставок смежниками (данные я приготовил) завод, работая в нормальном режиме, не сможет выполнить. Несмотря на это, разрешение на организацию сверхурочной работы для выполнения плана ему не дали. В результате он вернулся на завод с двумя выговорами. После этого вызвали Вадима в облсовпроф, он покался и отделался выговором, а меня даже никуда не вызывали и не наказали. Здесь сыграло роль и то обстоятельство, что я не был членом Партии.

Арабьянец, со своей стороны, дал добро на все мои предложения. Мы провели Собрания во всех бригадах. Как я и ожидал, было много недовольных. Я высказал недоумение по поводу недовольства работниц.

- Мы пошли вам навстречу и удовлетворили все ваши требования, которые вы высказали в своих многочисленных вполне справедливых жалобах. А вы почему-то за это нас упрекаете. Я понимаю, что из-за запрета сверхуроч-

ных ваши заработки несколько снизятся. Но вы это снижение можете с лихвой ликвидировать путем повышения производительности при условии, конечно, если оно не повлияет на качество.

Оно так и произошло.

Я после этого проработал в качестве начальника цеха два с лишним года. План первого месяца мы сорвали на 10%, второго – на 1,5%. В течение остального времени, выполняя план по всем показателям, цех держал переходящее красное знамя, как лучший цех завода. За это время мы ни разу его не теряли, ежемесячно в связи этим получали хорошие премиальные. Отношение ко мне персонала цеха, а также работниц резко изменилось в лучшую сторону. За время своей работы в цехе я добился существенного повышения зарплаток, улучшения квартирных условий работников, многое сделал для того, чтобы уменьшить дефицит мест в яслях и садиках.

Правда, мои отношения с женским коллективом оставались сугубо официальными. Во-первых, их было много, а я один. Я никогда не отличался памятью на лица, а тем более такого большого количества лиц я не мог запомнить. Поэтому, встречаясь на улице, я многих не узнавал и не здоровался с ними. Отсюда пошла молва, что Прейгерман, дескать, – гордый человек, даже не здоровается при встречах. Кроме того, большинство из моих работниц, красавицы, сексуальные молодые девушки и женщины, не все отличались строгой нравственностью, они привыкли, что все мужики заглядываются на них, а в цехе они умело пользовались своими чарами, чтобы добиваться своего, ведь мастера и другое начальство, как правило, молодые ребята. Разве устоишь перед такой

чертовкой? А у меня молодая, любимая жена. Они все возмущались. Прейгерман, как чурка. Поставь перед ним голую девку раком, а он пройдет и даже не заметит

5.3.И опять с нуля.

Через некоторое время был ликвидирован чувашский Совнархоз. Чувашский промышленный район был переподчинен Волго-Вятскому Совнархозу с центром в г. Горький. Усилились требования по выращиванию местных, национальных кадров. Зацеркивному и Арабянцу пришлось им уступить свое место. Место гл. инженера занял, как я уже писал, мой ученик, Леонид Яковлев. На место Арабянца перевели директора Чувашкабеля, Леонида Филипповича Башкирова. Во время передачи дел Башкирову Арабянц меня вызвал и предложил срочно вступить в Партию, вручив мне написанную им характеристику. Если вы этого не сделаете, я не смогу выполнить свое обещание. В горкоме не утвердят.

Я, тем не менее, от вступления в Партию воздержался. Он очень рассердился, свою характеристику при мне разорвал, но, несмотря на это, представил меня Башкирову.

- Это Лев Моисеевич, – сказал он, – начальник выпускного 10 цеха, один из самых грамотных прибористов. Все, что выпускает завод, кроме спецтехники, это его разработки. Он принял цех в сложном состоянии по моей просьбе. Я ему гарантировал, что после того, как он исправит положение в цехе, мы его вернем на зарезервированное для него место зам. гл. инженера. Лев Моисеевич не только исправил положение в цехе, но сделал 10 цех

лучшим на заводе. Он назван одним из лучших начальников цехов предприятий города. Кроме того, он подготовил себе хорошую смену, Бурского Вадима Ивановича. Думаю, что пришло время выполнить мое обещание.

- Да-да! – сказал Башкиров. Не сомневайтесь, Завен Амаякович. Как только я освоюсь со всеми делами, я решу этот вопрос.

Сказал, но выполнить не спешил. Пока я занимался инновационной работой, связанной с реализацией задуманного мною коренного реформирования производства цеха, мне было интересно. Пришлось преодолеть немало препятствий, но, в конечном итоге цех заработал, как часы, те самые, о которых я когда-то мечтал, с автоматическим регулированием. К этому времени дальнейшая работа начальником цеха меня уже не устраивала, стало скучно.

Признаться, я не совсем был оторван от работы СКБ. Дело в том, что моя жена успешно закончила учебу в университете, получила диплом инженера по автоматике и телемеханике и возглавила ту самую лабораторию, с которой начиналась моя работа на заводе. Поэтому я не только был в курсе всех новых разработок СКБ, но косвенно, помогая жене, в них участвовал. Однако центр тяжести новых разработок был по инициативе Зацеркивного перенесен с исследовательской работы на конструкторскую, направленную на улучшение внешнего вида приборов, а – по инициативе Бурштейна – со стрелочных приборов – на цифровые.

Поняв, что Башкиров не очень торопится меня вернуть на техническую работу, я ему начал напоминать о

себе. Ему, конечно, было выгоднее оставить меня начальником цеха. Меньше головной боли.

Кроме того, было еще одно препятствие, которое я изначально опустил. Яковлев. Он категорически не хотел меня видеть в качестве своего заместителя. Его позиция, как это ни парадоксально, совпала с позицией Бурштейна. Они оба знали мои возможности и принципиальность, опасались, видимо, конкуренции.

Поэтому Башкиров крутился между нами, как на сковороде, не зная, к какому берегу приплыть. Наконец, он принял, решение, конечно, по подсказке Яковлева.

- Мы решили вашу просьбу удовлетворить, – сказал он, – вы знаете, что часто новые приборы СКБ передает в серийное производство не до конца отработанными. Поэтому мы приняли решение создать буферный отдел главного конструктора, а вас назначить главным конструктором. Вы, как нельзя лучше, подходите для этой работы. Вы прекрасно знаете технику и производство, работали и начальником СКБ, и начальником цеха. Готовые для серийного производства новые приборы, СКБ будет передавать не цеху, а отделу главного конструктора. Вы после тщательного исследования документации и проведения необходимых испытаний приборов, будете принимать решение.

- Леонид Филиппович, – ответил я, – позвольте внести маленькую поправку. Во-первых, вы выполняете не мою просьбу, а свои обязательства. Я у вас ничего не просил, и вы мне одолжения не делаете. Во-вторых, я не могу согласиться с вами, что СКБ, якобы, передает в производство неотработанные приборы. За все время не было ни одного такого случая. Да, Павлинский, бывший начальник

10 цеха, неоднократно прикрывал свои упущения обвинениями в адрес СКБ. Он целый год никак не мог наладить серийное производство нового прибора и на всех планерках обвинял в этом СКБ. Я, придя в цех, сразу же организовал его производство, но не с помощью технических решений, а только организационных. Наконец, чтобы ревизовать работу СКБ в отдел главного конструктора надо будет направить работников высочайшей квалификации, а где их взять? Если в СКБ, значит, его ослабить, что недопустимо. Да и СКБ никогда не отдаст своих лучших работников, а худшие – мне не нужны. Так что в результате я стану мальчишкой для битья. Это меня не устраивает.

Леонид Филиппович, – вмешался в разговор Яковлев, – я думаю, можно Льву Моисеевичу открыть, что неделю тому назад его кандидатура на должность зам. главного инженера обсуждалась в горкоме Партии, но горком настоял, что на номенклатурные должности следует выдвигать, в первую очередь, членов Партии. Вас, Лев Моисеевич, насколько мне известно, рекомендовал Арабянц в Партию, но вы по неизвестным нам причинам, воздержались от этого шага. Что же касается отдела главного конструктора, то я не могу с вами согласиться. В первое время, когда завод создавался, и надо было ускоренными темпами внедрять приборы в производство, без этого отдела еще можно было обойтись, более того, он бы стал помехой ускоренному становлению завода. Сегодня, когда завод вышел на проектную мощность, и работает в нормальном режиме, создание буферного отдела между разработчиками и производством стало настоятельной необходимостью. Я специально изучил ситуацию и с удивлением узнал, что наш завод единственный в отрасли, где

нет отдела гл. конструктора. И во ВНИИЭП удивляются этому. Да и военпреды, кстати, давно уже требуют его создание. Само существование отдела главного конструктора повысит ответственность разработчиков и качество их работы, ликвидирует пререкания между производством и разработчиками. Пока вы были начальником цеха, пререкания исчезли, так как вы пришли в цех из СКБ и прекрасно знали специфику его работы. Придет новый начальник, и они возобновятся с новой силой. Поэтому, независимо от того, согласитесь ли вы или не согласитесь возглавить этот отдел, мы его все равно создадим. Приказ о его создании направлен уже нами на согласование во ВНИИЭП. Вы совершенно правильно указали, что его надо будет укомплектовать квалифицированными кадрами. Именно поэтому мы предлагаем вам взяться за его организацию. Вы ведь не только специалист высшего класса, но и прекрасный педагог. Это я по себе знаю. Наконец, по большому счету главный конструктор, как и главный технолог – это и есть первые заместители гл. инженера. Говоря откровенно, – заместитель со штатным коллективом работников меня куда больше устраивает, чем просто очередной советчик.

Мне нечего было возразить, и я дал свое согласие. Однако, увы, мои подозрения вскоре подтвердились. Несмотря на красивые слова, отдел создавался Яковлевым только для того, чтобы как-то от меня отделаться. По существу, я оказался не у дел. Яковлев мое мнение и мои предложения, полностью игнорировал. СКБ и отдел гл. технолога, по его примеру, тоже пытались меня обходить. Я начал протестовать и все больше входил в конфронтацию с Яковлевым. В один прекрасный момент я понял, что

мне надо уходить с завода. Этому способствовало еще то, что меня уже пару месяцев приглашали перейти на работу в соседний научно-исследовательский институт релестроения (тогда ЧЭТНИИ, а с 1969 года – ВНИИР).

Институт получил задание по разработке миниатюрных реле, дистанционных переключателей и автоматов для космических аппаратов «Прогресс», «Восток», «Мир», «Буран», «Ямал лей», а также для проекта высадки человека на Луну. С этой целью был создан во главе с крупным специалистом аппаратчиком, бывшим работником аппаратного завода, Яковом Юльевичем Вундером, специальный отдел, и институт подбирал специалистов-разработчиков. Туда собрали лучших конструкторов и исследователей института. Этот коллектив возглавил известный специалист по реле Евгений Владимирович Сагарадзе, будущий генеральный директор института. Работы было много, и КБ Сагарадзе не справлялось с его объемом. Поэтому гл. инженер Поздеев по инициативе Вундера решил создать еще одно КБ, специально для разработки автомата АЗСД. Я не был знаком ни с Вундером, ни с Сагарадзе, но по делам достаточно часто встречался с заместителем главного инженера аппаратного завода, Эдельштейном и был знаком с руководителем исследовательской лаборатории спецотдела Вундера Годой Нудельманом, который жил по соседству с Бурштейном. Как-то разговорились с Нудельманом:

-А почему ты не переходишь к нам в институт? – спросил он. На заводе нет особых перспектив для роста. А у нас сейчас в отделе новое КБ создается. Нужен специалист на должность начальника КБ. Я Вундеру твою кандидатуру предложил. Подумай.

- А что в институте нельзя подобрать специалиста? Почему надо искать его где-то на стороне? Я, тем более, приборист. Реле, электроникой никогда не занимался.

- Ну, у тебя ведь университетское образование. Быстро разберешься. У нас молодых ребят много. Но у них нет пока опыта. А ты известный в городе специалист, есть большой опыт работы с военпредами, первая форма. Ведь мы работаем на космос. Со второй формой туда не сунешься.

И вот теперь, когда я решил уволиться с завода, я вспомнил предложение Годы. Уже на следующий день он мне сообщил, что меня приглашает директор Института, Осадченко, на собеседование. Так в моей карьере, после девятилетней работы в качестве прибориста, произошел еще один крутой поворот.

В течение некоторого времени я сочетал в себе в единственном лице и начальника КБ, и его подчиненных. В институте Вундер не мог найти специалистов, тем более с первой формой, на аппаратном заводе, хотя завод и работал на оборонку, их тоже не оказалось. Мне разрешили взять людей со стороны. Я пригласил женщину из моей бывшей лаборатории. Она, хотя звезд с неба не хватала, но была очень дотошным, надежным работником. Одного работника, по существу еще молодого специалиста, мне уступил из своего КБ Сагарадзе. Он оказался хорошим конструктором.

У нас дело пошло очень быстро. Я изменил и схему, и конструкцию автомата, эскизно предложенные КБ Сагарадзе до меня, разработал миниатюрное реле тока, уменьшил габариты автомата примерно в 2 раза, сделал автомат компактным. Вместо предложенных Сагарадзе

довольно неуклюжих габаритных реле собственной конструкции применил очень маленькие симпатичные промежуточные спецреле Алатырского завода, заменил несовершенные меднозакисные диоды на маленькие кремниевые диоды, которые были мне хорошо знакомы по прежней работе, очень удачно разместил громоздкий шаговый искатель, его тоже удалось усовершенствовать. Хотел применить входивший тогда в моду печатный монтаж, но военпред сразу наложил на него табу. Тогда пошел по другому пути. Применил безвинтовое крепление поддона и крышки корпуса, в поддоне по оптимальному маршруту выполнил канавки, куда уложил микроминиатюрные монтажные провода с последующей заливкой каналов заподлицо.

Через полгода после жестких испытаний поехал представлять новый аппарат в институт Королева, что в Подлипках в Подмосковье. Там нашу работу одобрили, и мы его начали готовить к МВК. Уже в 1966 г автомат был запущен в серийное производство в спецкорпусе аппаратного завода. Он без особых изменений до сих пор выпускается.

В институте Королева, кстати, познакомился с очень интересным человеком. Это было еще время, когда Королев для всех был безымянным главным конструктором. От моего нового знакомого, под большим секретом, я узнал, что Королев, да и он сам, из репрессированных. Он мне рассказал, как их команду, в основном физиков и химиков с высшим образованием, в конце 1944 года собрали из разных лагерей, подкормили, одели в военную форму, в течение 2 недель обучали военному искусству и отправили в Германию.

- В Германии, – рассказывал он, – нас бросили на передовую. Мы шли впереди всех, сразу за дозором. Нам выдали карты, на которых были обозначены предполагаемые подземные заводы, выпускавшие ракеты ФАУ. Нашей команде были приданы несколько боевых взводов, которые огнем прокладывали нам дорогу. В нашу задачу входило – врываться в эти заводы, пленить их работников, собирать всю документацию, оборудование упаковывать и отправлять в тыл по выданным нам адресам. К нашему удивлению мы, на этих заводах, как правило, сопротивления не встречали, среди работников ни военных, ни гражданских специалистов не встречали, их заблаговременно вместе с основной документацией вывозили, большинство из них сдавалось союзникам. Работниками были наши военнопленные. Их тут же подбирал СМЕРШ. Некоторых из них после допросов направляли в наши команды, а остальных – в штрафбаты и ГУЛАГ.

- Вы были среди первых. Почему же вы работаете здесь, а не там, наверху?

- Это нас специально по разным отделам разбросали, чтобы мы не общались. У нас ведь, не как у людей. Если мне надо в другой отдел, мой начальник получает разрешение, передает его охраннику, а с нужным мне работником я встречаюсь не на его рабочем месте, а в специальной комнате. Впрочем, я не обижаюсь. Сережа нас не дает в обиду. Зарплата хорошая. Снабжение приличное.

Все у меня на новом месте складывалось хорошо. Вундер и Поздеев ценили меня, как хорошего и перспективного работника, я не слезал с доски Почета института и вошел в первую десятку претендентов на новую четырех-

комнатную квартиру в доме, который строился на средства института. Я даже стал подумывать о подготовке диссертационной работы. Хотя для Сагарадзе я неожиданно стал конкурентом, у меня с ним сложились хорошие творческие отношения.

5.4. Новый поворот.

Между тем, совершенно независимо от меня, стала складываться неблагоприятная ситуация. Все началось с того, что советская лунная программа с высадкой человека на Луне забуксовала. Неожиданно умер Королев. Американцы вырвались вперед.

Для института лунная программа имела судьбоносное значение. Ведь он был сначала создан еще во времена чувашского Совнархоза исключительно как научно-исследовательское подразделение Чебоксарского аппаратного завода. Назывался он Чебоксарским электротехническим научно-исследовательским институтом (ЧЭТНИИ).

Аппаратный завод был в основном гражданским, а специзделия завода курировал его отдел главного конструктора, который лишь изредка, в особо важных случаях, привлекал к этим работам институт. Попадали эти работы, разумеется, в спецотдел Вундера. Здесь ими занимался его заместитель, Филимонов. С тех пор, как институт стал работать на космос, изменился и его статус. Теперь он стал базовым независимым Всесоюзным институтом релестроения (ВНИИР), спецотдел которого, а, точнее, КБ Сагарадзе и мое КБ, работали исключительно на лун-

ную программу. Изделиями оборонного значения, не связанными с космосом, по-прежнему занимался Филимонов.

В связи с сокращением работ института по космосу Поздеев стал в спешном порядке расширять область деятельности спецотдела. Он, таким образом, добился того, что спецотдел и связанный с ним статус института не изменились, но объем работ отдела уменьшился. Надобность в работе двух КБ отпала, мое КБ ликвидировали, а меня перевели начальником КБ аппаратного отдела.

Начальник этого отдела, Рокотов Петр Васильевич, был известным специалистом в области реле и аппаратов, но вместе с тем страдал излишним честолюбием и самооценкой. Он, в частности, считал, что в реле и аппаратах, кроме него, никто не разбирается. К их замене эквивалентными полупроводниковыми приборами, т.е. к основной тематике института, относился с иронией, работников отдела, своих подчиненных, считал, в лучшем случае, школярами, с их мнениями не считался, возражения не терпел, всячески третировал их и оскорблял, буквально издевался над ними. Кроме того, он был алкоголиком, часто на работу приходил пьяным. Он, как и сам Осадченко, был типичным авторитарным руководителем сталинского разлива и считался человеком Осадченко. Его отношения с Поздеевым, наоборот, не сложились. Поздеев непрочь был бы от него избавиться. Похоже, что с моим назначением были связаны в этом смысле его определенные надежды. Я был слишком молод, не искушен в баталиях института, принимал все за чистую монету. А он, мой босс то есть, был тертый калач, подозрительный и коварный. Планы Поздеева он быстро разгадал, сумел убедить в них

Осадченко. И начая бой гигантов с пигмеями, в центре которого я оказался совершенно неожиданно для себя.

Согласно приказу по институту на мое, т.е. вновь организуемое КБ, возлагалась серьезная задача разработки новой серии промежуточных реле, и начальник отдела, Рокотов, обязывался в течение двух недель укомплектовать КБ не менее, чем пятью квалифицированными конструкторами и 1-2 исследователями. К моменту моего перехода в отдел в моем будущем КБ работал один конструктор, Сидоров. Конструктором Сидоров в действительности не был и за кульманом никогда не стоял. Зато он был хорошим художником и рисовал все в аксонометрической проекции. В институте он работал давно, но никто его всерьез не воспринимал, его перекидывали с одного отдела в другой. В аппаратный отдел его перебрали за два месяца до меня. Укомплектовать мое КБ штатными конструкторами Рокотов, видимо, даже не собирался. Так мы, вдвоем с Сидоровым, стартовали. На мой вопрос, чем он тут занимается, он ответил:

- В общем – ничем, так, – на подхвате.

- А вам, молодой человек, я не завидую, – продолжал он. Наш волкодав, – показал он глазами на Рокотова, – вас быстро в бараний рог согнет.

И действительно. Когда я потребовал у Рокотова, чтоб он укомплектовал КБ в соответствии с Распоряжением Поздеева, он сходу рубанул.

- У меня людей нет!

- Но ведь есть Распоряжение Поздеева.

- Пусть Поздеев и комплектует, на меня не рассчитывайте.

- Но позвольте, КБ не может работать без конструкторов.

- А у вас есть конструктор, Сидоров!

- Но вы же знаете, он не конструктор.

- Так становитесь сами за кульман! Подумаешь, начальник какой! Большая шишка на ровном месте! Думаете, мы не знаем? Вундер ваш свояк! А свояк свояка видит издалека! У меня этот номер не пройдет! Кто вы такой! Вы же никто!

- Что такое вы говорите? Ведь это...

Я захлебнулся от негодования.

А он продолжал, не слушая меня:

-Вы вот конструкторов требуете. Зачем они вам? Вы сначала разберитесь в том, что такое реле, с чем его едят. А потом поговорим. Я вам на это два, нет, три месяца даю. Все! Не отнимайте у меня больше времени!

Первым моим побуждением было – бросить ему заявление об уходе, но я быстро передумал. Ведь это как раз то, что он добивается.

И отчет, на который он мне дал 3 месяца, лег у него на стол через 2 недели. Я сознательно литературой не пользовался, чтобы он не мог меня упрекнуть в том, что я все списал. Все-таки три года работы в спецотделе для меня зря не прошли.

- Что это вы мне эту чушь подсовываете? За две недели изучить реле сам господь-бог не смог бы.

- А я их и не изучал. Я их и так знаю не хуже вас.

- Что?! – взвился он, вы...

- А вы почитайте, – не дал я ему договорить, и ушел на свое рабочее место.

Задумался. Отчет отчетом, но полученное задание надо выполнять. Срок нам дали ограниченный. За это время довольно сложную, как я понял, серию реле надо сконструировать, изготовить и испытать опытные образцы, а заказать их изготовление в опытном производстве без тщательно отработанных чертежей в принципе невозможно. Придется мне, видимо, как сказал Рокотов, самому стать за кульман, т.е. начать с нуля и освоить новую для меня профессию, конструктора-чертежника.

- Не отчаивайтесь, – услышал я вдруг за своей спиной голос Сидорова, который, молча, наблюдал все это время за нашим разговором. Обойдемся без конструкторов. Да, чертежи для меня темный лес. Но они нам не нужны.

- Как это?

- Я ведь не первый день работаю в институте. В опытном цехе меня хорошо знают. У меня сложились прекрасные отношения не только с начальством цеха, но и с рабочими, особенно с инструментальщиками. Они, представьте себе, мои рисунки предпочитают любым чертежам. Говорят, что по ним значительно легче работать, обсуждать возникающие проблемы и меньше допускать ошибок. Вопрос в другом. Уж слишком хитрую серию нам подкинули. У меня опыт большой, я все время размышляю над ее конструкцией, но до сих пор ничего приличного мне в голову не пришло.

- Вы знаете, пока я работал над отчетом, у меня, кажется, появилась неплохая мысль, и я как раз хотел ее обсудить с вами.

- Да? Очень интересно. Я весь внимание!

Я коротко объяснил ему основную идею. Он внимательно меня выслушал. Несколько минут сидел, молча, а потом, со всего размаху, хлопнул себя по лбу.

- Да, все удивительно просто, как я до этого не додумался? Все! Они у нас в кармане! Должен вам признаться, что сегодня утром, когда вы пришли с отчетом, я нехорошо о вас подумал. Хвастун! Если быть откровенным, я и сейчас не понимаю. Как вы за две недели разобрались в том, на что люди тратят годы?

- Какие две недели? Что вы? Почти три года! Ведь все эти реле и аппараты, которыми занимается наш отдел, – это, извините, детские игрушки, по сравнению с тем, чем мы занимались в спецотделе. Поэтому, когда я сказал Рокотову, что мне не надо было что-то изучать, так как я знаю реле не хуже его, я не хвастался. Это правда.

- Когда я услышал это, я чуть не упал. Он ведь привык, что его называют лучшим специалистом, а тут приходит, извините, сопляк... В общем понимаете. Он весь покраснел, взъерошился, я подумал, что сейчас его кондрашка хватит. Такие слова он, наверно, первый раз в своей жизни слышал. Уверен, будет теперь землю носом рыть, но сделает все, чтобы вас выжать из отдела. Не случайно, не успев даже отдышаться, побежал к Осадченко. Будьте бдительны. Ждите очередной гадости. Я бы на вашем месте его упредил, пошел бы к Поздееву и все бы ему выложил, как на духу.

- Да ну, по-моему, вы преувеличиваете. Это только у Гоголя унтер-офицерская вдова сама себя высекала. Зачем Рокотову повторять эту глупость?

- Смотрите, как знаете, я вас предупредил.

Как ни странно, но Сидоров оказался прав. Уже на второй день меня вызвал Осадченко.

Он раскопал дело 3-х летней давности, к которому я не имел никакого отношения. Речь в нем шла о задержке согласования ТУ изделия оборонного значения. Так как Осадченко по представлению военного ведомства получил за это выговор, он вызвал Вундера и приказал срочно найти эти ТУ. В отделе начался шмон, перетрясли все столы, и их нашли, к удивлению всех, почему-то в ящике моего стола, о чем и доложили Осадченко. На самом деле это был не мой стол, а стол Филимонова. Но с моим приходом в отдел Филимонов уступил мне свое рабочее место, а сам перешел в кабинет Вундера, забрав все свои бумаги, но, оставив эти злосчастные ТУ, которые он, видимо, так засунул в глубину ящика, что их там не было видно. С переходом в кабинет Вундера он о них, видимо, забыл, и они остались в ящике, но теперь уже моего стола. Всем, в том числе Осадченко, было понятно, что виноват в задержке был Филимонов, который занимался этим изделием. Но теперь, когда ему надо было завести дело против меня, он вдруг вспомнил, что ТУ нашли в моем столе, и обвинил меня не только в том, что я сорвал согласование ТУ, спрятав их в столе, но, что из-за меня, якобы, пострадал, ни в чем неповинный Филимонов. Повел себя некрасиво и Вундер, который заявил, что он не помнит, кому поручил это изделие – мне или Филимонову. В результате появился приказ по институту, в котором меня обвинили в сознательном срыве важного государственного задания. В качестве наказания меня исключили из очереди на квартиру, сняли с должности начальника КБ и перевели на

должность рядового конструктора с уменьшением заработной платы на 100 рублей в месяц.

Я понял, насколько это серьезно и что в сталинские времена я бы за этот подло приписанный мне проступок мог попасть под расстрел. Я напряг свою память. Хотя и смутно, но вспомнил, что, когда ТУ нашли в моем столе, к ним была приколота бумага с резолюцией Вундера и поручением Филимонову. Не надеясь на успех, я позвонил Сагарадзе и его конструктору Петрову, т.к. они участвовали в поисках ТУ. Напомнил Сагарадзе, что именно он нашел ТУ в моем столе и попросил его и Петрова вспомнить, была ли приколота к ТУ бумага с резолюцией Вундера. К счастью, Сагарадзе еще не успел прочитать приказ Осадченко и не знал о свидетельстве Вундера. Он мне ответил, что отчетливо помнит про эту бумагу, резолюцию и поручение Филимонову. Это подтвердил и Петров.

-А в чем, собственно дело?

- Дело в том, что Осадченко обвинил меня во всей этой истории.

- Причем тут вы, если изделие вел Филимонов? Я это точно знаю, а ТУ пришли в институт еще до вашего поступления. Вундер пригласил Филимонова и при мне поручил ему заняться этим изделием и согласованием ТУ. В связи с вашим поступлением в институт Филимонов предложил передать это изделие вам. Вундер вызвал меня и спросил моего мнения. Я сказал, что я против, т.к. надо новому КБ дать возможность полностью сосредоточить свою работу на автомате АЗСД, а не распыляться по разным изделиям. Вундер со мной согласился. Вопрос был решен. Поэтому я и обратил особое внимание на бумагу, приколотую к ТУ. Разве Вундер не подтвердил это?

- Нет, он сказал, что не помнит, кому поручил – мне или Филимонову.

- Хорошо, я ему сейчас напомню.

На следующий день Сагарадзе мне позвонил, сказал, что Вундер все вспомнил и пошел к Осадченко. Осадченко, однако, его осадил:

- Советую не активничать, иначе придется мне всю вину возложить на вас.

Учитывая сложившуюся ситуацию, я обратился к адвокату, который предложил мне подать в суд, что я и сделал.

Через полгода состоялся суд, который отменил приказ Осадченко, вынес ему порицание и обязал его из собственного кармана оплатить мне разницу в зарплате за 6 с лишним месяцев. Надо сказать, что коллектив института принял решение суда с удовлетворением, так как всем уже давно надоели диктаторские замашки Осадченко.

Рокотов рвал и метал. К этому времени серию реле, предложенную нами, Поздеев принял за основу, оставив Рокотова с носом. Но я, тем не менее, решил уволиться, полагая, что Осадченко никогда не простит мне своего поражения. К сожалению, я действовал импульсивно, не обеспечил свои тылы. Увольняясь с института, я не обдумал заранее свои дальнейшие планы.

-Без работы не останусь, – думал я. И ошибся.

Я действительно стал безработным. На приборный завод я не мог вернуться. На аппаратный завод хотели меня взять, но не рискнули, боясь испортить свои отношения с Осадченко. Остальные заводы машиностроительного профиля были не для меня. Правда, я мог обратиться в Главк, с просьбой о переводе, или в свой бывший Главк

Министерства Приборостроительной промышленности, но все это было связано с очередным переездом, квартирным вопросом, с новыми хлопотами. Впрочем, я уже почти решился на переезд в Кишинев. Устроиться на завод «Виброприбор», где работали все мои сокурсники и бывший зам гл. инженера Омзета, Андреев, не было проблем.

В это время, когда я находился между небом и землей, пришли к нам в гости Бурские. Свое увольнение я особенно не афишировал, но они откуда-то узнали о нем. Майя Бурская, жена Вадима, работала начальником ЦЗЛ на заводе «Чувашкабель». Это была интересная семья. Майя высокая, стройная блондинка, из прибалтийских народов, была шикарной женщиной. Вадим, ей подстать. Их все считали идеальной парой. Однако, Бог им детей не дал, и они постепенно начали склоняться к идее свободной любви. В Вадима были влюблены буквально все женщины цеха, который он получил от меня в наследство, и он широко этим пользовался. А Майя то ли в отместку, то ли по убеждению, стала любовницей гл. инженера (будущего директора) завода Куклева Алексея Васильевича и почти это не скрывала. Узнав о моем увольнении, она тут же решила, что я должен перейти на завод «Чувашкабель», о котором, перебирая разные варианты трудоустройства, я даже не подумал.

Кабели, провода – это было настолько далеко от меня, как от Земли до Солнца. Майя же так не думала, и, не посоветовавшись со мной, предложила мою кандидатуру Куклеву. Куклев обо мне был наслышан в связи с делом Сорокина, так как он в то время, как и Арабянц, работал начальником отдела Чувашского Совнархоза.

Как раз в это время на заводе возникли проблемы, связанные с организацией производства специзделий, которые имели к кабельным изделиям весьма отдаленное отношение. Официально речь шла о линии связи для торпед, управляемых по проводам. В состав этой линии входил микроминиатюрный провод ПУМ с полиэтиленовой изоляцией и полиамидной оболочкой. Для завода Чувашкабель, который до этого выпускал обмоточные эмалированные провода, правда малых прецизионных размеров, технология, связанная с экструзионной переработкой термопластических полимеров и наложением на токоведущую жилу сплошных полимерных покрытий малых размеров, была не просто новинкой. Экструзионная технология начала применяться в Союзе сравнительно недавно, в шестидесятых годах, в связи с разработкой силовых кабелей и кабелей связи с полимерной изоляцией. Но это была изоляция большой толщины. Прецизионная экструзия, предполагавшая наложение полимерных покрытий малой толщины, с внедрением провода ПУМ начала применяться впервые в Союзе. Эту технологию пытались внедрить на нескольких заводах отрасли, но неудачно. Лучше всех ее освоил Каменец - Подольский кабельный завод. Он даже начал поставлять провод ПУМ потребителю, военному заводу в г. Фрунзе, на котором освоили выпуск всей линии связи, но провод был некачественный, и в виде рекламаций все время возвращался изготовителю.

Поэтому один из руководителей разработчиков из отдела систем управления ЦНИИАГ Персица Эрик Цвингли не вылезал из Главка кабельной отрасли, добиваясь смены завода изготовителя этого провода. Здесь он слу-

чайно столкнулся с Куклевым. Разговорились. Куклев, озабоченный изначально низким статусом завода Чувашкабель, любыми путями пытался расширить номенклатуру и объем выпускаемых изделий. Он понимал, что это можно сделать, главным образом, за счет спецпродукции. С помощью военных он уже добился несколько лет тому назад передачи на завод Чувашкабель производства не имевшего отношения к эмальпроводам микрокабеля, предназначенного для комплектации ПТУРС-ов (противотанкового ружья, стрельба которого управлялась по проводам). Поэтому, когда Цвингли поделился с ним с проблемами с проводом ПУМ, он, почти не раздумывая, сказал:

-А давайте мы попробуем. Ведь мы с вашей системой связаны. Работаем с Ковровским институтом и Тульским оружейным заводом. Выпускаем для ПТУРС-ов микрокабель, кстати того же, правда, наземного назначения, что и провод ПУМ.

Завод Чувашкабель тогда еще не звучал. У Цвингли была совсем другая цель – передать производство проводов ПУМ крупному заводу с большим опытом работы, в том числе знакомому с экструзионной технологией. Поэтому он реплику Куклева пропустил мимо ушей и промолчал.

Но Куклев, сделав вид, что не заметил его реакции, спросил:

- А кто делает всю систему управления?

- Военный завод в гор. Фрунзе. Там очень грамотные ребята, но наладить производство систем им не удастся из-за низкого качества провода ПУМ.

-Да, это всегда так, когда один пришивает рукава, другой – пуговицы. У нас в этом смысле есть большой

опыт. Мы по микрокабелю тоже все время получали рекламации, пока мы не взяли за производство всей системы. С тех пор проблемы с качеством ПТУРС-ов, связанные с обрывностью микрокабеля, прекратились.

- А вы готовы взять на себя все производство системы управления торпедами по проводам?

Куклев систему, конечно, не знал, но подозревал, что речь идет о сложной технике автоматического регулирования. Принцип понятен. Он, скорее всего, ничем не отличается от принципа, используемого в ПТУРС-ах. Там микрокабель, здесь – провод ПУМ, связанный с торпедой и выматывающийся при ее движении изнутри из установленной в ней катушки. Но то, что все происходит в морских условиях в динамике и на дальних расстояниях, несомненно, существенно усложняет систему. Тем не менее, он не сомневался в целесообразности организации такого производства на заводе. Но самое главное. Это позволило бы резко повысить статус завода и выдвинуть его в передовые ряды, сделать его известным не просто в военном ведомстве, но в его передовой военно-морской отрасли. Придется, конечно, очень долго убеждать директора завода, Галкина, который не любит резких подвижек, а затем выдержать бой в Главке. Ведь речь шла об очень смелом, неслыханном в кабельной отрасли шаге. Там и так уже о нем с долей иронии говорили:

- Если мы завтра узнаем, что завод «Чувашкабель» начал выпускать атомную бомбу, мы не удивимся. Куклев готов все выпускать.

Поэтому, после некоторого раздумья, он ответил.

- Да, хоть предвижу сопротивление со стороны Главка.

Этого Цвингли не ожидал. Он сразу, почти инстинктивно, сообразил, насколько упростятся в этом случае проблемы, возникшие в связи с организацией нового производства, которые лихорадят институт уже больше года. Персица уже там, наверху, предупредили, что, если он в ближайшее время не найдет приемлемое решение, ему головы не сносить. Конечно, рикошетом, это сказалось и на нем, Цвингли. Нервозная обстановка, которая царит в институте, похоже, не прошла даром. Он, Цвингли, который никогда не жаловался на здоровье, все больше ощущал тревожные сигналы со стороны сердца.

- Хорошо. Я посоветуюсь с разработчиками ОКБ КП и приму решение, – все же осторожно ответил Цвингли, решив, все-таки, предварительно навести справки о заводе Чувашкабель.

И вот буквально вчера Цвингли известил Куклева, что он со своими ребятами приедет к концу следующей недели на завод на переговоры. Это застало Куклева врасплох. Ему, даже после двух бурных разговоров, не удалось убедить Галкина.

- У нас, Алексей Васильевич, кабельный завод. Все наши специалисты кабельщики. Кабельщик – это глубокая, но очень узкая специальность. Понимаете? Я в этих делах немножко разбираюсь. Речь идет об освоении производства сложной техники, абсолютно чуждой кабельному производству. Кроме того, вы предлагаете притящить на завод экструзионную технологию, которой в пределах всей отрасли толком никто не владеет. Тем более, когда речь идет о прецизионной технологии. Это же полный провал. Я на это пойти не могу.

- Но я обещаю вам, Лев Михайлович, я найду специалистов. Один такой у меня уже есть на примете. Это очень толковый инженер, который уже несколько лет занимается этими изделиями. Я навел о нем справки. Живет в городе Фрунзе. Нуждается в улучшении квартирных условий.

- А где вы возьмете для него квартиру? У меня нет ничего в загашнике.

- Найду, Лев Михайлович!

- Сомневаюсь. Но допустим! Но один в поле не воин, тем более не кабельщик. Кроме того, Главк не допустит никогда этого безобразия. Я за ПТУРС-ы, уже имею один выговор. Тогда я пошел у вас на поводу. Поставили Главк перед фактом. Больше этот номер у нас не пройдет. Так что сообщите этому, как его, да, Цвингли, что вы погорячились. Но, разобравшись, передумали. Кроме того, директор завода категорически против этого. А начальник Главка вообще об этом слушать не хочет, уши затыкает.

-Вы, Лев Михайлович, правильно сказали. Одного специалиста мало. Но я найду еще. Я вам это обещаю.

- Вот когда найдете, тогда и поговорим.

- Что делать?

Как раз в тот момент, когда он, никого не принимая, сидел, глубоко задумавшись над возникшей ситуацией, раздался стук в дверь.

-Я никого не принимаю, – прокричал он своим громовым голосом. Но, когда дверь приоткрылась, и в ней показалось красивое личико Майи Бурской, он заулыбался:

А это ты? Заходи Маечка. Вместе будем думать.

- Я бы предпочла вместе с тобой кое-чем другим заняться, – пошутила Майя.

-Ой, не искушай! Впрочем, завтра же придумая для нас командировку. И еще как займемся! Правда, сейчас мне не до этого, – сказал он уже серьезно. Правильно говорят, что инициатива наказывается. Сам взял на себя эту обузу, хотя Галкин категорически возражает, а теперь не знаю, как выкрутиться.

- А я знаю! – неожиданно среагировала Майя.

Он посмотрел на нее удивленными глазами.

-Ну, ну... говори!

Ты про Прейгермана что-нибудь слышал?

Да, что-то помню. Из-за него, кажется, Сорокина турнули с ЗИПА, и на его место Арабьянца поставили. Какие-то слухи до меня доходили.

- Вот-вот. Мой благоверный под его началом работал. Не только специалист, но и человек отличный. Бурский не нахвалится. Он просто влюблен в него. Ну-ну, не ревнуй. Бурский – ведь не Бурская. К тому же у него жена красавица. Там такая любовь – не разлей вода. Не то, что мой благоверный, за юбками не бегают. Да, так он в последнее время у Осадченко работает. Впрочем, что-то у них не сошлось. Вот он решил уйти. Для тебя – это находка. Надо поторопиться, пока его не перехватили.

-Маечка, да ты гений. Дай я тебя поцелую!

- Завтра, завтра дам, все дам!

- Ах, ты, чертовка! Уходи быстрее, а то не выдержу! Да, приводи своего протезе! Поговорим!

Так я в один прекрасный день оказался в кабинете Куклева.

Он меня не стал ни о чем расспрашивать. В двух словах рассказал о новом производстве:

- Официально мы вас назначим нач. КБ отдела гл. конструктора. Вашим непосредственным начальником будет Лилия Петровна Куликова, но фактически будете работать под моим руководством. По существу вашу должность следует назвать – главным конструктором специзделий, но у нас в штатном расписании такой должности нет. Оклад – 180, немного меньше, чем в институте, но у нас, в отличие от института, есть много премиальных.

-Алексей Васильевич! Я специалист в области электроизмерительных приборов, реле и аппаратов. Кабельное и машиностроительное производство, – для меня темный лес! Слова экструзия, экструдер слышу первый раз в жизни. О торпедах знаю понаслышке, что они существуют. Вас это не смущает?

- Нет, несколько. Собственно говоря, вы повторяете мой путь. Несколько лет тому назад я пришел на завод гл. инженером, хотя, так же, как и вы, ничего в кабельном производстве не понимал. Вы физик по специальности, прекрасный инженер. Разберетесь. Кроме того, мы сейчас закладываем новый корпус под спецпроизводство. Через некоторое время я еду в город Фрунзе. Там этими изделиями занимается тоже молодой инженер, Фартышев Семен Мартемьянович. Я хочу его уговорить переехать к нам и назначить начальником нового корпуса. Надеюсь, мне это удастся. Вот вы вдвоем и будете работать с этими изделиями. Ну что, по рукам?

- Хорошо! Я согласен.

Он снял трубку телефона. Через несколько минут в его кабинет зашли две женщины.

- Вот знакомьтесь, – это Лев Моисеевич Прейгерман. Специалист высшего класса. Он оказал нам честь и согласился у нас работать в качестве нач. КБ ОГК. С завтрашнего дня он возглавит производство новых специзделий. А это, Лев Моисеевич, мой заместитель, Белякова Эмма Андреевна, и ваш непосредственный начальник, гл. конструктор – Куликова Лилия Петровна.

-Какие вопросы?

Женщины незаметно переглянулись.

-Ваша воля, – сказала Эмма Андреевна! Мы свободны?

- Да, если нет вопросов.

- Завтра в восемь утра, Лев Моисеевич. Ваш пропуск будет на проходной. Оформитесь в первом отделе, получите 2 недели на ознакомление, необходимые задания, а затем поедете в Москву в ОКБКП и ЦНИИАГ и главк для знакомства с нашими разработчиками и для заключения соответствующих договоров. Все.

Мы втроем вышли. Чувствовали себя неловко. Эмма Андреевна обратилась к нам:

- Заходите ко мне. Будем знакомиться.

Эмму Андреевну я, естественно не знал. А про Куликову был давно наслышан. Она была одним из лидеров известной в Чебоксарах группы Боцмана, которую неофициально называли группой «Свободной любви». В эту группу входила также Тамара Сорокина, дочь того самого Сорокина, которого косвенно из-за меня уволили с завода ЧЗЭИП и которая в мою бытность начальником лаборатории СКБ этого завода работала под моим началом. Лилия Петровна оказалась замечательным человеком. Больше двадцати лет мы работали с ней вместе. За все это время

у меня не было с ней ни одной размолвки. Но это я забежал вперед.

А сейчас я совершенно откровенно им рассказал о себе. Обстановка немного разрядилась, и мы распрощались. Много позже я узнал, что Куклев предварительно не согласовал с ними мой прием на работу и поэтому они были в ярости. Тем более, что на должность начальника КБ претендовала подруга Куликовой, Степанова Полина Егоровна. Вопрос уже считался решенным. И вдруг такой поворот.

По сути дела, еще не начав трудиться на заводе, я, хоть и не по своей воле, уже заработал трех врагов. Причем женщины враги – это страшновато. С мужиками можно со временем договориться, распить с ними бутылочку и заужавать друг друга. А с женщинами этот номер не проходит. Парадокс, однако, заключается в том, что и с Лилией Петровной, и с Полиной Егоровной мы уже очень скоро стали лучшими друзьями. Эмма Андреевна, правда, еще долго и в статусе заместителя Куклева, и через несколько лет в статусе гл. инженера завода, поддерживала со мной чисто официальные отношения, но и она, в конце-концов растаяла. Много лет спустя, когда она уже была на пенсии, мы с ней как-то встретились на одной вечеринке. Совершенно неожиданно для меня, она, обычно малоразговорчивая, подседа ко мне и начала исповедоваться:

- Я ведь к вам всегда очень хорошо относилась, просто виду не подавала. Вы этого не знаете, но именно я первая предложила вашу кандидатуру на должность гл. инженера. Это, когда Галкина на партийную работу выдви-

нули, а Куклева назначили директором завода. Меня тогда горячо поддержали и Галкин, и Куклев, но предупредили, что горком Партии вряд ли пропустит.

- Это потому, что он беспартийный? – спросила я.

- Ну да, – ответил Галкин, переглянувшись с Куклевым.

- Но я знаю немало случаев, когда, беспартийных даже в директора пропускали. Направьте меня в горком, когда будет обсуждаться его кандидатура. Я все-таки член Партии с большим стажем. Должны прислушаться.

Так и решили.

- Я, – вы же знаете, не отличаюсь особым красноречием, но на заседании горкома меня, как прорвало. Однако мои слова от них отскакивали, как мяч от стены. Я ничего не смогла добиться. Утвердили кандидатуру Пети Кузнецова, который вам и в пятки не годился. Я так и сказала Куклеву. А он в ответ только руками развел.

Прошло несколько месяцев. Кузнецов явно не справлялся. Теперь уже сам Куклев снова вышел в горком с вашей кандидатурой. И опять отлуп. Я посчитала. Шесть раз ваша кандидатура обсуждалась в горкоме. И все шесть раз она была отведена. Я до сих пор толком не понимаю – почему?

- А я этому не удивляюсь, Эмма Андреевна.

Она вопросительно посмотрела на меня.

- Конечно, моя беспартийность имела значение, и немалое. Но вы правильно заметили. Ради дела на это часто закрывали глаза. Но в моем случае, она была не главной причиной. Главную роль здесь сыграла моя пятая графа.

Она не поняла. Я улыбнулся.

-Эмма Андреевна, вы действительно не знаете, что такое пятая графа?

Она пожала плечами.

- Это графа в паспорте, национальность! Ситуация усложнилась еще тем, что среди трехтысячного коллектива завода я оказался чуть ли не единственным евреем. Если бы татарин или чукча – это ничего, но еврей?

Что бы сказала Марья Алексеевна? Среди трех тысяч человек вы не могли найти ни одного талантливого чуваша или, на крайний случай, русского? Политика национальных кадров, но не только. Антисемитизм и антисюнизм всегда присутствовали в нашей жизни.

-Ничего не понимаю!

- Зато там, наверху, все понимают, и нас с вами не спрашивают...

Но вернемся к нашему повествованию.

Через день меня пригласил Галкин и продержал у себя в кабинете почти целый день. Он высказал удивление, что за 9 лет я уже меняю третье место. Заставил меня подробно рассказать о моей работе и причинах моих увольнений, при мне звонил Башкирову, Яковлеву, Осадченко, Поздееву, выяснял достоверность моих рассказов. Наконец, отпустив меня, сказал:

- Я еще по своим каналам все проверю, и завтра вы получите мое решение. Не исключено, что оно будет не в вашу пользу. Будьте к этому готовы.

К концу следующего дня он опять пригласил меня, сказал, что мой рассказ полностью подтвердился и поздравил меня с началом работы на заводе Чувашкабель. На следующий день по его поручению технологи цехов

начали знакомить меня с производством, начиная с грубого и тонкого волочения катанки и кончая выпуском проводов различной номенклатуры, а также процессов изготовления микрокабеля. В течение первой недели я прошел ликбез, на уровне начальной школы.

Запомнился такой случай. Через несколько дней после моего появления на заводе, на одном из эмальагрегатов, неожиданно пошел массовый брак. На поверхности провода появились маленькие, еле заметные трещины, как паутинка. Выяснить причину брака и устранить ее не удавалось, и чтобы разобраться в этом Галкин собрал около агрегата совещание специалистов, технологов отделов и цехов. Не забыл пригласить и меня. Высказывались разные мнения, корректировались параметры технологических режимов, но все тщетно.

Абсолютное большинство сходилось в том, что произошла перепечка эмали, хотя прибор показывал, что температура в печи колеблется в пределах нормы. Почему же тогда перепечка? И вдруг Галкин обращается ко мне. А вы, как думаете? Строго говоря, я никак не думал. В разговор вслушивался, хотя многое не понимал, в терминологии не разбирался. Вопрос Галкина меня застал врасплох. Но я должен был что-то ответить. В таких случаях мозг начинает очень быстро работать. И мой ответ оказался для всех неожиданным:

-Я не знаю, что привело к трещинам. Опыта у меня нет. Теорию мне еще долго придется изучать. Все говорят перепечка. Наверно правильно. Хотя трещины могли возникнуть и по другим причинам, например увеличенной скорости протяжки заготовки проволоки через эмальпечь. В этом случае растворитель не успевает испариться за данный проход,

поэтому он пробивает себе дорогу во время следующего прохода. Вот вам и трещины. Я это к чему? А к тому, на что я обратил внимание. Все контрольные приборы параметров технологического режима класса 4,0. Дело не только в том, что 4% – очень большая погрешность для такого чувствительного, я бы сказал, нежного процесса, как эмалирование. Я бы применял здесь приборы класса 0,5, в худшем случае – 1,5. Но это еще не все. Ведь 4% – это от верхнего предела измерения, который, как правило, не используется. Все приборы нагружены чуть больше, чем наполовину, а есть и меньше. Кроме того, приборы керновые, и их погрешность все время меняется. Поэтому их следует часто менять, задолго до выработки ими их ресурса. Или применять приборы на растяжках. Именно в этом, на мой взгляд, причина неожиданного появления массового брака.

Кое-кто пытался возражать. Дескать, приборы проходят в установленные сроки проверку ЦЛИТ и даже по нормативам в лабораториях Госстандарта. Устанавливаются поправки, которые учитываются технологической службой и работницей. Я объяснил, что в подпятниках керновых приборов все время вырабатывается крокус, поэтому из-за трения даже при нескольких последовательных измерениях показания могут оказаться совершенно разными. Все зависит от положения прибора, воздействующих на него вибраций, неизбежно возникающих в процессе производства, температуры и влажности среды и пр. Наконец, часто приборы используются неправильно. Измерения производятся в начальной или средней части шкалы. Допустим, что вы используете прибор класса 4,0 с пределом измерения 100 единиц. Следовательно, его погрешность равна плюс-минус 4 единицы. Однако, если вы

измеряете с помощью этого прибора величину порядка 40 единиц. Тогда погрешность измерения оказывается равной плюс-минус 10 единиц, т.е. равна не 4%, а 10%. Посмотрите на приборы. Вы видите, что почти у всех используется не вся шкала, а ее часть. Галкин со мной согласился и постепенно на эмальагрегатах стали использоваться приборы класса 1,5 на растяжках.

Уволившись импульсивно с института, я все-таки совершил ошибку. Через полгода в институт приехала комиссия из Главка, где давно лежало несколько дел против Осадченко. Приобщив к этим делам и мое дело, Главк, по результатам работы комиссии, отправил Осадченко досрочно на пенсию. На пенсию ушел и Вундер. Ушел с института Рокотов. Поздеев был назначен директором института. Сагарадзе – стал главным инженером. Как-то мы случайно с ним встретились на улице. Это сейчас все разъезжают на машинах. Заберите у любого машину, и он заблудится в родном городе. А тогда, в наше время, все, в том числе гл. инженеры и директора, еще ходили пешком. Встретились, обрадовались друг другу.

-Да, зря ты тогда ушел с института. Когда меня решили переместить в главного, долго думали, кого начальником спецотдела назначить. Как-то все, не сговариваясь, сокрушались. Жаль, Лев Моисеевич уволился, лучшей кандидатуры сейчас бы не было.

Однако, я не жалею, что ушел с института. 25 лет работы на заводе Чувашкабель стали лучшими годами в моей жизни. Нет, я высоко не взобрался по карьерной лестнице, закончив свою работу на заводе гл. конструктором. Я, как с самого начала определил Куклев, как главный конструктор специзделия, напрямую подчинился

только ему. И когда он был гл. инженером, и когда он стал директором завода. Когда он ушел на пенсию, я вообще никому не подчинялся. Вернее так. Не подчинялся как гл.конструктор специзделий. Сам все решал и с разработчиками линии связи, в ОКБ КП, и с разработчиками системы управления ЦНИИАГ. Конечно, формально докладывал по инстанциям, но мои решения всегда принимались без обсуждений. Кроме того, я самостоятельно работал и с военпредами.

Наконец, я ежегодно заключал договора, как с военными организациями, так и с институтами и предприятиями на проведение часто инициированных мною НИИОКР. Даже премию по этим работам сам распределял, в т.ч. гл. инженеру и директору завода.

5.5. Завод Чувашкабель.

Завод Чувашкабель появился во времена Чувашского Совнархоза. Изначально – это было небольшое производство, предназначенное для обеспечения Чебоксарского аппаратного и Алатырского релейного заводов обмоточными эмалированными проводами. Следует иметь в виду, что лаки, предназначенные для эмалирования обмоточных проводов как с алюминиевыми, так и медными токопроводящими жилами, до 30-х, а в Советском Союзе – до 60-х годов, изготавливались на основе растворов натуральных смол, причем в качестве растворителей применялись обычные растительные масла, чаще всего – высококачественное подсолнечное масло. Это были провода марки ПЭЛ достаточно низкого качества. В 30-х годах, как известно, начало бурно развиваться промышленное производство синтетических полимерных материалов, в

первую очередь, на основе поливинилхлоридных смол. В кабельной промышленности сразу же возникла проблема подбора растворителей этих смол. Натуральные масла для этой цели оказались непригодными. Некоторое время промышленность ориентировалась на новый для того времени синтетический растворитель – ацетон. Он оказался малоэффективным. Поэтому постепенно начали применять высокоэффективные, но низкокипящие и среднекипящие, очень вредные синтетические растворители. Это были, по существу, ОВ, т.е. отравляющие вещества, которые широко используются в качестве химического оружия. Появились провода ПЭВ, на основе растворов поливинилхлоридных смол, ПЭТВ – на основе полиэфирных смол, ПЭВТЛ – на основе полиуретановых смол и другие.

Чувашкабель сначала выпускал только провода ПЭВ средних размеров. С моим приходом на завод он уже выпускал провода всех трех марок, причем специализировался на выпуске прецизионных размеров до 0,05 мм (диаметр жилы).

Оборудование эмальцевых было устаревшим, полукустарного производства. Это были эмальагрегаты вертикального типа высотой в двухэтажный дом. Технология эмалирования являлась очень сложной. Проволока жилы прецизионных размеров, сравнимых с толщиной человеческого волоса, протягивалась через ванночку с лаком заданной консистенции и поступала на калибрующее устройство (фетровое или металлический калибр) и запечку. Калибрующее устройство послойно (в несколько проходов) формировало наружный размер провода путем снятия излишков лака. В эмальпечи лак запекался при

температуре величиной более 500°C , растворитель удалялся, и послойно формировалось твердое эмалевое покрытие с результирующей толщиной заданной величины (на уровне от одного десятка до нескольких десятков микрона). Чтобы исключить возможность электрического пробоя изоляции, необходимо было обеспечить concentricность запечки, шероховатость поверхности готового провода не допускалась, на спецпроводах не допускались также точечные повреждения эмалевого слоя. Малейшие отклонения от заданного технологического режима приводило к недопечке или перепечке эмалевого слоя и массовому браку.

Уследить за соблюдением технологического режима было очень сложно, т.к. он контролировался приборами с достаточно высокой погрешностью. Работница, как правило, больше ориентировалась на свою интуицию, чем на показания приборов. Температура в цехе зимой и летом находилась в районе 35°C . Пары лака ванночек, а также его испарения, возникавшие в процессе производства, удалялись по мере возможности мощной вентиляцией. Но их острый запах и вредное действие полностью устранить невозможно. Уровень вредности был настолько высок, что профсоюзы в странах Запада запретили использовать женщин в качестве эмалировщиков. В Советском Союзе, где профсоюзы работали под руководством Партии и Правительства и своего голоса не имели, такого запрета не было и в качестве эмалировщиков использовались исключительно молодые девушки и женщины. Это, несмотря на то, что уровень вредности на советских кабельных заводах был значительно выше, чем на заводах стран

Запада, оборудованных новейшими и более совершенными кабельными и вентиляционными агрегатами. Дело в том, что лучшим инструментом контроля качества поверхности эмалированных проводов на заключительном этапе их производства были нежные пальчики девушек и молодых женщин. В течение всей смены эмалировщица в связи с этим вынуждена была бегать по вертикальной лесенке вверх-вниз. Только так обеспечивалось требуемое качество. Можно сказать, что это была каторжная работа. Девушка, начиная работать эмалировщиком в 18 лет, к 35 годам уже выглядела как старуха.

От ИТР цехов и отделов требовались высокие знания и большой опыт, т.е. все то, чего у меня еще не было и в помине. Впрочем, в течение первых нескольких лет мы с Фартышевым, которого Куклеву удалось сагитировать переехать в Чебоксары, предложив ему выгодные условия (должность начальника цеха, квартиру, место в садике и пр.), занимались исключительно организацией производства новых специзделий, а также радиочастотных и телевизионных кабелей, монтажных проводов с полимерной изоляцией. Впоследствии мне приходилось заниматься также и эмальпроизводством, но это было потом.

В течение года был построен новый корпус, 7-ой цех. В нем, кроме производства изделий линии управления торпедами, было организовано производство многих других кабельных изделий с полимерной изоляцией: прецизионных радиочастотных кабелей, телевизионных кабелей, специальных монтажных проводов с полимерной изоляцией, а позднее, – разработанной нами системы СОП (системы поиска и подъема затонувших торпед) и пр.

Моя работа на заводе началась с ознакомления с экструзионной технологией наложения сплошных полимерных покрытий (изоляций и оболочек) на провода и кабели. Эта технология была новой не только для меня. На заводе не было ни одного специалиста, который хоть в какой-то мере был бы знаком с ней. Даже Галкин, один из наиболее образованных специалистов-кабельщиков отрасли, знал о ней только понаслышке. Я, как всегда, начал с поиска и изучения литературы. Несколько дней я не вылезал из заводской библиотеки, а вечера после работы проводил в республиканской библиотеке. Выяснилось, что литературы по полимерам и, в частности, по их переработке, оказалось очень мало. В большей части это были переводы, книги по термореактивным полимерам (синтетическим смолам) и их растворам, в частности, по лакам различного назначения. Я уже отчаялся найти что-то подходящее по термопластическим полимерам и переработке их расплавов. Наконец, я нашел в заводской библиотеке монографию перевода Мак-Келви «Переработка полимеров» издания 1965 года. Из нее я почерпнул очень скудные сведения, которые не тянули даже на ликбез. Когда я уже совсем отчаялся и решил, что дальнейшие поиски придется продолжить в Москве, в библиотеках отраслевых институтов ВНИИ КП и ОКБ КП, мне вдруг повезло, и я оказался обладателем очень редкой по тем временам книги А.В. Торнера, можно сказать бестселлера, по теории экструзионной переработки полимеров. Так я чисто теоретически изучил экструзионный процесс.

Он сводится к рассмотрению винтового течения аномально вязких жидкостей (расплавов полимеров) в режи-

мах, проходящих в условиях интенсивного тепловыделения. С математической точки зрения указанные процессы описываются краевой задачей математической физики, вытекающей из рассмотрения полной системы дифференциальных уравнений для тензоров второго ранга (напряжения и скорости сдвига) реологии, гидродинамики и термодинамики аномально-вязких жидкостей. Выяснилось, что это одна из наиболее сложных задач математической физики, связанной, тем более, с реологией и гидродинамикой, которая в самом общем случае не имеет решения и что она решена лишь в простейшем частном случае винтового течения ньютоновской жидкости (характеризуется линейной зависимостью между тензорами напряжения и скорости сдвига) в изотермическом режиме. Другими словами, – в режиме, возникающем при наложении полимерных покрытий большой толщины, это решение с достаточным приближением приемлемо. Но технологию наложения тонкостенных покрытий оно не описывает. Поэтому при их наложении оборудование и технологический режим подбирались экспериментально методом тыка. С этим обстоятельством оказалась связанной и моя диссертационная работа. Откровенно говоря, я не собирался писать и защищать диссертацию. У меня и мысли такой не было. Однако, когда я разобрался в теории экструзионного процесса, я понял, что тонкостенная экструзия связана с течением аномально вязкой псевдопластической жидкости в общем термодинамическом режиме, что на практике приводит к огромным проблемам, необходимости длительного подбора требуемого оборудования и технологического режима. Например, известно, что чем выше диаметр шнека, тем больше производительность

процесса, а это главный параметр, к которому обычно стремятся производственники. Поэтому советские кабельные заводы, выпускавшие силовые кабели и кабели связи с полимерной изоляцией, использовали экструдеры с диаметром шнека порядка 250 мм, иногда 160мм. Когда в 70-х годах промышленность приступила к выпуску монтажных проводов, телевизионных и радиочастотных кабелей с полимерными покрытиями малой толщины, то наложение таких покрытий пытались не критически также производить на высокопроизводительных экструдерах.

Расплавы полимеров, из которых формировались размеры и конфигурации изоляционных покрытий внутри кабельной головки методом их обжатия относительно жилы, испытывали в головке огромные нагрузки и разлагались. Чтобы исключить этот эффект, надо было обеспечить оптимальное согласование производительности экструдера, скорости протяжки через рабочую зону токоведущей жилы и сопротивления головки. Но рассчитывать производительность экструдера при данном противодавлении головки можно было по Торнеру только приближенно для высокопроизводительных процессов. В случае наложения прецизионных покрытий малой толщины необходимое сочетание можно было подобрать только экспериментально. Со временем я понял, что для высокого сопротивления головки (малой толщины покрытия) необходимо применять низкопроизводительные экструдеры, т.е. экструдеры с малым диаметром шнека. Но как диаметр шнека зависит от сопротивления головки, можно было установить только расчетным путем. Это и заставило меня попытаться решить задачу винтового течения anomalно вязкой жидкости в общем термодинамическом

режиме. Сначала задача казалась нерешаемой. Но как всегда в таких случаях, после длительных раздумий, которые были мне доступны только в нерабочее время и бессонные ночи, пришло озарение, и задача была решена. Так родилась моя диссертационная работа.

Примерно через 3 недели после поступления на завод я во главе бригады рабочих и ИТР был командирован на Каменец-Подольский кабельный завод для практического ознакомления с технологией экструзионного изолирования кабельных изделий. Именно здесь был установлен двухшнековый экструдер с диаметрами шнека 45 мм и 32 мм, головкой двойного действия и необходимые вспомогательные устройства. Экструдер был изготовлен полукустарным способом в ОКБ КП специально для изготовления линии связи на основе провода управления ПУМ диаметром разработки ОКБ КП и кабеля-троса ПТФ с фторопластовой изоляцией.

Нам здесь предстояло прожить около месяца, поэтому, устроившись, мы отправились знакомиться с городом. Каменец-Подольск в те годы был небольшим малоэтажным городком с многочисленными частными беленькими домиками. Самым удивительным для нас стало то, что магазины здесь бойко торговали разнообразными товарами без талонов и очередей. Нельзя сказать, чтобы было какое-то изобилие товаров, но можно было практически купить все необходимое, даже колбасу и мясо. Второе чудо – это были винные погребки, в которых посетителю предлагали продегустировать вино. Правда, вино для дегустирования разливали по наперсткам, но бочек с разнообразными винами было много. Кроме того, было

немало и других, таких же погребков, и желающие, переходя из одного погребка в другой, могли бесплатно насладиться парой стаканов первосортного вина.

Но наши ребята испытали настоящий шок, когда мы зашли в обычную столовую (не кафе или ресторан) перекусить, и узнали, что к обеду можно заказать бутылку вина, чем они, конечно, воспользовались. Рядом с нами сидели местные ребята. Когда мы пришли, они уже поели и ждали официантку, чтобы расплатиться. Расплатившись, они встали и ушли, оставив на столе не распитой больше полбутылки вина. Можно оставить какие-то блюда недоеденными. Это было в порядке вещей. Но, чтобы оставить вино. Это не укладывалось в уме наших ребят.

Наш завод официально считался гражданским, но по факту, как это было широко распространено в Советском Союзе, был почтовым ящиком и выпускал около 90% военной продукции с приемкой представителем заказчика. Кроме чисто кабельной продукции, он участвовал в разработках и производстве изделий, предназначенных для комплектации новейших видов оружия, управляемого по проводным линиям связи, в том числе противотанковых ракет ПТУРС (ныне – Корнет) и противолодочных торпед. Я в связи с этим работал в сотрудничестве с известным Тульским оружейным заводом, КБ в гор. Коврове и в очень тесном контакте – с Московским НИИ Министерства обороны (ЦНИИАГ), с Санкт-Петербургским заводом «Двигатель» и др. Очень часто приходилось бывать на наших испытательных базах в Феодосии и Мурманске.

В Крыму наша база располагалась вблизи Феодосии. Это военно-морская база, построенная еще Петром I,

представляла собой очень удобную для проведения испытаний и секретных работ бухту Черного моря, окруженную практически со всех сторон горами. Гостиница располагалась на берегу моря. По ночам мы засыпали под убаюкивающие звуки прибоев и отбоев. Наши командировки были длительными, продолжались часто месяцами. Так что мы сочетали здесь работу и отдых. Я даже часто брал с собой своих девочек. Пока я был на работе, они плескались в море и загорали на песчаном пляже. А вечерами и по выходным дням мы путешествовали по городам Крыма.

Другая база была в Североморске, под Мурманском. Это был большой арсенал. Его обслуживали самые элитные войска военно-морских сил. Начальником воинской части был контр-адмирал. Начальником арсенала был капитан первого ранга. Начальниками отделов – главный конструктор, главный технолог, главный механик, начальник ОТК и др. были старшие офицеры. Контингент работников состоял из матросов. Но было и немало вольнонаемных работников.

Торпедное отделение арсенала располагалось на полдороге между Мурманском и Североморском. Транспорт туда не ходил. Пройдя КПП, мы дальше добирались пешком. Летом это была приятная прогулка. Значительно хуже было зимой. Самая распространенная зимняя погода в Мурманске – это не сильные морозы, а поземка, когда при температуре где-то минус пять градусов дует сильный ветер, чаще всего в лицо, и идет мелкий густой снег. Поземка, поднятая ветром, хлестает в этом случае в лицо так, что можно ходить лишь с закрытыми глазами. Да и открывать их все равно бесполезно. В шаге от себя

почти уже ничего не видно. Ходить надо было по дороге, по которой в обе стороны почти непрерывно, одна за другой, шли тяжелые МАЗы и КРАЗы. Боковых дорожек не было. По обе стороны дороги – сугробы выше домов. Поэтому приходилось передвигаться гуськом, держась за сугробы. При любом отклонении от них можно было оказаться под колесами.

С Мурманском у меня связаны интересные воспоминания. Во-первых, в Североморске жила молодая пара наших чувашкабелевских ребят. Уехали туда, конечно, в погоне за длинным рублем. Будучи в Мурманске, я иногда их навещал. Я не очень любил эти визиты, т.к. надо было всю ночь с ними пить. Зато они нередко удивляли меня. Помню, сидели мы за столом, и зашла соседка. Она долго о чем-то шепталась с хозяйкой. Когда она ушла, муж спрашивает.

- Чего она приходила?

- Ожерелье предлагала.

-Дорогое что ли?

-Да нет, не очень дорогое. Она готова уступить его всего за двадцать пять тысяч.

Я чуть со стула не упал. Двадцать пять тысяч рублей в советское время – это были колоссальные деньги. По выражению моего лица они поняли мое состояние и засмеялись. Хозяйка встала и поманила меня пальцем. Я пошел за ней. Мы вошли в небольшую комнату. У стенки стоял небольшой сундук. Она открыла его. Он был набит пачками денег.

- Если вы меня спросите, сколько здесь денег, я, ей Богу, не отвечу. Не знаю.

- А почему вы их храните дома, а не в сберкассе?

- А зачем нам эта бюрократия? Дома – удобнее. Подошел, взял, сколько тебе надо.

- А вы не боитесь воров?

- Какие здесь могут быть воры? Местным не надо. А чужих сюда не пускают. Гости – это большая редкость для нас.

Вообще добраться до Мурманска было не просто. Билеты на любой транспорт, как и места в гостиница и все, в Советском Союзе, были в большом дефиците. Помню, как из Феодосии, я никак не мог уехать. Наши заводские кураторы даже по большому благу никак не могли достать мне билет. В то же время определенное количество мест бронировалось всегда вышестоящими организациями на всякий случай. Их разбронирование допускалось только за 30 мин до посадки. Люди простаивали в очереди целыми днями в надежде, что им достанется разбронированный билет. Чтобы избежать этого, кто-то догадался продать мне билет на забронированное место ЦК, т.к. эти места почти всегда оставались невостребованными. Так я и летел домой в экста класса, как член ЦК.

По регламенту комплектующие изделия торпед поставлялись нами в арсеналы и хранились на их складах. Один раз в 10 лет они должны были проходить профилактический осмотр и ремонт. Распоряжением ВПК создавалась в этом случае бригада из разных предприятий, члены которой прибывали в назначенный срок, и проводили эту работу. Меня часто включали в эти бригады для проведения испытаний отремонтированных изделий.

Как-то в очередной раз, добравшись с трудом до Москвы, мне предстояло зарегистрировать билет на Мурманск. Простояв большую очередь, я добрался, наконец, до кассы.

- Мест нет, ближайшая дата, на которую есть несколько билетов, через 2 недели, – заявила кассирша.

- Но мне надо сегодня, – предъявил я ей предписание ВПК.

- Ничем помочь не могу, самолет не резиновый.

Что делать? Завтра – конечный срок прибытия на базу.

- А, была, не была, – решил я. Пойду на посадку вместе с толпой, охранники вряд ли заметят отсутствие регистрации билета.

И действительно, меня вынесло с толпой на перрон, и я вместе со всеми пошел к самолету. Однако стюардесса у самолета очень тщательно проверяла билеты, я понял, что ее проскочить не удастся. Боялся, что еще милицию вызовет. Но нет. Она сразу увидела, что у меня нет регистрации и спокойно сказала:

- Станьте в конце очереди, если останутся места, посажу.

- Я удивился такому повороту событий, в кассе же сказали, что мест нет. Впрочем, – подумал я, она наверно надеется, что, возможно, кто-то опоздает на посадку.

Но очередь даже не дошла до конца, когда выяснилось, что больше нет людей с зарегистрированными билетами. Впереди меня было еще человек 8. Были также люди, которые стояли сбоку. Значит, не я один такой. Я понял, что фокус не удался. Ну, 1-2 места за счет опоздавших, может быть, найдутся, но не столько же. Каково же

было мое удивление, когда стюардесса после окончания посадки и проверки заявила.

- Есть еще 23 места. Но первыми пропущу морячков, а потом остальных.

- Это как же понять? В кассе говорят мест нет, а оказывается, не одно или два, а 23 места.

Эта механика чисто советского разлива. Что здесь? Элементарный беспорядок, или... Впрочем, это «или» проходило, как все знали в поездах и было привычным. Проводники получали мзду от безбилетников, и делились с начальником поезда, кассирами, другими нужными людьми. Обычная советская история, которая действовала на транспорте, гостиницах и пр. Стюардессе, не морячки, конечно, счастливые безбилетники клали в карман ассигнации. Именно безбилетники, а их оказалось большинство. Иначе получается, что они вообще бесплатно полетели бы. Я посчитал. Вместе с морячками нас было в очереди, не считая тех, что сбоку, 19 человек. Однако, когда моя очередь подошла, стюардесса объявила, что осталось одно последнее место. Тем не менее, люди и после меня еще заходили, и даже больше, чем было объявлено.

Самолет посадили на военном аэродроме Мурманска, очень далеко от города, а в город нас развозили на автобусах. Приехали на центральную площадь, около вокзала, уже в два часа ночи. Но было светло, как днем, а площадь была заполнена людьми.

Но на этом приключения не окончились. Переночевав в привокзальной гостинице, я утром поехал в город, чтобы устроиться более надежно. Ведь я приехал на целый месяц.

- Вдруг мест не будет в гостинице? – подумал я. И не случайно. Мест действительно не было. Но на этот раз наши организаторы оказались на высоте. Они забронировали места для всей нашей бригады. Я быстро разыскал руководителя бригады и узнал, что назавтра назначена наша встреча с командиром воинской части. Нас принял сам начальник воинской части. Разобравшись с документами, он сказал.

- Нам надо организовать рабочие места для вас. Спокойно отдыхайте в гостинице, мы вас известим.

Мы привыкли думать, так нас учили, что в армии господствуют дисциплина и порядок. Тем более, это верно для военно-воздушных и военно-морских сил, не говоря уже об элитных подразделениях. Я сейчас рассказываю о Североморске. Но мне приходилось бывать на разных базах, в разных военно-морских частях. И везде одно и то же. Полный раздраз. Просто здесь, в Мурманске, это проявилось наиболее выпукло, с заведомо комичными оттенками.

Мы ждали извещения ровно две недели. Пересмотрели все фильмы, стали участниками многих мероприятий. Как раз на это время пришелся очень красивый праздник – прощание с Солнцем, когда заканчивается полярный день и начинается полярная ночь.

Оказалось, что эти две недели вся воинская часть искала склад, где хранились наши изделия. Мы их поставляли ежемесячно в полном соответствии с плановыми заданиями. Принимал их и отправлял на склад один и тот же вольнонаемный работник. А вся военная рать, начиная от матросов и кончая высшими офицерами, даже не знали об их существовании. Наконец, нашли этого работника.

Он все время жаловался, что склад выбрали для этих изделий неудачно с нарушениями регламента и правил хранения и что они на этом складе портятся. Все, что может ржаветь, ржавеет, все, что может разлагаться, разлагается. Более того, именно по его рапортам была досрочно создана наша бригада, но, когда мы приехали, все о его рапортах и о нем самом забыли. Наконец, разыскали этот склад за 50 км от арсенала. Он оказался под толстым снежным слоем, который раскапывали бульдозерами несколько дней.

Дальше тоже интересно. Мы на следующий день прибыли в арсенал и предъявили список деталей, материалов и комплектующих изделий, подписанный самим командиром воинской части, которыми нас должны были обеспечивать ежедневно. Среди них значились и 2 л спирта, который, к слову сказать, совсем не нужен был. Так как спирт значился в списке, нам в конце рабочего дня его аккуратно выдавали, а наши ребята умудрялись его проносить через проходную, не вызвав ни разу подозрения охраны. Сразу же возник вопрос, а что с ним делать? Даже, если бы мы все повально были бы алкоголиками, то выпивать ежедневно четыре бутылки спирта мы не могли. Наш бригадир, однако, не растерялся, зашел к начальнику арсенала и пригласил его в гостиницу посмотреть, как мы устроились. Он приехал. Разумеется, раскупорили сначала одну, потом вторую бутылку спирта. Чтобы доставить его домой, пришлось вызвать его денщика. На следующий день он опять приехал и привез с собой всех офицеров арсенала. Так и повелось. Каждый

день после работы, а в выходные дни после 12 часов, офицерский состав арсенала собирался у нас в гостинице, а домой их развозили денщики.

После того, как мы несколько дней проработали в арсенале и полностью освоились, у нас возникло желание посмотреть на торпеду, в которой используются наши изделия. Мы, естественно, обратились к начальнику арсенала. Он снял трубку и позвонил гл. конструктору, тоже капитану, но второго ранга:

- Товарищ капитан, обратился он к нему. Тут ребята хотели посмотреть... (он назвал кодовое название торпеды), покажите им, пожалуйста.

- Слушаюсь! Но у нас в арсенале их нет.

- Что значит, нет? А где же они?

- Не могу знать, товарищ капитан первого ранга.

- Срочно соберите у меня совещание.

На совещании все в один голос заявили, что такого изделия в арсенале нет.

В это время в кабинет начальника заглянул Коля, вольнонаемный технолог, еще мальчишка, по существу. Увидев, что здесь собрался весь синклит, он хотел уйти. Но кто-то из присутствующих его окликнул:

- Коля, погоди. Ты что-нибудь слышал о...?

- Как же, – улыбнулся Коля, решив, что его разыгрывают, – что значит слышал? Мы все время с ней работаем.

Немая сцена.

- Ты ничего не перепутал?

- Как же, перепутал, вот же она у нас, в главном зале.

Торпеда лежала посреди зала с открытым задним отсеком, куда было вставлено наше изделие. Коля все знал о ней и почти целый час нам рассказывал о ее устройстве,

принципе работы, восхищаясь ее высокой эффективностью. А все руководство элитного военно-морского подразделения, в обязанности которого входила работа с новой техникой, понятия не имело о сверхновом изделии, поставленном на вооружение больше 10 лет тому назад и находившемся все это время под контролем арсенала. Это было выше нашего понимания.

5.6. Проекты.

За время своей практической инженерной работы я стал автором или соавтором более двадцати проектов оборонного назначения, большого числа гражданских проектов, рацпредложений и шести изобретений, которые, в отличие от большинства проектов, выполненных в Израиле, все внедрены в практику и используются до настоящего времени. Среди них были крупные проекты. О двух глобальных проектах я хочу рассказать подробнее.

Телевидение, как известно, появилось в Советском Союзе только в 50-ых годах. Хотя оно постоянно совершенствовалось, но его качество оставалось невысоким. Среди многих его дефектов было размытое нечеткое изображение. Одной из главных причин этого дефекта была низкая помехоустойчивость антенных телевизионных кабелей отечественного производства, КПТА и КВТ. Сигнал в телевизионный приемник по этим кабелям поступал по двум каналам – основному (токоведущей жиле) и экрану, защищающему основной канал от наводки внешних полей. Экран у антенных кабелей был выполнен в виде повива, поэтому сигнал попадал в приемник с некоторым сдвигом по фазе, что и вызывало раздвоение и размытость изображения. Наш завод был одним из тех,

кто обеспечивал страну указанными кабелями, получал огромное количество претензий от потребителей, но ничего исправить не мог, т.к. причина низкого качества кабеля была не в технологии его производства, а в неправильной конструкции, что его разработчик, ВНИИКП, никак не хотел признавать.

Я взялся за решение этой задачи по собственной инициативе. Пересчитал конструкцию кабеля и полностью ее изменил. Применил в качестве экрана оплетку высокой плотности и помехоустойчивости. Оплетка исключает возможность прохождения в ней паразитного сигнала к приемнику, т.к. в ней одновременно наводятся сигналы противоположных направлений, которые взаимно компенсируют друг друга. Кроме того, я существенно уменьшил диаметр токоведущей жилы, изменил изоляционное покрытие и оболочку кабеля. Это повышало трудоемкость изготовления экрана, которое компенсировалось за счет изменения конструкции кабеля и снижения его размеров почти в два раза. Главное – резко повысилась его помехоустойчивость, размывание телевизионного изображения полностью исчезло.

Инициатива, как известно, наказывается. Для завода разработанный мною кабель не был подарком, т.к. он отличался повышенной трудоемкостью, на которую мощности выпускающего цеха не были рассчитаны. Я добился разрешения на изготовление опытной партии нового кабеля, ее отправки Министерству связи для проведения натуральных испытаний. Получив положительные результаты, Министерство связи через наш Главк провело решения о снятии с производства старых кабелей и замены их новым.

Освоение производства нового кабеля шло очень тяжело, выпускающий его цех несколько раз срывал свои месячные планы по его выпуску, а я получил шесть выговоров. Однако, когда страсти улеглись, а завод получил большую премию за организацию серийного выпуска разработанного мною кабеля в относительно короткие сроки, мои выговора были скомпенсированы большой премией и благодарственной грамотой Верховного Совета Чувашской Республики. Этот кабель, уже в годы перестройки, когда возник кризис сбыта, а деньги обесценились, сыграл еще одну неожиданную роль и спас завод от банкротства. Неизвестно, каким образом, о нем узнали англичане. Он им очень понравился. Они заказали огромную партию на текущий и несколько последующие годы. Платили за него полновесной валютой. Я к этому времени уже не работал на заводе. Сменилось и все его руководство. С большим удивлением я узнал, что новое руководство полностью проигнорировало мое авторство, а мою фамилию в связи с его разработкой нигде даже не упомянуло. Разработчиком кабеля был назван тот самый начальник цеха, кстати, мой ученик, который отчаянно сопротивлялся его внедрению и организовал мне все выговора. Кабель до сих пор котируется и большими партиями экспортируется в страны Европы.

Я уже писал, что с момента своего поступления на завод Чувашкабель я был тесно связан с ЦНИИАГ, который занимался разработкой торпед, управляемых по проводам. Эти торпеды впервые разработали и стали применять американцы еще во время войны в связи с тем, что немцы еще в начале войны резко снизили процент попадания торпед в цель, окутывая свои лодки туманом из

мелко нарезанной металлической фольги, которая отражала управляющие торпедой электромагнитные волны. Советский Союз занялся этой проблемой уже после войны. Но у него появилась еще одна проблема, связанная с торпедами.

По регламенту из каждой выпущенной партии торпед или опытной партии новых торпед отбиралось определенное количество с небоевой головкой для проведения натурных испытаний. Каждая из испытываемых торпед должна была выдержать заданное количество пусков. Для этого запущенную торпеду доставали, проводили профилактический ремонт, снова запускали и т.д. После испытаний ее разбирали на запчасти. Чтобы достать торпеду после пуска, ее снабжали так называемыми плавучестями, которые после падения торпеды раздувались и выбрасывали ее на поверхность моря. Проблема заключалась в том, что плавучести очень часто не срабатывали, торпеда зарывалась в ил и терялась. Более того, наблюдая, как правило, за нашими испытаниями, американцы отправляли в район затонувшей торпеды специальный батискаф (глубоководный снаряд), с круговым обзором, находили торпеду, подходили к ней, выпускали механическую руку, которая доставала ее из ила и брала на борт. Потеря затонувших торпед, во-первых, наносила колоссальный материальный урон, т. к. торпеда стоила огромные деньги (В состав торпеды входило более 400 кг драгметаллов и редкоземельных металлов – серебра, золота, платины, иридия и другие). Во-вторых, выловив и разобрав затонувшую торпеду, американцы узнавали все ее секреты. Поэтому каждая затонувшая торпеда рассматривалась, как ЧП. Батискафов у Советского Союза не было.

Американцы считали их стратегическим оружием, и СССР их не продавали. Ставка, как всегда, была сделана на разведку, которой удалось через Северные страны, закупить большое число батискафов втридорога за баснословную сумму. Однако советские умельцы так и не смогли ими воспользоваться. Торпеду они находили, но когда начинали ее доставать, она еще глубже зарывалась в ил. Работая батискафами, на морях Северного ледовитого океана, Черном и Балтийском морях, Тихом океане, ВМС за 20 лет не смогли поднять ни одной из достаточно большого количества затонувших торпед. В результате закупленные за космическую сумму батискафы наверно по сегодняшний день, разбарахленные и ржавеющие, стоят на военно-морской базе. Последний раз я их там видел в 1991 году.

Поэтому еще в 70-х годах Академия наук СССР получила задание – срочно разработать систему для подъема затонувших торпед. Академия поручила эту работу академику Голикову, который курировал военное ведомство. Прекрасный организатор и талантливый человек, Голиков сформировал группу разработчиков, в которую вошли крупные специалисты из научно-исследовательских институтов Украины, России, Казахстана. Ею было сконструировано простейшее, но очень надежное устройство, которое получило название СОП (система обнаружения и подъема).

Главной частью СОП был специальный снаряд, который с помощью силового троса и направляющего тонкого тросика присоединялся к затонувшей торпедой замковым устройством. Затем, наматывая силовой трос на ручную лебедку поискового катера, торпеда вытаскивалась из

ила и поднималась на борт. В качестве силового троса разработчики применили сращиваемые между собой высокопрочные стропы боевых парашютов (металлические тросы не подходили из-за своего большого собственного веса и низкой гибкости).

Все было продумано до мелочи, но система не работала, т.к. намокая в воде, силовой трос рвался под собственным весом. При разрыве силового троса возникало малое землетрясение, и от звуковой волны лопались окна в домах жителей поселка. Десять лет усиленных исследований и испытаний прошли, не продвинув решение проблемы ни на миллиметр.

Через моих коллег из ЦНИИАГ разработчики системы вышли на меня. Логика подсказывала им, что повысить прочность и устранить разрыв троса можно только путем увеличения его сечения, т.е. скрутки строп между собой и их защиты водонепроницаемой оболочкой. Все это можно было выполнить с использованием мощного скруточного и экструзионного оборудования на больших кабельных заводах. Изготовленные на них с большим трудом опытные образцы троса показали, однако, обратный результат, так как указанная модернизация, хоть и повышала прочность троса, но еще в большей степени увеличивала его вес, и он, хоть и не намокал, рвался не столько под действием тяжести поднимаемой торпеды, сколько под собственным весом. Действовал эффект психологических барьеров, они запутались и не видели выхода из данной ситуации.

Мои коллеги из ЦНИИАГ посоветовали им в связи с этим обратиться ко мне. Я, взглянув на проблему свежими

глазами, сразу понял их ошибку и предложил альтернативное решение, которое позволило, наоборот, путем существенного снижения диаметра и сечения силового троса, а также упрощения и совершенствования технологии его изготовления увеличить его прочность и исключить обрывность. С целью исключения намокания силового троса и, соответственно, снижения его веса, я предложил защитить его влагонепроницаемой оболочкой из полиэтилена. Подбрав соотношение между диаметром сердечника и толщиной полиэтиленового покрытия так, чтобы плотность троса равнялась плотности морской воды, я добился того, что он стал невесомым. Скрутку троса я предложил производить из специальных полимерных нитей стренгами в несколько проходов на малых (обычных) скруточных станках, объединив скрученные стренги с экструзией полиэтиленовой оболочки. Диаметр троса в результате снижался в 3 раза, трос оказывался непромокаемым и невесомым и выдерживал нагрузку на разрыв больше, чем с 1,5 запасом.

Через месяц мы изготовили опытную партию. Результаты натурных испытаний превзошли все ожидания. 98% затонувших ракет впервые в практике ВМС были подняты. Кроме всего прочего, это позволило, наконец, понять, почему не срабатывали плавучести торпед, что в будущем привело к резкому снижению числа тонущих торпед. Голиков организовал изготовление макета и продемонстрировал его работу Министру обороны Д. Ф. Устинову. Устинов, как известно, сам технарь, по рассказу Голикова, пришел в восторг. Он тут же вызвал своего помощника и поручил подготовить приказ о номинировании всей нашей группы разработчиков (12 человек) на

Государственную премию СССР. Голиков получил задание организовать испытания системы на всех морях и представить протоколы испытаний в течение полугода. Это было в сентябре 1984 года, а в декабре Д.Устинов неожиданно умер. В течение короткого времени сменилось два министра: Соколов и Язов. Только в 1991 году уже тяжело больному Голикову неожиданно позвонил помощник Язова и сообщил, что приказ подписан, вся группа номинирована и представлена на Государственную премию. Мы все считали, что вопрос окончательно решен. Нас уже поздравляли, но тут грянул 1992 год, СССР распался, умер Голиков, и дальнейшая судьба этой премии осталась неизвестной.

Госкомитет по изобретениям, наоборот, еще в 1987 г. признал конструкцию и технологию изготовления силового троса изобретением. За изобретение я получил максимально возможное в СССР по закону вознаграждение, 20 тысяч рублей. Я ее, естественно, разделил между всеми членами группы (Она, кстати, по величине оказалось не на много меньше Госпремии).

5.7.Сорок лет в Чебоксарах.

Я прожил в Чебоксарах сорок лет. Сорок – это интересное число. Математически оно относится к фигурным числам, т.е. числам, которые можно представить с помощью геометрических фигур, правильных многоугольников. В частности, сорок – это четвертое восьмиугольное число и сумма первых четырех пятиугольных чисел. Оно стало популярным еще в глубокой древности, часто использовалось в иудаизме, а затем было заимствовано христианством и исламом и вошло в быт многих народов. Так, например, всемирный потоп продолжался сорок

дней и ночей. Сорок суток пробыл Моисей на горе «Синай», где получил скрижали завета, сороковая подножка – один из элементов скинии, 40 лет Моисей водил евреев по пустыне после их исхода из Египта, сорок работ запрещены в шабат, только сорок лет иудейские судьи и цари могли находиться у власти. Добавим очень частое упоминание числа сорок в библии христиан. Например, сорокадневные посты и поминовения усопших. В исламе – в сорок лет Мухаммед стал Пророком. Число сорок получило распространение и у других народов. У инков, например, из храма Солнца, исходят сорок лучей, у киргизов отмечается сорок дней со дня рождения ребенка, в сказке про Али Бабу – сорок разбойников. Между прочим, сорок лет – это общепризнанный возраст поколения, а беременность у человека тоже продолжается приблизительно сорок недель.

Эти данные, конечно, ничего не означают. Я их привел как курьез, случайное совпадение с временем, которое связано с местом, где прошла значительная часть моей зрелой жизни.

Наш первый дом в Чебоксарах располагался в тогдашнем центре города. У него был большой, почти квадратный двор. На выходе из двора начинался новый кинотеатр «Мир», и мы не пропускали ни одного фильма. Напротив кинотеатра – большой универмаг, рядом – гастроном. Напротив нашего дома через дорогу – филармония.

Это был классический малогабаритный пятиэтажный дом без лифта, из тех, которых называли «хрущевками», а о квартирах говорили, что они узки в бедрах. Мы жили на

четвертом этаже, но дискомфорта не ощущали. В этом же подъезде дома жили наши друзья и коллеги по работе.

На первом этаже – Бурские и Зимины. О Володе Зимине я уже упоминал. Он, как и мы, был Омичом. Слесарь-инструментальщик высшей категории. Володя и его семья – исключительно добрые благожелательные люди. Ларису Зимину, их дочурку, знал весь подъезд. Она очень любила детей. По вечерам, когда все расходились, – кто в кино, кто – в театр или на концерт, кто – просто погулять или в гости – все оставляли своих детей на попечение Ларисы. Квартира Зиминых превращалась в детский сад, а родители Ларисы против этого не возражали. Хотя Лариса еще почти сама была ребенком, ей было всего одиннадцать лет, она была серьезной и надежной девочкой. Мы оставляли своих детей у нее, нисколько не тревожась.

На третьем этаже жили Конюховы, а на четвертом – Павлинские. Это был тот самый Павлинский, которого я сменил на посту начальника цеха. Геночка Конюхов, тоже Омич, был моим коллегой и хорошим приятелем. По сути дела – это мы с ним вдвоем разработали все приборы, которые выпускал завод. Я разрабатывал технические условия приборов и сами приборы, их электрические схемы, рассчитывал их технико-эксплуатационные, конструктивные и технологические характеристики в соответствии с их назначением, организовывал изготовление опытных партий и их испытаний, проведение МВК и внедрение в серийное производство, а он разрабатывал их конструкцию. Я возглавлял исследовательскую лабораторию СКБ, а он – конструкторское бюро. Конечно, в оформлении чертежей, методических указаний и технологических инструкций, изготовлении инструмента и деталей приборов, сборке и

испытании опытных образцов участвовали все работники лабораторий, конструкторских и технологических бюро, сборочных участков и цехов. Ведущими среди них были наши Омичи: Сережа Мисюк, Гена Хавронин, Володя Зимин и др.

Мы были вместе не только на работе. Вместе проводили праздники, знаменательные даты, часы досуга. В нашу компанию входили также Бурштейны и Зацеркивные. Сначала краснодарцы, Циоки и Чуприны, создали свою компанию, но со временем они тоже присоединились к нам. Мы почти все свободное время проводили в вечеринках, то у одного, то у другого. Вспоминаю бурное гуляние на мое тридцатилетие. Это сейчас знаменательные даты, праздники все отмечают в ресторанах или кафе. Тогда каждый устраивал праздник у себя дома. Хозяйки блистали экзотическими угощениями. Коронным номером на моем тридцатилетии был, например, гусь в яблоках. А соленья, грибочки! Какие пекли торты! Варили особо вкусное варенье! Все свое, приготовленное. Ничего магазинного. Столы ломались от вкусных блюд, украшались красивой посудой, хрусталью, тонким фарфором. Коньяк, шампанское лились рекой. Песни, танцы под радиолу – до упаду. Гудели всю ночь! Соседи слева, справа, снизу, сверху прибежали, ругались, мы ведь им спать не давали. Но когда мы их сажали за стол, и они выпивали пару рюмочек коньяка, их боевой дух быстро куда-то исчезал.

Другим нашим занятием по свободным вечерам стал преферанс. Заядлым преферансистом в нашей компании был Миша Бурштейн. Он проводил за преферансом ночи напролет, был большим профессионалом. Мы же, все остальные, были начинающими. В одном из домов

нашего двора, поселилась еврейская семья. Глава семьи был некогда большим партийным начальником (первым секретарем обкома партии где-то на Кавказе) и, естественно, не миновал ГУЛАГ. Чудом остался жив. При Хрущеве был реабилитирован, стал персональным пенсионером и в Чебоксарах, как это было принято, заведовал республиканским музеем Ленина. Его сын, Игорь, женился на еврейской девушке, и они жили вместе с родителями. Детей у них еще не было. Уже не помню как, но мы очень скоро познакомились с Игорем и его женой, и именно они научили нас играть в преферанс. Зимой мы играли у нас, или у них, а летом – во дворе. За вечер мы успевали сыграть несколько партий и выпить бутылочку-вторую доброго вина. Благодаря тому, что в игре участвовали наши женщины, мы очень долго не засиживались, они вовремя напоминали нам, что уже поздно.

Летом, по выходным дням, мы часто ездили всей семьей или компанией на пляж, за Волгу. Вскоре появилось еще одно занятие. Когда во второй половине шестидесятых опустели полки магазинов, а цены на ягоды, фрукты и овощи на рынке взвинтились до небес, многие стали обзаводиться загородными земельными участками, которые по старой памяти называли дачами. Я тогда работал начальником цеха, и, одним из первых, «получил» участок, 3 сотки, в сравнительно хорошем месте, недалеко от города.

Однако я не последовал другой возникшей тогда моде и не обзавелся жигуленком. Ведь до этого машины, так же, как и благоустроенные квартиры, не входили в образ жизни советского человека. Они отсутствовали даже в

самых смелых фантастических мечтах. На машинах ездили только большие советские и партийные начальники. Хрущевская оттепель отменила и это табу. Сейчас каждый человек мог купить машину. Купить – это, конечно, громко сказано. Просто так пойти в магазин и купить машину вы не могли. Они распределялись небольшими партиями по предприятиям, а на предприятиях – завкомом, т.е. фактически руководством, и в порядке большой очереди. У меня в этом смысле не было проблем, я мог «купить» машину, но добровольно от нее отказался, не надеясь на свою реакцию.

С другой стороны, в отсутствие машины дача стала для меня большой обузой. Не имея опыта, мы, вместо того, чтобы построить домик, разбить цветник, засадили весь участок яблонями. Между ними посадили клубнику, а вдоль границы – кусты малины. Мы особенно не надеялись на урожай. В то время, когда люди завозили на участки чернозем, перемешанный с торфом, мы этого не делали. Решили так – что вырастет, то вырастет. К нашему удивлению, несмотря на то, что мы пустили все на самотек, все саженцы привились, и уже через несколько лет мы не знали, куда деваться от обилия яблок и ягод. Во-первых, надо было урожай собрать. Во-вторых, его надо было доставить домой, чуть ли не пешком. Сначала до автобуса. Сесть на переполненный автобус да еще с грузом, это была почти неразрешимая проблема. А потом, от остановки автобуса, опять пешком и не близко, доставить груз домой. Наконец, мы не знали, что делать с таким обилием ягод и фруктов. Ели, сколько могли, компоты закручивали, варенье варили, знакомым раздаривали, и еще много оставалось. Спас нас сильный мороз, который случился

перед Новым годом, кажется в конце семидесятых годов. Большинство из наших яблонь погибло, осталось несколько, и их нам вполне хватало.

Сейчас, вспоминая это время, я удивляюсь, как мы все успевали. Ведь у меня еще, кроме всего прочего, был ненормированный рабочий день, часто с работы приходил поздно. Половина моей жизни проходила в командировках. Жена училась на вечернем факультете «Автоматика и телемеханика» Университета и работала. Несмотря ни на что, жизнь не казалась нам тяжелой, и мы ею были вполне довольны, в какой-то мере – счастливы.

Но наша жизнь состояла, конечно, не только из одних радостей и праздников. Во-первых, кроме личной жизни существовала еще и работа со своими удачами, неудачами, неприятностями и заботами.

Не знаю, как кто, но я, придя на работу, полностью забывал о доме, я как бы переходил из одной жизни в другую. Но после рабочего дня с огромным удовольствием спешил домой, к любимой жене и детям, к домашним заботам и неурядицам. А их тоже хватало. Болезни детей, их школьные успехи и неудачи, детские шалости, переходящие часто через край. Моя старшая, Марина, например, привлекла малышку Маечку, еще несколько детей и организовала соревнование – кто не побоится и спрыгнет с крыши довольно высокого дворового домика. Другой раз они с Майей затеяли еще одно смертоносное соревнование. Они становились на обочину дороги улицы. Улица была узкой с односторонним движением транспорта, и очень загруженной. Как только очередная машина приближалась к ним на полном ходу, они перебежали через дорогу. Побеждал тот, кто перебежит

первым. Я совершенно случайно увидел с балкона этот цирковой номер и чуть не упал. Что делать? Если крикнуть, можно усугубить ситуацию. Машины шли одна за другой. От моего крика девочки могли замешкаться и точно оказаться под колесами. Выбежать на улицу? Но ведь с четвертого этажа. За это время, не дай Бог, все, что угодно могло случиться. К счастью, прохожий мужчина, увидев эту картину, схватил обеих моих девчонок за руки, когда они уже стояли на старте. Я ему благодарно махнул рукой, мол, сейчас приду. Он понял и подождал меня.

Марина, была очень способной девочкой, схватывала все на ходу, училась хорошо, но хулиганила. Вечно меня вызывали на ковер в школу, выговаривали. Она к тому же трудиться не любила, быстро увлекалась и также быстро разочаровывалась. Еще в семь лет она увлеклась фигурным катанием и уже через несколько месяцев вышла в лидеры, заняла первое место на детском республиканском чемпионате. Потом ей это быстро надоело, бросила. Я ничего не мог изменить. Чуть постарше она увлеклась балетом. Училась, кстати, со ставшей впоследствии знаменитой балериной, Павловой. Их тренер очень хвалил нашу Марину, говорил, что по таланту она превосходит Павлову, но ленится. Нет у нее работоспособности Павловой. Тем не менее, он их обеих готовил в ленинградскую балетную школу. Но на самом финише, когда уже были оформлены все документы, Марина вдруг заявила, что ей надоело балет. Тренер нас ругал, мы ее уговаривали, как могли. Бесполезно. После окончания десятилетки она поступала в Гнесинку. Сдала все экзамены на пятерки. Но из-за четверки в аттестате, а, скорее всего, из-за пятой

графы, не прошла по конкурсу. Тем не менее, ей предложили год позаниматься на подготовительном отделении, намекая, что после этого ее зачислят. Не хватило терпения. Ушла с подготовительного отделения. Этот номер, почти один к одному, повторился потом при поступлении на филологический факультет Казанского университета. Но тут встретила парня, выскочила за него замуж. Появились дети. Уже не до учебы.

Майя, наоборот, была тихоней, училась хорошо, но, в отличие от Марины, никаких талантов не проявляла, ничто ее особенно не увлекало.

В 1967 году Бог наградил нас еще одной девочкой, Викулечкой. У нас уже стала большая семья.

1970 год. Слева направо – Вика, майя

Примерно в это же время Маечка Иосифа окончила десятилетку. Это было время разгара государственного антисемитизма. Советский Союз порвал дипломатические отношения с Израилем, способствовал развитию исламского терроризма, натравливал на Израиль арабские государства. В стране была развернута бешенная антисионистская пропаганда.

Окончательно утвердилась пятипроцентная норма приема евреев в высшие учебные заведения. Целый ряд престижных вузов наглухо закрыли двери для евреев. Особенно сложной оказалась ситуация в районах компактного проживания евреев: в Москве, Ленинграде, других столичных городах, а также в Украине, Белоруссии, Молдавии, республиках Прибалтики. Шансов поступить в вузы Кишинева, Тирасполя, а также Одессы, Львова, Киева, Минска и даже Черновиц и пр. у еврейских мальчиков и девушек практически не было.

Значительно легче было поступить в вузы российской глубинки, в том числе и в Чебоксарах, где проживало сравнительно немного евреев. Поэтому, мы пригласили Маечку приехать к нам и подать документы в Чувашский университет. Тем более, что я по совместительству работал в университете на кафедре «Кабельной техники» и мог помочь.

Эта идея оказалась удачной. Иосиф привез Маечку к нам, и она поступила в Чувашский университет на факультет «Машины и аппараты».

Первое время она жила у нас, а затем получила место в общежитии университета. Так что наша семья еще больше увеличилась.

Успешно окончив университет, она получила назначение в Ригу. Там вышла замуж. В настоящее время она живет в Германии.

Маечка Иосифа. Слева направо. Ира, Майя, я, Вика

Еще до этого, когда я работал начальником цеха, меня поставили в очередь на трехкомнатную квартиру. Мне тогда и в голову не приходило, что я когда-нибудь уволюсь с завода, но, на всякий случай, заявление подписала и Ира, которая, окончив университет, работала начальником той самой лаборатории СКБ, с которой началась моя работа на заводе. Мы, как в воду глядели. Когда я уволился с завода, решением завкома меня тут же исключили из очереди. Но это решение опротестовала жена. Подняли мое заявление и обнаружили, что оно было подано не только мною, но и Ирой. Через несколько лет подошла очередь, и мы переехали в новую трехкомнатную квартиру, в другой район. Эта квартира тоже была в малогабаритном доме, но на третьем этаже. Это уже был не центр города, но зато детский садик был во дворе

нашего дома, а школа – рядом. Это было очень удобно. В этом доме выросли наши дети.

В восьмидесятых Куклев задумал построить кооперативный дом. Я одним из первых вступил в кооператив, и он меня назначил его председателем.

1974 год

Место для будущего кооператива оказалось очень удачным. Его называли новым центром города. Прямо напротив нашего дома проходила центральная улица, а окна квартиры и балкон выходили в парк. Рядом были университет, в котором я работал, метров в 300 от нас была Волга, пляж. Дом был большой, 18-этажный. Наша четырехкомнатная квартира общей площадью 120 м² была на пятом этаже. Квартиру мы впоследствии приватизировали, но, уезжая в Израиль, в 2000 году, когда цены на квартиры, после дефолта, резко упали, мы ее продали за бесценок.

В начале семидесятых годов я тяжело заболел, перенес две тяжелые операции, одной ногой уже стоял на той стороне. Произошло это совершенно неожиданно. Я до

этого почти не болел, не помню, чтобы я обращался к врачам. Скорее, болезни зрели, но я не обращал на это внимания. А тут получил путевку в Дом отдыха и оформлял курортную карту. Всех врачей прошел. Когда дошел до хирурга, он заподозрил что-то неладное и направил меня в хирургическую больницу, предупредив, чтобы домой по дороге не заходил и воздержался от еды. А я зашел-таки домой и плотно покушал. Пришел в больницу. Меня принял главврач, Никитин Александр Никитович, известный как очень опытный хирург и отличный диагност. Он меня посмотрел, ничего не сказал и вышел. Я жду, когда он придет и подпишет мне курортную карту. Минут через пять вместо него пришла медсестра, принесла больничную одежду, сказала:

- Переодевайтесь!

- Переодеваться? Зачем?

- Как зачем? Вас уже хирург ждет в операционной. Сказал срочно на стол, даже запретил купание.

- А почему на стол? Почему срочно? У меня ведь ничего не болит.

- Пошли. Врач объяснит.

Она привела меня в операционную. Сказала:

- Ложитесь! Через минуту зашел молодой хирург, Федор Васильевич Панин.

- Доктор, а что со мною? Мне никто ничего не говорит. У меня путевка горит. Я пришел, чтобы курортную карту оформить. А вы меня на стол. Если что-то понадобится у меня вырезать, так это можно отложить на 3 недели. Приеду и тогда, пожалуйста, режьте.

- Нет, мой дорогой друг! Резать придется немедленно.

- А что у меня?

- Да ничего страшного. Обычный аппендицит. Но запущенный. Через 2-3 дня вы уже будете на ногах. Сейчас мы вам укольчик поставим, местный наркоз, операция легкая, продолжается 15-20 мин, а в дом отдыха поедете в следующий раз.

Наркоз наркозом, а когда он сделал надрез, я это хорошо почувствовал. Чтобы я не сосредоточился на боли, он начал меня расспрашивать, шутил, общаясь одновременно с сестрой. Это сейчас я глухой, тогда у меня был еще острый слух. Слышу, как он шепотом говорит сестре.

- Да, Александр Никитич оказался, как всегда, прав.

Смотрю на часы. Прошло уже не 15, а 25 минут.

-Спрашиваю:

- Скоро?

- Сейчас, сейчас.

Что-то опять шепнул сестре, на этот раз я не разобрал что.

Смотрю, сестра заходит к изголовью. Через минуту понимаю, что она наложила маску на мое лицо, и я почувствовал острый запах эфира. Все. Я тут же отключился.

Очнулся я в палате ровно через три с половиной часа.

Потом выяснилось: как- будто все было запрограммировано. Если бы я не получил путевки, не оформлял бы курортную карту, и в этот день не обратился бы к хирургу, то максимум на следующий день мой аппендикс, скорее всего, лопнул бы. А, если заводской хирург при оформлении карты не заподозрил бы аппендицит и подписал бы мне карту, мой аппендикс лопнул бы по дороге, в автобусе, и, меня вряд ли спасли бы. Все это я узнал намного позже. А пока я лежал с температурой сорок, и меня все

время рвало. На второй день ко мне стали водить студентов и долго шепотом им что-то объясняли. Я только разобрал слова «Парез кишечника». Я их понял так, что во время операции мне порезали кишечник. Слава Богу, что я в медицине ничего не понимал, и не знал, что эта фраза означала «паралич кишечника», который возникает на последней стадии перотанита, когда больной уже безнадежен. Меня же эта фраза никак не взволновала. Я думал так:

- Порезали кишечник. Ничего страшного. Когда оперируют кишечник, его всегда режут. Я, правда, видел, что после операции аппендицита уже на следующий день все встают с постели и учатся ходить. Поэтому я все время спрашивал, когда мне можно будет встать. Мне отвечали.

- Скоро. И отворачивались.

В это время, за пределами палаты, разыгрывался следующий акт этой драмы. Моя жена, поняв, в отличие от меня, что происходит, ворвалась в кабинет Никитина и начала его допрашивать:

- Какой прогноз? Почему все молчат?

- Он сначала всячески изворачивался. Потом не выдержал.

- Зачем вы меня терзаете? Какой может быть прогноз? Даю 1% и то вряд ли.

Жена тут же развернулась и побежала к Вадиму Бурскому, который по совместительству выполнял в это время обязанности парторга завода.

- Вадим, сделай что-нибудь!

Вадим, долго не думая, снимает трубку и звонит первому секретарю горкома Партии, который прекрасно меня знал. Первый снимает трубку и звонит Никитину:

-У тебя такой больной, Прейгерман, есть?

- Есть, но...

- Никаких но. Завтра ты мне доложишь, что с ним все в порядке.

Сказал и положил трубку.

Что тут началось? Никитин тут же поднял всю больницу на ноги. Во-первых, он приказал ввести мне внутривенно новый американский антибиотик из НЗ, который ценился на вес золота. Меня окружили со всех сторон, делали промывание желудка, давали какие-то лекарства, стали вводить американский антибиотик внутривенно 3 раза в день. От меня буквально не отходили ни днем, ни ночью. В конце четвертого дня наступил кризис. Прибежал мой хирург, Панин, который оперировал меня. Внимательно осмотрел меня.

-Ну все! Теперь ты будешь жить!

- А я не собирался умирать!

- Да, ты молодец! Здорово нам помог! Если бы не твой оптимизм, мы бы не вытащили тебя.

На следующий день жена купила красивый чайный сервиз (тогда еще чай не пили из одноразовых стаканчиков) и в знак благодарности отнесла Панину. Его самого не было. Но его жена приняла подарок. Выставила угощение. Разговорились. Оказалось, что у них много общего. Так завязалась наша дружба семьями.

Через 3 года у меня начались проблемы с сердцем, их назвали прединфарктным состоянием, источником которого был холецистит в запущенной форме. После тяжелого приступа с потерей сознания – вторая полостная операция. Вобщем лет десять я не вылезал из больниц, санаторий, курортов.

Как ни странно, но болезни никак не сказывались на моей работе. Она шла своим чередом. Это десятки инноваций, организация новых производств, командировки, дискуссии, участие в большом числе межведомственных и натуральных испытаний на базах Мурманска, Архангельска, Феодосии, участие в многочисленных конференциях, симпозиумах. Все новинки, как правило, в первую очередь появлялись на нашем заводе. Мы первыми разработали и внедрили в производство оптические кабели, стали внедрять лазерную технику, совершенствовали ПТУРСы. Торпедную технику с управлением по проводам совместно с разработчиком довели до совершенства.

Сейчас, когда я вспоминаю эти годы, я удивляюсь, как в промежутках между болезнями я успевал справиться с этой грандиозной работой. Я ведь еще около двадцати лет по совместительству преподавал в Чувашском университете кабельную технику практически на всех факультетах. К 90-м годам почти половина специалистов завода: технологи, начальники цехов и отделов – это были мои ученики. Между делом успел окончить философский факультет института марксизма-ленинизма с отличием, вел огромную лекционную работу по линии общества «Знание», а в последние годы организовал и возглавил еврейскую общину Чувашии.

Это время было еще интересно тем, что пребывание в больницах, курортах приводило к расширению круга новых знакомств, которые часто переходили в приятельские, а нередко и в романтические отношения. Их было уйма. Но одна встреча оказалась настолько важной, что я не могу о ней не рассказать.

Она произошла в начале семидесятых. На этот раз я проходил очередное обследование, ничем особенно не болел. Это сейчас обследование длится месяцами и даже годами. Бегаешь по анализам, специалистам, к каждому из них большие очереди. А в то время для полного обследования тебя клали в больницу на 21 день. Палаты были большими. Одноместных или двухместных палат не было. В хирургической больнице самая маленькая палата была восьмиместной, а самая большая – двадцатиместной. В каждой палате попеременно лежали умирающие, выздоравливающие, послеоперационные больные и практически здоровые, которых клали на обследование. Каждая палата жила своей особой жизнью, драматической, а часто и трагикомической.

Помню, например, в нашу двадцатиместную палату положили эка из тюрьмы, которая рядом с церковью располагалась, напротив больницы. А попал этот зек в больницу потому, что проглотил ложку, в натуральном смысле этого слова, – столовую алюминиевую ложку. По советским законам арестанты, хронические больные, получали скидку. Он сидел, как сам нам объяснил, по «мокрому» делу и получил «вышку» (25 лет). С помощью трюка с ложкой надеялся, что ему десятку скинут. Как он умудрился проглотить эту ложку, это другой вопрос. Но самое интересное, когда его полностью обследовали, выяснилось, что ложка улеглась в его желудке так удачно, что никакого вреда ему не причиняла. А алюминий, как известно, металл очень стойкий к воздействию кислоты желудочного сока. Поэтому вердикт консилиума врачей гласил, что больной с этой ложкой может благополучно прожить до

120 лет и в операции не нуждается. Наш зэк чуть не лопнул от расстройства и даже пригрозил врачам судом.

Другой случай.

Положили в нашу палату молодого парня, лет 25. Всю ночь с друзьями пил, а у него язва желудка. Утром язва лопнула. Его срочно привезли в больницу, пьяного прооперировали под общим наркозом, и положили у самого окна нашей палаты. Смесь алкоголя и наркоза привела к помрачнению его рассудка, и он начал бредить. Через некоторое время стал требовать, чтобы ему дали пить. Ему объяснили, что после операции пить нельзя в течение суток, но он, видимо, ничего не понял. Когда в тихий час все заснули, он поднялся, прошел через всю палату метров двадцать к бачку с водой, выпил целый стакан воды и пошел обратно. У него швы порвались, хлынула кровь, он потерял сознание и упал. Ребята проснулись, подняли его и вызвали врача. Пришлось его вторично оперировать. Учитывая его состояние, разрешили матери остаться в палате на ночь. Она его раздела догола, все его окровавленное белье выстирала. Присев на его кровать, пыталась ночью не спать, боясь, что он опять что-нибудь натворит. Но под утро не выдержала и задремала. Около четырех часов утра вся палата проснулась от ее крика:

-Прыгнул!

Оказалось, что он, проснувшись, тихонько открыл окно и выпрыгнул. Со второго этажа. Все считали, что это конец. Каково же было удивление выбежавшего дежурного врача, когда он под окном никого не обнаружил. Обшарил окрестности, кусты. Как в воду канул. Прибежала мать. Стали гадать, куда он делся. Было ясно, что он не

только не разбился, но, упав, поднялся и побежал, не чувствуя, видимо, боли из-за своего состояния. Долго искали. Наконец, мать догадалась, что он, наверно, пошел по направлению к дому через овраг. В этом овраге его и нашли. Обследовали. Ни травм, ни переломов на его теле не нашли. Когда через некоторое время он пришел в сознание, его спросили.

- Ты зачем прыгнул?

- Ну как же? Пришел мой лучший приятель, Юрка Гагарин, и сказал:

- Ну что, дружище, полетим? Я и полетел с ним.

Но вернемся к моему рассказу и о встрече, которую я запомнил на всю жизнь.

5.8. Андрей Владимирович.

Рядом со мной лежал пожилой мужчина. Ему было лет 65. Утром, когда все еще спали, он вставал, выходил во двор и делал зарядку, которая состояла из очень сложных йоговских упражнений. Умывался под умывальником (душевой не было). Затем минут десять растирал тело докрасна влажным полотенцем. О своей болезни он не любил говорить, хотя, как я позже узнал, от Панина, у него был рак в последней стадии, и он страдал от невероятно сильных болей, но виду не подавал, врачам во время обходов никогда не жаловался. По выражению его лица и поведению можно было подумать, что он почти здоров, так, легкое недомогание.

Лежим рядом. Конечно, стали знакомиться, расспрашивать друг друга. Он сначала очень скупно отвечал на мои вопросы, но постепенно растаял и слово за слово стал рассказывать о себе.

Его звали Андрей Владимирович Игнатьев. Сибиряк. Отец – потомственный пролетарий. По профессии – машинист паровоза, революционер, большевик. Воевал в гражданской войне, несмотря на свой солидный возраст. После гражданской войны возглавил городскую партийную организацию. Андрей учился в школе, а с 13 лет отец брал его с собой в поездки и обучал профессии машиниста. Затем, окончив рабфак, он поступил в военное училище, быстро прогрессируя и к 1935 году оказался сначала в ведомстве Тухачевского, а затем стал его помощником по спецтехнике. С возникновением дела Тухачевского, он, как и все работники наркомата Обороны, чьи имена хоть как-то были связаны с ведомством Тухачевского, был арестован. Полгода, путем применения нечеловеческих пыток, выбивали из него признание. Но будучи волевым человеком и обладавший отменным здоровьем, он все выдержал, не дал признательных показаний, не подписал протоколы допросов и спас себя, таким образом, от расстрела. Получил десятку, которую отбывал в лагере, в Воркуте. В 1947 г, как это было принято, ему добавили еще 10 лет. В общей сложности он отбыл в ГУЛАГЕ 18 лет, в основном в Воркуте. Два последних года лагерной жизни прошли в Средней Азии на урановых рудниках. Здесь, как и в Воркуте, водил по узкоколейке паровоз и непосредственно в рудник не спускался. Тем не менее, заработал лучевую болезнь и еле выжил. Лет десять тому назад у него обнаружили рак предстательной железы, вовремя прооперировали, прошел химиотерапию, опухоль вроде спала, но успела дать метастазы, которые медленно прогрессируют, периодически проходил, как и сейчас, лечение в стационаре.

Реабилитировали его только в 1956 году. Его жена, врач, чудом избежала ареста, так как в это время гостила вместе со своей малолетней дочерью у своих родственников где-то на Дальнем Востоке. Ей успели сообщить об аресте мужа. Поэтому она в Москву не вернулась. За ней несколько раз приходили, допрашивали соседей, те искренне отвечали, что давно ее не видят, где она, не знают. Пронесло. Она с помощью родственников вернула себе девичью фамилию. Прошла всю войну, работала главврачом прифронтового госпиталя, о трагической судьбе мужа ничего не знала, но замуж не вышла. В хрущевские времена вернулась в Москву, в свою квартиру.

Андрей Владимирович вернулся недееспособным инвалидом. Он, как бы, свалился с неба. Хотя все эти годы она считала, что его уже давно нет в живых, но надежды не теряла, и судьба ее за это вознаградила. Она его приняла таким, каким он вернулся, получеловеком, и поклялась, что выходит его, поставит на ноги. Тогда, в Союзе, с лучевой болезнью не умели еще бороться, но она знала об успехах японцев. Вывести мужа на лечение в Японию, тем более бывшего зэка, хотя и реабилитированного, даже мечтать невозможно было. Она стучалась во все высокие двери, добилась, что Андрея Владимировича положили в Кремлевку, наверно единственной больнице в Союзе, где осваивали японскую методику. К счастью, она познакомилась здесь с Никитиным, главврачом Чебоксарской хирургической больницы, который, как и несколько врачей из других республик, проходил здесь стажировку.

- Я посмотрел вашего мужа, – сказал он ей и пришел к выводу, что его можно вытащить. Но для этого он должен пройти длительное лечение в условиях стационара.

Здесь это невозможно. Максимум его продержат месяц, а потом выпишут. Хотя, как я знаю, вы опытный врач, но ему нужен специальный уход и лечение, возможное только в условиях стационара. У нас с вами интересы совпали. Мне нужна после стажировки практика, поэтому, если вы согласны, я могу положить его в свое отделение и продержать его столько, сколько надо. Чебоксары от Москвы находятся на расстоянии всего 16 часов езды на поезде, причем ночью, и часа полета на самолете. Вы сможете его часто навещать.

Никитин был известным человеком в Чебоксарах. Заслуженный врач Чувашской АССР, член обкома Партии и врач от Бога. Он продержал Андрея Владимировича в стационаре ровно два года. За три месяца он его поставил на ноги, оформил его сантехником больницы, выделил ему маленькую комнатенку в больничном корпусе. После окончания двухгодичного курса лечения и оформления инвалидности он, через свои связи в обкоме Партии, добился его прописки и выделения ему однокомнатной квартиры с тем, чтобы он имел возможность постоянно его наблюдать. Так они с женой и дочкой стали жить на два города. Жена регулярно его навещала по выходным дням и праздникам, через каждые полгода, он ложился в больницу на обследование и лечение.

То, что он мне рассказал о лагерной жизни, значительно превосходит все, что я читал у Солженицына, Шаламова и др. Это настолько страшно, что представить себе невозможно. Можно верить или не верить, но, когда во время войны стали поступать в ГУЛАГ бежавшие из немецких концлагерей военнопленные, они утверждали, что немецкие концлагеря были курортом по сравнению с

ГУЛАГОМ, Пересказывать это просто невозможно. Расскажу только об одном эпизоде, свидетелем которого невольно оказался Андрей Владимирович.

- Мы с напарником, – рассказывал он, – как раз заканчивали уборку подсобного помещения, когда туда охранники пригнали только что поступившую в лагерь партию девушек и молодых женщин.

- Не обращая на нас никакого внимания, они им приказали раздеться догола и построиться по ранжиру. Через несколько минут после этого пришли начальник лагеря и его заместитель. Они медленно стали обходить строй, внимательно разглядывая каждую женщину со всех сторон, ощупывая ее, как скотину. Выбрали несколько понравившихся им женщин, вывели из строя, приказали одеться и сказали, что они их забирают к себе в качестве, якобы, прислуги, и ушли. После этого завели подразделение солдат и приказали им изнасиловать оставшихся, прямо здесь, в этой комнате.

- Когда мы увидели эту картину, – рассказывал Андрей Владимирович, – у нас волосы стали дыбом, и мы еле выбрались под крики несчастных женщин и вождеденный мужской хохот.

- Мне самому относительно повезло. На лесоповале пришлось поработать только первый год. Узнав о моей рабочей профессии, меня перевели машинистом паровоза лагерной узкоколейки. Во время войны многие политические стали проситься в штрафбаты. Мне не дали разрешения. Единственно, чего я добился, мне разрешили перейти на работу в шахты. Официально у нас был двенадцати часовой рабочий день. Но нас спускали в шахты на

месяц и более. Рабочий день часто длился 16 часов с полчасовыми перерывами на еду, три раза в смену. Спали прямо на рабочем месте. Сюда же нам привозили еду. После месяца нас подымали на-гора, давали день-два относительного отдыха, – и снова в шахты, в забой. Так в течение всей войны. Не все выдерживали эту каторжную работу. Нас подымали на-гора каждый месяц, а трупы – каждый день. Это, которые умирали от болезней, истощения или непосильного труда. А сколько погибало от взрывов метана или завалов! Не счесть. Там ведь как? Забойщик с кайлой врывался в угольный пласт, вырубая свод, а сзади него шел крепильщик, ставил столбики, чтобы удерживать потолок свода. Очень часто столбики не выдерживали тяжесть угольного пласта, и начинался обвал. За техникой безопасности никто не следил, поэтому обвал свода приводил к обвалу всего участка и хоронил под собою сотни людей. Я там прослыл у них рационализатором. Не просто работал руками, но и шевелил мозгами, придумывал всякие приспособления, исключавшие возможность обвала. За это мне давали усиленную пайку. Я, конечно, делился со своими поделеньниками.

- А сколько неожиданных встреч! Здесь я встретил Екатерину Ивановну, первую жену Калинина, Анну Сергеевну Раденс-Алилуеву, старшую сестру Надежды Аллилуевой, жены Сталина. Знаете, кто работал на паровозе моим помощником? Никогда не догадаетесь. Сам Авель Енукидзе.

- Подождите, – прервал я его, – Известно, что Енукидзе был арестован в феврале 1937 года, а в декабре того же года был расстрелян. Об этом тогда газета «Правда» писала, да и Хрущев это подтвердил.

- Когда вы видели, чтобы газета «Правда» писала правду? Впрочем, всю правду тогда никто не знал, даже Никита.

- Когда меня назначили машинистом, я сказал, что мне помощник нужен.

- Будет у тебя помощник.

Привели меня охранники к паровозу. Вижу, там уже человек работает, кочегарит топку. Присмотрелся. Опа! Так это же Авель Енукидзе, которого я по прошлой работе хорошо знал. Значит и его не миновала секира тирана.

Он меня тоже узнал и знакомым всем зэкам едва уловимым движением пальцев руки подал знак, молчи!

Первые несколько дней мы играли в молчанку. Но, когда с человеком каждый день по 12-14 часов бок о - бок работаешь, хочешь – не хочешь, а заговоришь. Этого требует сама работа. Поэтому мы с ним перебрасывались, время от времени, то одной, то другой фразой. Первым не выдержал Авель:

- Я вижу, что ты меня узнал, хотя бывают очень похожие друг на друга люди. Но нам с тобой еще долго вместе в этой клетушке придется толкаться. Я не сомневаюсь, что рано или поздно пуля разделит нас. Я уйду в мир иной и унесу с собой все, что, кроме меня, никто не знает. А ты, возможно, выживешь, увидишь другие времена, и сможешь рассказать людям об этом.

- Мы ведь с Сосо большими друзьями были, – начал он свою исповедь. Вместе пили, вместе по бабам ходили. Он умел так все обставить, что даже мышь не могла проникнуть и увидеть, чем мы занимаемся. К тому же два грузина всегда друг друга понимают. Но главное. Его, кроме меня, сильно пьяным никто никогда не видел. Все ведь

считают тов. Сталина скромным человеком, чуть ли не монахом.

-А он, когда сильно пьяный, болтливым становится. Потом делал вид, что ничего не помнит, да и я на это надеялся. Он дружбы не понимает. Я всегда удивлялся. Грузин, а дружбы не понимает. Как это? Для него власть – это все. Ради власти мать родную не пожалеет. Вот он, например, когда власть ему засветила, Камо убрал. Камо, хоть и человек надежный, но вдруг проболтается. А ведь какими друзьями были! Вместе на экспроприацию ходили. Сколько людей погубили. Камо, он ведь цельным человеком был, верил, что жертвы, принесенные во имя революции, оправданы. А для Сосо человеческие жизни – это пыль, ничего не стоят. Я с ним всегда спорил, особенно, когда он стал убирать верных большевиков, ленинцев, сторонников Троцкого. Вот поэтому я здесь. Позволил себе, по пьяной лавочке, сказать ему много лишнего.

- Сосо, – подумай еще раз, – сказал я ему, когда решалась судьба Каменева и Зиновьева. Ведь они настоящие большевики, ленинцы, как ты и я. Они в тебя верили, защищали, привели к власти, хотя не всегда с тобой соглашались. Свои ошибки признавали, тебя не выдали, а ведь могли! Не отнимай у них жизни! Они верой и правдой советской власти служить будут, тебе будут служить.

Он посмотрел на меня загоревшимися от ярости глазами.

- Авель, запомни, кто не со мной, – тот против меня!

Когда я трезвел, то понимал, что себе смертный приговор подписывал. Но Сосо поступал, как всегда. Делал вид, что наш разговор не помнит. По поводу и без повода

при всех хвалил меня, все мои просьбы исполнял, радовался нашим встречам.

Я решал, что все, пронесло! Но нет! Он ничего не забывает. Специально состряпал Кремлевское дело, которое всплыло для меня совершенно неожиданно.

- Надо же было такое придумать! Сделать меня организатором его убийства. Меня бросили в тюрьму. Тебе не надо рассказывать, что там происходит. Вобщем довели до такого состояния, когда жить не хотелось. Я молил Господа-Бога, если такой есть на небесах, чтобы уже поскорее расстреляли. Все бумаги, которые мне подсунули, я, не читая, подписал и стал ждать, когда поведут на расстрел.

Как-то раз, запыхавшись, прибежал следователь.

- Сейчас принесут все необходимое, приведешь себя в порядок, переоденешься. Тебя товарищ Сталин вызывает.

Привезли. Сосо, как ни в чем не бывало, будто только вчера расстались, достает какую-то бумагу и спрашивает меня:

- Ты знаешь, что это такое?

- Откуда мне знать?

- Это расстрельный список 7 кремлевских бандитов, которые решили убить меня, а ты восьмой, который возглавлял эту группу.

- И ты, Сосо, поверил, что я, твой лучший друг, организовал какую-то группу, чтобы убить тебя?

- В том- то и все дело, что отказываюсь, не могу в это поверить.

- Тогда прикажи им прекратить это дело и выпустить меня, а заодно и этих 7 несчастных людей.

- Авель, друг дорогой, я так и хотел сделать. Но мне представили протоколы допросов, подписанных этими, как ты говоришь, несчастными людьми, а также собственноручно тобою. И я вижу, что вы полностью признались в предъявленных вам обвинениях.

- Но ты же, Сосо, знаешь, что мы их подписали только потому, что не выдержали страшных пыток.

- Говорить говори, но не заговаривайся. У нас нет пыток!

- Хотелось бы в это поверить, но это, сам знаешь, – грандиозный обман. Когда ты в этом уверяешь иностранных журналистов, и они, по своей наивности, верят тебе, то это еще можно понять. Но, когда ты уверяешь меня в этом, человека, прошедшего через этот ад, то я не могу этого понять. Ты прекрасно знаешь, что все обвинения, выдвинутые против нас, – это ложь. Ты сам сказал, что не можешь в это поверить.

- Авель, я тебя пригласил не для того, чтобы обсуждать с тобой работу наших органов. Когда мне подали список, и я увидел в нем твою фамилию, у меня рука остановилась, и я не стал его подписывать. Вот я и пригласил тебя, чтобы посоветоваться с тобой, что мне делать. Подписывать, но у меня рука не поднимается, послать тебя на смерть. Не подписывать, но я не могу не верить нашим органам, которые представили мне неоспоримые доказательства вашей вины.

- Воля твоя, Сосо.

- Раз ты так считаешь, так вот моя воля.

Он взял ручку со стола и тщательно вычеркнул мою фамилию из расстрельного списка, а потом его подписал.

-Тебя не расстреляют, а под вымышленным именем отправят в лагерь. Но я распоряжусь, чтобы газета «Правда» сообщила о вашем предательстве и приговоре. Для всего мира ты будешь считаться казненным. Я также распоряжусь, чтобы для тебя подыскали в лагере работу по легче. Из твоей биографии я знаю, что до того, как пошел в революцию, ты работал помощником машиниста паровоза. Так что ты вернешься к своей старой профессии. Это, чтобы ты имел возможность подумать над тем, что ты мне наговорил. А я подумаю, как с тобой поступить. Время покажет.

Полтора года мы были с Авелем неразлучны, и каждый раз он мне рассказывал новую жуткую историю, в которой так или иначе был замешан Сталин. Я как-то не выдержал, спросил его:

-Авель, вы были так близки к Сталину. Вы, как никто другой, знаете его, настоящего. Почему же Вы продолжали дружить с ним?

- Знаешь, я себя сам об этом спрашиваю. Это психология человеческая. Бывает так. Например, у интеллигентных родителей сын или дочь – развращенные мерзавцы, алкоголики или даже воры или убийцы. А они их все равно любят, наедятся, что смогут как-то положительно на них воздействовать. Так и я. Когда познакомился с Сосо (это произошло в 1914 г), он мне понравился. Есть у него такая притягательная сила, он на людей производит благоприятное впечатление. Когда я его лучше узнал, все думал, что проявление жестокости случайность, наносное. Считал так. Он же умен, к тому же грузин. А умного человека можно всегда логикой убедить. Видел перед собой

пример. Пока Наденька была жива, она как-то сдерживала его. А со мной оказалось наоборот. Не я влиял положительно на него, а он влиял отрицательно на меня, потихоньку развращал и меня, как развратил многих.

- Да, многие истории меня били, как обухом по голове. Например, истории с Камо или Фрунзе, Феликсом и Троцким, самоубийством Наденьки (ведь я был ее крестным отцом). Потом истории с Кировым, с Каменевым, Зиновьевым, скоропостижной смертью Куйбышева, самоубийством Серго. Они на меня очень сильно подействовали. И все же я каждый раз искал и пытался находить оправдание его поступкам.

- Я после реабилитации, – прервал рассказ Авеля Андрей Владимирович, узнав о том, что Хрущев создал комиссию под руководством Председателя Комитета партийного контроля Шверника для расследования обстоятельств убийства Кирова, отправил в Политбюро и комиссию Шверника версию его убийства, которую я услышал от Авеля. Через 2 недели я получил ответ от Шверника за его личной подписью. Вот он. Он мне показал письмо от Шверника на бланке ЦК КПСС. Подтвердив получение рассказа А.В. Игнатьева, Шверник сообщал, что эти материалы сравнят с данными проверки комиссии партконтроля.

Вот эта история в том виде, как я ее запомнил.

- Известно, – продолжил свой рассказ АVELЬ, – что в 1923, в связи с болезнью Ленина, власть в Партии и стране фактически перешла к тройке – Зиновьев -Каменев - Сталин, в которой главную роль играл Зиновьев. Сталина тогда почти никто не знал, в тройке он себя вел как серая мышь, а Троцкий самоустранился от власти, к которой он,

вопреки утверждениям Сталина, кстати, никогда не стремился, считая, что еврей не может управлять Россией, русский народ этого никогда не допустит. Я Троцкого неплохо знаю. Талантливый человек. Но он предпочитал, как все евреи, больше в заместителях ходить. Ведь после Октября, который он организовал и безупречно провел (тогда мало кто верил в ее успех), власть была в его руках. И никто не сомневался, что он возглавит Партию и Совнарком. А он отказался. Предложил Ленина. Если бы не он, мы бы гражданскую войну наверняка проиграли. Опять власть была в его руках. И он опять добровольно от нее отказался. Отказался также от прямого предложения Ильича, когда он заболел, возглавить Совнарком.

После смерти Ленина тройка стала распадаться, и власть неожиданно для всех, постепенно узурпировал Сталин. На XV съезде Партии Л.Каменев, опираясь на завещание Ленина и проявление антисемитизма со стороны Сталина, предложил отстранить Сталина от власти. Хотя на съезде было уже много его людей, но только благодаря защите Зиновьева, авторитет которого в Партии был еще очень большой, предложение Каменева не было принято. Пользуясь поддержкой Зиновьева, Каменева и Бухарина, Сталин сначала изгнал из Партии Троцкого, а затем, с помощью Бухарина, – Зиновьева и Каменева. К XVI съезду, т.е. к 1930 году он становится единоличным руководителем, а его возвеличивание стараниями Кагановича и Молотова превратило его к XVII съезду Партии (1934 г) в жесткого диктатора и икону.

Несмотря на то, что политика коллективизации, вызвавшая голод и разрушение сельскохозяйственного производства, привела к появлению серьезной оппозиции,

которая нашла соответствующее отражение на съезде, никто из делегатов не посмел об этом сказать вслух с трибуны съезда, хотя в кулуарах многие выражали свое недовольство. Прошел также слух о том, что некоторые делегаты собрались тайно на квартире Серго Оржоникидзе и предложили Кирову дать согласие на избрание его Генеральным секретарем ЦК. Киров отказался. Об этом стало известно, конечно, и Сталину, и он вызвал Кирова на ковер. После разговора со Сталиным, который длился около 2,5 ч, Киров казался очень расстроенным. Мне достоверно известно, что в узком кругу он сказал:

- Моя голова лежит на плахе.

- Делегаты съезда фактически забаллотировали Сталина. 292 делегата вычеркнули его. Это оказалось самое большое число вычеркиваний. Эту цифру мне по большому секрету назвал один из членов счетной комиссии, которому я полностью доверяю. Фамилию его не назову, чтобы не подвести его. Все с нетерпением ждали оглашения результатов голосования. Когда мы услышали, что против Сталина проголосовало всего три делегата, то мы поняли, что это подтасовка, но, тем не менее, все делегаты в едином порыве встретили этот результат бурными аплодисментами и выкриками «Да здравствует товарищ Сталин!»

Я на этом прерву рассказ Авеля, чтобы сделать одно очень важное замечание.

Ни Авель, ни Андрей Владимирович, который мне передавал его рассказ, ни, тем более я тогда, не знали ничего о Шатуновской, возглавлявшей комиссию партконтроля, и результатах ее расследования, о котором я расскажу чуть ниже.

Сегодня нам известно, что 10 февраля 1990 года, в год своей смерти, Ольга Шатуновская отправила письмо в газету «Известия», в котором изложила результаты проведенного ею расследования по делу убийства Кирова. В этом письме она, в частности, рассказала, что лично перебрала и пересчитала все бюлетни тайного голосования выборов ЦК на съезде, полученные ею в архиве. В результате она обнаружила, что не хватает 289 бюллетеней. Далее она пишет, что допрашивала, в связи с этим, оставшихся в живых членов счетной комиссии. Один из них, Верховых, рассказал ей: когда обнаружилось, что против Сталина проголосовало много делегатов, решили об этом доложить Кагановичу, который возглавлял счетную комиссию. Каганович, в свою очередь, доложил Сталину. Узнав, что против Кирова проголосовало 3 делегата, Сталин распорядился все бюлетни, кроме трех, в которых его вычеркнули, сжечь. Это письменно подтвердил сам Каганович при допросе Шатуновской. Примечательно также то, что количество пропавших, а, точнее, сожженных бюллетеней минус три в точности совпало с количеством голосов против Сталина, названных Авелем, что убеждает меня в правдивости его рассказа. Но не только это.

-Правда, возникает вопрос, – продолжал Авель, зачем Сталину понадобилось убивать Кирова, который был твердым сталинцем, в оппозициях никогда не участвовал, к большой власти не стремился. На съезде он случайно, против своей воли, оказался вовлеченным в интригу, к которой лично он не имел никакого отношения и уж, конечно, никакой конкуренции Сталину не составлял.

О Сталине говорили и говорят, что он очень подозрительный человек. Я был близок к нему и убежден, что это

не совсем так. Дело в том, что все старые партийцы действительно считают его выскочкой и не любят его. Абсолютное большинство из них на самом деле, убеждено в том, что он с Троцким или даже с Зиновьевым, Каменевым или Бухариным не идет ни в какое сравнение. А тут еще добавилась его действительно неудачная, а, точнее, провальная политика коллективизации. Сама идея замечательная. Это, кстати, доказали кибуцы в Палестине и построенные по их примеру коммуны в Крыму. У нас развивал и отстаивал эту идею Владимир Ильич. Защищал Бухарин. Но Сталин взял на вооружение идею коллективизации не для того, чтобы повысить качество жизни крестьян. Ему нужны были деньги, много денег. И он увидел, что эти деньги ему дадут колхозы, построенные, однако, не как коммуны, не как добровольные объединения зажиточных крестьян, любящих и умеющих работать на земле, а как насильственно созданные сверху артели, фактические приделки государственной машины, которые можно будет обобрать до нитки. А чтобы колхозники не сбежали в город, где можно было бы хоть как-то прокормиться, надо было забрать у них паспорта, закрепить за колхозами. Конечно, зажиточные, работающие крестьяне в такие колхозы не шли. И не надо. Их можно было объявить классовыми врагами, сельской буржуазией, кулаками, подвергнуть экспроприации и сослать к белым медведям. А то, что объединенная в колхозы голытьба не любит и не умеет работать, – не беда. Жизнь заставит. К тому же их много. А количество плюс техника компенсируют качество.

- Они, эти умники, – доказывал мне Сосо, – не понимают, что созданное мною колхозное крестьянство – един-

ственный возможный источник тех денег, которые мы вынуждены платить этим двум жидам-капиталистам (так и сказал, жидам), истинным профессионалам, создавшим всего за несколько лет из дикой России современную промышленную державу с самой сильной армией в мире.

- А зачем нам эта промышленность? – спрашивал я его. Ведь люди лучше жить на стали.

- Вот и ты туда же! Заелись вы, забыли про главную нашу цель, мировую революцию. Да, я первым стал говорить, что социализм можно и должно построить в отдельно взятой стране и оказался прав. Но для чего? Они говорят для того, чтобы разжечь мировой пожар. Посмотри, дескать, нищающий пролетариат капиталистических стран, как мы хорошо живем, и тоже захочет так жить. И он тогда, по нашему примеру, устроит у себя революцию и скинет свою буржуазию. Троцкий и его компания, ссылаясь на Маркса, называют это превентивной революцией. Не понимают они, что это опасная иллюзия. Маркс тоже человек. Его теория о прогрессирующем обнищании пролетариата с развитием капитализма оказалась ошибочной. Капиталисты – не дураки. Они как раз таки у Маркса и на примере нашей революции многому научились. Нищий рабочий класс – это действительно их могильщик. Так зачем своими руками копать себе могилу? Не лучше ли ослабить эксплуатацию, сделать рабочих держателями акций и коллективными собственниками, обогатить рабочий класс, сделать его своим союзником, а не врагом? Поэтому расчет на рост революционного движения в мире – это химера.

-Постой, – Сосо! Если, как ты говоришь, положение рабочего класса с развитием капитализма, улучшается, тогда зачем бороться против него? Устраивать мировую революцию?

- Ты про другие язвы капитализма забыл. Безработицу, кризисы, а главное – про духовное обнищание общества потребления, его морально-нравственное разложение. Наша цель – не социализм, а коммунизм. Его без мировой революции построить невозможно. Как же быть? Если нельзя завоевать мир с помощью революции изнутри, то это можно сделать путем уничтожения капитализма извне. Вот в этом и заключается наша миссия. Для этого мы строим социализм у нас в стране. Для этого нам нужна мощная промышленность, лучшее в мире оружие, лучшие танки, лучшие самолеты, лучшая артиллерия. А люди нас поймут и потерпят, подтянут пояса. Ведь не хлебом единым жив человек!

-Дай этим нашим умникам только волю, они вмиг разрушат все, что я создал с таким трудом. Мне с ними не по пути. Они только болтаются под ногами, спят и видят, чтобы меня скинуть. Неважно, кем сменить. Даже этот мямля, Киров, подойдет, лишь бы меня убрать.

-И я замолкал. Возразить было нечего.

Но, тем не менее, я пытался ему доказать, что гвардия Ленина и Троцкого состоит из таких же, как мы, большевиков, революционеров, беззаветно преданных нашему делу. Не уничтожать их надо, а, наоборот, привлекать, использовать, прислушиваться к ним, ведь они часто дело говорят. А что касается людей, то их не надо восставлять против себя. Оружие это хорошо. Но оружием

управляют люди. Воевать будут люди. Надо, чтобы они захотели воевать.

Но он был непоколебим. Я тогда понял, что Киров обречен и что Сосо одним выстрелом хочет сразу двух зайцев убить. Уберет своего потенциального конкурента, обвинит в этом оппозицию и уничтожит всех, в ком он видит пусть даже не настоящего, а возможного своего противника. Именно тогда я подумал, что он и меня не пожалеет и что надо быть с ним очень осторожным.

- К сожалению, я оказался прав.

- А историю убийства Кирова я знаю достоверно, ее мне успел рассказать человек, который в ней участвовал с начала до конца, и, конечно, сразу же был арестован и расстрелян.

Известно, что Кирова убил в Смольном Леонид Николаев 1 декабря 1934 года, т.е. почти через год после окончания съезда. Сталин умел держать паузу. Официально известно, что Николаев из рабочей семьи с безупречной биографией, комсомольский активист, но неуживчивый и скандальный человек, который за несколько лет 13 раз менял место работы. Он был женат на белокурой красавице, эстонке Мильде Драуле, которая работала в аппарате Обкома Партии, где ее увидел Киров. Известный бабник, который не пропускал ни одной юбки, такой же, как мы все, Киров ее возжелал. Сталин, который все знал про Кирова, решил этим воспользоваться. Ни в каких оппозициях Николаев никогда не состоял, даже никогда в этом не подозревался. Любитель правды и справедливости, он повздорил со своим начальством, тот решил ему отомстить и отправить на работу куда-то на Восток, чуть ли не в Комсомольск. В связи с этим Мильда подала заявление

на увольнение, но ее, как ценного партийного работника, а, скорее всего, по подсказке Кирова, не отпустили. Тогда Николаев заявил, что он отказывается поехать на новое место работы. Его начальник добился в связи с этим его исключения из Партии и уволил с работы. В Партии его вскоре восстановили, но на работу никто его брать не хотел, и он оказался безработным. Они с Мильдой добивались приема у Кирова, но по разным причинам их прием все время откладывался.

Начальником Ленинградского ОГПУ НКВД работал в это время Ф.И.Медведь. После съезда, не советуясь с ним, ему вдруг прислали нового заместителя – Ивана Запорожца. Люди Запорожца через некоторое время вышли на жену Николаева – Мильду Драуле. Ее вызвали в соответствующий кабинет, взяли подписку о неразглашении и спросили:

- Как ты относишься к своему мужу?

- Люблю его.

- А почему он нигде не работает?

- Он все время был на комсомольской и партийной работе. Но за отказ поехать без меня по новому месту назначения его уволили, и он никак не может устроиться. Никуда не принимают.

- Ты хочешь, чтобы отрубили этот хвост с отказом, который мешает ему устроиться?

- Конечно, мы добиваемся уже давно приема у Кирова, чтобы решить этот вопрос, но никак не можем к нему попасть.

- Хорошо, мы поможем тебе попасть к Кирову. Но тебе придется выполнить очень важное и деликатное пар-

тийное поручение. Сергей Миронович сейчас без женщины. Он тебя давно приметил, и ты ему очень понравилась. Одним словом, ты понимаешь, к чему я клоню.

- Понимаю, конечно, – зарделась Милда. Я Сергея Мироновича очень уважаю, но люблю мужа. Я не могу ему изменить.

- Ты меня плохо поняла. Это партийное задание, и ты не имеешь права отказываться.

- Но...

- Ты опять не поняла. Знаешь, что последует за невыполнение партийного поручения? Все просто. Твой Николаев будет арестован. На него уже дело заведено. Одним словом, статья расстрельная. Так что выбирай.

- Нет, прошу вас. Ладно, я на все согласна.

- Вот и умница! Только смотри, ни муж, ни Сергей Миронович ничего не должны знать о нашем разговоре. А как соблазнить мужчину, мне не надо тебе подсказывать.

Так Мильда стала любовницей Кирова. Они регулярно встречались на специально снятой квартире. Ближе к лету, когда Киров решил взять отпуск, Мильда получила путевку в Сочи на время его отпуска. Николаев лично ее провожал. Но на следующей станции ее уже поджидала машина, которая увезла ее на пригородную дачу Кирова.

Через несколько дней Николаева вызвали в ведомство Запорожца.

- Где твоя жена? – спросили у него.

- Проводил ее в отпуск, в Сочи.

- Ошибаешься. Она уехала не в Сочи, а к любовнику!

- Вы что издеваетесь? Сегодня говорил с ней по телефону.

- Раз ты нам не веришь, мы тебе покажем, в каком она Санатории отдыхает.

Ровно к 18-00 машина с Николаевым остановилась почти рядом с подъездом дачи Кирова. Оттуда через несколько минут вышли Сергей Миронович и Мильда, отправляясь по принятому распорядку на прогулку, весело о чем-то болтая. Николаев в экстазе рванулся из машины, но сидевший сзади охранник железной хваткой остановил его. Тогда он выхватил револьвер, с которым никогда не расставался, и выстрелил, прицеливаясь в Кирова, но не попал. А Киров с Мильдой даже не обратили внимания на выстрел и сразу завернули за подъезд. Его задержали, но он сбивчиво объяснил, что прицеливался в Милду. В экстазе мужчину, якобы, не распознал. Ему объяснили, что это был Киров. Он картинно схватился за голову и начал кричать

- Что я наделал?

Следователь сделал вид, что поверил ему, и через некоторое время его выпустили.

На следующий день Ведомство Запорожца его взяло в оборот. Ему объяснили, что следственными органами раскрыт заговор зиновьевцев, который имеет целью убийство тов. Сталина и устройство контрреволюционного переворота в стране. Для этой цели созданы центры в Москве, Ленинграде, других городах. Они тщательно законспирированы. За ними ведется наблюдение, но у следствия нет пока никаких доказательств и арестовывать их невозможно. Но они в любой момент могут приступить к исполнению своего злодейского замысла. Поэтому Партия решила пожертвовать Кировым, и тогда появятся все основания для их ареста. И поскольку он, Николаев, уже

стрелял в Кирова, решение этой почетной задачи решили поручить ему. Тем более он, таким образом, отомстит Кирову за поруганную честь. Почти четыре месяца его уговаривали, обещали сохранить жизнь, требовали, доказывали, что он, как преданный солдат Партии обязан выполнить эту миссию. Он сначала слышать не хотел. У него никогда не подымится рука на товарища Кирова, которого он уважает. Виновата во всем его сучка, но он, выполняя наложенный запрет, вынужден делать вид, что, ни о чем не догадывается, хотя сердце его разрывается, и он ее все равно придушит. Но тов. Кирова, нет, никогда!

Однако он вынужден был согласиться. Ему предложено 2 варианта. Один – у дома Кирова, когда он приезжает домой с работы, и его окружает толпа жалобщиков. Другой – в Смольном, когда Киров проходит в зал на доклад. Там есть маленький коридорчик с поворотом, охранник замешкается и отстанет, и он в это время выстрелит. Правда, стреляет он плохо, но вот пропуск на стадион НКВД Динамо, где он на стрельбище каждый день должен будет тренироваться, чтобы с первого выстрела попасть в цель. Там же ему выдадут патроны.

Первый вариант сорвался, т.к. его заподозрила охрана и задержала. Нашли у него револьвер. Он доказал, что у него есть право на ношение оружия, и его снова отпустили и не устроили за ним слежки, как положено. Поэтому первого декабря он, вооруженный заряженным пистолетом, по партийному билету беспрепятственно прошел в Смольный, занял позицию в коридорчике. Дальше все прошло, как изначально было определено. Охранник у дверей в кабинет Кирова куда-то исчез, а охранник Кирова отстал, и он натренированным глазом прицелился в

голову Кирова. Смерть наступила мгновенно. Николаев сделал вид, что вторым патроном хочет выстрелить в себя, но на него со всех сторон налетели откуда-то появившиеся в коридорчике охранники, скрутили, увезли, но не в тюрьму, а в психбольницу, где его целый день накачивали психотропными препаратами, ссылаясь на то, что, якобы, после выстрела, с ним началась истерика. Очень сомнительно, чтобы человек, спокойно поджидавший свою жертву и хладнокровно прицельно выстреливший в него, вдруг впал в истерику и стал невменяемым. Скорее всего, он стал говорить то, что не положено, и это назвали бредом психопата, закрыв ему рот в психбольнице. Другой непосредственный свидетель выстрела, охранник Кирова, тоже, видимо, стал говорить не то, что надо, и на другой день, когда его повезли на допрос, неожиданно погиб в дорожной катастрофе. Причем, из всех людей, находившихся в машине (а это была почему-то грузовая машина), только он погиб, остальные даже не были ранены. Наконец, 29 декабря, непосредственно перед расстрелом, Николаев крикнул:

- «Обманули!»

Следует также принять во внимание следующие факты.

Сразу же после убийства Кирова, еще до начала следствия, Сталин уверенно заявил, что виновниками убийства являются члены Зиновьевской оппозиции. Когда Генрих Ягода выразил сомнение, намекая на связь Николаева с иностранными посольствами, Сталин заявил ему, что он получит по «башке» за такое предположение. Выживший бывший чекист также заявил, что именно Сталин, сразу

после убийства, ему сказал «Ищите убийц среди Зиновьевцев». Далее известно, что лично Сталин сформировал Ленинградский Центр. Сталин также лично редактировал материалы следствия и обвинительного заключения членов сфабрикованного им Ленинградского террористического Центра из 14 человек, а Приговор суда об их расстреле был напечатан в Москве еще до начала суда над ними в Ленинграде. Уже через 16 дней были арестованы Зиновьев и Каменев, которые были обвинены в том, что они, по заданию Троцкого, организовали убийство Кирова. Через 2 года они были расстреляны

Этому рассказу Андрея Владимировича можно было бы верить или не верить, если не одно очень важное обстоятельство. Все приведенные в нем данные полностью совпадают с данными расследования комиссии партконтроля Ольги Шатуновской, о которых мы узнали только сейчас. В процессе расследования она допросила всех выживших свидетелей этого дела. Конечно, ни Медведя, ни Запрожца она уже не могла допросить, так как они были расстреляны еще в 1937 году. Однако сразу же после окончания следствия, приговора суда и расстрела Николаева Медведь до своего ареста, который лично вел следствие по этому делу и был одним из самых информированных людей по нему, успел рассказать о нем своему другу Сорокину. Сорокин, допрошенный Шатуновской, в письменном виде подтвердил следующие слова Медведя «... идейным вдохновителем убийства Кирова был Сталин, а исполнителями – Ягода и Запрожец».

Расследования Шатуновской подтвердили, что сразу же после убийства Кирова Сталин лично сфабриковал состав придуманного им Ленинградского Центра, используя

для этой цели картотеку ОГПУ НКВД Ленинграда, в которую были занесены лица, подозреваемые в оппозиционных настроениях. В личном архиве Сталина Шатуновская обнаружила документ, в котором рукой Сталина лист бумаги был разделен на 2 части. Левая часть была озаглавлена «Московский террористический Центр». Правая часть – «Ленинградский террористический Центр». Фамилии записывались Сталиным, зачеркивались, переносились из одной части в другую, сверялись с картотекой, пока список правой части из 14 человек не приобрел вид, представленный суду, как, якобы, раскрытый ОГПУ НКВД Ленинграда террористический Центр задолго до убийства Кирова.

Случайно оставшийся в живых охранник камеры, в которой сидел Николаев, некто Гусев, показал на комиссии Шатуновской, что Николаев непрерывно кричал с просьбой передать на волю:

- Меня 4 месяца ломали сотрудники НКВД, доказывали, что надо во имя дела Партии стрелять в Кирова. Они обещали сохранить мне жизнь. Обманули. Бросили меня за решетку.

О том, что Николаев, услышав приговор, крикнул «Обманули», также установлено Шатуновской в процессе расследования.

Шатуновская установила, что все, за исключением случайно оставшихся в живых 1-2 человек, были расстреляны. От Ягоды, руководителей ОГПУ, следователей, прокуроров и членов прокуратуры, председателя суда Ульяриха и его членов, вплоть до близких (Мильды) и далеких членов семьи Николаева, охранников, уборщиц и пр.

Даже во время начавшегося вслед за этим массового террора таких тотальных расстрелов лиц, приближенных к «врагам» народа, никогда не было.

Результаты расследования Ольга Шатуновская доложила лично Н.С. Хрущеву. Он хотел их опубликовать, но члены Политбюро высказались против этого. Было принято решение опубликовать их через 15 лет. Материалы расследования в 64 папках были сданы в архив.

Однако после снятия Хрущева из них были изъяты все материалы, которые дискредитировали Сталина. Во время перестройки Шатуновская лично перепроверила эти папки и убедилась в этом. 13 июля 1989 года в письме А.Н.Яковлеву она перечислила все изъятые документы. В настоящее время Российские историки игнорируют факты, установленные Шатуновской, которая в этом письме и упомянутом выше письме в газету «Известия» в 1990 году утверждала, что у нее, как и всей комиссии партконтроля, на основании бесспорных фактов, установленных в процессе расследования, сформировалось твердое убеждение, что Киров был убит по указанию Сталина. Практически полное совпадение результатов расследования комиссии партконтроля и вышеприведенного рассказа можно рассматривать как несомненное доказательство указанной версии.

Меня выписали из больницы раньше Андрея Владимировича. Он попросил меня через неделю зайти к нему домой, чтобы отдать мне все документы по этому делу и другим делам.

- Я понимаю, – сказал он, – что сегодня их публиковать нельзя. Но дайте мне слово, что, когда такая возможность появится, вы их обязательно опубликуете.

- Можете не сомневаться, но я смогу к вам прийти только через месяц, т.к. послезавтра уезжаю в отпуск.

На этом мы расстались. Увы, навсегда. Через две недели я получил от жены известие, что он умер. Умирая, он просил ее прийти, чтобы передать ей документы. Но когда она пришла, его уже в живых не было. Его жена ей сказала, что она против этой затеи, и все его документы сожгла. Они, таким образом, остались только в моей памяти.

Сегодня, когда я сравнил его рассказ с результатами расследования комиссии Шатуновской, и убедился в их идентичности, я, наконец, получил возможность выполнить волю покойного Андрея Владимировича.

Молодым человеком, в 33 года, только что вступившим в жизнь, он попал под жернова сталинской машины. Она его не раздавила, как миллионы других, только потому, что он каким-то чудом выдержал изощренные нечеловеческие пытки тюремных палачей предварительного следствия и звериный лагерный режим, по сравнению с которым каторга или ад нацистских концлагерей смерти могли бы показаться курортом.

Сейчас появились многие политизированные историки-сталинисты, которые так или иначе пытаются оправдать кровавый террор сталинского бандитского режима.

Абсурдность этой попытки входит в противоречие даже с официальными данными, которые озвучили бывший руководитель КГБ Крючков и члены сталинского политбюро. Речь в данном случае идет о терроре, инициатором которого был лично Сталин и имел целью закрепить его диктаторскую власть, т.е. о терроре, начатом Сталиным в конце двадцатых годов и длившийся вплоть до его смерти (1953 года).

Вот некоторые цифры. За указанное время репрессии подверглось 4 089 306 человек, из них было расстреляно 0,8 млн, причем по расстрельным спискам, подписанным лично Сталиным, 45893 человека. За время коллективизации было раскулачено и отправлено на спецпоселение от 3,5 до 4,0 млн человек. Что называлось спецпоселение? Никаких поселений для кулаков, переселенных в Сибирь, построено не было. Их выгружали прямо в снежном поле, где свирепствовали сибирские морозы до минус 40-50⁰ С и предлагали благоустраиваться. В этих условиях погибло больше 50% спецпереселенцев, больше всего детей. Если добавить сюда число людей, погибших от голода, вызванного коллективизацией, то число уничтоженных людей за рассматриваемый период достигает около 3,0 млн. По тем же официальным данным в ГУЛАГЕ от непосильного режима погибло 25%, т.е. еще 1 млн. Итого – 4 млн погибших. Для сравнения укажем, что за все годы первой мировой войны погибло в России (при общем населении 175 млн) 2,3 млн военных и 1,0 млн гражданских лиц. Только по этим данным, подчеркну сугубо официальным, можно судить о масштабах кровавой бойни, учиненной Сталиным.

Еще один факт, тоже из официальной статистики. Смертность в нацистских концлагерях смерти (имеется в виду смертность от непосильного труда и болезней) тоже, как в ГУЛАГЕ составляла 25%.

Но не только масштабы репрессий роднили Гитлера и Сталина. Говорят, что концлагеря смерти Гитлера и ГУЛАГ Сталина, дескать, нельзя сравнивать. Гитлер создал лагеря смерти для массового уничтожения коммунистов, т.е. борцов за счастье человеческое, военнопленных и безвинных

евреев. Сталин же направлял туда, якобы, врагов народа. Причем, из гитлеровских концлагерей людей никогда не выпускали, а из ГУЛАГА, по отбытии срока заключенных освобождали. (Это, кстати, была уловка. Человека выпускали, а через некоторое время снова арестовывали).

Да, Гитлер создал лагеря для тотального уничтожения евреев и своего антисемитизма никогда не скрывал, а, наоборот, во всеуслышание объявлял, что евреи нелюди, и подлежат уничтожению. Сталин же в своих речах антисемитизм не только осуждал, но называл его каннибализмом. Однако, его антисемитизм отличался от антисемитизма Гитлера только тем, что он использовал мозги и организаторские способности евреев в полной мере, а затем их уничтожал, Он планировал, как и Гитлер, их тотальное физическое уничтожение. Однако Всевышний и смерть тирана сорвали его планы. Что касается врагов народа, то они были выдуманы. Все аресты и расстрелы были сфабрикованы лично Сталиным и его сатрапами, которые выполняли его волю. Гитлер при всей его звериной сущности заботился о благосостоянии Германии. Он уничтожил безработицу и поднял благосостояние народа до высочайшего уровня. Сталину было глубоко наплевать на материальное благополучие населения. Голод и нищета народа – главные результаты его деятельности. Гитлер заботился о развитии науки и искусства, Сталин же уничтожал науку и искусство, лучших представителей творческой интеллигенции и генофонд страны, а тех, кого оставил в живых, заставлял работать под дулами пулеметов и кучи охранников в созданных им для этой цели шарашках. Назову лишь некоторые имена, уничтоженных Сталиным или превратившим их жизнь в ад. Все их знают, но я просто напомним.

1.Матвей Бронштейн – гениальный физик теоретик, талантливый писатель –расстрелян в 32 года.

2.Николай Вавилов –гениальный биолог-генетик. Уничтожен в ГУЛАГЕ.

3.Расстреляны или репрессированы талантливые генетики – Георгий Карниченко, биолог Кольцов, учитель Вавилова.

4.Лев Шубников – талантливый физик, ученик Л.Ландау, который сам чудом был вырван из застенков ГУЛАГА благодаря заступничеству Н.Бора, – расстрелян.

5.Чудом из ГУЛАГА, благодаря заступничеству П.Капицы был вытащен гениальный физик Фок, зато сам П.Капица попал в опалу и ждал своей очереди

6.Георгий Пангемак – изобретатель Катюши, расстрелян.

7.Королев был в расстрельном списке Сталина, умер в Гулаге, где его еле-еле разыскали, когда понадобился.

8.А.Туполев, его заместители, все конструкторское бюро (в основном евреи) – еле нашли в ГУЛАГЕ, возглавлял шарашку сначала в Омске, затем в Москве.

9.Глушков, один из заместителей Королева.

10.Авиаконструктор Лавочкин и все его заместители, в основном евреи. Когда понадобились, вытащили из ГУЛАГ а и отправили в шарашку.

11.В связи с полным разрушением по личным приказам Сталина авиационной промышленности нарком авиации Михаил Каганович, родной брат Лазаря, окончил жизнь самоубийством.

12.Иосиф Раппопорт, Ник. Лихачев - расстреляны

13. Еврейские писатели и деятели культуры по делам антифашистского комитета – расстреляны.

14. Писатели и поэты, артисты, режиссеры:

- Ник. Гумилев и Осип Мандельштам;
- Всеволод Мейерхольд и Ольга Бергольц;
- Ал-р Введенский, Георгий Жженев и Зоя Федорова;
- Авербах Леопольд, Шаламов, Солженицын;
- Айвазов, И. Бродский; Б. Пастернак, Н. Сац, Исаак Бабель, Кузнецов;

- Великий Михоэлс и Зускин;

- Вал. Переверзев, Мих. Хейфец, Некрасов, Давлатов, Зощенко, Аксенов и миллионы других.

Все репрессированы или убиты.

На очереди стояли физики-атомщики.

14. По делам антифашистского комитета, космополитизма, Сланского, делу врачей, Ленинградскому делу, делу Вознесенского и др. были репрессированы сотни тысяч людей, большинство евреев.

5.9. Кооператив.

Я был невыездными в течение всей своей трудовой деятельности. Меня даже в Болгарию не пустили, когда наградили Грамотой Верховного Совета ЧАССР (это считалось эквивалентом ордена) и премировали бесплатной путевкой на «Золотые пески». Я был допущен к сверхсекретной работе, несмотря на то, что куча моих родственников жила за границей (в Израиле и США). Еще в середине тридцатых годов в Палестину уехали мои двоюродные сестры и двоюродный брат. В 1939г в Эрец Исраэль нелегально перебрался мой старший брат с семьей. В 1970 г. в Израиль репатриировался средний брат. Вслед за ним

уехала сестра. В конце семидесятых в США переехали двоюродные сестры и брат. В 1980 г. репатриировался в Израиль еще один брат с семьей. Таким образом, из всей нашей семьи в Союзе я остался один. В своих анкетах я, рискуя, конечно, писал, что у меня нет родственников за границей, но я не думаю, что всезнающие органы не знали правду. Просто, видимо, закрывали глаза.

В 1987 году я сумел в конце-концов освободиться от своего допуска. Это оказалось достаточно просто. В очередной анкете я написал, что два брата и сестра живут в Израиле. Через 2,5 недели меня вызвали в первый отдел и сообщили, что мой секретный допуск аннулирован. Несмотря на это, я неофициально продолжал еще в течение трех лет работать в той же системе. Я теперь не мог, конечно, заходить на территорию ЦННИАГ и других секретных предприятий, поэтому я туда приезжал, звонил, и коллеги выходили ко мне. Когда они приезжали на завод, то все вопросы решали, в первую очередь, со мной.

Но так долго продолжаться не могло. Как начальник КБ, а затем – главный конструктор я уже давно сочетал работу по специзделия с основным производством завода, а сейчас оно постепенно вышло на первый план. Однако эмальпроизводство меня не очень привлекало, и я заскучал. Поэтому, когда в процессе перестройки стали появляться первые кооперативы, я стал подумывать о том, чтобы попробовать свои силы в бизнесе.

На заводе к этому времени произошли большие изменения. Куклев, Галкин, Эма Андреевна, а также Лилия Петровна ушли на пенсию. Вслед за ними ушли с завода по разным причинам почти все руководители отделов и цехов, с которыми я проработал больше 20 лет. Я тоже

стремительно приближался к пенсионному возрасту. Ушел на пенсию Семен Мартемьянович Фартышев. Мой отдел главного конструктора почти полностью обновился. Около половины ИТР завода, в т.ч. новый гл. инженер, руководитель военного представительства – это были мои ученики. Седьмой цех также возглавил мой ученик, Степанов. В Мар-Посаде был введен в строй Филиал завода, и многие, в т.ч. Петя Кузнецов, переехали туда.

Теперь самым близким человеком на заводе стал для меня Олег Карев, с которым мы с Фартышевым дружили семьями. Мы с ним, по договоренности с новым директором завода Кириловым, решили организовать производственный кооператив на территории завода. Кооператив, который я возглавил в 1990 году, был самостоятельным предприятием. Мы платили заводу за аренду помещения и отчисляли ему часть прибыли за помощь, которую он нам оказывал, – выполнял наши заказы, не бесплатно, конечно, по изготовлению деталей выпускаемых нами электронных приборов.

Наши изделия не имели, никакого отношения к кабельному производству. В них использовалось большое число полупроводниковых приборов, которые мы покупали на аппаратном заводе, там же мы заказывали изготовление печатных плат. Многие другие комплектующие изделия приходилось также покупать на стороне. В частности, при разработке одного из выпускаемых нами изделий, я заложил использование в нем микроминиатюрного прибора завода ЧЗЭИП моей разработки в качестве индикатора. Поехал заключать договор. Так, после своего увольнения с 1965 года, я впервые снова попал на завод, с которого начиналась моя карьера в Чебоксарах, и не

куда-нибудь, а в свою бывшую лабораторию. Оказалось, что ею командовала теперь уже знакомая нам Тамара Со-рокина.

Рабочих и ИТР мы набирали на заводе Чувашкабель. У нас зарплаты были хорошие, выше, чем на заводе, и к нам люди переходили с большим удовольствием. Наши изделия пользовались спросом, и в течение нескольких месяцев мы создали большое перспективное производство. Но с самого начала допустили несколько серьезных ошибок. Наше предприятие зарабатывало большие деньги. Вместо того, чтобы их вложить в торговлю дефицитными товарами, как это делали другие кооперативы, или закупать на эти деньги ваучеры и становиться собственниками новых производственных подразделений, мы их использовали на расширение нашего производства, не ведая, конечно, как себя поведет в ближайшее время рынок наших изделий. А он с течением времени, особенно после дефолта, быстро сузился. Кроме того, мы, не задумываясь о последствиях, стали повышать зарплаты наших рабочих. А последствия тут же проявились. Так как к нам стали перебегать работники завода, среди которых зрело недовольство низкими зарплатами, Кирилов запаниковал и выселил нас с завода.

Мы постепенно стали прозревать и начали вкладывать деньги в новые производства, но уже было поздно. Кроме того, мы взялись за неподъемное для нас дело. Решили построить многоэтажный коллективный гараж. Но без опыта и специалистов-строителей быстро сникли. Одним словом, я оказался плохим бизнесменом и дал себе зарок – никогда в жизни бизнесом больше не заниматься.

Серьезные изменения произошли и в моей личной жизни.

Марина, как я уже рассказывал, настойчиво пыталась поступить в вуз. Она дважды поступала на историко-литературный факультет университета, один раз у нас, другой раз – в Казани. Оба раза все экзамены сдавала на отлично, но оба раза не прошла по конкурсу. То же произошло и в третий раз, при поступлении в Гнесинку. Но тут, к несчастью, встретила парня и выскочила замуж. В результате я в 45 лет стал молодым дедушкой двух очаровательных внушек, а она осталась при всех своих способностях домохозяйкой. Жизнь у нее не сложилась. С мужем разошлась, профессию не приобрела. Внушек, по существу, я вырастил. Помогла также Майя, которая тоже рано вышла замуж и подарила мне третью внучку.

Отрицательный опыт Марины нас насторожил. Поэтому Майю, после девятого класса, больше по требованию жены, оторвали от школы и устроили в медучилище, чтобы в любом случае у нее была профессия. Я, правда, рассчитывал, что после медучилища она поступит в медицинский институт. Такая возможность была. Она, во-первых, хорошо училась, а, во - вторых, я же работал в университете. Ей, правда, после медучилища, надо было досдать пару экзаменов. Она не очень хотела, а я не настоял. Это было полностью мое упущение.

Вика окончила десятилетку, но пошла по пути Майи. Окончила медучилище, но в институт категорически отказалась поступать.

Я, как об этом рассказывал выше, влюбился в свою будущую жену, Иру, с первого взгляда. Но, когда я с ней сошелся, я о женитьбе даже не думал. Этому, кроме всего прочего, способствовали два обстоятельства. Во-первых, как я уже писал, я был родом из религиозной семьи, и был

воспитан в духе неприятия смешанных браков. Мама даже не допускала такой мысли, и я понимал, что причинил бы своей женитьбой на русской девушке большое горе. Во-вторых, Ира сначала скрыла от меня, что уже была замужем, и у нее годовалая дочурка, Марина, живет у бабушки в деревне. Я это даже и подозревать не мог, т.к. она была моложе меня почти на 5 лет и выглядела девчонкой.

У нее молодость сложилась неудачно. У них в роду детей не очень любили. Это передавалось генетически по наследству, из поколения в поколение. Ее бабушка, например, в свое время, после смерти первого мужа, вышла вторично замуж за мальчика, который был в 2 раза моложе ее, а детей бросила на произвол судьбы. То же повторилось позже и в семье Иры.

Поэтому она в 16 лет, окончив семилетку, покинула семью, переехала в другой город, поступила на курсы китайского языка и преподавала китайцам русский язык. Она была хороша собой, в нее влюбился местный ловелас, закрутил девчонке голову и в конце-концов женился на ней. Так на свет появилась Марина.

В 1953 г. по призыву Хрущева многие бывшие Россияне, бежавшие во время гражданской войны в Харбин, в том числе и ее семья, поехали на Родину, т.е. в Советский Союз, поднимать целину. Ее родители, и она сама с мужем, попали в деревню Красноярку Курганской области. Здесь Ира со своим мужем разошлась и поехала в Омск, чтобы завершить свое среднее образование и затем поступить учиться на медицинский факультет, о чем она всю

жизнь мечтала. Она устроилась на работу в больницу нянечкой и поступила в вечернюю школу, где мы и встретились.

Только через год нашей совместной жизни мы поженились. Как я и предполагал, я этим нанес маме большую травму. Ира ей нравилась, и она даже полюбила ее, но со мной она не разговаривала 18 лет.

Первые 30 лет нашей жизни прошли в большой любви, были счастливыми, хотя нелегкими. Вместе переносили невзгоды и радости.

Часто задают риторический вопрос. Что такое любовь? Для меня, и это мне кажется аксиомой, когда любимый тобою человек становится вторым, а, может быть, даже первым, я. Если у него болит, то у тебя болит еще сильнее. Если ему плохо, то плохо и тебе. Если ему хорошо, то хорошо и тебе. Это когда два в одном, одно целое. Остальное – страсть, секс – это как нечто само собою разумеющееся, приложение.

Беда нашего поколения заключается в том, что мы не получили сексуального воспитания, вернее получили его в искаженном виде, на улице, и просто многого не знали. Это сыграло не последнюю роль в нашем разводе. Мое либидо оказалось несколько выше. Я обижался, обвинял ее, хотя, винить надо было и себя. Все легко можно было исправить, но мы этого не знали. Это губило нашу любовь. Вместо нее все чаще приходило отчуждение, равнодушие и озлобление.

Мы с ней также конфликтовали из-за детей. Марина для меня сначала была чужим ребенком, хотя, поженившись, я ее официально удочерил. Но с течением времени,

особенно после появления своих детей, чувство отчужденности исчезло. Проблема, однако, заключалась в том, что она была очень тяжелым ребенком, особенно подростком. У нее всегда были хорошие оценки по всем предметам, но по поведению ей ежегодно выводили жирную тройку. Именно эта тройка испортила ее аттестат зрелости, снизила среднюю оценку аттестата, которая учитывалась при сдаче экзаменов в институт. Я уже писал, что она трижды поступала – два раза в университеты, один раз в Гнесинку. Приемные экзамены сдавала на отлично, но из-за оценки в аттестате (по крайней мере, формально) не проходила по конкурсу. В школе ее непрерывно склоняли на всех родительских собраниях. Мало, что она сама баловалась и все время нарушала распорядок. Ее обвиняли еще в том, что она отрицательно влияет на других детей, вовлекая их в свои проделки. О некоторых ее домашних проделках я уже писал. Ира все время меня упрекала в том, что я ее мало наказываю.

- Ты же отец и должен заставить ее слушаться нас.

Я действительно, за редкими исключениями, воздерживался от физических наказаний. Больше старался воспитывать детей убеждением. Но, когда, я ее иногда наказывал, она меня, наоборот, упрекала в том, что своих детей я меньше наказываю, а Марину больше. Это были несправедливые упреки и приводили к частым ссорам. Тем более, что, с моей точки зрения, все было наоборот.

Марину она любила болезненной любовью. Она ее настолько сильно любила, что у нее уже не хватило любви для наших совместных детей. Как это ни странно звучит, но их она не очень любила. Дети это чувствовали настолько, что, когда мы с ней разошлись, и Марина с

Майей были уже замужем, Вика осталась со мной, а не с матерью. Да и Марининых детей, наших внучек, воспитывал я, а не она.

Она, наконец, оказалась плохой хозяйкой. Сколько бы денег я ни приносил (а я хорошо зарабатывал), она их тут же, за день-два спускала. Ссоры с взаимными оскорблениями все чаще заменяли нам общение. В конце-концов на тридцатом году нашей совместной жизни мы разошлись, и я об этом не жалею.

Через несколько лет я сошелся с прекрасной женщиной. Ее, как и мою маму, зовут Симой. С Симой я был знаком почти с первых же месяцев работы на заводе Чуваш-кабель. Она работала технологом пятого цеха под руководством одного из наиболее грамотных начальников цехов Личутина В.Е., освоившим производство микрокабеля и элементов ПТУРС-ов. Затем, в течение некоторого времени, работала в ОГК, в т.ч. под моим руководством, и в седьмом цехе под руководством Фартышева. Ее муж, Саша, также работал на нашем заводе военпредом. Мы были в прекрасных отношениях. Однако Саша тяжело заболел и умер, а через несколько лет я разошелся с Ирой.

У нас на заводе был зимний профилакторий. Это было романтическое место. Большой лес, внутри которого располагались корпуса. Каждый день, после работы, автобус нас отвозил туда. После ужина мы становились на лыжи, катались часов до одиннадцати, а утром, после завтрака, автобус отвозил нас обратно на завод. Однажды мы с Симой вместе на лыжах ушли глубоко в лес. Был замечательный вечер. Лыжня светилась волшебным лунным светом, нас окружало огромное звездное небо и затихшие усыпанные мелким снегом деревья бескрайнего леса. Все

располагало к романтике и любви. В какой-то момент мы слились в долгим поцелуе, который стал началом наших отношений. Дети, как с ее стороны, так и с моей стороны, что редко бывает, встретили наши отношения одобрительно, а в середине девяностых годов мы поженились.

У нее один сын, Женя, его жена Светочка. Два внука, Саша и Паша, оба женаты. Саша окончил с хорошими оценками Чувашский университет по специальности кабельная техника. Я ему, конечно, помогал. Но он не стал инженером, а занялся бизнесом. Возглавляет малое предприятие. Ведет дело очень грамотно. Его бизнес пережил немало потрясений российской экономики, но не только выжил, но продолжает стабильно функционировать. Правнуки Симы – старшая Сима, Сашина дочурка, учится в Казанском университете. Я ей, разумеется, тоже помогал, но теперь она уже в моей помощи не нуждается. Младшие – школьница Викочка (Пашина девочка), Илюша (в будущем году пойдет в первый класс) и самый маленький – Сереженька, Пашин сыночек. Они все живут в Чебоксарах. Сима приехала со мной в Израиль, который ей очень понравился. Сейчас, в связи с известными событиями и поздним возрастом, вернулись в Россию.

5.10. В гостях у Высоцкого.

Буквально через несколько лет после того, как меня лишили допуска, т.е. в начале 90-х годов, еще до развала Союза, подули уже свежие ветры перестройки и мне решили поехать в гости, подумать только, в Израиль, к брату.

Я быстро собрался, запасся достаточным количеством долларов и полетел. Поскольку у нас в это время

полки еще были пустыми, я решил на несколько дней сделать остановку в Москве, чтобы закупить для всех подарки. По дороге в Москву меня все время волновал вопрос, сумею ли устроиться в гостинице. Хотя у меня в этой части был огромный опыт, ведь я больше половины своей жизни в Союзе провел в командировках, и у меня были наработанные связи, конечно не бескорыстные, во многих московских гостиницах, но это всегда было проблемой №1.

Прибыв на Казанский вокзал, я был приятно удивлен и не поверил своим глазам. Там всюду были расклеены броские приглашения гостей в разные гостиницы. Это была какая-то фантастика. Все они обещали гостям сервис по высшему классу, соревновались между собой по ценам, подробно объясняли, как к ним проехать и пр. Невольно подумал, вот она рыночная экономика!

Я выбрал гостиницу в юго-западном районе, благо туда было проще добраться. Это оказался большой жилой дом, трехкомнатные квартиры которого были переделаны в уютные номера. Вы могли снять всю квартиру на любой срок, или одну комнату со всеми удобствами. Меня разместили в большой комнате на двоих, а в комнате рядом жили какие-то студенты.

Получив ключи, я отправился за покупками. Вернулся где-то часов в 10 вечера. Помылся. Включил телевизор. Но как раз в тот момент, когда я, сладко позевывая, собрался отойти ко сну, раздался стук в дверь.

- Кого еще черт принес, – зло подумал я, и полусонным голосом крикнул:

- Да-да, заходите!

Входит мужчина средних лет приятной наружности.

- Это 502 комната?

- Да, 502.

- Значит, я ваш напарник. Меня к вам подселили. Будем знакомиться. Меня звать Сергей, Сережа Сидоров, я из Новокузнецка, потомственный шахтер. Еду в Сочи отдыхать. Но по традиции остановился в Москве на несколько дней. Я, знаете ли, фанат Владимира Высоцкого. В начале мая, ежегодно, мы собираемся у его могилы на Ваганьковском кладбище, возлагаем цветы. Читаем его и свои стихи, слушаем выступления его знаменитых друзей. Так мы отмечаем начало его работы в театре на Таганке у Юрия Любимова.

Я также кратко представился, сказал, что тоже остановился на несколько дней в Москве, но лечу в Израиль, к брату в гости.

- О, Израиль! Как я вам завидую. Давно мечтаю посмотреть собственными глазами на это маленькое чудо, которое вы, евреи, создали.

- А что же мешает вам поменять еще пока холодную воду Черного моря на средиземноморскую благодать? В мае там как раз бархатный сезон!

- Сам не знаю! Боюсь, ребята засмеют. Что, мол, к сионистам в гости подался? Советская власть сумела - таки мозги всем засорить!

- А что это мы с вами разговоры разговариваем, – сказал он вдруг, поменяв тон и открывая свой чемодан. А не пора ли нам выпить рюмочку другую за знакомство? Чувствую в вас родную душу. Есть у меня такая способность. Людей с первого взгляда узнаю.

Я хотел возразить, что, дескать, целый день по магазинам мотался, устал до чертиков, мечтаю отоспаться. Но

не успел я и рот открыть, как в одно мгновение его чемодан опустел, стол засверкал всякими деликатесами, а в его центре засветилась армяночка, ну та самая, что с тремя звездочками.

Увидев, что мой взгляд остановился на звездочках, он заулыбался.

- Не удивляйтесь, я коньячок армянский всегда выбираю, как девушку, чтобы был молодым и игристым. Пять звездочек или KB, конечно, покрепче будут, но у них нет этого пьянящего аромата. Чувствуете? Бутылку еще не открыли, а уже влекущий запах по всей комнате разлился. Кто же может устоять перед ним?

- Да вы поэт, оказывается!

- Не скажите! Колоть уголек в забое это все равно, что стихи писать. Та же поэзия!

- Не сомневайтесь! – показал он глазами на бутылочку. Уговорим. Она не ломака, как другие барышни, благожелательная девушка! Прочитал я недавно рассказик. После атомной бомбардировки город опустел. Остались в живых 15 мужиков и одна женщина. Решили поселиться вместе. Мужики сразу стали к бою готовиться. Каждый из них стремился женщину завоевать.

А женщина умницей оказалась. Всех помирила. Каждую ночь с другим спала, по очереди. Сама выбирала, но никого не обидела. Вот что значит умная и благожелательная женщина! Так что нас ждет с вами чудесная ночь.

- У вас, на завтра, кстати, какие планы?

- Особых нет. Так просто, люблю по Москве побродить.

- Все! Идете со мною, в гости к Володе. Вы когда-нибудь были на Ваганьковском? Нет! Какие там люди! Что ваши парки?

Так, слово за слово, уговорили мы бутылочку. Когда допивали последние капли, уже светало. И несколько не опьянели. Свежие, как огурчики. Решили, часов до 10 подремать.

- До 12 как раз доберемся. Разделись, легли. В это время в соседней комнате послышался шум, приглушенный девичий смех.

-А вы зря не сдали свои вещи в камеру хранения, – кивнул Сергей на мои чемоданы. Что там в той комнате за жильцы, мы ведь не знаем, да вот уже с утра, а, скорее, с вечера к ним девки шляются.

-Ну, вы сгустили краски! Гостиница ведь, – сказал я

- Хм, гостиница! Во всех московских гостиницах нынче воров да проституток навалом.

Он еще что-то говорил, но меня уже сон сморил. Очнулся от того, что кто-то меня тряс.

-Вставайте, пора! Пойдем пораньше, пройдемся по кладбищу. Вам еще вещи в камеру хранения надо сдать.

Я не большой любитель по кладбищам ходить. Впрочем, кладбище кладбищу рознь. Вспоминаю, например, армянское кладбище в Кишиневе. Это не просто парк, а парк, заполненный старинными памятниками, красивыми склепами. Мы даже часто туда ходили на свидание с девушками. Но ему, конечно, до Ваганьковского кладбища далеко. Мой напарник меня не обманул.

Есенин, Саврасов, Олег Даль, Людмила Пахомова, Стрельцов и даже Бобрищев-Пушкин! Всех не перечислишь. А какие памятники!

Ровно в 12 ч, купив по дороге красивые букеты цветов, мы подошли к могиле Владимира Высоцкого. Там уже собралось огромное количество людей. Мой Сережа со всеми раскланивался, здоровался за руку. Вобщем он был здесь свой человек. Все его знали, и он всех знал. Он мне называл их имена. Сплошь – знаменитости. Я думал, что сейчас ораторы будут выступать. Но нет. Никакой торжественности. Все как-то само собой происходило. Выходили известные актеры, барды, читали стихи, пели. Вдруг смотрю, и мой Сережа вышел, очень проникновенные стихи прочитал.

- Да вы и в самом деле поэт, – прошептал я ему. Вам не в забое стоять!

- Ну, что вы! Я забой очень люблю, на московскую жизнь никогда не променяю. И какой же я поэт! Просто любитель.

Время прошло незаметно. Когда мы вышли из кладбища, было уже около трех.

- Я тут неплохую забегаловку знаю. Зайдем. Перекусим.

Забегаловка оказалась роскошным кафе. И здесь он был своим человеком! Его приветливо встретили, расспрашивали, столик нам в комфортном месте предложили. Я ведь тоже был завсегдатаем московских забегаловок, но такого уютного кафе ни разу не встречал, да и вкусно кормили. Когда я вытащил кошелек, чтобы расплатиться, он тут же запротестовал.

- Спрячьте! Я вас сюда затащил, вы мой гость. К тому же вы не к себе домой едете. Там, в Израиле, вам каждая копейка пригодится.

- Но мне неудобно. Вы ведь тоже не Рокфеллер. Уж наверняка без курортного романа не обойдется, хорошо знаю, во сколько это обходится.

- Вы за меня не беспокойтесь. Что - что, но нам, шахтерам, хорошо платят. На все хватает.

Мы немного побродили по Москве, и до дому добрались уже вечером. Меня Сергей поторапливал. В 19 часов какой-то хороший фильм по телеку начинался, уж не помню названия. Мы не опоздали. Но к большому нашему разочарованию наш телевизор забарахлил: ни звука, ни изображения. Смотрю, мой Сережа очень расстроился. Вдруг оживился:

- Совсем упустил из виду. Пойдем к ребятам в соседнюю комнату. Сейчас с ними договорюсь.

- Все, пошли!

Когда после фильма программа «Время» началась, он обратился к ребятам.

- Мы «Время» досмотрим? Вы не против?

Где-то минут за 10 до окончания программы, он вдруг вскочил, хлопнул себя по лбу.

- Ой, совсем забыл. Вы досмотрите, потом расскажете. Я мигом.

Однако он где-то, видимо, задержался.

Я поблагодарил ребят. Пошел в нашу комнату, решил собраться, ведь завтра рано утром улетать!

Думаю, спущусь, подыму вещи с камеры хранения, чтобы завтра утром этим не заниматься. На всякий случай пиджак, в боковом кармане которого лежал кошелек с деньгами, документами одел. Правильно Сергей говорит. Мало ли. Пришел, нет кладовщика на месте. Думаю, надо

администратора предупредить, что я завтра утром выезжаю.

- Подошел к администратору. Говорю:

- Я с 502 номера. Завтра рано выезжаю, но мой напарник остается, вы у себя пометьте.

- Сейчас, минутку. Она порылась в картотеке, нашла 502 комнату. Прейгерман Лев Моисеевич?

- Да, это я.

- Сейчас отмечу. Так. Да, о каком напарнике вы говорите? Мы к вам никого не подселяли.

- Как? Вы ошибаетесь. Может по ошибке в другой номер его записали? Вот его данные.

Все его данные у меня были. Мы еще днем обменялись информацией и договорились, что будем переписываться. Я их прямо с его паспорта списал. Он меня заставил не только его адрес записать, но и номер паспорта.

Она очень внимательно все проверила.

-Нет, такой человек в нашу гостиницу не поселялся.

-Это какое-то недоразумение. Он вот-вот должен подойти, и сам разберется.

Но он почему-то не появлялся. И у меня вдруг зародилось смутное подозрение.

- Да нет, не может быть! Неужели? А не приснилось ли мне вся эта история?

Я инстинктивно выхватил из кармана кошелек. Открыл. Доллары на месте. Советские деньги на месте. Документы, паспорт – все на месте. Подошел кладовщик. Вещи мне выдал.

-Ну, конечно. Как я такое мог подумать, – поругал я себя. Сейчас Сережа зайдет, и все прояснится. Но время шло и шло. Люди входили и выходили. А его все не было.

Как же так, недоумевал я. Ведь чудес не бывает.

Я машинально снова вытащил кошелек, и также машинально пересчитал доллары. У меня сумма была не маленькая. К своему ужасу я обнаружил, что не хватает ровно половины. Пересчитал советские деньги. Тот же результат. Не знаю почему, но я стал громко смеяться. Все посмотрели на меня, как на сумасшедшего. Сквозь смех я лишь сумел сказать.

Он вор! Он меня обокрал! Как окрутил!

Так почему же вы смеетесь?

Как же мне не смеяться? Такого благородного вора я встречаю впервые в жизни. Он меня обокрал, но взял в поделнички, и по-справедливому поделился со мной. Понимаете? Выделил мне по-дружески ровно 50% из украденных у меня денег. Все заулыбались.

-Вот так история! Я спрашиваю у вас, вы когда-нибудь слышали такое? Какой талант! И ведь чего добился! Он меня обокрал. Но я не только не расстроился, а даже обрадовался. Я себе даже не представляю, что бы я делал, если бы этот благородный вор не поделился со мною своей добычей. Хотите, верьте, хотите – нет, но я до сих пор вспоминаю этого гениального вора с восхищением и благодарностью.

ЭПИЛОГ

ПТИЦА ФЕНИКС

В Израиле в гостях.

Долетел до Израиля без приключений. В порту им. Бен Гурона меня встречал брат, Срулик (Саша). Мы с ним не виделись ровно 25 лет. И, естественно, не переписывались. Вернее, в свои письма к Иосифу в Ригу он прикладывал письмо и мне, а Иосиф мне его пересылал. Я в ответ поступал так же. Но вскоре и Иосиф и Сарика сами переехали в Израиль, и наша переписка оборвалась. Правда, был еще телефон, но одна минута телефонного разговора стоила тогда безумные деньги, и поэтому мы телефоном пользовались очень редко. Так что у нас было о чем поговорить по дороге с аэропорта до Кармиеля, где он жил.

Первые несколько дней я отдыхал, жил попеременно: то у Саши, в Кармиеле, то в Акко у Иосифа, то у Светочки, дочери Саши и моей племянницы, то у своих многочисленных однокурсников.

Справа налево. Саша, Светочка с младшим из трех богатырей (своих сыновей), Саймоном, Беба, жена Саши.
1993 год

Не хватало нам только нашей дорогой Сарики. Замечательный человек, лучшая среди нас, она рано отцвела и ушла из жизни совсем молодой, в 64 года.

Она не была красавицей, но очень симпатичной и привлекательной девушкой, пленила всех ребят нашей Романовки. Ее, уже с 13 лет, окружала толпа поклонников, которые были значительно старше нее. Она вскружила всем голову, хотя никому из них предпочтения не отдавала. Война ее застала совсем юной, 18 летней девушкой, не по летам серьезной и деятельной. Вместе с отцом она

организовала выезд нашей общины. Места на нашей подводе ей не хватило, и она пересела на подводу своих сослуживцев, и уже в первый месяц нас потеряла.

Не растерялась, сумела сохранить себя от многочисленных сексуальных домогательств и занять достойное место в жизни. Несмотря на свою молодость, она отказалась от личной жизни, и взвалила на свои хрупкие плечи заботу о всей нашей семье, став для меня второй матерью и повторив в какой-то степени судьбу мамы. Любимый парень ее предал. Она, заботясь о благополучии семьи, вышла замуж сразу после войны не по любви, а по расчету, за замечательного человека, Арона Фаерштейна, который страстно влюбился в нее, хотя он, закоренелый холостяк, был старше нее на 15 лет. Она всю жизнь была беспредельно ему предана. Не изменяла, любовников не заводила, хотя по-прежнему не была лишена мужского внимания. К несчастью у Арона и Сарики не было своих детей. Наши дети, две Майечки, моя и Иосифа, стали их любовью и отрадой. Мою доченьку они воспитывали до 8 лет. Вынужденное расставание с ней, напому, стало для него настоящей трагедией и причиной его преждевременного (в 69 лет) ухода из жизни. Через 2 года после расставания с Маечкой и пережитого стресса он слег с инфарктом. Не спасли.

Узнав об этом, один из бывших, некогда безнадежно влюбленного в Сарикку романовских ухажеров, Шмилек Прокупец, у которого жена тоже умерла, примчался в Колумью и стал настойчиво свататься за Сарру.

К этому времени тяжело заболела мама. Она была очень деятельной и подвижной старушкой. В свои 84 года

она вела все хозяйство по дому, делала все закупки на базаре, готовила, убирала, мыла посуду, всех кормила и даже потихоньку стирала (тогда еще стиральных машин не было). Сарра не давала ей только полы мыть. Но у нее появилась катаракта, и она стала слепнуть. По тем временам удаление катаракты было очень тяжелой операцией. Надо было после ее удаления лежать на спине 18 дней. Т. к. она кашляла, то семейный врач признал у нее хроническую пневмонию и считал, что она не выдержит эту операцию. В результате она ослепла и стала неподвижной. Это привело к застою в почках, недостаточностью которых она и до этого страдала. Но спасала ее подвижность. Поэтому последние годы, особенно после смерти Арона, она была очень плоха. Но говорила, что она не может умереть, пока Сарра не устроит свою жизнь.

Через 2 года после смерти Арона Сарика уступила притязаниям Шмилека и вышла за него замуж, а буквально через месяц после этого мама умерла.

Выйдя замуж за Шмилека, Сарра допустила серьезную ошибку. Шмилек оказался настоящим пройдохой. Не знаю, насколько сохранилась его старая любовь, но он, человек очень жадный, женился, главным образом, позарившись, на достояние Сарики, которое было немалым.

В 1980 году они репатриировались в Израиль. Жили в Хадере, в хостеле, жили плохо, что, после тяжелой операции, ускорило смерть Сарики. Он при этом ухитрился переписать ее завещание, уговорив нашего наивного Сашу, отказаться, не посоветовавшись с нами, от его и нашей доли наследства. Смерть Сарики не очень расстроила Шмилека. По свидетельству соседей хостеля, которые Сарику очень любили, он уже через 3 месяца после ее

смерти, обзавелся новой женщиной. Жизнь его, правда, наказала. Он умер чрез 12 лет после Сарики в страшных муках, а все его награбленное у своих женщин богатство испарилось, т.к. вряд ли потребовалось живущим в Израиле в достатке его детям.

После торжественных встреч и застолий, сначала у Саши, потом у Светочки, его дочери, а также у Иосифа, началось мое знакомство с Израилем. Должен признаться, что я сначала воспринял Израиль, как чужую страну. Тогда еще русского телевизионного канала не было. Большая репатриация только начиналась, русская речь на улицах еще не звучала, иврит мне казался чужим языком. Люди – туземцами.

Но ситуация резко изменилась, когда в первые дни моего пребывания на Святой Земле, состоялась моя туристическая поездка в Иерусалим. Каждый израильтянин знает смотровую площадку, с которой начинается знакомство туристов с городом. Оказавшись на этой площадке, я вдруг почувствовал, что лежавший передо мной старый город, храмовая гора, масляная гора, новый Иерусалим, весь Израиль – все это всегда было моим. В этом городе, на этой Земле я родился. Вместе с еврейским народом, жил во времена Авраама и Моисея, вместе с Маккавеями боролся против греческих оккупантов и влияния эллинизма, погибал на Массаде, боролся с Римским диктатом в иудейской войне, во время восстания Бар-Кохбы, вместе со своим народом перенес тяготы двухтысячелетнего галута и ужасы Холокоста. Я как-то интуитивно понял, что сегодня я просто вернулся к себе домой, что дальнейшая моя судьба неразрывно связана с моей страной и что нет таких сил в Природе, которые могли бы этому помешать.

Я принял именно здесь окончательное решение переехать сюда навсегда.

Я прожил в гостях в Израиле целый месяц.

Наиболее удивительными в Израиле мне показались несколько вещей. Первое, что меня поразило – это идеальная блестящая чистота общественных туалетов. Я обратил на это внимание не случайно. Помню, когда я еще работал на ЧЗЭИП, частыми гостями завода были руководители Волго-Вятского Совнархоза. Один из них, еврей, не помню его фамилии, никогда заранее не предупреждал о своем приезде, проходил на завод и шел не к директору завода, а в туалет, чистоту которого он, образно говоря, рассматривал как эквивалент уровня организаторской работы администрации. Если он признавал туалет относительно чистым, он далее шел к директору. В противном случае, он уходил с завода, и вызывал директора к себе, на ковер.

Второе, что изумляло – это изобилие товаров в магазинах. Я, в частности, в качестве чисто русского сувенира привез всем по паре баночек черной икры, которую я купил в одном из лучших московских гастрономов. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что все израильские магазины торгуют черной икрой, в т.ч. на развес. Но это еще не все. Иосиф, который большую часть своей жизни проработал главным бухгалтером дорресторанов Одесско- Кишиневской железной дороги и в черной икре, конечно, знал толк, попробав мою сувенирную икру, сказал, что она не настоящая, а искусственная.

Не могли меня не удивить полупустые автобусы Израиля по сравнению с нашими, набитыми пассажирами,

как сельдями в бочке. Впервые в Израиле я увидел мобильные телефоны, о которых в Союзе мы еще тогда даже не слышали. Изумляло обилие компьютеров, которые у нас только что появились и были большой редкостью. Привлекала приветливость израильтян и многое другое.

Среди негативных впечатлений я бы назвал поразившая меня чуть ли не всеобщая враждебность светского Израиля к религиозным евреям, которых я привык рассматривать в качестве носителей еврейства, обилие противников соблюдения еврейских традиций.

В Израиле к этому времени проживало большое число моих сокурсников и разочаровывало то, что только двое из них, математиков, сумели устроиться в университетах, и работали по специальности.

Запомнились наши с Сашей посещение родной могилки Сарики в Хадере, ее хостеля и визит к нашей двоюродной сестре, дочери маминого брата из Калараша. Нас встретила аккуратная с очень добрым лицом и улыбчивыми глазами старушка. Меня сразу поразило ее удивительное сходство с мамой, не только внешнее, но всем ее обликом, голосом, разговором, привычками. В детстве я ее не знал. Слышал только, что в начале тридцатых, она, 16 летняя девочка, пламенная сионистка, вместе со своим женихом уехала в Эрец Исраэль. Говорили мы с ней на идиш. Жила она в большом трехэтажном коттедже с большим садом. Муж умер. Дети обзавелись семьями и разъехались по разным городам Израиля.

- Вы наверно удивлены, в каких хоробах я живу. Это сейчас. Что вы знаете? Перед вами богатая, сильная цветущая страна, которую мы построили. Работали по 48 ча-

сов в сутки. Жили в палатках, впроголодь. Комары, болезни, террор. Смерть шла все время за нами по пятам. Ничего, выжили. Сейчас нам есть, чем гордиться.

Мы собирались навестить других наших родственников, сабров, но времени не хватило.

Вернувшись домой, я продолжил свою работу в кооперативе, который преобразовал в малое предприятие, и Чувашском университете. Я, кроме того, возглавил еврейскую общину Чувашии.

Я с молодежной группой еврейской общины

Я вернулся домой.

Я репатриировался в Израиль 8 августа 2000 года. До этого, год назад, умер Саша в расцвете лет. Ему было всего 73 года. Шесть лет до этого, когда я был в гостях в Израиле, он прекрасно себя чувствовал, хорошо выглядел. Мы с

ним много времени проводили вместе. Я очень любил слушать его игру на пианино. У него был острый музыкальный слух, который он унаследовал у отца. Музыкального образования у него, к сожалению, не было. Нот не знал. Самоучка. Замечательно играл на гитаре, красиво пел. Также самостоятельно научился играть на пианино. Без нот, по памяти, исполнял классические произведения Чайковского, Листа, Моцарта, Рахманинова, вальсы Штрауса и др. Если бы он учился музыке, то мог многого достичь.

Перед выездом мы договорились с Иосифом, что первое время я буду жить у него. Поэтому, прилетев в Израиль, я сразу из аэропорта, позвонил ему. Ответила мне женщина, помощница по дому.

- Можно Иосифа?

- Его нет. Он ушел.

- Когда он придет?

- Вы не поняли. Он уже не придет. Он навсегда ушел.

Это меня ударило как обухом по голове. Оказалось, что он неожиданно умер, буквально перед моим приездом, а я об этом не знал. Так из всей нашей большой семьи я остался один. Поселился я у племянницы, Яночки. Прожил у нее 3 месяца, а потом переехал в Хайфу. Принял решение: ограничиться общественной работой. Иврит алеф в ульпане мне давался легко. К концу занятий я уже знал огромное число слов, неплохо владел грамматикой, но, к своему удивлению, ни составлять фразы для разговора, ни понимать, что мне говорили, не мог. Поступил на курсы иврит бет. Воспринимал все хорошо, был одним из лучших учеников, но к разговорной речи не приблизился, ни на один миллиметр.

В Ульпане мы все подружились. Этому содействовала Инна, очень дружелюбная и контактная женщина из Украины. Вместе проводили семейные и государственные праздники, ездили на экскурсии, в качестве добровольцев помогали в армии обороны Израиля (ЦАХАЛ) и работали на армейской базе, расположенной на выезде из Хайфы. В течение 12 лет, пока мы жили в Хайфе, еженедельно, по средам, нас собирал армейский автобус, и мы на целый день уезжали на базу.

Наша группа. Первый ряд (слева направо). Дора и Борис, второй ряд Инна (руководитель группы), Элла, Лариса (жена Валерия), Людмила (жена Рувима), Рувим, Женя. Третий ряд – я, Слава, Валерий. Здесь не все. Нет Марка Брука и Марка большого с женой, нет Жениного мужа и брата, нет Симы, Беллы.

16 сентября у меня и у Володи Шейнфельда был день рождения. У него – юбилей, а мне исполнялось 69. Мои однокурсники, жившие в Израиле, решили эти 3 события

– мой приезд, юбилей Володи и день моего рождения – совместить и отметить у Вовы дома. К нам через скайп подсоединились также – Сема Стримблинг из Кишинева, Саша Лапушнер из Германии и Мусик Лехтман из Австралии

Слева направо. Первый ряд (стоят). Изя маленький с математического отделения, Миша – брат Евы Коган с женой. За ними Роза Фельдман, жена Иззи большого. Далее – я, Фима Ясский, Вова Фаерман, Изя большой (с математического отделения), Шена, Володя Шейнфельд. Вторым ряд (сидят) Надя Шейнфельд (жена Володи), Валя Лившин, Оля Ясская, Ева Коган. За ней незнакомая мне женщина, видимо, родственница Евы. Почему-то на фото отсутствуют Алик Маркус с Ритой.

Ровно через год, день в день я отпраздновал свой семидесятилетний юбилей. На фото мы за праздничным столом. Ко мне в гости приехали Володя с Наденькой Шейнфельд и Фима с Олечкой Ясские

Справа налево. Сима, моя жена, Фима и Олечка Яские,
я, Наденька и Володя Шейнфельд.

Увы, нет уже давно с нами Володи Шейнфельда, ушли из жизни Оля и Фима Яские, Ева Коган, Роза Фельдман, Саша Лапушнер, Сема Стримблинг.

Приехав в Израиль, я плотно занялся наукой, которая в течение моей производственной и инженерной карьеры оставалась для меня моим хобби. Тогда ведь интернета, чудо телефонов, с помощью которых каждый человек в любой момент времени может сегодня узнать о проблемах, последних достижениях науки, не было. В газетах и журналах (кроме узко специализированных) о науке не писали. Искусство, спорт, политика, социальные вопросы – это были главные темы общения между образованными людьми. Я был активным членом общества «Знание», читал много лекций по различной тематике, которая от науки была также далека, как Небо от Земли. Ходить по библиотекам и читальным залам, или писать научные статьи некогда было. Если появлялось какое-то свободное

время, то я его проводил в кругу семьи или ближайших друзей. Оставалась одна возможность – размышления в самолетах, поездах, в течение бессонных ночей.

Среди первых знакомых в Хайфе оказался ученый, Александр Бахмутский, активный член Хайфского Дома ученых. Он напечатал в Вестнике Дома ученых мою первую научную статью, привлек меня к работе Дома ученых, и я стал его членом и активным лектором. В 2001 году меня избрали гл редактором литературно-публицистического журнала «Приехали» (с 2005 года «Хайфский ветеран»). В первом номере журнала я опубликовал свою также первую в Израиле статью «Зачем академику швабра». Всего до моего переезда из Хайфы в Ришон ле-Цион выпустил 40 номеров журнала. Одновременно в 2001 году вошел в группу учредителей Израильской Независимой Академии развития науки, которую возглавил ученый с мировым именем Арон Наумович Мень. В 2003 г. академия получила официальный статус амуты, в 2005 году стала членом Союза ученых-репатриантов. В 2004 году я был избран вице-президентом академии, членом ученого Совета и Президиума академии. С 2009 г., после ухода из жизни А. Меня, меня избирали сначала исполняющим обязанности, а с 2012 года Президентом академии. В конце 2021 года, когда мне исполнилось 90 лет, я по возрасту ушел в отставку.

В 2004 г. издал на русском языке свою первую монографию в Израиле «Вселенная и Разум», в которой выдвинул ряд инновационных гипотез, в т.ч.:

- о природе идей;
- о механизме мыслительной деятельности;

- о двуполярной Вселенной; согласно этой гипотезе в полном соответствии с принципом дополнительности и суперпозиции квантовой теории в основе Вселенной в неразрывном единстве находятся два сугубо противоположных начала – Материя и Разум; материя – это единство непрерывно изменяющихся, а потому ощущаемых нами вещества и поля, – строительного материала Вселенной; Разум – одухотворяющее Вселенную единство неоощуцаемой совокупности идей и творчества, творящее начало которого упорядочивает строительство, функционирование и эволюцию материальной Вселенной в направлении ее целенаправленного развития.

- о глобальном разуме;

- о жизненном цикле Вселенной.

- по-новому определил естественные события, ввел понятия интеллектуальных и альтернативных событий, условных и истинно случайных событий.

В последующих своих монографиях «За пределами реальности», «Наука и религия», «Неизвестная Вселенная» выдвинул идеи о программной эволюции жизни и Вселенной в целом, надуманности и нереализуемости принципа естественного отбора Дарвина. Программа эволюции жизни согласно этой гипотезе сконцентрирована в некодирующих участках ДНК живых клеток и реализуется с помощью встраиваемых в ДНК половой хромосомы вирусных, изменяющих хромосомный набор генома, и ряда других механизмов. Программа эволюции Вселенной реализуется с помощью комбинаторики базовых элементарных частиц, двух разновидностей кварков и двух лептонов.

Там же мною высказаны идеи о возможности распространения теоремы Пуанкаре-Перльмана на Вселенную. Это, в частности, предполагает симметризацию процессов материальной совокупности по аналогии с геометризацией трехмерных многообразий в топологии. Из этой гипотезы также следует локализация материальной совокупности на трехмерной сфере четырехмерного пространства-времени, его конечность, неограниченность и всеобщность, возможность рассмотрения развивающегося времени в качестве радиуса четырехмерной расширяющейся Вселенной, а космологической сингулярности в качестве виртуальности, к которой понятие точечности неприменимо.

Попробовал себя в литературе. Написал Сборник рассказов. Стал членом Союза русскоязычных писателей Израиля.

Кроме того, разработал ряд проектов. Среди них:

- совместный с А. Менем проект «Снижение токсичности технологии эмалирования обмоточных проводов с тонкостенной изоляцией»;

- дедуктивная методика преподавания физики в высшей и средней; совместно с док. М.Брук разработал и опубликовал «Курс современной физики» (ф.А4, 1120 стр.), рекомендованный РАН и Академией им. «Маймонида» в качестве учебного пособия для студентов высшей школы, аспирантов и преподавателей физики средней и высшей школы. Курс выдержал 3 издания. В 2016 г издан московским научным издательством «Ленанд» тиражом 600 экз. Сейчас переводится на английский язык.

- в соавторстве – проект солнечной фотоэлектрической электростанции (ФЭС) мощностью 500 МВт и выше;

- в соавторстве – проект опреснительного комплекса на 150 млн м³ воды в год с автономным питанием фотоэлектрической энергией ФЭС мощностью 300 МВт и наземной накопительной гидроаккумуляторной станцией мощностью 50 МВт;

- проект экологически чистого умного города с автономным электроснабжением его районов постоянным током ФЭС, расположенными в центрах районов города, коаксиально с жилыми комплексами; линиями электропередач выполненными в виде микросетей постоянного тока в форме радиальных кабельных линий на основе силового кабеля с алюминиевыми жилами и полиэтиленовой изоляцией.

В 2014 г. переехал в гор. Ришон ле-Цион. Здесь я учредил и возглавил Дом ученых и специалистов. Вместе с руководителем клуба ветеранов Иосифом Зельдисом организовал выпуск литературно-публицистического журнала молдавского землячества «Дороги».

Являюсь:

- членом Правления Форума ученых-репатриантов Израиля;

- членом Правления Хазит-Акавод;

- членом Правления Клуба ветеранов Ришон-ле Циона;

- руководителем и ведущим еженедельного ЗУМ-семинара Академии «Мысли о Природе», на котором прочитано на данный момент около 150 научных докладов записанных в ю-тубе; мною прочитано около 40 научных докладов на своем и других семинарах.

- главным редактором рецензируемого периодического научного журнала академии «Ученые записки»;

- главным редактором двух академических сайтов;
- автором около 150 научных работ.

Моя творческая работа удостоивалась неоднократных наград и премий. Это не ордена, если не считать грамоту Верховного Совета Чувашской Республики, которая приравнивается к ордену. Я, во-первых, был номинирован на Государственную премию СССР, и решение о награждении нашей группы было принято. Однако, как раз в это время, СССР развалился. Так как в нашу группу входили граждане из трех союзных Республик, теперь уже трех разных государств, это решение потерялось, и нам награду не вручили. Тем не менее, как автор изобретения, связанного с представлением нашей группы на Государственную премию, я успел получить в восьмидесятих годах самую большую в СССР премию за изобретение (двадцать тысяч рублей), которую я разделил между всеми членами нашей группы. Я также награжден Почетной грамотой общества Знание Израиля, Золотой медалью Израильской Независимой Академии развития науки № 1. Самой высокой наградой стало для меня дерево, которое по представлению Правления форума ученых-репатриантов Израиля, инициированного руководителем Форума профессором Леонидом Диневиным, посажено в мою честь в роще ученых-репатриантов Израиля.

Открытие рощи ученых-репатриантов Израиля

Иногда болею. В 2012 году перенес операцию на открытом сердце по шунтированию трех сосудов; был оперирован в Хайфской больнице «Рамбам», перенес ковид.

У меня три дочери-красавицы, причем две из них уже на пенсии; три внучки – израильтянки и три правнука, старший из них проходит службу в ЦАХАЛе, на очень опасном участке в Самарии, младшему – 6 лет, первоклассник.

В течение 12 лет мы жили в Хайфе напротив Бахайского храма, в начале арабского района, который служит продолжением верхнего Адара, в арабском доме. Вернее, этот десятиэтажный дом с четырьмя подъездами был построен в семидесятых годах специально для репатриантов из Польши. На первом этаже была большая синагога. Она и сейчас принадлежит еврейской общине. Поскольку дом оказался в арабском районе, все его квартиры постепенно

выкупили арабы-христиане. Мы жили на восьмом этаже. Наши окна, с одной стороны выходили на бахайские сады, а, с другой стороны, на улицу Бен-Гурион (по старинке она называлась германит, поскольку до войны ее построили и заселили немецкие колонисты). Это одна из немногих прямых улиц Хайфы. Она оканчивается у моря, которое хорошо было видно из окон нашей бывшей квартиры. Кстати, этот дом часто появляется в заставках телевидения, связанных с Хайфой, а район считается вторым центром Адара. Недалеко от него расположен ульпан, в котором я учился. Район очень красивый и удобный. Жители дома – арабская интеллигенция – врачи, учителя, инженеры. Многие из них учились в Советском Союзе и прекрасно владеют русским языком. Напротив этого дома расположена большая католическая средняя школа

В 2012 году мы переехали в Ришон Ле-Цион. Здесь мы жили около старой таханы мерказит (автобусной станции) и мэрии города. Рядом с нашим домом расположен большой парк.

Ниже – наше с Симой фото на центральной аллее этого парка.

Сейчас мы живем в Холоне, в домике с садиком, наслаждаемся Природой.

Я пришел в этот мир при керосиновой лампе и надеюсь дожить до искусственного Разума, оставив некоторый след после себя. Воспитан в еврейском духе, не раз находился рядом со смертью, прожил большую нелегкую, но счастливую жизнь, в которой нашла свое отражение тяжелая, но интересная судьба еврейского народа, в бессмертии которого я верю всей душой.

Наше поколение, которое пережило дикость краснокоричневой чумы, перенесло ужасы одной из самых жестоких в мире войн, голод, жару и холод, страшный холокост, тем не менее – самое счастливое поколение, т.к. в конце-концов получило возможность вернуться домой и жить в своей стране. Мы приехали сюда навсегда. Пройдут годы и столетия, будущие поколения, к которым перейдет и частица нашего поколения, возможно, о нас забудут. Это неважно. Будут ли они счастливее нас? Хочется в это верить. Еврейский народ на протяжении его истории много раз пытались уничтожить. Пролиты реки еврейской крови. Но он всегда, как птица Феникс, вновь восставал из пепла. Две тысячи лет тому назад наши враги изгнали нас из нашей Родины, лишили Земли, которой мы владели 1500 лет и рассеяли по всему свету. Сегодня мы вернулись в свой дом, обустроили его, теперь уже навсегда. Еврейский народ больше никогда не позволит отнять у него самое дорогое, самую большую драгоценность, свою вечную Родину, Эрец Исраэль.

«Приехали!..»

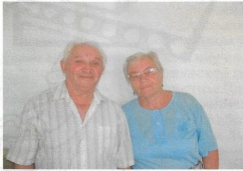
Этапы большого пути

1941 год

1950 год

Сердечно поздравляем
дорогого юбиляра!

Юбилейный выпуск 16 сентября 2006 года

1. В первом ряду сверху в центре вверху – мама.
2. во втором ряду слева и справа – я.
3. В нижнем ряду слева – мы с Симой, моей женой, а справа – Сима со своим сыном, Женей, и его женой, Светочкой

Дорогого папу, дедушку и прадедушку поздравляем,
обнимаем и целуем!

Марина

Майя

Вика

Лена

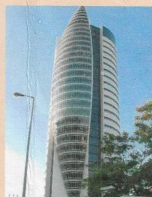
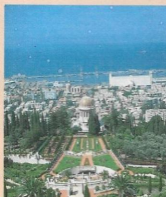
Мила

Алла

Миша

В первом ряду – мои дочурки; во втором ряду – внучки, а
в третьем ряду маленький Миша (см. ниже).

Слева направо. Мои правнуки – Давид, первоклассник,
Миша –солдат ЦАХАЛ, Денис -школьник

Новый 2022 год. В верхнем ряду справа налево. Богдан, хавер Лены, Вика с собачкой, Пепсом, я, девушка Миши. Во втором ряду – Давид, Лена, Игорь – муж Вики, сын Мишиной девушки, Миша с собачкой Бони. У нас в садике

Семья моей жены Сими. Справа налево. Ряд первый.
Саша и Паша. Ряд второй. Женя, Светочка, Моя Сима с
Серезжкой, Оксана (жена Саши), Симочка, Ирина (жена
Паши) с Викочкой.
Впереди всех – Илюшка на велосипеде.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе.....	3

ЧАСТЬ 1

ОТ НУЛЯ ДО 10	6

1.1. Романовка.....	6

1.2. Детство.....	19

ЧАСТЬ 2

А Н Г Е Л	28

2.1. Дорога.....	29

2.3. Погромщики.....	41

2.4. Роковые минуты.....	53

2.5. Беженцы.....	62

2.6. Голод.....	67

2.7. Ангел.....	72

2.8. Детдом.....	76

2.9. Насильники.....	84

2.10. Прощай, детдом.....	87

2.11. Ташкент, Ташкент.....	92

2.12. Фантастика.....	96

2.13. Обвал.....	102

2.14. Явление.....	110

2.15. Кумир.....	113

2.16. Закончилось детство.....	119

ЧАСТЬ 3

МОЙ УНИВЕРСИТЕТ	126

3.1. Железнодорожная школа № 8.....	126

3.2. Миша Бурштейн.....	134

3.3. Граф Гамазов.....	141

3.4. Первые знакомства.....	145

3.5. Орлы.	149
3.6. Наши занятия.	154
3.7. Экзамены.	163
3.8. Про это...	169
3.9. ВЭИ.	179
3.10. Дипломный проект.	185
3.11. Конец учебе.	188
ЧАСТЬ 4	
Первые шаги.	200
4.1. Маркауцы.	200
4.2. Жребий брошен.	208
4.3. Как я стал инженером.	216
4.4. Квартирный вопрос.	235
ЧАСТЬ 5	
ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.	265
5.1. Чебоксары.	265
5.2. Заводские будни.	270
5.3. И опять с нуля.	298
5.4. Новый поворот.	307
5.5. Завод Чувашкабель.	331
5.6. Проекты.	348
5.7. Сорок лет в Чебоксарах.	355
5.8. Андрей Владимирович.	374
5.9. Кооператив.	405
5.10. В гостях у Высоцкого.	414
ЭПИЛОГ.	423
ПТИЦА ФЕНИКС.	423
В Израиле в гостях.	423
Я вернулся домой.	430
Содержание.	449